

СЛЕД В ИСТОРИИ

Деникин

Единая
и неделимая

Серия
«След в истории»

С. Кисин

**ДЕНИКИН.
ЕДИНАЯ
И
НЕДЕЛИМАЯ**

Издание 2-е, стереотипное

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2012

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)612.8
КТК 031
К44

Кисин С.

К44 Деникин. Единая и неделимая / С. Кисин. — Изд. 2, стер.
— Ростов-н/Д : Феникс, 2012. — 413 с. — (След в истории).

ISBN 978-5-222-19531-4

В хроникальной биографии генерала Антона Деникина автор представляет не только военный и жизненный путь одного из виднейших деятелей Белого дела в России, но и особый взгляд на события русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, Февральской и Октябрьской революций. В ней приводится совершенно новая оценка деятельности главных действующих лиц Белого движения — генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Краснова, Врангеля, адмирала Колчака и др. А также виднейших деятелей эпохи — Керенского, Брусилова, Милюкова, Николая II, Распутина, Куропаткина, Савинкова, Троцкого, Ленина, Будённого, Сталина и пр. Книга основана на документах, мемуарах, личной переписке, рапортах, приказах, статистических отчётах того времени.

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-222-19531-4

© Кисин С., 2011
© Оформление: ООО «Феникс», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Последний миноносец	5
Нижний чин	11
Господа юнкера	17
Бог войны	23
В эту ночь решили самураи	32
Железные стрелки	39
Скрежет металла	47
Путь к развалу	56
Без царя в голове	63
Ставка больше, чем жизнь	68
Война до победного конца	81
«Музыка будущей военной реакции»	88
Пожарские без Мининых	97
Твердые руки и глиняные ноги	105
«Мы попали в цепкие лапы советов»	124
Белое дело	131
Грабли Керенского	137
На Дон к Каледину	142
Колыбель Белой гвардии	149
Крестовый поход детей	157
Бег на месте	168

«От болтовни погибла Россия»	179
«Светлая точка среди охватившей Россию тьмы»	189
Замкнутый круг	200
Лед и пламень	212
Конец и начало	227
Казачья нагайка	233
Германский сапог	246
Кубанский транзит	259
Дороги побед	273
Сердечное согласие	283
Рулевой обоза	304
Казачья лава	317
Угольная пыль	324
Разомкнутые клещи	334
Московская директива	342
Треск по швам	358
Белая Армия, черный барон	369
Большой бег	381
Тришкин кафтан	390
Одиночество в сети	405

ДЕНИКИН.

ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ

ПОСЛЕДНИЙ МИНОНОСЕЦ

Хмурое утро 14 марта (все даты в книге приводятся по принятому в Белой России юлианскому календарю. — прим. автора) 1920 года стегануло Новороссийск резким порывистым ветром с моря. Промозглым, с мокрецей. Боялись, что затянет сокрушительная бора, которая дует здесь с ноября до конца марта, и парализует работу всех 40 причалов порта. Но засвистел не коварный норд-ост из-за Маркотхского горного кряжа, а устойчивый зюйд-вест из Анатолии, где уже всюду бушевала весна. Из-за густо присыпанного цементным мергелем перевала же ожидали не ветра — настоящего урагана, смахнувшего в море гордость Белой России Добровольческую армию. Из-за хребта в город неуверенно и робко втягивались части красной 16-й Симбирской имени Василия Киквидзе стрелковой дивизии полтавского сельского учителя Самуила Медведовского. Красные боялись засады и отчаянного сопротивления белых напоследок. Палили из винтарей просто по пустым окнам домов и по бродячим кобелям на вымерших улицах. Разгоняли собственный страх. «Зеленые» даже не решались перемахнуть кряж — разоружали и добивали разрозненные остатки уже не сопротивлявшихся белогвардейцев на горных тропах.

Но еще накануне кое-как державшие фронт 1-я, 6-я и 8-я дивизии Добрармии уже думали не о сопротивлении, а только о том, как бы унести ноги. Арьергард почти не надеялся успеть на пароходы для эвакуации — хотя бы просто оторваться от

наседавших красных и «зеленых» и уйти на Геленджик и Туапсе, а там в Грузию. Последний бронепоезд «Атаман Самсонов» был загнан в тупик, его экипаж, всхлипывая, старательно выводил из строя орудия и пулеметы. Три огромных английских танка, сердито урча, сползли по наклонной отмели в море. Танкисты загоняли их на максимальную глубину, пока зеленая волна не загасила свечи в двигателях.

Бесновались сбившиеся в табуны брошенные донцами и кубанцами тысячи лошадей. Разрешалось брать с собой на суда только седла, мест не хватало даже для двуногих овшивевших тифозных животных. Сердобольные казаки, рыдая, здесь же пристреливали лошадей и спешили на пароходы, не в силах смотреть на агонию своих верных четвероногих однополчан. Кто-то, жалея коней, стрелялся сам, корчась в предсмертных судорогах в цементной пыли. Казаков сажали на суда по остаточному принципу — в первую очередь грузили «цветные» офицерские полки, которые не собирались складывать оружие и в Крыму. Кубанцев, фактически бросивших фронт, всех без исключения зачислили в «самостийники» и попросту безжалостно сбрасывали с борта в море. Генерал-лейтенант Сергей Улагай едва добился выделения для них парохода «Россия».

Донцов, не разбираясь, тоже посчитали «предателями» и отгоняли прикладами от судов. «Самостийник, мать твою, воевать не хотел, пшел вон! Щас красные одарят тебя свободной Кубанью».

Командующий Донской армией генерал-лейтенант Владимир Сидорин еле выбил несколько пароходов для казаков, на которые сумели втиснуть лишь крохотную часть от почти тысячного потока станичников, их жен и детей, уже познавших счастье большевистского «рассказачивания». Английские миноносцы смогли взять на борт еще немного с условием — никакого оружия (суда ведь королевского флота) и минимум личных вещей, никаких гражданских лиц, только военных. Англичане придирчиво вглядывались в лица, выискивая тифозных и безжалостно отсекая откровенно больных и просто подозрительных.

Штаб армии и атамана Африкана Богаевского едва разместили на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий». Пристани «Стандарт», «Эстакадная» (оба яруса), РОПИТ были наглухо закупорены осатаневшими донцами. Только что они

потеряли Дон, теперь понимали, что теряют надежду. Сил не оставалось даже на причитания, только на отчаяние.

Калмыков не взяли вообще. Они обнимали верблюдов, жались друг к другу семьями и воем выли, не понимая, как теперь жить, если всегда была степь, а теперь кругом одна вода и смерть. Верблюды им очевидно сочувствовали, но взирали на происходящее из-за длиннющих ресниц по-восточному индифферентно.

В порту за колючей проволокой с ума сходила оставленная на произвол судьбы толпа беженцев, гражданских лиц и бросивших оружие военных (без оружия не брали на суда — приказ главнокомандующего). Даже те, кто имел право на эвакуацию, просто не смогли пробиться к соленому морю через море людское. Из-за небывалого наплыва беженцев город-порт был попросту парализован и стал неуправляем. Сыпной тиф и испанка косили всех. На раненых никто вообще не обращал внимания. В теплушке санитарного поезда от тифа и холода скончался забытый всеми командир 2-го офицерского Дроздовского полка полковник Владимир Румель. Когда на него случайно наткнулись мародеры, крысы уже успели объесть обе его щеки. Здесь же от сыпняка умер и знаменитый думский депутат, основатель черносотенного «Союза русского народа» неистовый Владимир Пуришкевич, один из убийц Григория Распутина.

Люди орали, рвали узлы с нехитрым скарбом, пили из бутылей самогон и дорожущее шампанское, били пустые склянки тут же о причал. Всклокоченный скрипач жалобно водил смычком по струнам, разрывая душу похлеще орудийных залпов. Бились в истерике дети, причитали женщины, кто-то кого-то лупил смертным боем, с кого-то снимали шубу, из взломанного пакгауза растаскивали ящики с союзническими консервами, ящики с вином, раскурочивали цистерны со спиртом, вагоны с мануфактурой, разводили костры и здесь же поглощали съестную добычу, сновали пронырливые карманники — никто ни на кого уже не обращал внимания. Всю эту апокалипсическую картину покрывало смрадным дымом от горящих огромных нефтяных цистерн. Пламя перекидывалось на склады, один из крупнейших в Европе элеваторов. Анатолийский ветер этому способствовал. Ариадна Тыркова, как ее называли — «единственный мужчина» в ЦК партии кадетов, оставила такую запись

в дневнике: «Как описать Новороссийск? Кадеты... беженцы, вши, больницы... Норд-ост. Люди перестали мыться. Нет белья. Спят на столах. Болтаются подошвы... Столкнуло всех на край бездны... Власть развалилась. Никто даже не знает, кто теперь начальство, где оно и как его зовут».

«За бортом» остались вся техника, все телеги, все лошади, вся артиллерия, подавляющее большинство раненых. Согласно докладу командующего Кавказским фронтом Михаила Тухачевского предсовнаркома Владимиру Ленину от 27 марта 1920 года в руки красным попали свыше 330 орудий, 500 пулеметов, более 200 тысяч винтовок, 240 паровозов, 6 бронепоездов, большие запасы нефти и бензина. В плен взято около 12 тысяч офицеров и 100 тысяч солдат.

В Крым попали чуть более 30 тысяч добровольцев, кубанцев и донцов. Пятая часть тех, кто шел в поход на Белокаменную.

Суда отваливали от причалов один за другим. Английская эскадра вице-адмирала Мичела Калм-Сеймура прикрывала эвакуацию. Линкор «Император Индии», крейсер «Калипсо» и французский крейсер «Вальдек Руссо» из-за молот непрерывно палили по северной дороге на Новороссийск, пытались сдержать входящие красные войска.

В Цемесской бухте плавно крейсировал только русский эсминец «Капитан Сакен». Последний из военных кораблей. Его командир капитан 2-го ранга Алексей Остолопов увлеченно рассказывал начальнику штаба главнокомандующего генерал-лейтенанту Ивану Романовскому о происхождении названия эсминца.

— Представляете, Ваше Превосходительство, 40-весельная дубель-шлюпка № 2 кавторанга Рейнгольда Сакена, ха-ха, мы в одном чине, да и возраста Христа был немец-перец-колбасакислая капуста немногим младше меня. 20 мая 1788 года вблизи устья Буга неподалеку от Кинбурнской косы нарвался на эскадру турецких галер капудан-паши Эски-Гуссейна при 30 вымпелах. Это с его то восемью пушчонками. Дубелю бы ноги уносить при таком раскладе, да четыре галеры подрезали Сакену нос и пошли на абордаж. Кавторанг решил Андреевский флаг перед турком не спускать, как Петр Великий велел, отправил в лодку десятерых своих матросов, рассыпал порох по палубе, и как только турки кинулись на палубу, сунул свечку в крюйт-камеру — четыре галеры с дубелем в щепки.

Генерал вполуха слушал болтовню своего старого знакомого по Ледяному походу. При последних словах вскинул на капитана тревожный взгляд:

— А вы, Алексей Алексеевич, могли бы так — в щепки, чтобы не сдаваться?

Тот нервно закурил и облокотился на фальшборт:

— Время сейчас другое. Адмирал Рождественский при Цусиме флаг спустил. Да и там, — он показал на воющую толпу военных и гражданских в порту, — самоубийц вроде бы уже не осталось...

— А вы знаете, — вдруг добавил он, — Остолоповы ведь свой род ведут от самого Емельки Пугачева...

Романовский лишь горестно пожал плечами. Его увозит от бунтарей-разрушителей потомок бунтаря-кровопийцы. Как же в истории все переплетено.

Эсминец проходил мимо северного мола. На молу стоял офицер и что-то кричал проплывающим мимо, отчаянно махая руками. Потом плюнул, рванул с себя шинель, кинулся в ледяную воду и погреб саженками к эсминцу. Остолопов кинулся к вахтенному офицеру. Срочно скомандовали «стоп-машина», спустили шлюпку, подняли синего до обморока пловца на борт. Тот слова не мог вымолвить, зубами стучал, заглушая двигатели эсминца. Да и что спрашивать, все было и так понятно. Остолопов приказал дать спирту и унести в трюм розовеющего страдальца.

«Капитан Сакен» вышел из Цемесской бухты. В открытом море качалась на волнах брошенная огромная баржа, битком набитая коченеющими на свежем ветру людьми. Какой-то парход ее, видимо, не вытянул машинами и обрубил швартовы, чтоб самому не запороть машины. На что они рассчитывали?

Эсминец взял баржу на буксир и отвел к «Императору Индии». Англичане с удивлением приняли швартовы, такого подарка от экстравагантных русских они не ожидали. Боевой дреднот, швыряющий шестидюймовыми «чемоданами» по наступающим красным, в качестве тяглогового битюга — флот Его Величества такого реприманда еще никто не подносил. Однако вице-адмирал Калм-Сеймур был настоящий моряк, без предрассудков. Он и так загрузил на свои суда людей больше, чем мог себе позволить разумный флотоводец. Полноте, сейчас не до сантиментов Гранд Флита.

Вдруг Романовский отметил, что какой-то русский эсминец нарушил кильватерный строй и срочно возвращается в бухту. Сблизились. Эсминец «Пылкий» кавторанга Александра Кублицкого. В рупор прокричал, что находящийся на эсминце командир «цветного» 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант Александр Кутепов узнал, что в Новороссийске остался 3-й Дроздовский полк, прикрывавший эвакуацию (первые два полка дивизии «дроздов» с гробами генерала Михаила Дроздовского и полковника Вячеслава Туцевича, чтоб не оставлять своих кумиров на поругание красным, уже эвакуировались на транспорте «Екатеринодар». С ними и запасной батальон, состоявший сплошь из пленных красноармейцев, пожелавших служить Белому делу). Начдив полковник Антон Туркул на шлюпке примчался к Кутепову на «Пылкий» и умолял его забрать офицерский 3-й полк.

«Дрозды» только что оторвались от красных и, сохраняя строй, подошли в опустевший порт. «Цветным» офицерам на пощаду от красных рассчитывать не приходилось. Кутепов сунул наган в нос кавторангу: «Разворачивай корыгто!».

«Пылкий» на всех парах ворвался в бухту и с ходу начал палить из своих 102-мм орудий, поставив заградительный огонь перед наседавшими симбирскими стрелками. В канонаду включились пулеметы «дроздов». Успели. Несколько сотен офицеров в малиновых погонах с черно-белым кантом попрыгали на низкий борт эсминца даже без швартовых, погрузив его в воду по самые борта (часть потом забрал крейсер «Вальдек Руссо»). Корабли уходили, оставленный Новороссийск заволокло утренним туманом.

За этой эпопеей с мостика «Капитана Сакена» безмолвно наблюдал сгорбленный человек в шинели генерал-лейтенанта с окладистой бородкой и красными, воспаленными после бессонной ночи на эсминце глазами. В свои 47 лет главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенант Антон Деникин выглядел уже как глубокий, разбитый жизнью старик. Его «единая и неделимая» Россия оставалась за бортом. За последние три года он второй раз переживал «крушение армии и власти». Только теперь уже ЕГО армии и ЕГО власти.

НИЖНИЙ ЧИН

О родословной Деникиных как-то говорить не приходится. В Бархатной книге и Готском альманахе они не отмечены. Скорее, отметились упорным трудом на пашне земной да на ниве солдатской. О предках своих будущий глава Белого движения слыхом не слыхивал. Деда вовсе не знал, отца помнил с трудом. Знал, что его отец, Иван Ефимович Деникин, родом из крепостных, родился 26 сентября 1807 года в деревне Ореховка Саратовской губернии.

Иван Деникин был третьим ребенком в семье (старшие — брат и сестра). Вряд ли семья была столь уж образцовой, никаких теплых слов о родных от отца будущий генерал не слыхал. В 20 лет Иван женился на своей соседке Марии Осиповне, которую не любил, да и она платила парню той же монетой. Его отец и мать умерли, не дождавшись внуков, старшие брат и сестра быстро покинули отчий дом. Неудивительно, что помещик посчитал, что 27-летний бездетный Иван — куда лучший кандидат в рекруты, чем многосемейные крестьяне. Двадцать пять лет в этом возрасте ломать солдатский хлеб — это фактически пожизненная каторга. Если, конечно, многочисленные войны середины XIX века не пресекут жизнь бобыля в погонах.

Не пресекали, хотя Иван и участвовал в многочисленных кампаниях по подавлению Венгерского восстания в 1848–49 годах, в Крымской войне 1853–56 годов и пр.

Во время передислокаций полка судьба свела саратовского солдата первый и уж точно последний раз с братом, сумевшим получить вольную и выслужиться в важного чиновника в одном из городков на бескрайних просторах империи. Как рассказывал Иван сыну, обрадованный известием о том, что отыскал родного брата, по возвращении из Венгерского похода Иван прибежал на квартиру, где тот жил, в надежде обнять родную кровь. У того был званый обед. Однако брат побрезговал выйти поручкаться с «серой скотинкой», пусть даже родной, а его супруга в покои не пустила, вынесла тарелку харчей на кухню — негоже с суконным рылом в калашный ряд, веселись, мужичина, в людской.

Иван плюнул на барский пол, хлопнул дверью и забыл, что у него когда-то был брат.

Кстати, потомки брата живы до сих пор. Его внук всю Великую Отечественную войну прослужил в контрразведке СМЕРШ,

а младший брат того служил потом в КГБ. Слово «репрессии» в боковой ветви Деникиных знали с другой стороны.

Следует заметить, что Иван, вероятно, был парень не промах, ибо, в отличие от простых крестьянских парней, умел читать и писать, да и силой с крестьянской сметкой Бог его не обидел, поэтому именно грамотного саратовца выдвинули в чин унтер-офицера. А в 1856 году, выдержав экзамены по знанию Закона Божьего и воинского устава, чтению, письму и арифметике, произведен из фельдфебелей в прапорщики и назначен на службу в Калишскую (затем Александровскую) бригаду пограничной стражи в Польше.

Получив первый офицерский чин, Иван уже имел право на отпуск и мог бы вернуться в Ореховку к жене, однако, надо полагать, сладость семейной жизни с соседкой Машей явно не привлекала его. Напротив, он стал добиваться церковного развенчания и, что не менее удивительно, добился-таки его — жена не явилась в суд, и батюшка махнул кадилом — с освобождением, ваше благородие. Интересную историю об отце рассказывал сам генерал Деникин: «В 1863 году началось польское восстание. Отряд, которым командовал отец, был расположен на прусской границе, в районе города Петрокова (уездного). С окрестными польскими помещиками отец был в добрых отношениях, часто бывали друг у друга. Задолго перед восстанием положение в крае стало весьма напряженным. Ползли всевозможные слухи. На кордон поступило сведение, что в одном из имений, с владельцем которого отец был в дружеских отношениях, происходит секретное заседание съезда заговорщиков... Отец взял с собой взвод пограничников и расположил его в укрытии возле господского дома, с кратким приказом:

— Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Зная расположение комнат, прошел прямо в зал. Увидел там много знакомых. Общее смятение... Кое-кто из не знавших отца бросился было с целью обезоружить его, но другие удержали. Отец обратился к собравшимся:

— Зачем вы тут — я знаю. Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придется драться с вами, тогда уж не взыщите. А только затеяли вы глупое дело. Никогда вам не справиться с русской силой. Погубите только зря много народу. Одумайтесь, пока есть время».

Зато малознакомых поляков подпоручик Деникин явно не жаловал. Отряд под его командованием громил шайки Мирославского в лесах в районе деревни Крживосондзе, Юнга — у деревни Новая Весь, Рачковского — у пограничного поста Пловки и т.д. Как-то его пограничники мылись в бане, когда прибежал вестовой доложить Деникину, что к их деревне приближается конный отряд повстанцев-косиньеров (крестьяне с косами на длинных пиках). Солдаты в мыле, не успев надеть рубахи (а то и порты), схватили шашки и ружья, прыгнули в седла и двинулись навстречу врагу. Селяне кинулись врассыпную, узрев апокалипсическую картину «коня бледного», когда полуголые, закопченные, пыльные всадники с шашками наперевес несутся по деревне. За это Иван Деникин был произведен в чин капитана и награжден орденом Станислава III степени с мечами и бантом и бронзовой медалью «За усмирение Польского мятежа. 1863–1864».

Впрочем, зверем капитан Деникин никогда не был. Поймав повстанческий молодняк (гимназистов, студентов, недорослей, крестьянских парней), предпочитал всыпать им горячих, чтоб неповадно было лезть в игры взрослых дядей. Отправив их в штаб, была реальная опасность того, что там никто особо разбираться не станет, вздернут как пойманных с оружием в руках на ближайшей осине или отправят в Сибирь, куда сослали массу гонимых шляхтичей охладить буйные головы. Возможно, и не одну жизнь спас бывший крепостной таким нехитрым образом. При этом никто из его сотни ни разу не донес на командира, отпуская очередного сопливого жолнера на все четыре стороны пинком под излупленный зад.

В 1869 году Иван Деникин вышел в отставку в чине майора после 35 лет беспорочной службы, имея 62 года от роду и ни кола, ни двора за душой. Только нехитрый пенсион в 36 рублей в месяц. С ним негоже было возвращаться в Россию, поэтому он и решил остаться на месте, во Влоцлавске, в центре одноименного воеводства, где находился штаб 11-й Александровской бригады Пограничной стражи. Еще одной причиной для пожилого отставного майора при выборе места поселения стал весьма романтический факт. Там ему приглянулась не особо молодая (28 лет) полька Айжбета Вржесинска, чья мать давно умерла, а отец, мелкий землевладелец, разорившийся после аннексии Пруссией родного городка Стрельно, перебрался в империю,

в пограничный Петроков, и перебивался случайными заработками. Фактически семью содержала именно она, подрабатывавшая шитьем. Набожная Айжбета поначалу покочевряжилась, упорствуя в католичестве, но, верно оценив, что с ее шитьем они с отцом скоро Богу душу отдадут с голоду, согласилась принять православие, стать Елизаветой Федоровной и супругой пышнобородого отставного майора.

«Молодожены» вместе с тестем предпочли перебраться из относительно дорогого Влоцлавска за реку Виступа в относительно дешевую деревню Шпеталь-Дольный, где клиентуры у швеи уже не было, однако майорского пенсионера хватало на скромную жизнь.

Сил же старого вояки хватило также на то, чтобы 4 декабря 1872 года супруга произвела на свет сына Антона, будущего главнокома ВСЮР.

Теперь уже на 36 рублей пенсионера жили впятером (плюс нянька Аполония, или Полося, как ее называли в семье).

Как вспоминал потом генерал: «В первый год моей жизни, в день какого-то семейного праздника, по старому поверью, родители мои устроили гадание: разложили на подносе крест, детскую саблю, рюмку и книжку. К чему первому дотронусь, то и предопределит мою судьбу. Принесли меня. Я тотчас же потянулся к сабле, потом поиграл рюмкой, а до прочего ни за что не захотел дотронуться.

Рассказывая мне впоследствии об этой сценке, отец смеялся: «Ну, думаю, дело плохо: будет мой сын рубакой и пьяницей!» Сбылось частично: сын стал начитанным известным генералом, но напился единственный раз в жизни — в день своего производства в офицеры.

Радостный папа (по возрасту дедушка) сажал мальчика на колени, щекотал бородой и залиvisto вещал о боях и походах, размахивая рукой с воображаемой шашкой. Интересно, что большую часть в этих рассказах занимали именно польские события, а не Венгерский поход и Крымская катастрофа. Видимо, эти впечатления были самыми яркими в судьбе офицера из крепостных.

Однако долго баловать долгожданного сына и сидеть без дела экс-майор не мог. Как только началась очередная русско-турецкая война 1977–78 годов служивый явно загрустил, поник, скис, начал прятать глаза и чесать бороду. Его деятельная душа

жаждала подвигов ратных. Втайне от семьи Иван подал прошение о вступлении на военную службу. Чем там думало начальство, оскудела ли людьми Россия, либо приглянулся ему энтузиазм 70-летнего белобородого старца, однако в один прекрасный день 1878 года начальник гарнизона Влоцлавска прислал распоряжение взятому на службу Ивану Деникину отправляться в Новогоргиевскую крепость взять под команду батальон резервистов.

Пани Айжбета тут же кинулась в слезы: «Как ты мог, Ефимыч, не сказав ни слова... Боже мой, ну, куда тебе, старику...» Сын-малец притих, забился в угол и тихо плакал, хотя потом признавался в мемуарах: «Плакал и я. Однако в глубине душонки гордился тем, что папа мой идет на войну».

Однако папа не дошел до войны. Генерал Михаил Скобелев взял Адрианополь и уже грозил стенам древнего Константинополя. Еще бы батальон запасников майора Деникина, и русские наконец прибили бы щит на вожделенные врата Царьграда. Но, увы, видимо турки, узнав это, тут же запросили мира. Батальон расформировали, сконфуженный Ефимыч вернулся в семью, присыпал мундир табаком от моли и повесил его в платяной шкаф. На его век все войны закончились.

Поскольку Антону пора было идти в школу, семья перебралась вновь во Влоцлавск, сняли квартиру на Пекарской улице. Как писал потом сам Антон Деникин: «Помню нашу убогую квартирку во дворе на Пекарской улице: две комнаты, темный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приема гостей; она же — столовая, рабочая и проч.; в другой, темной комнате — спальня для нас троих; в чуланчике спал дед, а на кухне — нянька». В доме царил интернационал. Сын с отцом говорил по-русски, с матерью — по-польски, ни один, ни другая чужой язык до конца жизни так и не выучили. Это не помешало матери втайне от отца, чтобы сделать ему сюрприз, выучить сына русской грамоте в 4 года.

Майор по-прежнему был суров, но справедлив. Лишний раз за уши не таскал и по щеке не трепал. Зато если кто семью обидит, сполна познавал гнев саратовского крестьянина. Однажды инспектор Влоцлавского реального училища, где с 1882 года учился Антон, посмел выразить неудовольствие плохонькой одеждой мальчика. Отец пошел в училище и устроил ему такой «крах Речи Посполитой», что тот потом десятой дорогой обходил

парня. Или как-то ксендз костела посмел отказать Айжбете в причастии на основании того, что мать-де тайно не воспитывает сына в католичестве. Набожный майор чуть двери в костеле не вынес, а святого отца так припер к стене, обещая поставить в известность власти Привислянского края о «попытке к возвращению» (а это минимум Сибирь для скуфейника), что тот вприпрыжку скакал за майором до дверей, умоляя не губить его невинную душу.

Впрочем, религиозными предрассудками в самой семье не страдали. Антон ходил с отцом в церковь, с удовольствием бил в колокол, певал на клиросе, прислуживал в храме Божьем. С тем же упоением бегал с матерью в костел, где ему нравилась органная музыка.

Денег не хватало катастрофически, хотя Айжбета вновь занялась вышиванием. Спасали ежегодные пособия от Министерства финансов, в ведение которого был передан Корпус пограничной стражи и которая выделяла своим ветеранам 100–150 рублей единовременно. «Тогда у нас бывал настоящий праздник: возвращались долги, покупались кое-какие запасы, «перефасонивался» костюм матери, шились обновки мне, покупалось дешевенькое пальто отцу — увы, штатское, что его чрезвычайно тяготило. Но военная форма скоро изнашивалась, а новое обмундирование стоило слишком дорого. Только с военной фуражкой отец никогда не расставался. Да в сундуке лежали еще последний мундир и военные штаны; надевались они лишь в дни великих праздников и особых торжеств и бережно хранились, пересыпанные от моли нюхательным табаком. «На предмет непостыдных кончины, — как говаривал отец, — чтоб хоть в землю лечь солдатом...»

Семейную нужду будущий генерал познал сполна на себе. Не было нормальных «фаберовских» карандашей, как у сверстников — плохие грифели ломались, не было хорошей готвальни с инструментами — купленная за копейки на толкучке была неполна и неисправна, не мог купить в школьном буфете «сердельки» (хорошо обжаренной домашней колбаски), не мог пойти летом на Вислу искупаться с друзьями — вход стоил 3 копейки, а это уже безумные деньги для перебивающейся с харчами семьи, не мог пойти зимой на реку — не было коньков (лишь в 4-м классе купил на первые заработанные в качестве репетитора деньги), мундирчик плохонький прятал от товари-

щей. Да мало ли еще каких унижений было в семье отставного военного.

Пока отец был крепок (до последнего года жизни ничем не болел), семья еще справлялась, но когда отставной майор в 78 лет схватил на загривок мешок с мукой, чтобы помочь рабочему, и надорвал живот, положение изменилось. Появились боли в животе. Врачи поставили диагноз — рак желудка. Иван понимал, что дни его сочтены. Говорил сыну: «Скоро я умру. Оставляю тебя, милый, и мать твою в нужде. Но ты не печалься — Бог не оставит вас. Будь только честным человеком и береги мать, а все остальное само придет. Пожил я довольно. За все благодарю Творца. Только вот жалко, что не дождался твоих офицерских погон».

Умер старый солдат в страстную пятницу 1885 года. Хор музыкантов 1-го Стрелкового батальона играл похоронный марш; сотня пограничников тремя ружейными залпами проводила майора в лучший мир. Для могильной плиты его старый приятель ротмистр Ракицкий составил надпись: «В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

ГОСПОДА ЮНКЕРА

К тому времени Антон через пень колоду учился в реальном училище. Нужда заставляла экономить и на учебе. Но, несмотря на то, что в детстве опасно болел скарлатиной и оспой, отстав об обучения и оставшись даже на второй год в 5-м классе, продемонстрировал большие успехи в математике. Учитель Александр Епифанов резонно считал, что тот, кто не знает «царицу наук», — тот самый настоящий дурак. Однако тот, кто ее знает, в учительских устах получал завидное прозвище «Пифагор». Таковых Епифанов всячески отличал, автоматически ставил положительные отметки и приводил всем в пример, отчего «пифагорам» все завидовали и старались заручиться их дружбой (чтоб сподручнее было списывать). К тому же «пифагорам» предоставлялись различные поблажки от руководства училища вплоть до дозволения самим давать уроки.

Антон все лето упорно занимался математикой, чтобы к началу учебного года удовлетворенно бахнуть по крышке парты: «Ну, Епифаша, теперь, поборемся!»

Грозный учитель орлом впорхнул в класс и, поблескивая пенсне, вкрадчиво начал: «В прошлом номере «Математического журнала» предложена была задача: «определить среднее арифметическое всех хорд круга». А в последнем номере значится, что решения не прислано. Не хотите ли попробовать?».

Класс не хотел, «пифагоры» тоже. Взялся один Деникин. Через 15 минут класс криками одобрения встретил рождение нового «пифагора». С тех пор майорский сын стал первым учеником.

Нравы Влоцлавского училища мало отличаются от нынешних учебных заведений. К примеру, Деникин как-то вспоминал, как один из его преподавателей немецкого языка поставил на поток коммерческую сторону обучения. Он объявил, что в классе «полно неуспевающих». А для того, чтобы они успевали, следует брать именно у него 2–3 урока в неделю. Двадцать пять рубликов в месяц услуги доброго учителя, который гарантирует приличный балл на экзамене. А куда деваться?

Другой был вообще полупаралитик, в училище практически не появлялся, а тетради с домашними заданиями возвращались ученикам с пометками его жены.

Из Влоцлавска Антон Деникин перешел в Ловичское реальное училище с механико-техническим отделением. Интересно, что, перейдя в чисто техническое училище, Деникин с головой ушел в гуманитарные науки. Зачитывался Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Гюставом Эмаром, Майн Ридом, Жюль Верном. Начал сам пописывать стишки, впрочем, весьма мрачного свойства. К примеру,

Зачем мне жить дано
Без крова, без привета.
Нет, лучше умереть —
Ведь песня моя спета.

В 13 лет посчитал себя уже законченным великим поэтом и послал подобные вирши в «Ниву». Там, надо полагать, посчитали невозможным печатать столь замогильные строчки и вообще не ответили недорослю.

Со смертью отца сумма его пенсионера была значительно урезана, и мать получала за отставного майора всего 20 рублей. Выхода не было — Антону надо было зарабатывать самому.

Он сам стал репетитором для двух второклассников, получая 12 рублей в месяц. Став «пифагором», он уже имел право на содержание так называемой «ученической квартиры», на которой сам обучал почти что класс — 8 учеников, плативших ему 20 рублей в месяц. Только благодаря этому семья смогла выжить в столь трудный период.

Интересно мировоззрение Деникина, выработанное им самим: «бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии наряду с Ренаном (Эрнест Ренан, французский писатель, историк религии. — *Прим. автора*) и другой «безбожной» литературой... Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению: человек — существо трех измерений — не в силах сознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие. Слово гора свалилась с плеч!»

Ученики разных национальностей вместе бегали на Вислу купаться, вместе катались на лошадях с уланами Литовского полка, занимались в гимнастическом зале 1-го Стрелкового батальона, стреляли в тире пограничников, топали строем на военных занятиях в реальном училище, которые были введены в школьную программу в 1889 году. Армейский быт постепенно входил в личную жизнь Антона Деникина, определяя дальнейшую судьбу «пифагора». На следующий год он, как сын отставного майора, надел шинель вольноопределяющегося 1-го Стрелкового полка, расквартированного в Плоцке, параллельно начав учебу на курсах при Киевском пехотном инженерном юнкерском училище. Надел, чтобы не снимать ее всю оставшуюся жизнь.

Из будущих крупнейших деятелей Белого движения аналогичный Деникину путь от сына солдата через «вольноопера» до генерала проделал будущий главнокомандующий царской армии Михаил Алексеев, из чиновничьей среды вышли сын коллежского советника генерал Николай Юденич, любимец Добровольческой армии сын коллежского асессора полковник Митрофан Неженцев, из семей простых офицеров в генералы вышли начальник штаба ВСЮР Иван Романовский, единственный военный, получивший за боевые заслуги почетную приставку к фамилии Яков Слащев-Крымский, из далеко

нетитулованного казачества — генерал Лавр Корнилов, Константин Мамантов и Андрей Шкуро. Все прошли обычные училища, все начинали с младших офицеров с жалованьем 50 рублей в месяц. Так что к началу Гражданской войны русский офицерский корпус в основной своей массе принадлежал к категории трудового интеллигентного пролетариата, а уж никак не к столь люто ненавидимой гегемоном буржуазии.

Как писал будущий главком ВСЮР: «В конце 80-х годов для комплектования русской армии офицерами существовали училища двух типов: военные училища, имевшие однородный состав по воспитанию и образованию, так как комплектовались они юношами, окончившими кадетские корпуса (средние учебные заведения с военным режимом). И юнкерские училища, предназначенные для молодых людей «со стороны» — всех категорий и всех сословий. Огромное большинство поступавших в них не имели законченного среднего образования, что придавало училищам этим характер второсортности. Военные училища выпускали своих питомцев во все роды оружия офицерами, а юнкерские — только в пехоту и кавалерию в звании среднем между офицерским и сержантским, и только впоследствии они производились в офицеры.

В 80-х годах соотношение выпускаемых из военных и юнкерских училищ было 26% и 74%. Путем постепенных реформ перед Первой мировой войной, в 1911 году, все училища стали «военными», и русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского».

Антон Деникин как раз и попал во «все категории и сословия» — в юнкера «матери городов русских». Училище располагалось в бывших казармах военных кантонистов, входивших в состав оборонительных укреплений Новой Печерской крепости, основанной в 1844 году.

Один из юнкеров — Сергей Вейгман рассказывал: «С первого до последнего дня пребывания в училище юнкеров воспитывали в духе рыцарских традиций. Учеба начиналась с принятия военной присяги, которое, как правило, проходило в начале октября. После церковной службы на плацу выстраивались все юнкера: на правом фланге — старший курс, на левом — первокурсники. Перед строем — аналой с Евангелием и крестом. Неподалеку располагался оркестр, исполнявший перед присягой традиционный марш «Под двуглавым орлом». Затем

по команде юнкера снимали шапки и вслед за священником повторяли слова военной присяги, текст которой оставался в стране неизменным еще с петровских времен: «Обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом перед святым его Евангелием защищать Веру, Царя и Отечество до последней капли крови...». Далее следовал церемониальный марш, после которого молодых людей ждал праздничный обед, вечером — бал, а на следующий день — первый отпуск в город.

Из общих предметов проходили Закон Божий, механику, аналитику, химию, два иностранных языка и русскую литературу.

Жизнь юнкеров была далеко не книжная и тем более не киношная. Казарменное положение, ни минуты покоя и возможности побыть наедине с собой — даже в клозете были убраны перегородки, чтобы юнкера, так сказать, не отучались от коллектива. Молодые люди 18–19 лет, не привыкшие к замкнутому, строго регламентированному пространству, рвались на волю, к огням большого города, в самовольные отлучки, к барышням, к шумному обществу. Но любая провинность такого плана каралась строго — в лучшем случае карцером, в худшем — отчислением из училища. Особенно люто преследовалось пьянство. Если юнкера застукают подшофе — тут же пинком за ворота училища, за «винный дух» — арест и «третий разряд по поведению», который сильно ограничивал юнкерские права, в особенности при выпуске.

Понятное дело, что все одним миром мазаны и прикрывали в таких ситуациях друг друга, как могли. Клали в кровать чучело, чтобы дежурный офицер во время ночного обхода не обнаружил отсутствующего, на вечерней поверке, меняя голос, отзывались за отсутствующих. Шпаргалки на занятиях писали на манжетах, прятали на резинке в рукавах мундиров, заранее доставали «расклад» экзаменационных билетов с темами сочинений, так что каждый юнкер, заранее написав «свою» тему, смело шел к обозначенному на «схеме» билету и со вздохом облегчения уже за партией извлекал из-за пазухи уже готовое сочинение. Здесь тоже ничего не поменялось и до нынешних времен.

Развлекались господа юнкера тоже специфически — устраивали «похороны» учебников и собственных сокурсников, вылетавших из училища за неудовлетворительное поведение. В духе «Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора»

Петра Великого. В качестве «гроба» использовалась снятая дверь. Перед ним шло «духовенство», одетое в ризы из простыней и распевавшее поминальные псалмы. За «гробом» — «родственники» из числа юнкеров. Когда в училище появились оркестры, те тоже включились в процессию. Несли зажженные свечи и кадила, дымящиеся дешевым табаком. И процессия в чинном порядке следовала по всем казематам до тех пор, пока неожиданное появление дежурного офицера не обращало в бегство всю компанию, включая и «покойника».

Однако и офицеры училища не инопланетяне, тоже бывшие юнкера, всё понимали и, что могли, покрывали. Поэтому и бегали те за барышнями, и спускались по простыням в самоволки, и возвращались надравшиеся вдрызг, и бились врукопашную с местными парнями из Печерской гимназии на берегу Днепра — ничто человеческое не было чуждо и Антону Деникину.

Другое дело, что шиковать было особо не на что — юнкера приравнивались по содержанию практически к обычным солдатам. «Ели чрезвычайно скромно, — вспоминал Деникин, — так как наш суточный паек (около 25 копеек) был только на 10 копеек выше солдатского; казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества. Большинство юнкеров получали из дому небольшую сумму денег (мне мать присылала 5 рублей в месяц). Но были юнкера бездомные или из очень бедных семей, которые довольствовались одним казенным жалованьем, составлявшим тогда в месяц 22½ (рядовой) или 33 копейки (ефрейтор). Не на что было им купить табаку, зубную щетку или почтовые марки. Но переносили они свое положение стоически».

Начальник училища генерал Дмитрий Шуваев приказал распахать территорию бывшего манежа, находившегося через дорогу от училища. И с тех пор юнкера получали на завтраки, обеды и ужины овощи, выращенные собственными руками. Генерал был, вероятно, самым деятельным из начальников училища, именно при нем здесь были открыты собственная электростанция, большой крытый манеж, лазарет (потом на месте училища квартировал Киевский обком КПСС, ныне — Центризбирком Украины).

Следует заметить, что и политические веяния не обходили стороной юнкеров. Поскольку возрастной ценз среди них не

был особо ограничен (в Киевском училище маршировали юнкера и под 30 лет), то туда пробирались, изменив документы, бывшие студюозусы, изгнанные из вузов за участие в студенческих волнениях либо просто за политическую неблагонадежность. Естественно, туда же они несли идеи, литературу, да и сами юнкера — живые люди, прекрасно понимали, что творится в таком крупном городе, как Киев. Попытка же закрепить умы за «железным занавесом» стен училища принесла лишь обратный эффект.

Неудивительно, что к началу революционных событий русское офицерство, сильно разбавленное разночинцами, уже подошло «идейно подготовленным». Как писал сам Деникин: «Недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказалась уже в дни первой революции и перехода страны к представительному строю. А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой, спасовав даже перед солдатской полуинтеллигенцией, натасканной в революционном подполье».

Сам Антон Деникин, произведенный после двух лет обучения в унтер-офицеры, выбрал вакансию во 2-ю Артиллерийскую бригаду, дислоцирующуюся в городе Бела Седлецкой губернии. 4 августа 1892 года он получил офицерские погоны с содержанием в 51 рубль в месяц и единственный раз в жизни надрался от радости до умопомрачения. Русская армия и рюмка всегда шли рука об руку.

БОГ ВОЙНЫ

Реалии службы оказались далеки от романтики юных мечтателей. Гарнизонная жизнь в еврейском местечке с озлобленным населением в 8 тысячи душ, косыми взглядами прохожих на русские мундиры, вечными склоками на службе, непредсказуемым начальством, косностью и глупостью отсталых уставов и боевых распоряжений изводили похлеще вражеских происков. Будни гарнизонного офицерства неоднократно описывались у Куприна, Чехова, Горького, Булгакова, Андреева, разнообразием они не поражали, скорее засасывали в некую трясины обыденщины и беспросветной тоски. Отсюда карты, пьянство и

дуэли. Военные ждали войны как избавления от унылого времяпрепровождения. Само собой много спорили «о текущем моменте», повседневная жизнь пусть захолустного, но все же общества была перед глазами.

«Мы собирались поочередно друг у друга, по вечерам играли в винт, умеренно пили и много пели, — писал Деникин. — Во время своих собраний молодежь разрешала попутно и все «мировые вопросы», весьма, впрочем, элементарно. Государственный строй был для офицерства фактом predetermined, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков. «За веру, царя и Отечество». Отечество воспринималось горячо, как весь сложившийся комплекс бытия страны и народа — без анализа, без достаточного знания его жизни. Офицерство не проявляло особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности. Левая отвечала враждебностью, либеральная — большим или меньшим отчуждением».

Армия на рубеже веков была почти сплошь крестьянской (80% крестьян, 10% рабочих и 10% прочих классов) и почти сплошь русской, со всеми присущими ей недостатками. Благодаря освобождению от воинской повинности многих инородческих племен, неравномерному уклонению от призыва и другим причинам главная тяжесть набора ложилась на чисто русское население.

Допризывной подготовки, физкультуры и спорта, нормальной грамотности (до 40% неграмотных было среди призывников до Первой мировой войны) не было и в помине. А забитость сельского населения и сложность крестьянских будней давали армии просто деревенскую орясину, которую надо было обучать всему с самых элементарных азбучных истин. В прямом смысле. Лишь в 1902 году в армии было введено всеобщее обучение грамоте, что позволило ежегодно выпускать до 200 тысяч запасных, научившихся грамоте на службе. Зато природная смекалка, физическая сила, ловкость, долготерпение и способность легко переносить тяготы и лишения были в крови у крестьянских парней.

Тяготы тоже были традиционными — в первую очередь побои. Официально в русской армии телесные наказания были отменены военными реформами 60-х годов XIX века (в демократической английской армии телесные наказания были отме-

нены только в 1880 году, во флоте — в 1906-м), но зуботычины и «поучения» как унтеров, так и офицеров негласно оставались.

Молодой офицер вообще отменил рукоприкладство и дисциплинарные взыскания («следите друг за другом, останавливайте малодушных — ведь вы же хорошие люди — докажите, что можно служить без палки»).

Если сам будущий генерал, как крестьянский сын, подобного не допускал, долго и терпеливо разъяснял подчиненным солдатам правильность того или иного военного упражнения, то после его ухода суровый фельдфебель Сцепура мигом подносил кулак-кувалду к непонятливым носам: «Гляди у меня, морда, я тебе не капитан Деникин!»

Жили солдаты в казармах, где вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. Спали на соломенных тюфяках и подушках без наволочек, укрывались собственными шинелями. Неважно, грязь на улице, снег, мокрые они, рваные — хочешь тепла, штопай и укрывайся. Одежда — немислимая роскошь, на которой почти всегда «экономили» оборотистые интенданты. Приобретались лишь путем «добровольных вычетов при получении солдатами денежных писем из дому». Платить приходилось самим служивым. До конца русско-японской войны армия ни одеялами, ни постельным бельем так и не обзавелась.

Вечная проблема всех русских армий «всех времен и народов» — обмундирование было одинаковым для всех широт «от хладных финских скал до пламенной Колхиды». Ассигнований на теплые вещи вообще не полагалось, хилая солдатская шинель в сибирские морозы добывает хуже всякого вражеского штыка. Полушубки заводила только более «состоятельная» кавалерия.

Самое главное для солдата — пища. По свидетельству Деникина: «Типичное суточное меню: утром — чай с черным хлебом; в обед — борщ или суп с 1/2 фунта мяса или рыбы (после 1905 года — 3/4 фунта) и каша; на ужин — жидкая кашлица, заправленная салом. По числу калорий и по вкусу пища была вполне удовлетворительна и, во всяком случае, питательнее, чем та, которую крестьянская масса имела дома. Злоупотреблений на этой почве почти не бывало. Солдатский желудок был предметом особой заботливости начальников всех степеней. «Проба» солдатской пищи была традиционным обрядом,

выполнявшимся самым высоким начальником, не исключая государя, при посещении казарм в часы обеда или ужина».

Интересно, что во время командования ротой подчиненные Деникина несли караул в так называемом «десятом павильоне» Варшавской крепости, где содержались особо опасные государственные преступники (по свидетельству самого капитана, питание там было «как в офицерском собрании»). В одной из камер содержался обвиняемый в соучастии в покушении на императора Александра III некто Юзеф Пилсудский, будущий диктатор Польши. Он усиленно симулировал буйное сумасшествие, проявляемое якобы в неприятии военного мундира, что вызывало в нем приступы ярости. Приступы «гасили» прикладами, но врачи, густо «смазанные» деньгами польских националистов, неожиданно признали его положение «весьма серьезным и требующим клинического лечения». «Пациента» отправили в петербургский Николаевский госпиталь для душевнобольных, где тот мгновенно «выздоровел» и благополучно бежал за границу вместе с женой.

Чтобы окончательно не свихнуться от такой насыщенной жизни, сам Деникин и двое его сослуживцев на третий год службы в бригаде засели за учебники, намереваясь поступить в Николаевскую академию Генерального штаба — без чего дальнейшая карьера ничего хорошего не обещала. Штудировали иностранные языки, математику, историю, географию. Шансов было крайне мало, но хоть как-то отвлеклись от безделья и «трясины». Поступил в 1897 году только сам будущий главком ВСЮР.

Чтобы понять, чего будущая карьера стоила, следует оценить строгость генштабистского отбора. Обычно прошения о поступлении подавали не менее полутора тысяч офицеров из всех военных округов. После предварительного изучения формуляров, ходатайств, служебных карточек, взысканий и поощрений к экзаменам допускалось 400–500. Не самых глупых, понятное дело. Поступала лишь треть — 140–150 человек. Но и это не была никакая гарантия спокойного обучения — за три курса отсеивалась еще пятая часть. Так что выпускалось из них не более сотни. Но и из этого числа собственно к Генштабу причислялась от силы половина. Иными словами, «коэффициент полезного действия» никогда не превышал 3–4% от общего числа подававших документы.

Однако следует заметить, что к тому времени и сама Академия уже давно отстала от жизни. На рубеже веков уже англо-бурская война показала, что мир катится в эпоху войн с принципиально новым вооружением, родами войск, тактикой, стратегией, обеспечением армий. Дело шло к широкому применению бронепоездов, пулеметов, тяжелой и скорострельной артиллерии, колючей проволоки, автомобилей, полевых защитных сооружений, формы одежды, маскирующей на поле боя, а не блистающей вензелями и аксельбантами. Совсем немного оставалось до появления на полях сражений танков, авиации и отравляющих газов (над этим уже в Европе работали всюю).

В российском же Генштабе по старинке внушали слушателям, что «пуля — дура, а штык — молодец», «главное — ввязаться в сражение, а там посмотрим», «выигрывают не полководцы, а моральный дух солдат», «армии можно отсидеться за крепостными стенами» и пр. Преподаватели убеждали, что со времен Ганнибала основные стратегические законы войны остались неизменными, и «глазомер, быстрота и натиск» запросто решат все вопросы. Слушателям усиленно втемяшивали в головы историю крестовых походов, а документов и карт по недавно минувшей современной русско-турецкой войне 1877–78 годов до самой русско-японской войны в Академию не поступало. Одно время решились было опубликовать и назначили даже преподавателя (полковник Мартынов) читать курс лекций по этой войне. Но затем кто-то очень умный решил, что при жизни многих участников этой войны публиковать материалы «неудобно» и «нескромно». Хотя, вероятнее всего, столь кровавая победа России, стоившая стольких жертв, несла в себе массу ошибок командования и «неудобно» было в таком ключе представлять ее записных героев. К примеру, знаменитого Михаила Драгомирова.

Назначенный в 1878 году начальником академии генерал-лейтенант Михаил Драгомиров уже через год издал свой главный труд — «Учебник тактики», ставший тут же классическим, по которому обучали всех слушателей Академии. Именно в нем он доказывал ненужность скорострельного оружия («много патронов жрет») и военных игр («пусть мальчишки в войнушку играют»), которые при нем практически полностью исчезли из учебного курса Академии. По его учебникам ротные колонны

ходили в ногу и держали строй «на сопках Маньчжурии», где их густо клали японские пулеметчики.

Его преемник генерал-лейтенант Генрих Леер, напротив, перегружал учебный курс явно не нужными для военного дела предметами. Такими, как государственное право, сферическая геометрия, славистика, психология, геология.

Леера, который в общем-то ценился за свои важные труды по тактике, сменил совершенно бездарный генерал-лейтенант Николай Сухотин, усиленно проталкиваемый на важнейший военно-теоретический пост империи военным министром Александром Куропаткиным. Этот совершенно позабросил весь современный опыт, просто желая спокойно досидеть до пенсии.

Русское военное искусство читал Генерального штаба полковник экстраординарный профессор Михаил Алексеев, будущий соратник Деникина по Белому движению. Генерал-майор Борис Геруа вспоминал, что Алексеев «читал курс, относившийся к эпохам Елизаветы и Екатерины II. Лектор он был плохой, привести в законченный вид и напечатать свой курс не имел времени, но практическими занятиями руководил превосходно, а на войне показал себя недюжинным стратегом».

Академия по-прежнему отучала командиров от личной инициативы. Суворовское «всяк солдат знай свой маневр» было воспринято слишком буквально. Главным оставался приказ начальства — пусть глупый, дурацкий, опасный, не отвечающий боевой обстановке, но его исполнение было свято для собственной же безопасности, снимая ответственность за его последствия с подчиненных. За них будет думать начальство, за которое, соответственно, думало начальство вышестоящее. Самое же высокое начальство в итоге все равно всегда могло найти козлов отпущения среди подчиненных, сваливая на них вину за собственные ошибки. Инициатива выбивалась из офицеров и солдат дубиной приказов (как, собственно, и по сей день), в то время как в германской армии, напротив, инициатива приветствовалась и поощрялась. Всякий командир, кто мыслил нешаблонно и предпринимал неописанные в инструкциях маневры, действовал на свой страх и риск. Тут уж или грудь в крестах, или голова в кустах. Зато именно из них и выходили выдающиеся полководцы. Из Академии же, как правило, — серая штабная масса.

«Трижды менялся взгляд на Академию — то как на специальную школу комплектования Генерального штаба, то, одновременно, как на военный университет. Из Академии стали выпускать вдвое больше офицеров, чем требовалось для Генерального штаба, причем не причисленные к нему возвращались в свои части «для поднятия военного образования в армии», — писал Деникин.

По мнению генерала Федора Винберга, с 80-х годов XIX века «Академия стала походить на дореформенную бурсу. Сильно развивавшаяся конкуренция между учащимися развращала нравы как обучаемых, так и обучающихся. Качественный уровень профессорского персонала стал сильно понижаться. Во взаимных отношениях стали все чаще наблюдаться не достойные военной среды заискивание, искательство, интриги, карьеристические происки... Создавался тип выскочки-честолюбца... Создалась среда, в которую легко могли проникнуть масонские влияния — гораздо легче, чем в строевой состав армии, огражденный корпоративным духом полковых традиций».

Провалы подобного обучения сказались уже в русско-японской войне. Никаких должных выводов сделано не было, на те же грабли русская армия наступила и в Первую мировую войну. Уже перед самым отречением в 1917 году сам император Николай II в частной беседе заявил, что «после войны Генеральный штаб ответит ему за все». Вскоре отвечать стало некому. Военная мысль России дряхлая вместе с самими преподавателями Академии.

Обучение в Академии было рассчитано на три года. Первые два — лекции, третий год — самостоятельные работы в различных областях военного дела — защита трех диссертаций, доставшихся по жребию.

Следует добавить, что шиковать слушателям также не приходилось — содержание в столице им было определено в 81 рубль в месяц. Тут уж точно не до гулянок, только учебники. Непрестанно борющаяся за существование.

Учеба давалась так тяжело, что именно Деникин оказался в числе отсеянных после первого курса, набрав на экзамене по истории 6,5 балла при проходном 7 (по 12-балльной системе). Стиснул зубы от обиды, вернулся в бригаду, но на следующий год вновь поступил, став 14-м по оценкам из 150 абитуриентов.

Кстати, сложность обучения и, по некоторым данным, «бестактность, допущенная начальником Академии» (на тот момент Генрих Леер) привели к отчислению из нее в 1893 году со второго курса другого будущего лидера Белого движения — Петра Краснова. Его тоже сложно было обвинить в нерадивости — в 1888 году он окончил 1-е Павловское военное училище по первому разряду с занесением на мраморную доску за блестящие успехи.

Возможно, тяжесть обучения повлияла на политические взгляды Деникина, которому попросту некогда было вдаваться в крамольные мысли. «В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение. Я никогда не сочувствовал ни «народничеству» (преемники его — социал-революционеры) — с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму — с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении этоприятие приводило меня к трем положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

По результатам обучения окончивший академию по 1-му разряду штабс-капитан Деникин был причислен к вожденному числу 50 офицеров, которые должны были служить в Генштабе, однако его, как не имеющего поддержки среди власть имущих, вместе с тремя другими офицерами попросту выбросили из списка под надуманным предлогом. Тогда сын крепостного пошел по самому осуждаемому во все времена пути — подал жалобу на Высочайшее имя, вызвав гнев самого военного министра Алексея Куропаткина. В результате интриг, ходатайств командования Варшавского округа, апелляций к царю и пр. в Генштаб взяли всех исключенных... кроме Деникина. Куропаткин был человеком злопамятным. Им еще предстоит встретиться уже на полях сражений русско-японской войны, где вся убогость и отсталость Академии будут обильно политы океанами русской солдатской кровушки.

А уже через два года, когда Деникин вернулся служить в свою бригаду в Беле, где проходил штабной ценз, произошло

нечто почти сказочное. То ли от отчаяния, то ли из-за нахлынувшей обиды он написал личное письмо Куропаткину, в котором изложил всю неприглядную историю своего отлучения от Генштаба. Честно, без утайки и эмоций. А через несколько месяцев, в канун 1902 года, получил от своих друзей из Варшавы телеграмму, адресованную «причисленному к Генеральному штабу капитану Деникину», с сердечным поздравлением.

«Из Петербурга мне сообщили потом, как все это произошло, — писал Деникин. — Военный министр был в отъезде, в Туркестане, когда я писал ему. Вернувшись в столицу, он тотчас же отправил мое письмо на заключение в Академию. Сухотин в то время получил уже другое назначение и уехал. Конференция академии признала содержание письма вполне отвечающим действительности. И ген. Куропаткин на первой же аудиенции у государя, «выразив сожаление, что поступил несправедливо», испросил повеление на причисление мое к Генеральному штабу».

Весьма сказочно, но вряд ли сам Деникин правильно понял, почему Куропаткин принял решение, полностью противоположное собственным же интригам. Генеральская совесть тут ни при чем. В таких чинах совесть костенеет вместе с дубленой шкурой военного, о ней уже не думают. Просто министр был хоть и интриган, но не дурак, и понимал, что с Востока идет не свет, а гроза в виде резко усилившейся Японии, разбившей Китай и зарившейся на Корею. На Западе тучей нависает Германия, сколачивающая альянсы против своих традиционных врагов — Англии и Франции. России в будущем пожаре в любом случае предстоит непосредственное участие, если она желает сохранить статус великой державы и голос в мировом разделе. Подавление восстания ихэтуаней («боксеров») в Китае в 1900 году показало, что русская армия обладает множеством недостатков при маневрах на обширном театре военных действий.

Командовать же войсками в будущих войнах предстоит не ловким прощельгам-пенсионерам вроде Сухотина, а вдумчивым и упорным военным вроде молодого упрянца Деникина («генштабовская история» показала, что упрямец еще тот).

Летом 1902 года капитан Антон Деникин был переведен на службу в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом при штабе 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске.

В ЭТУ НОЧЬ РЕШИЛИ САМУРАИ

Аукнулась же в начале века России бездарная подготовка Генштаба и его кузницы кадров Николаевской академии. Структура, которая должна была заниматься анализом военного и экономического потенциала всех вероятных (и невероятных) противников, до начала века вообще понятия не имела о возможностях страны Ямато. Достаточного количества шпионов или, если угодно, разведчиков мы не удосужились туда отправить. А те, кто был, за сложностью языка не удосужились его изучить. Сведения черпали лишь из открытых источников, а учитывая природную недоверчивость японцев к иностранцам вообще, получить объективные данные о стране было делом безнадежным. Точно таким же, как создать сеть агентуры из самих японцев, не понимавших, как можно за деньги продавать свою страну.

Как писал Витте, «в отношении Китая, Кореи, Японии наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды».

Поэтому следует предположить, что российский Генштаб элементарно взял цифры «с потолка», когда посчитал, что при максимальном напряжении сил Япония способна поставить под ружье 348 тысяч человек, а собственно на поля сражений — 253 тысячи. В итоге же японцы выставили в 10 раз больше — 2 727 000, из которых использовано было для войны 1 185 000. Не принято было во внимание, что 13 японских резервных бригад получили такую организацию и вооружение, что могли выйти в бой наряду с полевыми дивизиями.

Исходя из этого пагубного заблуждения, Россия держала на Дальнем Востоке всего 108 батальонов, 66 конных сотен и 208 орудий (порядка 100 тысяч штыков и сабель), то есть в те же 10 раз меньше, чем выставили японцы. Заметим, главные силы были на Западе, на Востоке — лишь малобоеспособные и плохо обученные бойцы. Соответственно, время развертывания японцев и русских до штатов военного времени было просто несоизмеримо. Войну начинали фактически простые сибирские мужики.

Во флоте ситуация была не столь очевидной, но подготовка комендоров (удовлетворительным результатом считалось, когда из 100 снарядов хотя бы один произведет накрытие цели), уста-

ревшие броненосцы и слабые эсминцы, худшая оптика для прицелов, отсутствие боевого опыта (японцы же неоднократно били китайский флот в недавней войне) делали русский флот заведомо слабее.

Интересно, что еще в 1900 году в Морской академии проводились военно-морские игры с целью моделирования возможной войны на Дальнем Востоке. За японцев «играл» адмирал Андрей Вирениус, за русских — великий князь Александр Михайлович. Как раз он в самом начале учений заявил, что намерен увести нашу эскадру из Владивостока и Порт-Артура на юг, подальше от будущего театра боевых действий, дабы не топить ее в Желтом море, как русский флот образца обороны Севастополя 1854 года, а соединить с подкреплениями из Балтийского, а если удастся — и из Черного морей. Только в этом случае Россия могла бы рассчитывать на успешное противостояние японскому флоту. Однако у нас был адмирал Алексеев, который собирался закидать японцев бескозырками. Итог известен.

Техническое отставание, громадные расстояния, дислокация всей боевой армии России в западных губерниях, слабая пропускная способность Сибирской железной дороги, неприятие войны в обществе, которое оказалось в курсе скандала с деятельностью «алексеевских лесорубов» и пр. Можно сколь угодно перечислять причины поражения империи в той войне, они все будут иметь место. Но воевали простые солдаты и офицеры, у которых никто не спрашивал цены на кубическую сажень леса на реке Ялу и величину их доли в «Русском лесопромышленном товариществе». Они знали, что надо умирать на сопках Маньчжурии «за веру, царя и Отечество», которые страшно далеки были от афер Безобразова и Ко (кстати, на театре военных действий этих деятелей замечено не было). Недаром Витте, отправляя Куропаткина командовать войсками в Маньчжурии, дал ему вполне объяснимый совет:

— Когда приедете в Мукден, первым делом арестуйте Алексеева и в вашем же вагоне отправьте в Петербург, донеся телеграммой государю. А там пусть велит казнить или миловать!

Старшего адъютанта штаба 2-го кавалерийского корпуса капитана Деникина начало войны застало в Варшаве, где известие о нападении японцев на русский флот в Порт-Артуре вызвало злорадство поляков, смешанное с надеждами на то, что

поражение России в войне повлияет на положение Польши. По всему городу распространялись подрывные листовки экстремистской «польской социалистической партии», лидер которой бывший «сумасшедший» Юзеф Пилсудский срочно помчался в Токио, где предложил свои услуги японскому Генштабу. Будущий диктатор обещал подрывать мосты в Сибири, пускать под откос военные эшелоны, организовать восстание, если японцы снабдят ППС оружием и деньгами, а после победы поставят империи условие предоставления полякам независимости.

«Буйнопомешанного» вежливо выслушали, дали денег на обратную дорогу (20 тысяч фунтов стерлингов) и посоветовали хорошо отдохнуть. В Токио бредовость идеи оценили по достоинству, но вот в качестве шпиона использовать Пилсудского и его социалистов вполне были не прочь. Вероятно, тогда Деникин и пожалел, что его ротный караул «случайно» не пристрелил «психа» во время охраны варшавской тюрьмы.

Сам капитан бомбардировал штаб рапортами с просьбой отправить его на фронт. В штабе царил традиционный бардак, и рапорты (их была масса) каждый раз теряли. Однажды отыскивали, поинтересовались, знает ли тот английский. Капитан оторопел, зачем английский на японском фронте? Ответил, что не знает, но драться будет не хуже знающих. Вскоре все же пришлось распорядиться командировать Деникина в Заамурский округ пограничной стражи (пограничником, как и его отец, могучий крепостной Иван) начальником штаба 3-й Заамурской бригады.

На проводах в Варшаве друзья поднесли ему в подарок револьвер, выпили по чарке. Надо бы составить завещание, да завещать капитану нечего, кроме долгов. Попросил друзей «в случае чего» использовать на их покрытие некоторые свои беллетристические произведения, которые не переставал писать со школы и которые уже печатались. На их же попечение оставил мать Айжбету и старую няньку.

Дорога из Москвы до Маньчжурии долгая — 16 дней по «чугунке», с ума можно сойти со скуки. Однако Деникин ехал не один, кроме старых знакомых по Академии в поезде ехали назначенный начальником Забайкальской казачьей дивизии генерал-майор Павел Ренненкамф, в свое время закончивший Академию по первому разряду, и новый командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Степан Макаров, автор первой в военной

истории успешной торпедной атаки (14 января 1878 года потопил в Батумском порту турецкий сторожевик «Интибах»).

В вагоне вместе с Деникиным и Ренненкампом ехали несколько корреспондентов газет «Биржевые новости», «Новое время», «Русский инвалид». От последней (официозный орган военного министерства) — никому не известный подъесаул Петр Краснов.

С одной стороны, Деникину повезло. Он попал в 3-ю бригаду, которая охраняла от хунхузов (их только в одной провинции Гирина насчитывалось свыше 80 тысяч) железнодорожную ветку от Харбина до Владивостока, то есть была вдали от района боевых действий. С другой, учитывая его желание набраться боевого опыта, никак не соответствовала пылким надеждам 32-летнего офицера, мечтавшего о ратных подвигах.

Однако романтики и здесь хватало: не было дня, чтобы хунхузы не нападали на «чугунку», порой вырезая целые пограничные посты. Китайская армия с ними не могла эффективно бороться, местный дзянь-дзюнь (правитель) просто разводил руками — в хунхузы шли все, кто не мог себя прокормить. Они объединялись в огромные банды и грабили всех подряд, без всяких политических предпочтений. Русских опасались — знали, что армия не дзянь-дзюнь, ответит адекватно.

Полгода Деникин был пограничником, пока, став подполковником, не добился через своего знакомого по Варшаве начальника полевого штаба Маньчжурской армии генерал-лейтенанта Владимира Сахарова перевода в начальники штаба Забайкальской казачьей дивизии (вместо тяжело раненного полковника Российского) к Ренненкампу, к которому уже перешло командование так называемым Восточным отрядом.

Отряд состоял из трех полков 71-й пехотной дивизии, трех полков Забайкальской казачьей дивизии, с артиллерией и приданными более мелкими частями. Прикрывал под Цинхеченом левый фланг Маньчжурской армии. Деникин писал: «Весь штаб — вместе, в одной фанзе с двумя длинными рядами кан, покрытых циновками и постоянно подогреваемых, на которых спали, сидели, писали, обыкновенно и ели, так как маленький стол, втиснутый между двумя рядами кан, не мог удовлетворить всех. Крайняя трудность подвоза в такую даль по горному бездорожью осложняла обеспечение отряда продовольствием. Хлеба часто не хватало, довольствовались печеными лепешками, но

выручало обилие местного скота и, следовательно, мяса. Офицерский стол не отличался почти вовсе от солдатского. Только изредка, когда какой-нибудь смелый маркитант рискнет проехать в нац отряд — за риск двойные цены — и его по дороге не ограбят, тогда у нас два-три дня кутеж».

В отличие от поздних историков, в первую очередь советских, Деникин был высокого мнения о своем командире: «Генерал Ренненкампф был природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбиравшийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненных во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший... Ренненкампф же смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения. Близости же не было».

В 1904–1905 годах Ренненкампф был столь популярен, что его портреты встречались не только на страницах журналов и открытках, но и на брошках, спичечных коробках и мыле.

Следует заметить, что Деникин попал явно туда, куда хотел. Штаб Ренненкампфа не зря называли местом, где «плохо держится голова на плечах» из-за больших потерь среди офицеров. За короткое время там были убиты подполковники Можейко и Шульженко, ротмистр Сахаров, тяжело ранены полковник Российский и подполковник Гурко, ранены два адъютанта, значительное число офицеров-ординарцев. Сам Ренненкампф ранен двумя пулями в шею и в ногу.

Однако самому подполковнику Деникину претило сидеть пусть и в опасном, но в штабе. Рвался в бой. 23 ноября 1904 года упросил Ренненкампфа дать ему в командование авангард (полтора батальона, четыре сотни казаков, горная батарея) в ходе сражения под Цинхеченом. Под его командованием авангард отбил все атаки японской бригады (в ряде мест с гребня сопки прорвавшихся японцев пришлось сбрасывать штыками). Деникин вспоминал, как командир роты Чембарского полка капитан Богомолов под огнем противника спокойно вышагивал в полный рост, подбодряя подчиненных. На его просьбу пригнуться отвечал: «Нельзя, господин подполковник, люди нервничают, плохо целятся».

Пять дней авангард Деникина сдерживал атаки японцев, пока противник не выдохся и отступил. Именно эту сопку в Маньчжурии на позициях Цинхечена впоследствии назвали «Деникинской».

И впоследствии он не раз водил солдат в атаку, сбивая японцев с оборонительных позиций у Цзянчана, выбив с перевала Ван Це-лин.

В феврале 1905 года перед самым Мукденским сражением Ренненкампф получил назначение в Урало-Забайкальскую сводную казачью дивизию (на время лечения раненного в ногу генерала Павла Мищенко), предложив пост начштаба Деникину. Именно на позиции дивизии наступала 5-я японская армия генерала Кагзаки Кавамуры, оттеснив русские войска к Далинскому перевалу. В яростных боях на Знаменной сопке японцы были отбиты. Однако невнятное манипулирование резервами командования русской армии и отказ от контрудара по прорвавшемуся противнику, понесшему огромные потери, свел результаты сражения к нулю. В итоге русские войска в полном порядке отступили к Сыпингайским позициям, а японцы, потеряв до 70 тысяч солдат, утратили всякую военную активность.

В мае Деникин уже под командованием вернувшегося в дивизию генерала Мищенко принял участие в разработке и осуществлении конного рейда по японским тылам с целью нарушения вражеских коммуникаций. 17 мая отряд выступил, имея 45 сотен и 6 орудий. Для облегчения взято было только по 2 орудия от батареи и по 5 зарядных ящиков. За четыре дня отряд прошел 170 км, за которые разгромили огромный военный обоз, взяли деревню Цинсяйпао, начисто вырубив две японские роты, деревню Тасинтунь. Общий результат рейда: разгромлены две транспортных дороги со складами, запасами и телеграфными линиями; уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей; взято в плен 234 японца (5 офицеров) и не менее 500 выведено из строя. Потери отряда составили 187 убитыми и ранеными.

Ничего особенного, но на фоне сплошных военных неудач (как раз в это время стало известно о цусимской катастрофе) «майский набег» Мищенко и Деникина смотрелся явлением чуть ли не легендарным, обрастая, как обычно, фантастическими подробностями. В дивизию зачастили корреспонденты,

военные наблюдатели, штабные деятели, представители общественных организаций и пр. Начальник штаба отряда был награжден орденами Святой Анны 2-й и 3-й степени с мечами и бантом, а также Святого Станислава 2-й степени с мечами с производством в чин полковника.

Удивительно, как умудрился ужиться с неуживчивым Мищенко «ставленник» Ренненкампфа Деникин. Тот, обладая нравом крутым, разругался с командованием, соседями по подразделениям, с самим Ренненкампфом и генералом от кавалерии Александром Каульбарсом. Порой начальнику штаба приходилось чуть ли не силком сдерживать его за руки, чтобы тот не схватился с обидчиком за грудки, переписывать приказы, в которые Мищенко норовил вставить фразы, цензурным комитетом явно неудобоваримые. Однако сохранил о генерале самые теплые воспоминания: «Ген. Мищенко любил офицеров и казаков, сердечно заботился о них и не давал в обиду. Пользовался среди них совершенно исключительным обаянием. Внутренне горячий, но внешне медлительно-спокойный, в бою он одним своим видом внушал спокойствие дрогнувшим частям. Вне службы, за общей штабной трапезой или в гостях у полков, он вносил радушие, приветливость и полную непринужденность, сдерживаемую только любовью и уважением к присутствующему начальнику».

Летом 1905 года военные действия уже практически сошли на нет, и стороны задумались о мире. Армия недоумевала, она только-только начала пополняться боевыми частями из западных округов, выросла в размерах, занимала мощные укрепленные позиции, горела боевым духом, в то время как японцам фактически некого было посылать в бой (в плен попадали уже старики и дети). Как писал сам Деникин: «Что касается лично меня, я, принимая во внимание все «за» и «против», не закрывая глаза на наши недочеты, на вопрос — «что ждало бы нас, если бы мы с Сипингайских позиций перешли в наступление?» — отвечал тогда, отвечаю и теперь:

— Победа!

Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться дальше. Но... Петербург «устал» от войны более, чем армия. К тому же тревожные признаки надвигающейся революции в виде участвовавших террористических актов, аграрных беспорядков, волнений и забастовок лишали его решимости и дерзания, приведя к заключению преждевременного мира».

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТРЕЛКИ

Первую мировую войну уже генерал-майор Антон Деникин начал в должности исполняющего обязанности начальника штаба Киевского военного округа. В этом качестве ему предстояло до возвращения из отпуска генерала Драгомирова срочно сформировать и отобюролизировать штабы и все учреждения Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий. Фронт возглавил генерал от артиллерии Николай Иванов, по едкому замечанию Деникина, «обязанный своей карьерой рядом случайных обстоятельств, в том числе подавлению Кронштадтского восстания, он — человек мирный и скромный — не обладал большими стратегическими познаниями и интересовался больше хозяйственной жизнью округа». Зато начальником штаба у него стал заслуженный оперативник генерал от инфантерии Михаил Алексеев, имевший «золотое оружие» еще с русско-японской войны. Именно его заслугой являются громкие победы русской армии в Галицийской битве в августе 1914 года, в которой австрийцы потерпели сокрушительное поражение и потеряли 400 тысяч солдат (100 тысяч пленными), а также Львов, Галич, Николаев.

Сам Деникин занял пост генерал-квартирмейстера (начальник оперативного отдела) 8-й армии, которой командовал тогда еще мало кому известный генерал от кавалерии Алексей Брусилов. Фактически, в разработке операции первой же успешной для русской армии Галицийской битвы он принимал непосредственное участие.

Было бы неправдой сказать, что у командарма-8 с его генерал-квартирмейстером сложились безоблачные отношения. Надо было знать армию тех лет. В ней априори сложилась определенная неприязнь простых армейских служаков к выходцам из Академии Генштаба. Сложно назвать это завистью, но, вероятнее всего, сами «академики» заранее ставили себя выше обычных «армейцев», считая собственную подготовку на голову выше после АГШ. Соответственно, смотрели на «армейцев» свысока, с неким подобострастием и презрением, получая в ответ взаимность.

Как писал сам Брусилов: *«В начале кампании генерал-квартирмейстером штаба моей армии был Деникин, но вскоре он, по собственному желанию служить не в штабе, а в строю, получил, по моему представлению, 4-ю стрелковую*

бригаду, именуемую «железной», и на строевом поприще выказал отличные дарования боевого генерала».

8-я армия (в составе — 10 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, 160 батальонов, 153 с четвертью эскадрона, 516 орудий) 6 августа ударила по правому флангу 3-й австрийской армии генерала Брудерманна в Галиции. Австрийцы не смогли произвести грамотную разведку и находились в полной уверенности, что восточнее Львова русские не могут сконцентрировать крупных сил. За неделю Брусилов чуть ли не церемониальным маршем прошел по Галиции 130–150 км, подпираемый с фланга 3-й армией генерала от инфантерии Николая Рузского. Рузский сцепился с австрийскими «тезками» Брудерманна на реке Золотая Липа и за три дня боев на всех участках фронта опрокинул врага, отбросив его к реке Гнилая Липа. Однако там был уже Брусилов, вдребезги расколотивший 12-й корпус австрияков.

Двойной удар заставил Брудерманна срочно эвакуировать Львов, а за ним Галич и Николаев. Интересно, что при этом Брусилов жутко обиделся на газетные заголовки, которые всю славу взятия Львова приписали Рузскому (награжден орденом Святого Георгия 2-й степени). Ревность среди военачальников частенько играла с ними злую шутку и в этой войне.

Ревновать долго не пришлось. Удачливого Рузского уже в начале сентября перевели командующим Северо-Западным фронтом, где приятель Сухомлинова генерал Жилинский положил два русских корпуса в Мазурских болотах (генералов Самсонова и Ренненкампа). Отпросился у Брусилова и его генерал-квартирмейстер. Деникину не терпелось наконец уйти от штабной работы и самому начать реальное командование войсками. Впрочем, не только это было причиной его ухода. Начальником штаба армии был однокашник Деникина по Академии генерал-лейтенант Петр Ломновский. Как характеризовал его сам Брусилов: «Это был человек умный, знающий, энергичный и в высшей степени трудолюбивый. Не знаю, почему он составил себе репутацию панического генерала... Его недостаток был в том, что он не очень доверял своим штабным сотрудникам и лично старался входить во все мелочи, в особенности по генерал-квартирмейстерской части. Этим он обезличивал своих помощников и переобременял себя работой, доведившей его до переутомления». Иными словами, Ломновский просто не

давал Деникину спокойно и самостоятельно работать. А в боевых условиях это могло издергать кого угодно.

Брусилов согласился на уход Деникина, назначив 6 сентября его командовать 4-й стрелковой бригадой вместо генерал-майора Владислава Боуфала. Бригада была заслуженной, прославившейся еще в русско-турецкую войну, когда она вместе с генералом Иосифом Гурко на крупах казачьих коней поднялась в горы и выбила турок с Шипкинского перевала (как раз тогда еще поручик Боуфал первым ворвался на перевал со своей ротой), а затем стойко обороняла его от полчищ Сулейман-паши. С тех пор она и стала «Железной». Во время войны она выполняла роль своеобразной «пожарной команды», которую бросали на разные участки (в разное время воевала на участках фронтов 14 корпусов). «Железных стрелков» бросали в прорыв, ими затыкали прорывы, они несли самые большие потери, но пользовались неизменной репутацией наиболее стойких и непоколебимых солдат. Как признавался сам Брусилов: «Первое, что мною было сделано, это приказание немедленно перейти в контрнаступление, и я направил туда 4-ю стрелковую бригаду для поддержки отступающих частей. Эта бригада всегда выручала меня в критические моменты, и я неизменно возлагал на нее самые трудные задачи, которые она каждый раз честно выполняла».

Интересно, что подразделения Деникина отличились в первый день его командования бригадой. 6 сентября переданный в подчинение 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Алексея Каледина 14-й полк полковника Станкевича взял форты крепости Николаев.

Именно на «железных стрелков» пришлось вся тяжесть Гродекского сражения на реке Сан, проходившего до 12 сентября на фронте 8-й армии. Начальник штаба австрийской армии граф Франц Конрад фон Гетцендорф перебросил на линию Гродек — Рава-Русская 4-ю армию генерала Морица Ауффенберга, создав превосходство на львовском направлении силой в лишнюю армию.

В этой битве бригада Деникина бок о бок билась с соседней правофланговой 48-й Стальной пехотной дивизией под командованием генерал-майора Лавра Корнилова (на год раньше Деникина закончил Академию с золотой медалью). Однажды даже начдив лично повел в атаку последний резервный

батальон своих пехотинцев, чем спас от окружения австрийцев фланг 24-го корпуса, в составе которого сражались «железные стрелки». В свою очередь, затем сам Деникин прикрывал потрепанные батальоны Корнилова своим фронтом. У Градекува и Равы-Русской армия Брусилова и «железные стрелки» стояли стеной, не отступив ни на шаг. 11 сентября они зубами зацепились за линию обороны у Градекува, не позволив прорвать даже первую линию окопов. А 12-го уже сами контратаковали.

Кровопролитное сражение в Галиции завершилось контрударом русских 4-й (генерал от инфантерии Алексей Эверт) и 5-й (генерал от кавалерии Павел Плеве) армий, опрокинувших слабый австрийский заслон на нижнем Сане, выбросив их за реку. Их потери составили 326 тысяч человек (100 тысяч пленными) и 400 орудий. Русские войска потеряли 230 тысяч человек и 94 орудия.

В конце сентября уже совместными усилиями с 9-й германской армией генерала Августа фон Макензена союзники (52 дивизии) попытались взять реванш и прорвать русскую оборону под Варшавой и Ивангородом. Однако сибирские дивизии наголову разгромили сначала 1-ю немецкую армию генерала Виктора Данкля, а затем отбросили все наступающие части австро-германцев от Вислы на Радом.

Таким образом, почти вся русская Польша была освобождена, позор разгрома двух русских корпусов в Восточной Пруссии был смыт (туда вновь вошли теперь уже две армии), а на Западном фронте на Марне французы и англичане за счет этого смогли остановить наступление немцев на Париж.

Комбриг «Железной» Деникин за доблестное командование был награжден «Георгиевским оружием».

«Нам доверяют, на нас надеются, — писал комбриг матери, — и не раз бригада искупала своей инициативой чужие промахи и ошибки. Был случай, когда я два раза получал приказания отойти на покой, в резерв, но приказания того по долгу совести не исполнил, атаковав противника, четыре дня вел бой, защищая тем самым единственную дорогу для подвоза двум соседним дивизиям хлеба и патронов, без которых им в горах было бы совсем скверно. Противник потерял 226000 человек, мы взяли в плен 100000 человек, и нам досталось 400 пушек».

В октябре ему пришлось уже вести тяжелые оборонительные бои в Галиции, в районе Самбора. Причем, 24 октября

лично возглавил контратаку бригады, которая без всякой арт-подготовки бросилась в штыки на наседавших австрийцев. Удар «железных» был столь стремителен, что паника среди врага перекинулась на его тыловые части. Деникин же, не останавливаясь, погнал австрийцев в глубь его позиций, где с ходу взял село Горный Лужек, в котором располагался штаб 4-й армии во главе с самим эрцгерцогом генерал-полковником Иосифом-Фердинандом (назначен после смещения Ауффенберга). Русские пулеметы развеяли сомнение эрцгерцога в том, что столь глубокий прорыв возможен, и он вместе со штабом спешно бежал. Стрелки Деникина с удовольствием растянулись в еще не остывших креслах пить еще горячий австрийский кофе из чашек с вензелями наследника престола.

«Судьба иногда шутит шутки с людьми, — писал Деникин. — Семь лет спустя, когда я со своей семьей очутился, уже в качестве эмигранта, в Будапеште, к больной моей дочери позвали доктора. Услышав мою фамилию, доктор осведомился, не я ли тот генерал, который командовал «Железными стрелками». И когда я подтвердил, он радостно жал мои руки, говоря: «Мы с вами чуть не познакомились в Горном Лужке, я был врачом в штабе эрцгерцога Иосифа».

В пылу боев комбриг не забывал о матери. В каждом письме он заботливо справлялся о ее здоровье и благополучии: «Мои скромные заслуги награждены чрезмерно, и я, несомненно, приложу все усилия, чтобы оправдать доверие, которое мне оказывают. Одна только забота, одно горе — это Ваше беспомощное положение, дорогая моя старушка...», «Пишите чаще и побольше, дорогая моя старушечка. И берегите себя. Крепко целую», «Достаточно ли вам содержания при теперешней дороговизне? Крепитесь, дорогая моя, не падайте духом и ждите спокойно конца наших злоключений».

Интересная вещь: солдатский сын, внук крепостного, всю свою жизнь общавшийся с простыми солдатами, никогда в жизни не позволял себе ни чванства, ни панибратства. С родителями и даже лучшими друзьями он неизменно был на «вы». Такой вот «буржуй».

После сокрушительных поражений сентября—октября 1914 года австрийские войска отступили в Карпаты. За личную отвагу комбрига «Железной» наградили Георгиевским орденом 4-й степени.

В декабре Деникин познакомился со своим новым начальником штаба полковником Генштаба Сергеем Марковым — человеком безумной личной храбрости, награжденным за японскую войну сразу пятью боевыми орденами. Между войнами Марков успел стать профессором и преподавал в Академии военную географию.

Известно, как в войсках относились к «академикам», сам Деникин поначалу не воспринимал нового начштаба.

«Приехал он к нам в бригаду, никому не известный и неожиданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет — «профессор»... Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло очередью шрапнели. Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колыхаге, запряженной парой лошадей, Марков — веселый, задорно смеющийся: «Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...» С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье «Железной бригады».

Для понимания следует добавить — у Маркова некстати вскочил огромный фурункул на срамном месте, и он попросту не мог влезть в седло к смеху «железных стрелков». Однако «академик» нашел выход: подушку под зад — и в колыхаге на позиции, презрев пулеметный огонь врага.

Вероятно, есть какой-то перст судьбы, что в одном месте сконцентрировались почти все основные лидеры будущего Белого движения на Юге России — Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Каледин...

Вслед за 8-й армией бригада в лютую стужу полезла на карпатские перевалы, где завязывались тяжелейшие бои на пути к Венгерской равнине и крепости Перемышль.

Здесь они опять были рядом: Деникин на Лупковском, Корнилов на Ростокском перевалах. К концу ноября австрийцы были сбиты с занимаемых позиций, и армия Брусилова выплеснулась на равнину, перерезав железную дорогу Гуменное — Мезоляборч и захватив около 4 тысяч пленных.

И тут произошла ситуация, которую кардинально противоположно описывают Деникин и Брусилов. Собственно, в этом

нет ничего удивительного, общего языка они не находили до революции, а после нее тем более в своих мемуарах обвиняли друг друга во всех смертных грехах.

В любом случае Брусилов обвиняет генерала Корнилова в невыполнении приказа, из-за чего тот понес огромные потери под Гуменным, в том числе потерял и всю артиллерию. Деникин доказывает, что командарм сам запутал войска противоречивыми приказами, а Корнилову запретил отступать и выводить войска из-под удара. Тот несколько дней бился в полном окружении тремя полками против одиннадцать с половиной дивизий, а когда положение стало безнадежным, поставил всех, кто мог держать оружие, в строй, лично повел их в контратаку и пробился к своим не только со всей артиллерией (потеряны только два зарядных ящика), но и привел с собой две тысячи пленных.

Деникин даже приводит текст телеграммы, которую отправил ему Брусилов: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой «Железной бригады» живут в героических полках и впредь поведут их к победе и славе».

На войне всегда ведь кто-то должен быть виноват. Брусилов таковым объявил якобы «ослушника» Корнилова, хотя в самой армии того носили на руках за отчаянную храбрость и находчивость. Нешаблонность мышления никак не вписывалась в строгие рамки Академии, распространяемые на командование войсками всех уровней.

В феврале 1915 года «пожарная команда» деникинских «железных стрелков» была переброшена на помощь сводному отряду генерала Каледина под Ужгород. В атаку шли по грудь в снегу, под завывание метели. Раненые падали в сугробы, откуда достать их было крайне сложно — кто мог, махал винтовкой, чтобы быть обнаруженным. Кто не мог — замерзал. Особенно страдала прикрывавшая фланг бригады Дикая дивизия, составленная из чеченцев, ингушей, дагестанцев, черкесов, под командованием великого князя Михаила Александровича (его начальником штаба был еще один однокашник Деникина по Академии генерал-майор Яков Юзефович. Через несколько лет он станет еще одним деятелем Белого движения на Юге России). Теплолюбивые горцы замерзали прямо на лошадях.

Под деревней Лутовиско бригада наконец пробила брешь в обороне австрийцев, взяв 2 тысячи пленных и отбросив врага за реку Сан. За это генералу Деникину вручили орден Св. Георгия 3-й степени.

В начале марта, когда бои под осажденной русскими войсками крепостью Перемышль достигли апогея, «Железная бригада» у горы Одринь, затыкая очередную брешь, сама оказалась в окружении. Под перекрестным огнем противника с соседних горных склонов, неся большие потери. Убит командир 16-го полка полковник барон Боде, тяжело ранен командир 13-го полка полковник Гамбургцев. Полк держится только на доблести бесстрашного подполковника Николая Тимановского, будущей легенды Белого движения, прозванного «Железным Степанычем» (18 боевых ранений). Когда того в очередной раз ранят, Деникина упрашивает дать полк в командование начштаба генерал Марков.

Сам комбриг мог отсидеться в тылу, но предпочел командовать войсками на позициях, под постоянным обстрелом в деревне Творильня — там, где во время обеда в штабной хате вражеские пули разбивали тарелки и простреливали стулья обедающих, где «до ветру» ходили, прикрываясь пулеметным щитом.

Бригада выстояла, не отошла с позиций, а в апреле все бригады были реформированы в дивизии. Таким образом, «Железная бригада» стала «Железной дивизией», а сам Деникин ее начальником.

Брусилов писал: «Объезжая войска на горных позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнейшего противника. Меня всегда крайне удивляло, что эта блестящая работа войск не была достаточно оценена высшим начальством и что по справедливости представленные мною к наградам начальники... ничего не получили».

На Юго-Западный фронт приехал с инспекцией сам Николай II. Посетил он Самбор, где дислоцировался штаб 8-й армии, где 1-я рота «железных стрелков» составила его почетный караул. Специально привезли с Карпат, помыли в бане, очистили от вшей, побрили, подновили амуницию.

Самодержцу представили стрелков как наиболее доблестных солдат, героев Галицийской битвы. «Государь... отличался

застенчивостью и не умел говорить с войсками, — признавал Деникин. — Может быть, этим обстоятельством объясняется небольшая его популярность в широких массах. По докладу вел. кн. Николая Николаевича, он наградил всю роту солдатскими Георгиевскими крестами. Рота вернулась награжденной, но мало что могла рассказать товарищам. Слова живого не было». Не было не только живого слова, но и живого дела. Последний русский царь от своего народа, вероятно, был дальше всех своих предшественников.

СКРЕЖЕТ МЕТАЛЛА

Победы на фронтах постепенно начали сменяться поражениями. В эту летнюю кампанию Германия сделала ставку на вывод из войны России с тем, чтобы обеспечить себе устойчивый тыл, затем спокойно расправиться с Францией и Англией. Основные ударные силы под командованием генерала Макензена (с Западного фронта перебросили 11-ю армию в составе 10 пехотных и 1 кавалерийской дивизии) были сосредоточены в направлении Галиции.

В начале мая 1915 года немцы в полосе обороны 3-й армии генерала Радко-Дмитриева пошли в прорыв у Горлицы. На нее навалились сразу четыре армии союзников, создавших двукратный перевес в живой силе и почти шестикратный — в артиллерии.

Вот тут как раз и сказался в полной мере «снарядный голод», о котором предупреждали военного министра Сухомлинова еще до войны и который палец о палец не ударил, чтобы его предотвратить. Неделю Радко-Дмитриев отбивался в одиночку, ибо командование фронтом полагало, что Макензен всего лишь наносит отвлекающий удар, а основной придется на карпатском участке. Когда наступило прозрение, было уже поздно — немцы вклинились на 40 км в глубь обороны, расчленив истекающую кровью армию Радко-Дмитриева. В окружение попала 48-я дивизия Корнилова, сам раненый начдив со своим штабом попытался проложить себе дорогу штыками, но был взят в плен (однако основные силы дивизии вышли из окружения, сохранив знамена).

Более года он провел в неволе, трижды пытался бежать, пока, наконец, из лагеря в селении Кассек с помощью австрийского фельдшера Мрняка ему это удалось.

Разгром 3-й армии привел к общему отступлению фронта, вынужденного оставить всю Польшу и Галицию. «Железная дивизия» стояла насмерть, но с подавляющим превосходством в артиллерии она ничего поделывать не могла. 13-й и 14-й полки просто перестали существовать, попав под ураганный огонь германских батарей. Генерал Марков в совершенном отчаянии вывел из-под огня всего роту, с ног до головы залитый кровью командира соседнего полка, которому осколком оторвало голову.

Под Варшавой немцы впервые применили отравляющие газы, в результате чего в русских войсках, не имевших противогазов, было 9 тысяч отравленных.

Отступление «железных стрелков» прикрывал Архангелогородский полк, которым когда-то командовал сам Деникин. Почти все его сослуживцы полегли уже на следующий день под напором наседавших немцев, дав возможность дивизии отойти без потерь.

Горлицкий прорыв привел к тому, что под ударом оказался и Северо-Западный фронт, вынужденный отойти в Курляндию. В итоге русская армия за летнюю кампанию потеряла около миллиона солдат и почти весь кадровый офицерский корпус. К осени, когда фронт стабилизировался на линии Рига—Двинск—Черновицы, под ружьем были почти сплошь запасники и офицеры уже не из «военной косточки», а из разnochинцев и интеллигенции.

Впрочем, своей цели Германия так и не сумела добиться, Россия не была выведена из войны, а в арьбергартных боях постоянными контрударами сама смогла нанести союзникам значительные потери (только число пленных австрийцев составляло несколько сот тысяч). Боевой дух армии хоть и был подорван, но не сломен.

Как раз дивизия Деникина в этот неудачный для России период войны и отличилась рядом успешных контрударов. В середине сентября именно она под Луцком на Волыни атаковала втрое превосходивших ее австрийцев и выбила их за реку Горынь. Интересно, что Брусилов, пытаясь разжечь здоровое самолюбие подчиненных, отдал приказ брать Луцк не «железным стрелкам», а 30-му корпусу генерала Андрея Зайончковского. Тот зачем-то выпустил приказ, в котором сообщал подчиненным, что «железные» взять Луцк не могут, поэтому эта почетная задача предоставлена его корпусу.

Деникин обиделся и на рассвете 23 сентября лично на своем автомобиле повел дивизию в атаку. Брусилов потом писал: «Деникин, не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк одним махом, взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк». Добавим, взяв в плен 158 офицеров и 9 773 солдата. Почти столько же, сколько было в составе самой дивизии.

При этом Зайончковский отправил телеграмму Брусилову, что именно его корпус взял Луцк. На ее бланке командарм язвительно вывел: «И взял там в плен генерала Деникина».

Надо полагать, подобная ревность свойственна не только дамам, но и военным, ибо после Луцка Деникин с Зайончковским на дух друг друга не переносили. В своих воспоминаниях будущий главком ВСЮР не нашел для оппонента ни одного доброго слова.

Как раз в день взятия Луцка в штабную хату, где располагался сам начдив, влетела австрийская граната, угодившая в камин. К счастью Деникина, она не разорвалась. Через три года точно такая же, но русская граната, влетев в штабную хату Добровольческой армии, оборвет жизнь генерала Корнилова.

Однако стратегического смысла в столь лихом контрударе «железных стрелков» не было. Командование уже через несколько дней отдало приказ отойти на прежние позиции, опасаясь удара во фланг. Вскоре свара двух генералов достигла ушей Брусилова, который не стал играть в педагога, а объединил «железных стрелков» со 2-й стрелковой дивизией генерал-лейтенанта Юлиана Белозора, создав в составе армии 40-й корпус под командованием генерала Воронина, заметив попутно, что «по составу своих войск этот корпус был одним из лучших во всей Русской армии». «Железные» перестали играть роль «пожарной команды» и слоняться по всей Галиции, затыкая бреши.

Более или менее успешные позиционные бои в Пинских болотах продолжались до весны 1916 года. Особенно запомнилось сражение под Чарторыйском в октябре 1915 года, где отличился полк Маркова, который прорвал фронт, углубился в немецкий тыл, где вклинился в телефонную линию немцев. Подслушав переговоры германских штабов, Марков ворвался в Чарторыйск, уничтожив занимавший его 1-й гренадерский

Кронпринца полк, захватив орудия, пулеметы и обозы. Общее количество пленных составило 8,5 тысячи. На запрос командования, как положение на его участке, полковник скромно отозвался: «Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!»

Поддержки 30-й корпус прорыв 40-го и контрудар под Чарторыйском, и можно было бы опрокинуть весь левый фланг австрийцев. Но корпусные командиры проявили поразительную нерешительность, что стоило должности генералу Воронину. Впрочем, не только ему. Разбор кампании 1915 года для Юго-Западного фронта заставил сменить комфронта Иванова и его начштаба генерала Владимира Драгомирова. Причем сам Иванов пытался свалить вину за неудачи Горлицкого прорыва на Брусилова, но за того горой встала Ставка. Именно она настояла на том, чтобы Брусилов 5 апреля 1916 года стал новым командующим фронтом (8-ю армию от него принял генерал Каледин).

На новом посту тот сразу же развил бурную деятельность, убеждая ставшего Верховным главнокомандующим государя в том, что его фронт даже после понесенных поражений вполне боеспособен. При этом он настаивал, что в предстоящей летней кампании Юго-Западный фронт не должен вести себя пассивно, как предлагали генералы Эверт (Западный фронт) и Куропаткин (Северный фронт), которые должны были наносить главный удар на виленском направлении и далее на Берлин. Как раз для этого на их участках были собраны 70% всей живой силы и техники (1,2 млн против 620 тысяч у немцев).

Интересно, что при этом ничуть не изменившийся с японской войны сам Куропаткин утверждал, что «на успех его фронта рассчитывать очень трудно... как это видно из предыдущих неудачных попыток к наступлению, прорыв фронта немцев совершенно невероятен, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу; скорее, нужно полагать, мы понесем громадные безрезультатные потери». Надо полагать, у русской армии был катастрофический кадровый голод, если войска в бой вели столь мало-пригодные к этому военные деятели и одиозные личности, как Сухомлинов, Иванов, Куропаткин. Последнего терпеть не мог великий князь Николай Николаевич, и пока он был главнокомандующим, Куропаткина и близко к войскам не подпу-

скал (Григория Распутина, кстати, тоже. Известен его ответ на телеграмму «старца», который выражал желание приехать в Ставку «помолиться за воинов» — «приезжай, повешу»). Государь, посчитавший себя выдающимся стратегом и возглавивший армию, вынул из нафталина своего любимца Куропаткина и назначил его командовать сначала гренадерским корпусом, а затем Северным фронтом. Провалил несколько попыток наступления на своих участках, объясняя это «несоответственным употреблением артиллерии, дурной погодой и отсутствием сносных дорог в районе атак». Кто бы мог подумать, что в марте в болотистой Курляндии может быть плохая погода?

Куропаткин и Эверт выступили с оригинальным предложением — вообще не наступать, а дожидаться, когда промышленность сможет обеспечить армию тяжелой артиллерией в полной мере. А до этого отсиживаться в окопах.

Брусилов же был уверен, что не только может, но и должен наступать, хотя бы для того, чтобы не дать возможность немцам перебрасывать резервы с его фронта на Западный и Северный. Его поддержал начальник штаба Верховного главнокомандующего Алексеев, заметив, однако, чтобы тот не рассчитывал на дополнительные резервы — все пойдет ни на йоту не верящим в успех Эверту и Куропаткину. Было принято решение в начале июня главный удар наносить на Вильно, вспомогательный Юго-Западным фронтом — на Луцк.

Следует заметить, что сразу же после совещания в Ставке генерал Иванов примчался к Николаю II и, как пишет Деникин, «со слезами на глазах умолял его не допускать наступления Брусилова, так как войска переутомлены и все кончится катастрофой». Оторопевший от такого коварства своих генералов государь отказался менять планы.

В чем-то Брусилову действительно повезло. Не верившие в дееспособность русских после столь ощутимых поражений годичной давности немцы перебросили с его участка фронта несколько своих дивизий во Францию под Верден, где разворачивалась кровавая драма, стоившая обеим сторонам около миллиона солдат. Это позволило создать некоторый перевес в живой силе (почти 600 тысяч пехоты и кавалерии против 490 тысяч у немцев и австрийцев к началу операции).

Наступление фронта должно было начаться в июне, но 11 мая Алексеев прислал Брусилову телеграмму о том, что итальянцы

потерпели очередное поражение от австрийцев на реке Изонцо в Альпах и умоляют о скорейшем начале русского наступления. Поэтому его подготовка была ускорена на полмесяца.

22 мая мощной артподготовкой с 3 до 9 часов утра первая линия обороны союзников была практически сметена. Вслед за этим «русский паровой каток» в составе 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армий ринулся в атаку сразу на 13 участках фронта. Это было ноу-хау Брусилова, которого уговаривали не расплывать силы, а сконцентрировать их только на одном участке. Однако тот предпочел вместо одного ударного кулака создать «чертову дюжину» кулаков, чтобы немцы с резервами метались по всему фронту, не понимая, где им затыкать дыры.

Основной упор делался на испытанную 8-ю армию Каледина, в составе которой находилась дивизия Деникина, уже один раз бравшая Луцк. На этот раз не требовалось даже расплывать самолюбие начдива. Город пал уже через два дня, в плен угодили 45 тысяч солдат и офицеров, а 4-я армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда практически перестала существовать. За доблесть, проявленную при захвате Луцка в мае 1916 года, начдив был удостоен редкой награды — «Георгиевское оружие, бриллиантами украшенное». Награда давалась не только за личный подвиг, но и по той причине, когда этот подвиг имел большое общественное значение.

9-я армия генерала от инфантерии Платона Лечицкого ворвалась в Буковину, в пух и прах разнесла 7-ю австрийскую армию, взяв Черновцы и 50 тысяч пленных.

Союзники попытались было атаковать, перебросив две немецкие дивизии обратно из-под Вердена и две австрийские с итальянского театра военных действий. Против четырех русских дивизий было брошено девять австро-германских, но их за пару дней закатал в асфальт «паровой каток» армии Каледина, выбросив остатки за реку Стырь.

Интересно, что сам Брусилов в изданных в советское время воспоминаниях весьма критически отзываясь о командарме: «Собственно продвижение Каледина к Владимиру-Волыньскому мною одобрено не было; произошло оно и не по его указанию, а вследствие горячности войск при преследовании разбитого противника; мною же ему многократно доказывалось, и сам я два раза к нему ездил для того, чтобы заставить его, держась к западу оборонительно, обратить все свое внимание и все свои

силы для захвата Ковеля. Но странный был характер у Каледина: невзирая на полную успешность действий он все время плакался, что находится в критическом положении и ожидает ежедневно, по совершенно неизвестным причинам, как армии, так и себе погибели; управление войсками было у него нерешительное, колеблющееся. В свою очередь, войска видели его мало, а когда видели, то замечали лишь угрюмого, молчаливого генерала, с ними не говорившего и их не благодарившего; его не любили и ему не доверяли».

Сплошная конъюнктура. Как раз 8-я армия шла в этой кампании от победы к победе, гоня союзников все дальше на Запад. Брусилову поневоле пришлось «корректировать» мемуары (или за него это делали другие), в которых лидеры Белого движения Корнилов, Каледин, Деникин были представлены недисциплинированными и бездарными генералами. На самом деле «вторая шашка» России Каледин («первая шашка» — командующий знаменитым 3-м конным корпусом генерал граф Федор Келлер, громивший австрийцев по соседству в Буковине, «третья шашка» — начальник Уссурийской конной дивизии генерал Александр Крымов) был исключительно одаренным военачальником. Не случайно именно его сделали командующим лучшей в той войне русской армии.

Вряд ли сегодня в вайнахских горах можно найти хоть одну семью, в которой бы вам не сказали, что входивший в состав Туземной, или Дикой, дивизии Чеченский полк (в Ингушетии будут утверждать, что именно Ингушский полк) наголову разбил Стальную дивизию германцев, взяв тысячи пленных. Будут доказывать это якобы даже имевшей место благодарственной телеграммой Николая II. Для национального самолюбия этот елей ласкает уши почище нежнейшего объяснения в любви. Жаль, что он не имеет ничего общего с историей. По той простой причине, что Дикая дивизия в тот момент находилась совершенно на другом участке фронта, в Буковине. А схлестнуться со «стальными» в ходе их контрудара как раз пришлось русским «железным».

17 июня «железные стрелки» Деникина у Киселина и Затурцев сошлись со знаменитой 20-й Брауншвейгской «Стальной» пехотной дивизией, которая вместе с 19-й Ганноверской входила в состав 10-го Нижнесаксонского корпуса генерала Вальтера фон Лютвица, пытавшегося прорвать оборону 8-й армии.

«Стальные» годом ранее участвовали в Горлицком прорыве, где преградили русским путь в Венгрию. Брауншвейгцы пользуются в Германии репутацией людей сильных, хладнокровных, спокойных и молчаливых, а ганноверцы — упорных. Упрямство же деникинских стрелков было доказано уже двумя годами войны. Стало быть, сам Марс велел заскрежетать металлу о металл так, чтобы кровавые искры посыпались.

Деникин писал об этих боях: «четыре дня немцы засыпали нас тысячами снарядов, много раз переходили в атаки, неизменно отбиваемые. И однажды утром перед их позицией появился плакат «Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, а все же мы вас разобьем!». «А ну, попробуй!» — гласил короткий ответ моих стрелков. 20 июня, после 42-й атаки, «Стальную» дивизию, ввиду больших потерь, отвели в резерв. Но и в наших полках, особенно в 14-м и 16-м, оставалось по 300–400 человек».

Можно себе представить, что такое 42 атаки «молчаливых» и «упорных» тевтонов, стальными касками пытавшихся пробить брешь в железной обороне Деникина. Однако эти каски они об него и разбили. Удивительно, как в гуще боев и непрерывных обстрелов Деникин умудрялся выкраивать время для чтения — захлеб читал модного тогда итальянского писателя-романтика Габриэле д'Аннунцио.

Как писал об этих боях на тот момент генерал-квартирмейстер германской армии генерал Эрих фон Людендорф: «Русская атака в излучине Стыри, восточнее Луцка, имела полный успех. Австро-венгерские войска были прорваны в нескольких местах, германские части, которые шли на помощь, также оказались здесь в тяжелом положении, и 7 июля генерал фон Линзинген был принужден отвести свое левое крыло за Стоход. Туда же пришлось отвести с участка южнее Припяти правое крыло фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, где была расположена часть армейской группы Гронау.

Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте. Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало».

К 1 июля наступление фронта вышло на реку Стоход, где и затормозилось. Этому способствовало то, что намеревавшиеся атаковать одновременно с Юго-Западным фронтом Эверт и Куропаткин несколько раз переносили даты начала наступления, опоздав на месяц, в результате чего «вспомогательный»

удар Брусилова оказался главным и самым успешным. Причем наступление Куропаткина с Рижского плацдарма, как и Эверта на Барановичи, закончилось лишь огромными потерями, не принеся никаких результатов.

В августе Брусилов продолжил давление на немцев и австрийцев, разбивая их дивизии по мере их поступления с Западного фронта. Однако протиснулся лишь в Буковину и Карпатскую Русь, взяв Станислав (ныне — Ивано-Франковск). С одной стороны, при пассивности других фронтов союзники имели возможность перебрасывать свои войска в Галицию и Буковину, с другой, видя позицию «коллег», и сам Брусилов решил поберечь силы. Стратегического смысла бесплодных и кровавых атак на Стоходе уже не было.

К осени боевые действия на фронте стали затихать, обе стороны уже были вымотаны до предела (у русских более 62 тысяч погибло и умерло от ран). Однако главную свою потерю понес начальник 4-й стрелковой дивизии Деникин — осенью в Киеве, на квартире сына на Большой Житомирской улице от воспаления легких скончалась его 73-летняя мать Айжбета-Елизавета. Долго и мучительно она болела, восемь месяцев не вставала с постели. «Впереди жуткая пустота и подлинное одиночество. У меня ведь никого нет, кроме нее», — писал он своей будущей жене Ксении Чиж.

В результате Брусиловского прорыва Центральные державы понесли самые значительные потери за одну кампанию в этой войне — 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными. Для того чтобы остановить «русский паровой каток», им пришлось перебрасывать с Западного, Итальянского и Салоникского фронтов 31 пехотную и 3 кавалерийские дивизии (более 400 тысяч штыков и сабель), включая две турецкие. Это не только спасло Италию от разгрома, но и позволило ей выиграть наконец седьмую битву на реке Изонцо. На Западном фронте англичане и французы вздохнули спокойно под Верденом и смогли успешнее маневрировать в сражении на Сомме. Австро-Венгрия после колоссальных потерь (500 тысяч одних пленных) была уже небоеспособной. 86-летний император Франц-Иосиф не выдержал подобной встряски и вскоре отошел в мир, где нет войн.

Более того, бывшая ранее нейтральной Румыния после громких побед России приняла решение о вступлении в войну на стороне Антанты. На свою и нашу головы.

Сам Брусилов отмечал впоследствии: «Эта операция доказывает также, что мнение, почему-то распространившееся в России, будто после неудач 1915 года русская армия уже развалилась — неправильно: в 1916 году она еще была крепка и, безусловно, боеспособна, ибо она разбила значительно сильнее-шего врага и одержала такие успехи, которых до этого времени ни одна армия не имела».

ПУТЬ К РАЗВАЛУ

Действия Деникина были оценены по достоинству. Историк Дмитрий Лехович приводит воспоминания одного из подчиненных Деникина по 8-й армии: «Не было ни одной операции, которой он не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого бы он не выиграл. Я в то время был начальником оперативного отделения и генерал-квартирмейстером в штабе Брусилова. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами...

Перед войсками он держал себя просто, без всякой театральности. Его приказы были краткие, лишённые «огненных слов», но сильные и ясные для исполнения. Он был всегда спокоен во время боев и всегда лично был там, где обстановка требовала его присутствия. Его любили и офицеры, и солдаты... Он никогда не ездил на поклон к начальству. Если его вызывали в высокий штаб по делам службы, то он держал себя со своими высшими командирами корректно, но свободно и независимо. Он не стеснялся в критике отдававшихся ему распоряжений, если они были нецелесообразны, но делал это мягко, никого не задевая и не обижая... Деникин всегда расценивал обстановку трезво, на мелочи не обращал внимания и никогда не терял духа в тревожную минуту, а немедленно принимал меры для парирования угрозы со стороны противника. При самой дурной обстановке он не только был спокоен, но готов был пошутить, заражая других своей бодростью. В работе он не любил суеты и бессмысленной спешки... В частной жизни генерал Деникин был очень скромн, никогда не позволял себе никаких излишеств, жил просто, пил мало — рюмку-две водки, да ста-

кан вина. Единственным его баловством было покурить хорошую сигару, в чем он понимал толк... В товарищеском кругу он был центром собрания... так как подмечал в жизни самое существенное, верное и интересное и многое умел представить в юмористической форме».

Сам комфронта Брусилов с подачи советской редакции был как обычно резок. В его характеристике Деникин «не без хитрости, очень самолюбив, честолюбив и властолюбив. У него совершенно отсутствует чувство справедливости и нелицеприятия: руководствуется же он по преимуществу соображениями личного характера. Он лично храбрый и в бою решительный, но соседи его не любили и постоянно жаловались на то, что он часто старается пользоваться плодами их успехов». Надо полагать, под «соседями» Брусилов имел в виду его старую «луцкую» свару с генералом Зайончковским, который, как и он, перешел на службу в Красную Армию и стал профессором Военной академии имени Фрунзе. Нет сомнений, что уж он-то преподавал слушателям опыт сражения под Луцком так, как ему надо было.

«Политик плохой, в высшей степени прямолинейный, совершенно... не принимавший в расчет обстановку, что впоследствии ясно обнаружилось во время революции», — добавлял о Деникине Брусилов. Заметим, что как раз политиком Деникин себя никогда не считал, он всегда был в первую очередь военным. А о том, как он понимал обстановку, свидетельствуют его награды и успешное командование в ходе всей мировой войны.

В сентябре 1916 года он получил 8-й армейский корпус, оставив «железных стрелков», которые под его командованием за эту войну взяли 70 тысяч одними пленными и 49 орудий.

Его корпус перебрасывался на поддержку так некстати и неудачно ввязавшейся в мировую бойню Румынии, в мгновение ока разбитой двумя немецкими армиями Эриха фон Фалькенхайна и Августа фон Макензена. Треть румынской армии угодила в плен, был сдан Бухарест, и лишь срочная переброска на Дунай трех русских армий из состава Юго-Западного и Западного фронтов смогла остановить наступление немцев.

Второстепенный театр военных действий позволил 44-летнему Деникину сделать относительную передышку в боевых операциях и попытаться навести порядок в личной жизни, где после смерти матери зияла оглушительная пустота.

Романтическая история любви и женитьбы прославленного генерала опутана облаком тайн. По признанию его дочери Марины, отец познакомился с будущим тестем случайно, когда служил еще в польской Беле, во 2-й артиллерийской бригаде. Когда он был на охоте, то вдруг услышал чей-то крик о помощи. Кричал мужчина, который выстрелом ранил кабана, но разъяренное животное набросилось на него, и тому пришлось повиснуть на ветке, не успев перезарядить ружье. Опытный офицер кабана добил, после чего познакомился со спасенным — им оказался местный налоговый инспектор Василий Чиж. Тот тут же пригласил Деникина к себе в дом на крестины дочери Ксении, как оказалось впоследствии, его будущей жены. Марина Деникина пишет о матери: «После русско-японской войны ее родители развелись. Отец тогда вернулся с фронта и узнал, что Ася (домашнее прозвище Ксении Чиж. — *Прим. автора*) остается с дедом и бабушкой. Деникин был уже полковником, когда его назначили в Варшаву, а Асю поместили в школу для благородных девиц в том же городе. Ее мать, выйдя замуж, попросила Деникина, раз он все равно в Варшаве, по воскресеньям выводить девочку на прогулку — ей тогда было лет 12–13. Он и водил — сперва заставлял ее вычистить ногти, а следом вел в кондитерскую, гулять. Потом папа был назначен под Самару, они не виделись долгое время. Незадолго до начала войны проезжал через местечко, где Ася жила, решил заглянуть — ей тогда было уже под восемнадцать. И влюбился. Она — совсем нет: Ася обожала одного высокого блондина, а папа мой был среднего роста и брюнет, впоследствии и вовсе лысый. Но ее жениха убили, кажется, на десятый день войны. И она вспомнила о старом друге — Ася знала, что симпатична ему. Написала. Он ответил».

По другим данным, Василий Чиж был майором-артиллеристом в отставке, служил в той же 2-й артбригаде, что и Деникин. По третьей версии, он носил лампасы генерала. А сам Деникин был как раз влюблен в его жену, из-за чего те вроде бы как и развелись. Дальше этого роман не пошел, но зато ее дочь прекрасно запомнила друга семьи, который на ее трехлетие подарил куклу с закрывающимися глазками, и сама нашла его на фронте. Нашла тоже не сразу. По утверждению дочери Деникина Марины, Ася была влюблена в корнета 13-го Нарвского гусарского полка Михаила Масловского, молодые уже собирались пожениться, но началась война. А в октябре 1914 года ей

передали известие о гибели жениха. Погоревав немного и бросив обучение на историческом факультете Петроградского университета (до этого блестяще закончила Александро-Мариинский институт), Ася случайно встретила в газетах имя старого друга семьи, о котором восторженно писали как о герое войны. После чего решила навестить в Киеве его мать, для чего-то сообщив ей, что несколько раз писала генералу, но тот якобы не ответил. Пани Айжбета, конечно возмутилась и выбрала сына за несущую вину.

В любом случае эта история так и осталась семейной тайной Деникиных.

Переписка между 44-летним боевым генералом и 18-летней нежной курсисткой началась в 1915 году. А уже через год изнывающий от одиночества и одуревший от войны Деникин сделал своей бывшей воспитаннице формальное предложение брака, оговорив условие, что реализовать его можно будет лишь по окончании войны. Надеялся ли он сам дожить до ее окончания? Верил ли, что Ксения станет его ждать? Жизнь доказала, что 26-летняя разница в возрасте гарантировала ему верную и преданную супругу в будущем.

Но тогда, в начале 1917 года, все было совсем не так очевидно. Армия готовилась к новой кампании, а значит, к новым кровопролитным боям и новым многочисленным жертвам.

Кто знает, как пошла бы война дальше, не будь Февральской революции и не прояви себя последний Романов последним капитулянтом. Ссылки последних лет на то, что якобы новоявленный русский святой не желал проливать русской крови, абсолютно несостоятельны. На Ходынке ее была река, в войне с Японией за лесные концессии на Ялу — море, в Первой мировой войне неизвестно за что — океан. Да и, прямо скажем, не собирался Николай II спокойно смотреть на начавшиеся беспорядки в столице — послал туда карательный отряд во главе с генералом Ивановым с отнюдь не миротворческими целями. Другое дело, что выбор карателя для падающего самодержца как всегда был на редкость неудачен — Иванов уже достаточно показал себя в ходе войны, чтобы не доверять ему важные военные экспедиции.

В любом случае 300-летняя история Дома Романовых завершилась на железнодорожной станции под Псковом с характерным названием — Дно.

Впрочем, и сама армия была уже другая. Не та, которая в массе своей в 1905 году не пошла за революционерами, подчиняясь приказам офицеров и данной присяге. В начале 1917 года, после трех лет изнурительной, полной грандиозных потерь и разочарований войны она стала совсем другой.

Потеря авторитета в войсках началась, как всегда, с головы — сказалась слабая подготовка генералитета и высшего офицерства. За три года войны пришлось отрешить от должности четырех главнокомандующих фронтами (из них один вообще оказался с параличом мозга), нескольких командующих армиями, массу корпусных командиров и начальников дивизий. В той самой 8-й армии Брусилов с первых же дней боев снял с командования трех начдивов и одного комкора.

Самые смелые кадровые офицеры, особенно в пехоте (в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках, на флоте дело обстояло лучше), были выбиты еще в начале войны, заменившие их офицеры из интеллигенции и разночинцев, а зачастую и из инородцев (ввиду больших потерь национальность офицерского корпуса уже не имела значения), не связанные с военными традициями и вековыми понятиями о долге, ни в какое сравнение с ними не шли ни по боевым, ни по моральным соображениям. Среди выпускников военных училищ эпохи мировой войны (около 80 тысяч человек) доля дворян не превышала 10%. А в 1916–1917 годах 60% офицеров вышли из училищ, имея на плечах погоны, а за плечами — крестьянское происхождение. Среди прапорщиков этот процент был еще выше. Из-за огромной убыли личного состава в офицеры зачисляли всех, кто окончил гимназию, реальное училище и т.п. То есть фактически любого мало-мальски образованного человека. Сословная каста оказалась размыта напрочь. Идея «доблестно умереть за Россию» уже мало кого занимала.

Солдатская масса, в значительной степени крестьянская, за все три года так и не смогла поверить, что эта война «Вторая Отечественная», а не чуждая им «война за Дарданеллы». Убедить ее в этом было попросту некому, в верхах на это не обращали внимания, считая, что «серая скотинка» и так беспрекословно должна исполнять свой долг. Там никто так и не понял, что времена изменились. Столыпинские реформы принесли крестьянству не только землю и собственность, но и грамотность. Это в плохих фильмах солдатам под нос совали счет из

ресторана, и те принимали его за нужный «мандат». На самом деле грамотность среди низших (в первую очередь славянских) слоев населения в предвоенные годы значительно возросла. С 1908 по 1914 год бюджет народного образования удалось увеличить втрое (с 45,9 до 97,6 млн рублей), в России было открыто 50 тысяч новых школ (всего функционировало свыше 100 тысяч начальных школ). Согласно статистическим очеркам «Население России за 100 лет», процент грамотных среди принятых на военную службу в 1913 году составил 67,8%.

Так что «человек с ружьем» отнюдь не был таким забытым, каким его хотели бы представить в пропагандистских целях различные политические группировки. Соответственно, поражения солдатская масса стала приписывать уже не бездарному командованию, а изменам в генеральской среде, многие из которой носили немецкие фамилии. Особенно остро это проявилось во флоте, что вскоре вылилось в ряд кровавых расправ над офицерами и адмиралами.

К тому же в воюющей солдатской среде широкое хождение получили подробности придворной жизни и походов Григория Распутина, приукрашенные до размеров гротеска. Очень старались пропагандисты всех мастей — от либералов до большевиков. Понятно, что к началу 1917 года авторитет царской власти в широких солдатских кругах упал ниже окопа, а царицу, вслед за видными думцами, солдаты открыто обвиняли в «глупости и измене». Вряд ли на этом фоне у многих из служивых просыпался энтузиазм подставлять папаху под германские пули.

Следует подчеркнуть еще одну немаловажную деталь — то, чем столько веков гордилась Россия, авторитет православия серьезно пошатнулся. Причиной этого были не только стяжательство, пьянство и блуд низшего духовенства (это было испокон веков и продолжается по сей день, чего там греха таить). Активное участие святых отцов в погромах времен первой русской революции, в скандалах, связанных с распутинщиной, в коммерческих делах крепнущего промышленного капитала уважения им не добавило. Достаточно вспомнить персонажей из этого сословия, принадлежащих перьям Антона Чехова, Максима Горького, Льва Толстого, Леонида Андреева, Александра Куприна и др. Душа солдатская с одной стороны черствела под воздействием деградации этого сословия, с другой — под влиянием военных испытаний, не способствующих

развитию гуманизма и богобоязни. Как писал Деникин: *«Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смиренности, всепрощении — народ пустыне христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все — и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов — имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения...»*

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны — моральное огрубение и ожесточение, с другой — как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок».

Нельзя сбрасывать со счетов активную подрывную деятельность либеральных кругов, рвущихся к власти. Обделенные своим местом у кормила империи кадеты, народные социалисты, октябристы, эсдеки, националисты сами мечтали дорваться до министерских портфелей, дабы поуправлять страной так, как они сами считали нужным. Каждый из них «любил Россию» в свою пользу и полагал, что именно его обошли справедливым распределением материальных и политических благ.

В офицерских собраниях и кают-компаниях уже не шептались, а открыто говорили о предстоящем думском перево-

роте, в окопах травили байки про царицу и Распутина, кляли на все лады высшую власть, правительство, помещиков и отцов-командиров, заставлявших их за эту власть проливать кровь. Отсутствие решающих побед на фронтах и громадные потери сеяли уныние и нежелание идти в бой. Брошенный в окопы лозунг любой политической силы о мире мог стать решающим для штыка в землю и анархии на фронте.

Ситуацию подогревали письма из дома. Восемь млн оторванных от сохи и станка кормильцев семей — слишком много даже для обильной людскими ресурсами России. Обнищание и нерешенность земельного вопроса нервировали больше слухов об «изменах в верхах». В самих «верхах» властвовали уже не разум и воля, а лихо отплясывала «нечистая сила», выдавившая из власти (или уложившая в могилу) все самое умное, конструктивное, позитивное. Наглядный пример этому — последний министр внутренних дел Александр Протопопов, угодивший в итоге прямо с министерского кресла в психушку. Но даже этот «псих» свидетельствовал: «Финансы расстроены, товарооборот нарушен, производительность труда на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность. Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков была несчастна. Города голодали, деревня была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли, развилась продажа «из-под полы», получилось мародерство... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом... Упорядочить дело было некому. Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было. Верховная власть перестала быть источником жизни и света».

Не надо быть особо прозорливым, чтобы понять, что «масоны» или «пламенные революционеры» здесь ни при чем. «Революционную ситуацию» создал один человек — Николай Александрович Романов, последний русский монарх.

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

«Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в

государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты». Это мнение будущего главы Белого движения генерал-лейтенанта Антона Деникина, так увидевшего крушение царской власти с Румынского фронта.

Беспорядки в Петрограде, вспыхнувшие 27 февраля с подачи унтер-офицера Волынского запасного полка Тимофея Кирпичникова (взбунтовавшиеся волынцы прикончили начальника своей учебной команды штабс-капитана Ивана Лашкевича), затем прокатившиеся по всем подразделениям столичного гарнизона, поддержанные населением города и наиболее активными членами оппозиции в Государственной Думе, в итоге привели к цепной реакции, которую уже не мог контролировать никто. Ни власть, ни люди, на нее покушавшиеся. Джинн революции был выпущен из бутылки и быстро превратился в тот самый знаменитый «русский бунт бессмысленный и беспощадный». «Великая бескровная революция» только в Петрограде стоила 1443 убитых и раненых, среди которых значились 60 офицеров и 809 нижних чинов. Больше 100 офицеров и адмиралов были убиты на Балтике.

К концу февраля апокалипсический хаос в столице достиг апогея — уже никто ничем не управлял. Полиция и жандармы на улицу носа не казали, могли растерзать, банды грабителей сновали средь бела дня, грабя и убивая запросто. Забастовки, митинги, демонстрации, флаги, крики «Долой!», все на свете — от спекуляции до трона. Солдаты бегали из казарм на митинги, и не думая слушаться приказов офицеров. Те сами в казармах не рисковали появляться, участились случаи самосуда. Власть валялась под ногами, к ней уже потянулись десятки рук, но никто не знал, продержится ли он у власти хотя бы больше суток.

Впоследствии несколько офицеров — участников событий уверяли Деникина, что «растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что один твердый батальон, во главе с начальником, понимающим чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку».

Видимо, эти офицеры сами плохо разбирались в обстановке. В громадном Петроградском гарнизоне (всего 460 тысяч шты-

ков и сабель, из которых 200 тысяч в городе) не нашлось ни одного верного правительству батальона. Даже опора трона — казачество отказалось выступить на подавление беспорядков. Вся гвардия была на фронте. Крошечный отряд полковника Александра Кутепова (будущий лидер Белого движения), который попытался было восстановить порядок в районе Адмиралтейства, не видя поддержки от войск округа, вскоре разбежался. Сам император получил только ДВЕ телеграммы с предложением реальной поддержки — от командира 3-го конного корпуса графа Федора Келлера и командира гвардейского кавкорпуса генерала от кавалерии хана Гусейна Нахичеванского. Однако стояло ли за этим что-либо реальное, кроме личных чувств отважных кавалеристов?

«Каратели» генерала Иванова, посланные из Могилева в Петроград на усмирение, изо всех сил не спешили в столицу, правдами и неправдами саботируя собственное движение, пока окончательно не застряли далеко от Невы. Сам помазанник божий, которому ВСЕ командующие фронтами отказали в вооруженной поддержке, сумел доехать только до псковской станции Дно, где его встретили видные думцы Василий Шульгин и Александр Гучков, фактически в ультимативной форме потребовавшие от него отречения. Утомленный сплошными невзгодами, Николай сложил с себя корону, подписав отречение за себя и за сына Алексея (на что, кстати, не имел права), спустив «на дно» не только династию, но и всю империю.

Власть в России юридически перешла к Временному комитету Государственной Думы, тут же образовавшему Временное правительство во главе с князем Георгием Львовым и с министрами, представлявшими либеральные партии.

Интересно, что в 1920 году, когда Деникин в Лондоне беседовал с одним из самых активных думцев Павлом Милюковым, генерал спросил у него, почему премьером сделали именно князя Львова, которого всерьез никто не принимал. На что опытный политик ответил по-солдатски: «Выдвигались два кандидата: один — заведомая жопа, а другого хорошо еще не знали».

Однако к этому времени в Петрограде уже функционировал Совет рабочих и солдатских депутатов, составленный из эсеров и меньшевиков (во главе — меньшевик Николай Чхеидзе), который также претендовал на всю полноту власти. А поскольку

влияние левых на толпу было несопоставимо с влиянием буржуазных партий, Временному правительству пришлось «проглотить» и первый же фортель Петросовета — так называемый приказ № 1, пустивший под откос всю военную машину рухнувшей империи. Заметим, подготовленный ДО ТОГО, как в России появилась легитимная власть в лице Временного правительства, утвержденного лишь на следующий день — 2 марта. «Вся власть Советам» стала реальностью ЗА СУТКИ до установления столь ругаемого всеми двоевластия.

Это было неслыханно. В разгар войны вводить в армии выборность командования, отменять чинопочитание, согласовывать приказы вышестоящего начальства с комитетами, представители которых и слышать не хотели о боевых действиях, — об этом не могли и мечтать в немецком Генштабе. По сути вся структура военной власти оказывалась парализованной. Армия покатила под откос.

В Германии вздохнули спокойно. «Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны, — писал в своем дневнике генерал Эрих Людендорф, — Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно. Я почувствовал, что с меня спала очень большая тяжесть». Хотя уже в позднейших его изданиях он вынужден был признать: «Но я не мог предположить, что она станет могилой для нашего могущества».

Кто именно был автором этого шедевра, установить так и не удалось. Специальное расследование их не обнаружило. В Петросовете быстро одумались, и Керенский с Чхеидзе на всех углах начали кричать, что не имеют к приказу № 1 никакого отношения. Сам Александр Керенский по-актерски заламывал руки и утверждал, что «отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан».

Потом конечно, в Петросовете оправдывались тем, что якобы приказ был подписан перед лицом толпы солдат, собравшейся перед Таврическим дворцом и которая-де могла в любой момент растерзать отказавшихся пойти им на уступки. К примеру, товарищ председателя вновь возникшего Совета рабочих и солдатских депутатов Матвей Скобелев писал: «должен сознаться, что когда я в начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную Думу, и обратился к ним

с речью, я был почти убежден, что говорю одну из своих последних речей, что пройдет несколько дней и я буду расстрелян или повешен».

Все тщетно. Приказ был быстро спущен в войска, где солдаты обомлели от таких неслыханных послаблений и лихо кинулись на выборы в комитеты удобных им офицеров, фельдшеров, писарей из «социально близких». Само собой что составленный из таких кадров комитет ни за что бы не проголосовал за наступление или за оборону «до последней капли крови».

С другой стороны, далеко не все даже высшие чины в армии сами поняли произошедшие перемены. Деникин писал: «Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех их являлись два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям».

К тому же само отречение освобождало офицеров от присяги, данной им последнему самодержцу.

Вместе с актом отречения Николай II вместо себя вернул на пост Верховного главнокомандующего популярного в войсках великого князя Николая Николаевича, руководившего до этого самым успешным Кавказским фронтом. Даже дядя павшего самодержца поначалу не разобрался в февральской свистопляске, приняв командование и издав свой первый приказ: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

Однако, прибыв в Ставку в Могилев, он обнаружил там другого Главковерха, назначенного Временным правительством, генерала Алексеева. Все понял и отбыл в отставку в свое имение Чаир в Крыму.

Назначение Алексеева принесло перемены и в судьбе самого командира 8-го корпуса Румынского фронта генерала Деникина. Его телеграммой срочно вызвали в столицу, отказываясь называть причину. У кого бы он ни спрашивал, зачем, все недоменно пожимали плечами. Узнал он ее совершенно случайно. Проезжая через Киев, услышал вопли мальчишки-газетчика: «Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего». Таковы были реалии нового времени — о своем назначении генералы узнавали из газет.

СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Первые дни новой власти можно смело характеризовать одним термином — лицемерие. Врали все — от премьер-министра до последнего площадного оратора. Лицемерили отчаянно, талантливо и расчетливо. Используя самые низменные струны темных масс и играя на чувствах большинства «людей с ружьем». Заигрывали с погромщиками, смутьянами, бунтарями, дезертирами, уголовниками.

Премьер князь Львов с трибуны вещал: «Процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души». Однако в разговоре с главверхом Алексеевым он же на чем свет стоит костерил «невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые все более растущей в Совете и в стране демагогией».

Министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков клялся в патриотизме, в верности союзникам и в войне до победного конца «за Дарданеллы», при этом признаваясь в частной беседе: «Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны. Заметьте также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая (1917 года. — *Прим. автора*) наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования».

Присяжный поверенный Александр Керенский, ставший в 35 лет министром юстиции, этот «заложник демократии»

обрушивался на патриотически настроенное офицерство, как на «осколки старого режима», продвигая власть в солдатские комитеты. Сам же, когда его никто не слышал, истерически швырял своему адъютанту: «Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!»

Лидеры Совдепа Николай Чхеидзе и Матвей Скобелев, рвавшие рубаху на митингах и заседаниях Временного правительства за «полную демократизацию армии», в перерывах заседаний в частном разговоре за стаканом чая признавали необходимость суровой военной дисциплины и жаловались на свое бессилие провести эту идею через Совдеп.

Популярный в войсках и считавшийся «своим» для солдатской массы генерал Брусилов, ставший главкомом, заигрывал с могилевским советом, приглашал к себе для бесед, убеждал, что не допустит в Ставке проявления контрреволюционного движения. Ратовавший за освобождение армии от «консерваторов» генерал потом признавался Деникину: «Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю».

Даже любимец и надежда офицерского корпуса генерал Лавр Корнилов, назначенный 5 марта «первым революционным командующим» Петроградского военного округа, не побрезговал популизмом. Будущий глава Белого движения повел себя более чем революционно. Сначала он явился в Царскосельский дворец и арестовал царскую семью, затем лично вручил Георгиевский крест 4-й степени унтеру Кирпичникову как «герою революции», присвоив ему чин подпрапорщика.

Кстати, это не помешает менее чем через год полковнику Кутепову явившегося к Корнилову на Дон наниматься добровольцем «подпрапорщика» за шиворот выволочь за ближайший сарай и пустить «в расход». В память о бунте Волынского полка.

Врали интернационалисты во главе с Львом Троцким, проповедуя «мир без аннексий и контрибуций», тем временем пытаясь сколотить вооруженные отряды для откровенной Гражданской войны. Врали вошедшие в состав Временного правительства эсеры, ратовавшие за «порядок в стране», а на деле закрывавшие глаза на буйства своих главных избирателей — крестьянства, кинувшегося жечь помещичьи усадьбы и делить

«буржуйское» имущество и землю. Врали большевики, называвшие себя «пролетарской партией», а на деле устами своего лидера Ленина объявлявшие мелкобуржуазным и «контрреволюционным» весь без исключения «сельский пролетариат» — крестьянство.

Лицемерили и врали все, ибо речь шла о власти. А в борьбе за нее ни чести, ни совести быть не может.

Новое назначение Деникина в Ставке получилось несколько сомнительным. Сам главнокомандующий генерал Алексеев, три последних месяца лечившийся в Крыму от серьезной болезни почек, явно метил оставить в этой должности генерала от инфантерии Владислава Клембовского, бывшего начальника штаба Юго-Западного фронта в период «Брусиловского прорыва», и не скрывал своего разочарования назначенцем Временного правительства. Понимал, что это дело рук самого министра Александра Гучкова, мечтавшего «подпереть» непредсказуемого Верховного считавшимся «демократичным» боевым генералом, хотя и лично его не знавшего. Зато читал публикации генерала в прессе с критикой военной бюрократии и непрофессионализма. Не последнюю роль играло и то, что Деникин происходил из «низов» и вроде как был социально близким опиравшемуся на популизм Временному правительству.

Как сам Деникин описывает свою первую встречу в Ставке в Могилеве с главнокомандующим:

«Алексеев, конечно, обиделся.

— Ну что же, раз приказано...

Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе — отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, «ну что же, будем вместе работать»...

Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса.

— При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между

вами и правительством, заявлю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев вдруг переменял тон:

— Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, — уйти на первую открывающуюся армию. Надо вот только поговорить с Клембовским: он, конечно, помощником не останется...

Простились уже не так холодно».

Понятно, что при таком настроении работать вместе было достаточно сложно. Милейший старик и хороший военный стратег, Алексеев был удивительно неуживчив практически со всеми лидерами Белого движения, с которыми его сводила судьба, — Калединым, Корниловым, Деникиным, Романовским, Лукомским, Богаевским, Красновым. В личных беседах генерал Алексеев говорил о себе: «Я — кухаркин сын, я человек простой, из низов и знаю жизнь низов, а генеральские верхи для меня чужие».

Его роль в руководстве армии и Белом движении еще не до конца понята, но весьма вероятно, что «генерал в калошах» только прикидывался простачком, будучи тоже «выходцем из народа» (сын солдата-сверхсрочника, выслужившегося в майоры, как и Иван Деникин). В тех обстоятельствах многие метили в «русские наполеоны» — Александр Керенский (даже копировал повадки и жесты корсиканца), Алексей Брусилов, Карл Маннергейм, Юзеф Пилсудский, Симон Петлюра, Михаил Тухачевский, Михаил Муравьев и пр.

Похоже, не миновала сия чаша и профессора Академии. Слишком уж двусмысленна его роль в отречении царя, когда начальник штаба Главковерха попросту саботировал все решения самодержца на отправку карателей в столицу, а затем фактически спровоцировал всех командующих фронтами и флотами на открытую акцию неподчинения Николаю II, что и привело к капитуляции на станции Дно. Кстати, сам император был очень привязан к Алексееву и считал его близким себе человеком, всячески поддерживая по службе и называя «мой косоглазый друг». Возможно, просто потому, что генерал не смел ни в чем ему перечить. Кроме разве что принципиального вопроса допуска в Ставку «старца» Распутина, заявив, что тут же уйдет со своего поста, если «он» появится в Могилеве.

В остальном же до поры до времени генерал явно вел двойную игру. К примеру, «резкое обострение болезни почек» у генерала началось как раз тогда, когда в столице вспыхнул скандал по поводу писем к нему Гучкова, в которых тот резко критиковал Царское Село и давал «рекомендации» Алексееву (а заодно генералам Рузскому и Крымову) по возможности захвата царя в Ставке и принуждению его к отречению.

Пока не погас скандал, он «лечил почки» (почему-то в Крыму, где пребывал в отставке его благодетель и противник самодержца великий князь Николай Николаевич, а не в Кисловодске, где обычно лечили ЖКТ), а когда шум стих и дело пошло к перевороту, вновь объявился в Ставке.

Потом он рассказывал наивному Деникину, что-то во время лечения в Крыму к нему якобы приходили визитеры с предложениями поучаствовать в будущем перевороте, а тот якобы дал им отлуп. Со слов Деникина: «Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот... Просили совета. Алексей в самой категоричной форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, и так не слишком твердо держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению переворота».

Однако все поведение Алексеева во время переворота свидетельствовало совершенно о другом.

К примеру, флаг-капитан императорской яхты «Штандарт» адмирал Константин Нилов открыто называл Алексеева «предателем». Завзятые монархисты сами чурались заслуженного стратега, зато среди думцев, с которыми по долгу службы он должен был контактировать перед самой Февральской революцией, Алексей слыл за своего человека, отчего и мгновенно был назначен главнокомандующим вместо монархиста Николая Николаевича. Одной из причин этого называют членство генерала в масонской «Военной ложе», откуда вышли многие высшие офицеры, в феврале объявившиеся в окружении Керенского.

Царский «друг» в самый разгар свалки в Петрограде как то удивительно оперативно поспешил разослать командующим фронтами циркулярную телеграмму вроде как не от себя, а всего

лишь «передавая слова Родзянко» о необходимости царского отречения. Добавляя при этом: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения».

Командующие намек поняли и все как один, включая великого князя Николая Николаевича, поддержали отречение. «Коленопреклоненно молит Его Величество спасти Россию и Наследника» (Николай Николаевич — Кавказский фронт); «единственный исход, без чего Россия пропадет» (генерал Брусилов — Юго-Западный фронт); решение «единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии» (генерал Эверт — Западный фронт); «рыдая, вынужден сказать, что отдать престол — наиболее безболезненный выход» (генерал Сахаров — Румынский фронт).

Это потом уже генерал Алексеев «прозреет» и якобы будет признавать свою «большую ошибку»: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушал их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола».

Следует заметить, что авторитет Алексеева для главкомов был непререкаем не только по своему служебному положению, но и по тому, как он поставил себя с подчиненными. То есть не ставил их ни в грош.

Последний протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский писал: «В Ставке и на фронте мне не раз приходилось слышать жалобы, что генерал Алексеев игнорирует главнокомандующих, не считаясь с их взглядами, мнениями и намерениями. В таких обвинениях, несомненно, было справедливо одно: с августа 1915 года по январь 1916 года ни в Ставке, ни на фронте не было ни одного совещания генерала Алексеева с фронтовыми военачальниками; дело ограничивалось телеграфными и письменными сношениями. При неопределенности нашего положения на фронте такой порядок мог угрожать неприятными последствиями прежде всего самому генералу Алексееву, ибо в случае неудач ответственность за принятые им, без совещания с главнокомандующими, решения падала на него одного. При недобросовестности же людской, властью генерала Алексеева могли объяснять и все неудачи, от чего бы они ни происходили».

Придя к вожделенной власти, Алексеев с ходу убрал с поста главкома Северного фронта считавшегося его приятелем

(и конкурентом на посту Верховного) «брата» по «Военной ложе» генерала Рузского. Тут же подгреб под себя абсолютно все руководство, от чего оперативники генерал-квартирмейстеры Александр Лукомский и Яков Юзефович места себе не находили — он не доверял им ни одной бумажки (Деникин прошел это уже в самом начале войны). Нервный Юзефович бился в истерике и просил назначения на дивизию: «Не могу я быть писарем. Зачем Ставке квартирмейстер, когда любой писарь может перепечатывать директивы».

При этом Алексеев начал окружать себя достаточно экстравагантными личностями, которые в «бонапарты» особо не метили. Понятно, почему такую досаду вызвало назначение «постороннего» генерала Деникина его начштаба.

Весьма странную роль при Алексееве играл его однополчанин по 64-му пехотному Казанскому полку и по Академии Генерального штаба генерал-майор Вячеслав Борисов. Одно время тот чуть не угодил на заметку в жандармерию по подозрению в вольнодумстве, но затем жандармы успокоились — Борисова поместили в варшавскую психушку в связи с расстройством рассудка. Однако оттуда его вызволил однополчанин Алексеев, отчего-то считавший Борисова «гением» и прислушивавшийся к его «идеям». Более того, ввел в свою семью. Супруга Алексеева Анна Николаевна описывала его как человека нелюдимого, замкнутого. «Тяжело было видеть всегда у себя в доме этого мрачного, неряшливого человека, — писала она, — но он вскоре подружился с нашими маленькими детьми, и возня с ними благотворно на нем отразилась, так что даже вскоре он мог вернуться к своему любимому занятию — изучению стратегии Наполеона». Вероятнее всего, именно на корсиканце и сошлись два однополчанина, один из которых сам метил в «бонапарты».

Вскоре бывший пациент варшавской психушки перейдет на сторону большевиков (как, кстати, и другой протеже Алексеева генерал Клембовский), а 27 февраля 1918 года подаст Ленину знаменательную записку, в которой предскажет срок падения Германии — октябрь 1918 года. Именно опираясь на записку Борисова, глава Совнаркома строил планы подписания Брестского мира, рассчитывая на его последующую денонсацию, но уже располагая собственной Красной Армией.

Не зря дворцовый комендант последнего самодержца генерал-майор Владимир Воейков называл алексеевскую физионо-

мию «хитрой», причем умеющей принять «еще более хитрое выражение».

Деникин пишет: «Такой полупринудительный способ назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень и только к концу его командования она рассеялась — генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства... Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию Петрограду, служа исключительно делу, оберегая Верховного — часто без его ведома — от многих трений и столкновений своим личным участием в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его смерти».

Вряд ли все было так уж безоблачно. Вероятнее всего, Алексеев не увидел в Деникине конкурента, которого отчетливо наблюдал в Рузском или Корнилове, чьему назначению командующим Петроградским гарнизоном он так противился. Поэтому в тот момент и посчитал нужным сохранить с начштаба ровные отношения. Тем более, что на него можно было свалить многие дела в Ставке, до которых у самого Алексева руки просто не доходили.

К примеру, разбирательства с массой весьма примечательных просителей и ходяков. Как раз в то время в Могилев зачастили будущие «звезды» Гражданской. В Ставке был задержан прапорщик Николай Крыленко с тюком подрывной литературы с мандатом Петросовета. Его арестовали и попытались отдать под суд. Но из Петрограда военное министерство потребовало Крыленко обратно. Пришлось отпустить. Ответственность же за арест Главковерх лихо сбросил на своего начальника штаба.

Следующий раз в Ставке Крыленко появится в ноябре уже в качестве «красного главковерха», подняв на штыки последнего Верховного главнокомандующего Российской армией.

Здесь же появился подполковник 1-го Невского пехотного полка Михаил Муравьев (из эсеров), инициатор создания добровольческих ударных батальонов. В Ставке ему попытались мягко отказать — мало ли из какого бушующего в тылу сброда он наформирует боевые части. Таким даже давать оружие опасно. Тот обиделся и отбыл в Петроград, где возглавил

Оргбюро Всероссийского центрального комитета для вербовки волонтеров. Успел создать около 100 батальонов. Само собой, нажаловался на Ставку как на «гнездо контрреволюции».

Через год, командуя Восточным фронтом большевиков, Муравьев лично объявит войну Германии и попытается развернуть армию на Москву, где засели «предатели», позвав с собой в поход с Волги мятежных чехословаков.

В Могилеве отметился и полтавский журналист, выпускник духовной семинарии Симон Петлюра, представлявший «Всероссийский союз земств и городов». Приехал просить разрешения формировать отдельную Украинскую армию в составе Русской армии. В Ставке с большим подозрением относились к подобным формированиям — Туземная дивизия и латышские стрелки вполне себя зарекомендовали, но от них не исходило центробежных поползновений. Но один из создателей Украинской социал-демократической рабочей партии Петлюра был известен как давно бредивший мечтой о воссоздании «ридной нэнки Украины».

Тем не менее умные головы в Петрограде посчитали, что это будет очень демократично, и поддержали, разрешив украинизировать несколько корпусов на Юго-Западном и Румынском фронтах. К примеру, 34-й корпус генерала Павло Скоропадского. *«Правительство считает возможным продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии, или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не нарушит боеспособности армии... и находит возможным привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, командиремых Центральной радой в военное министерство, генеральный штаб и Ставку».*

Себе на голову. В созданных частях началась «ползучая украинизация», солдаты отказывались воевать не под «жовто-блакитным прапором», а русских офицеров и унтеров тут же начали «этнически чистить».

Через несколько месяцев «генеральный секретарь Центральной Рады» из семинаристов Симон Петлюра создаст Гайдамацкий кош и открестится от Великороссии насовсем.

Ставку не любил никто. Политические силы считали ее средоточием поклонников «старых порядков», армия обвиняла ее во всех бедах снабжения и бесхозяйственности тыла, во Времен-

ном правительстве считали ее слишком громоздкой и постоянно пытались «упростить» ее аппарат.

К Деникину в Ставку приехал его однокашник по Академии начдив генерал-майор Павел Сытин с собственным проектом налаживания дисциплины. Он предложил для укрепления фронта объявить, что вся земля — помещичья, государственная, церковная — отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, которые сражаются на фронте. Таким образом, по его мнению, солдаты должны перестать волноваться за то, что в тылу землю поделят без их участия, и будут спокойно воевать. Генерал сунулся с таким проектом к Каледину, тот вытолкал его взашей — «что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!». Деникин подтвердил, что инициатива Сытина — чистейшей воды безумие и анархия. Генерал обиделся. Через год они еще встретятся уже по разные стороны баррикады. Сытин будет командовать Южным фронтом большевиков и верно служить новой власти вплоть до «благодарственной» пули от нее в 1938 году.

Сам Деникин сразу же ввязался в борьбу с Генштабом, настаивая на требованиях, не считаясь со старшинством чинов, предоставлять все же высшие командные должности только офицерам, прошедшим практическую школу полкового командира. Из-за этого он даже рассорился с будущим военным министром полковником Александром Верховским (впоследствии служил у большевиков), не допустив его назначения с должности начальника штаба дивизии начальником дивизии.

Столкнулся и с вопиющим казнокрадством, когда колоссальные суммы исчезали на сомнительное «снабжение войск» или строительство так и не появившихся в реальности рокадных «железных дорог». Миллионы просачивались сквозь пальцы.

И здесь не обходилось без популизма. В Петрограде приняли волевое решение увеличить содержание солдатских окладов в армии от 7,50 до 17 рублей (по разным чинам), во флоте до 15 — 50 рублей. Офицерам же, напротив, снизили содержание, убрав «представительские» и «фуражные» выплаты.

Чехарда в контроле за работой Ставки со стороны многочисленных чиновников Временного правительства привела к тому, что сначала, «сокращая громоздкий аппарат», упразднили инспекции по родам войск, а затем с громким скандалом стали их опять восстанавливать — санитарную, инженерную,

авиационную, казачью. «Общественные организации — Красного Креста, земства и городов также выбивались всеми силами из фронтового военного управления и требовали для себя верховного возглавления в Ставке. Приходилось вести борьбу против этих индивидуальных стремлений, грозивших затопить полевой штаб волною не боевых интересов. Помню, как какой-то фронтовой или всероссийский ветеринарный съезд на этой почве выразил мне «недоверие» за недостаток культурности и непонимание высокого научно-общественного значения ветеринарии», — вспоминал Деникин.

К лету 1917 года Ставка совершенно утратила свое прежнее значение. Ранее ни одно лицо и учреждение в государстве не имели права давать указания или требовать отчета от Верховного, ни одно мероприятие военного министерства, хоть несколько затрагивающее интересы армии, не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала императивные указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам, касавшимся удовлетворения потребностей армии.

Смена власти привела к тому, что Ставку полностью подчинили военному ведомству (читай, лично Гучкову, а затем Керенскому), отобрав у нее функции назначения на руководящие посты, комплектования, снабжения, гражданского управления в прифронтовых областях. Командующие фронтов и флотов делали что хотели — Северный фронт, вместо увольнения в запас некоторого количества старослужащих, без разбора уволил всех выслуживших, оставив фронт только с зелеными новобранцами, Юго-Западный фронт перестал воевать и начал выполнять политические «указивки», формируя петлюровские «патриотические» отряды, избранный Центробалтом командующим Балтийским флотом вице-адмирал Андрей Максимов распорядился снять погоны с офицеров (их заменили нарукавными нашивками) и т.д.

Начштаба пытается апеллировать к военному министру, но тщетно — Гучкова уже «ушли», на его место водворяется «воин-гражданин» Александр Керенский, рассыпающий в массы революционные лозунги, густо сдобренные демагогией и утопизмом. Массы носят его на руках вместе с автомобилем, дамы тают в его присутствии.

Деникин пишет: «Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлеющей роли — объединяющего командного и

морального центра. И это произошло в самый грозный период мировой войны, на фоне разлагающейся армии, когда требовалось не только страшное напряжение всех народных сил, но и проявление исключительной по силе и объему власти».

В письме Асе Чиж 14 мая 1917 года он поясняет: *«Медленно, но верно идет разложение. Борюсь всеми силами. Ясно и определенно стараюсь опорочить всякую меру, вредную для армии, и в докладах, и непосредственно в столице. Результаты малые... Но создал себе определенную репутацию. В служебном отношении это плохо (мне, по существу, безразлично). А в отношении совести спокойно. Декларация воина-гражданина вколотила один из последних гвоздей в гроб армии. А могильщиков не разберешь: что они, сознательно или не понимая хоронят нашу армию? Ежедневно передо мной проходит галерея типов: и фактически (лично), и в переписке. Редкие люди сохранили прямоту и достоинство. Во множестве хамелеоны и приспособливающиеся. От них скверно. Много истинного горя. От них жутко».*

Из 68 армейских и 9 кавалерийских корпусов, растянувшихся на пространстве от Финляндии до персидского Хамадана, реально боеспособными считались лишь редкие подразделения. Командующий Балтфлотом адмирал Максимов ни одного решения не мог принять без санкции Центробалта — установка мин и высадка десанта уже была немыелима, слишком опасно для «гордости русской революции».

В мае Деникин так и не смог добиться посылки на Моонзундский архипелаг пехотной бригады 42-го отдельного корпуса пограничной стражи — корпус окончательно разложился, а его командир генерал-лейтенант Григорий Мокасей-Шибинский даже не рисковал появляться в расположении своих частей.

На передовой по утрам солдаты бегали сначала до ветру, а затем к специально поставленным на «ничейной земле» так называемым почтовым ящикам, куда заботливые тевтоны клали газеты и предложения по обмену махрой, галетами, консервами, новостями. Полковые комитеты принимали постановления о запрещении стрельбы, рытье окопов, ибо «это означало наступление, а комитет против». Когда артиллеристы попытались было произвести пристрелку будущих целей, наблюдательный пункт обстреляла собственная пехота, ранили телеграфиста. Служивые перестали мыться, бриться, завшивели.

На передовой процветали пьянство, спекуляция, митинговщина. Офицеры даже не пытались вмешаться, опасаясь за свою жизнь.

Хуже всего, что этот развал продолжался на фоне подготовки объявленного на всех углах и разрекламированного во всех газетах летнего наступления армии. Наступать в таких условиях было самоубийством. А «кончать с собой» главковерх Алексеев не собирался. В своем выступлении на созванном «Союзом офицеров армии и флота» 1-м Офицерском съезде 7 мая он обрушился с яростной критикой на Временное правительство, после чего 21 мая Керенский просто выпихнул его в отставку, заменив на Брусилова. «Пошляки! Рассчитали, как прислугу», — в сердцах выдал несостоявшийся «бонапарт».

В его последнем приказе войскам говорилось: «Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути русской армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я хрюну ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли.

Низкий поклон от старого солдата, — и бывшего вашего Главнокомандующего.

Не поминайте лихом! Генерал Алексеев».

Уезжая из Могилева в Смоленск к родным, бывший Главковерх сказал своему начштаба: «Вся эта постройка, несомненно, скоро рухнет; придется нам снова взяться за работу. Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?» Деникин заверил, что почтет за честь.

А вскоре после Алексеева Ставку покинули его начштаба, уставший доказывать правительству гибельность дальнейшей «демократизации» армии и ушедший командовать Западным фронтом (Марков с ним начальником штаба) вместо генерала Гурко, и все генерал-квартирмейстеры, которым Алексеев так и не дал возможности поработать самостоятельно.

«Временное правительство, относясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее, — писал

Деникин Асе Чиж, — ухажу и я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно: я горжусь этим. Считают — это хорошо, что «мало гибкости». Гибкостью у них называется приспособляемость и ползание на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды им приходилось выслушивать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».

22 мая в Ставку в Могилев приехал новый Главковерх Брусиллов. Последний протопресвитер российской армии и флота отец Георгий Шавельский так вспоминал встречу Брусилова на вокзале в Могилеве: «Выстроен почетный караул, тут же выстроились чины Штаба, среди которых много генералов. Вышел из вагона Верховный, проходит мимо чинов Штаба, лишь кивком головы отвечая на их приветствия. Дойдя же до почетного караула, он начинает протягивать каждому солдату руку. Солдаты, с винтовками на плечах, смущены — не знают, как подавать руку. Это была отвратительная картина».

При своем назначении Брусиллов заявил: «Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом и Временным правительством по соглашению с петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделись от него никогда».

ВОЙНА ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА

В Ставке периодически появлялись генералы, намекавшие на то, что пора бы закончить «пасхальный перезвон» и сменить его на «набат». Но что теперь могла Ставка?

Понимавшие всю катастрофичность с каждым днем ухудшавшейся ситуации профессиональные военные и правые круги общества взывали о «порядке», который могли дать либо военные победы, что в нынешних условиях было почти нереально, либо «твердая рука». Политически разрешить все противоречия вряд ли было возможно, длительное ожидание выборов в Учредительное собрание с каждым днем добавляло уверенности в том, что без «человека с ружьем» все равно не обойдется. Слова «диктатура» страшно боялись, хотя оно просто витало в воздухе. В обществе перебирались имена «твердых» на «к»: Корнилова, Крымова, Келлера, Каледина...

У каждого были свои плюсы и минусы, стопроцентной кандидатуры в «Пожарские» не было. О «Мининых» же и говорить не приходилось — статские лидеры давно уже дискредитировали себя политической импотенцией, игрой в популизм, перекалыванием ответственности с больной головы на здоровую. Фигура Керенского, вначале вызывавшая энтузиазм и надежды, постепенно превращалась в маскарадного петрушку. Ждали июньского наступления, как манны небесной, надеялись на чудо преобразования «революционной армии». Солдатские комитеты же, подготовленные своей газетой «Окопная правда» и немецкой, свободно передаваемой при братаниях, «Русским вестником», в наступление не желали, пришлось самому Керенскому приехать на фронт и агитировать за атаку. Он вещал о долге, чести, дисциплине, повиновении, доверии к начальникам, говорил о необходимости наступления и победы.

В наступление толкали и союзники, истекавшие кровью во Фландрии и Шампани. Милюков и Гучков (до своей отставки) заверяли послов Антанты в неизменности принципов «войны до победного конца» даже с революционной армией, хотя, вероятно, понимали, что сами уже стали ее могильщиками. Милюков-Дарданелльский одно время носился с подкинутой ему молодыми офицерами идеей высадки десанта на Босфоре, но весь его пыл вскоре ушел в песок, когда министру из штаба Румынского фронта сообщили, что «войска не желают идти в десант».

Западный фронт Деникина тоже был практически небоеспособен. В полках находили по 8–10 самогонных аппаратов. Как вспоминал новый комфронта: «В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703-й Сурамский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне, за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесаные, невымытые, они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Встретили меня начальник дивизии с трясущейся нижней губой и командир полка с лицом приговоренного к смерти. Никто не скомандовал «смирно», никто из солдат не встал; ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу.

Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем... Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне мало-помалу возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии».

Поднимать боевой дух Западного фронта прибыл Главковерх, однако даже некогда популярный генерал Брусилов для разложенного воинства был уже не указ. Жесткие увещевания самого Деникина вообще прошли мимо ушей. Солдатский митинг постановил, что внемлет лишь личному приказу Керенского. Пришлось военному министру самому трястись на авто на позиции и заламывать руки с призывами к «товарищам солдатам» проявить «революционную сознательность».

После объезда подразделений сам Керенский заявил Главковерху Брусилову: «Ни в какой успех наступления не верю».

Интересно, что в своих воспоминаниях Деникин пишет, что был шокирован некоторыми выражениями и «истерикой» Керенского, а военный министр признается, что был «обеспокоен резким тоном Деникина в обращении с членами различных комитетов».

Все надежды июньского наступления связывались с наименее разложившимся Юго-Западным фронтом (главком генерал-лейтенант Алексей Гутор) и конкретно с 8-й армией Корнилова, в составе которой появился первый ударный добровольческий отряд (3 тысячи штыков) Генерального штаба капитана Митрофана Неженцева.

Несколько раз переносились сроки наступления, которое, как обычно, не было согласовано с другими командующими фронтами. Намеченное на май, в итоге оно было утверждено на 16 июня на Юго-Западном фронте, 7 июля — на Западном, 8 июля — на Северном и 9 июля — на Румынском. Удар враспырку — это уже отнюдь не прежний «брусиловский опыт» образца лета 1916 года, а авантюра эпохи агонии великой армии.

Два дня тяжелая артиллерия русских молотила по позициям австрийцев между Бржезанами и Злочовым, 18-го войска пошли в атаку. Тройной удар 8-й армии Лавра Корнилова на Галич, 7-й генерала Владимира Селивачева на Бржезаны и 11-й генерал-лейтенанта Ивана Эрдели (потомок венгерских дворян, однокашник Деникина по Академии) привели к прорыву фронта и углублению в оборону противника на 60 верст. За два дня боев русские войска взяли в плен 300 офицеров, 18 тысяч солдат, 29 орудий, отбросив врага за реку Малая Стрыпа. Первый ударный отряд капитана Неженцева (в составе 12-го корпуса генерал-лейтенанта Владимира Черемисова) под деревней Ямщицы опрокинул войска 26-го армейского корпуса (в составе 3-й австрийской армии генерал-полковника Карла фон Кирхбаха) и занял долину Бистрицы. В течение двух дней под ударами Корнилова корпус развил наступление на фронте в 50 км взяв поочередно Галич и Калуш, а также 30 тысяч пленных.

Счастливый Керенский телеграфировал в столицу: «Сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине... Русские воины утверждают новую, основанную на чувстве гражданского долга дисциплину... Сегодняшний день положил предел злостным клеветническим нападкам на организацию русской армии, построенную на демократических началах».

В Петрограде тут же начались верноподданнические марши к Мариинскому дворцу под лозунгами «Доверие Временному правительству», «Война до победы!».

Западный фронт Деникина лишь готовился перейти в наступление, как все окопы уже были завалены германскими прокламациями: «Русские солдаты! Ваш главнокомандующий Западным фронтом снова призывает вас к сражениям. Мы знаем об его приказе, знаем также о той лживой вести, будто наши позиции к юго-востоку от Львова прорваны. Не верьте этому. На самом деле тысячи русских трупов лежат перед нашими окопами... Наступление никогда не приблизит мир... Если же вы все-таки последуете зову ваших начальников, подкупленных Англией, то тогда мы будем до тех пор продолжать борьбу, пока вы не будете лежать в земле».

Поняв, что никакой тайны для врага будущее наступление уже не представляет, Деникин пошел на экстраординарный шаг — поместил приказ о нем в газетах с целью хотя бы напугать немцев, заставив их сохранить перед линией фронта как можно больше своих частей, не допустив их переброски к Корнилову.

«Не знаю, — признавался Деникин, — поняли ли всю внутреннюю драму русской армии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Вся стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел хотя бы ценой обнаружения своих намерений удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта и отправляемые против Юго-Западного и против союзников».

Приезжавшие накануне наступления комиссары Временного правительства вручили командиру 201-го Потийского пехотного полка полковнику Роману Дубинину красное знамя. Все чин по чину, коленопреклоненно, целуя кумач, возопя «умрем за Родину!». В первый же день наступления лишь одна штурмовая рота полка бросилась в атаку, лихо взяла два ряда окопов, переколов защитников, и уже всю поливала огнем третью. Однако остальные роты даже не думали идти вперед, бросили пулеметы и пошли «умирать за Родину» на 10 верст в тыл.

175-я пехотная дивизия генерал-майора Владимира Смирнова стремительным ударом овладела немецкими укреплениями под Крево, дошла до Попелевичского леса и заняла деревню Томасовка. Впереди была третья немецкая оборонительная линия. Как сообщалось в боевом донесении, «тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед. Судьба их неизвестна — они не вернулись. Мир праху храбрых!».

1-й Сибирский корпус генерал-лейтенанта Евгения Искрицкого (очередной однокашник Деникина) занял Новоспасский лес (в 10 верстах от Сморгони) и прорвался до третьей немецкой линии окопов. Причем, в авангарде шли женщины — ударницы «батальона смерти» Марии Бочкаревой, жутко боявшиеся своего командира (ходили слухи, что новгородская крестьянка

«бьет морды, как заправский вахмистр старого режима»). Увидев такой порыв, за ними увязались 75 офицеров и 300 солдат во главе с командиром 525-го пехотного Кюрюк-Даринского полка подполковником Александром Ивановым. Летевшая в атаку разнополая масса устрашала, и немцы решили не доводить до рукопашной с прекрасным полом — просто расстреляли атакующих из минометов. Несчастные женщины, которым понятие «рассыпной строй» так никто и не успел объяснить, чисто по-женски в ужасе сбивались в кучу и становились отличными мишенями.

Потери «батальона смерти» составили 30 убитых и 70 раненых. Сама комбат была награждена Георгиевским крестом и представлена к чину подпоручика.

Генерал Людендорф писал: «Из всех атак, направленных против прежнего Восточного фронта (Эйхгорна), атаки 9 июля, южнее Сморгони, у Крево были особенно жестоки... Положение в течение нескольких дней представлялось очень тяжелым, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили фронта. Русские оставили наши траншеи. Это не были уже русские прежних дней».

Многие подразделения фронта либо вообще отказывались идти в атаку, либо шли лишь частично. Основные потери понес офицерский корпус, который в подавляющем большинстве остался верным долгу. При численном превосходстве фронта (на 19-верстном фронте у Деникина было 184 батальона против 29 вражеских; 900 орудий против 300 немецких; 138 батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких) операция закончилась с огромными потерями и практически безрезультатно (из 20 тысяч раненых у трети оказались поврежденными лишь пальцы и кисти рук — явные «самострелы»).

На Северном фронте наступление закончилось в один день. Юго-западнее Двинска, как было указано в сводке, «наши части после сильной артиллерийской подготовки овладели немецкой позицией по обе стороны железной дороги Двинск—Вильно. Вслед за сим целые дивизии, без напора со стороны противника, самовольно отошли в основные окопы».

У Гутора случилось вообще неслыханное. Капитан гвардейского гренадерского полка Игнатий Дзевалтовский (польский большевик с апреля 1917 года) взбунтовал и увел с пози-

ций гренадер — гордость императорской России, что открыло фронт на участке 11-й армии. Нанесшие в стык 7-й и 11-й армий контрудар немцы, которым очень удачно подфартило с «растопыркой» Брусилова (удалось спокойно перебрасывать резервы с других фронтов), были несказанно обрадованы, даже не заметив сопротивления.

Попытки спасти ситуацию были лишь эпизодические и от этого особо героические. Известен случай, когда под Тарнополем лично командир 1-го гвардейского корпуса, отчаянный поляк, Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Май-Маевский на виду у бегущего воинства вышел из окопа ОДИН и с револьвером в руке пошел навстречу атакующим тевтонам. Ошеломленные беглецы остановились и, повернув штыки, опрокинули немцев. За этот подвиг сам солдатский комитет постановил представить отчаюгу к СОЛДАТСКОМУ ордену «Егория с веточкой» — Георгиевского ордена с лавровой ветвью, введенного после Февральской революции Временным правительством и вручавшегося при обязательном утверждении солдатских комитетов. И это в то время, когда служивые чуть ли не ежедневно стреляли своих офицеров и генералов без пощады.

Тарнопольский прорыв окончательно похоронил иллюзии Керенского. «Революционная армия» не просто отступила — побежала, бросая имущество и вооружение (потери фронта составили 40 тысяч человек). Буковина вздрогнула от буйной обезумевшей толпы, которая дула во все лопатки от противника, коего в глаза не видела, сметая на своем пути главным образом лавки и магазины, грабя, насилая, убивая, как будто она двигалась по вражеской территории.

Временному правительству доносили сами армейские комиссары: *«Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неимоверное бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России... Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Положение требует самых крайних мер... Сегодня главнокомандующий с согласия*

комиссаров и комитетов отдал приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и предаёт Россию и революцию».

Не стоит и говорить, что Дзевалтовского потом по суду оправдали (здание суда было окружено «революционными войсками»). Впоследствии он верой и правдой служил большевикам, пока не предал и тех — сбежал от них в Польшу, где подозрительно быстро умер от неизвестной болезни в 1925 году (ходили слухи, что гренадерский капитан был отравлен советскими агентами). Никакое предательство в мире не остается безнаказанным.

Провал «революционного наступления» стал агонией старой армии, наглядно продемонстрировав крушение иллюзий превращения напроочь разложенной многомиллионной вооруженной толпы в некое подобие великой и босоногой армии Наполеона, покорившей почти всю Европу. Другие времена, однако.

«МУЗЫКА БУДУЩЕЙ ВОЕННОЙ РЕАКЦИИ»

Главкоуз Гутор после столь сокрушительного поражения не нашел в себе сил отчитаться перед правительством. Вместо него это сделал Корнилов, отправив 7 июля в столицу телеграмму: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, ...бежит... Необходимо немедленно... введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий»; в случае отказа применить эту меру вся ответственность падет на тех, кто словами думает править на тех полях, где царят смерть и позор предательства, малодушие и себялюбие». Послание произвело впечатление. Корнилов тут же был назначен Керенским командующим фронтом вместо Гутора. Однако генерал, вопреки ожиданиям, не запрыгал от радости, а поставил конкретные условия, при которых соглашался на этот пост: введение смертной казни для дезертиров и мародеров, военно-полевых судов на фронте. Если, конечно, есть желание сохранить хотя бы то, что есть, и не превратить прифронтовую зону в выжженную землю. Того же требовал и комиссар фронта Борис Савинков, давно предлагавший заменить вялого Гутора на деятельного Корнилова, произведенного в генералы от инфантерии.

Брусилов пишет, что «на это я ему ответил, что никаких его условий в данный момент я выслушивать не буду и не приму и считаю, что высший командный состав подает в данном случае дурной пример отсутствия дисциплины, торгуясь при назначении в военное время чуть ли не на поле сражения. Тогда он сдался и без дальнейших возражений вступил в исполнение своих новых обязанностей».

Здесь прославленный генерал лукавит, ибо в выслушивании его мнения никто не нуждался — вопрос о назначении Корнилова и принятии его условий был уже решен в Петрограде. Брусилов, прекрасно понимавший, что Корнилов с его амбициями на «фронте» не остановится и будет метить на его место, выступал против назначения.

Но уже ставший 8 июля министром-председателем Керенский считал, что «Корнилов смел, мужествен, суров, решителен, независим и не остановится ни перед какими самостоятельными действиями, требуемыми обстановкой, и ни перед какой ответственностью», а его мнение к тому моменту было решающим. На том этапе между присяжным поверенным Керенским и простым казаком Корниловым наступило полное взаимопонимание. Тем более, что провал наступления на фронте как раз совпал с неудачной попыткой вооруженного восстания большевиков в Петрограде 3–4 июля, намеревавшихся использовать правительственный кризис (кадеты князь Дмитрий Шаховской, Александр Мануйлов и Андрей Шингарев вышли из правительства в знак протеста против соглашения с украинской Радой, фактически раскалывавшего страну, Николай Некрасов предпочел выйти из партии кадетов, но остаться в правительстве) для передачи всей власти Совдепу. Для того чтобы держать в узде радикалов-большевиков, нужна была хорошая «дубинка» в лице способного «ломать дрова» Корнилова.

Впрочем, Керенский прекрасно понимал, что популярный генерал необходим лишь на этой фазе войны, чтобы остановить панику и отступление, подавить волнения на фронте и в тылу. А потом его просто можно будет «задвинуть в тень». Страдавший же ярко выраженной манией величия Керенский тоже боялся кандидатов в «наполеоны», ибо сам спал и видел себя «в треуголке». Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, плох тот генерал, который не мечтает стать наполеоном, плох тот наполеон, который не мечтает стать диктатором.

За день до назначения на свой страх и риск Корнилов приказал командирам и комиссарам в случае самовольного ухода с позиций, «не колеблясь, применять против изменников огонь пулеметов и артиллерии». Он сколотил мобильные отряды из добровольцев и юнкеров (оченьгодились «ударные батальоны» Неженцева), которые без лишних слов разгоняли стихийные митинги и расстреливали мародеров.

«Мероприятия, введенные генералом Корниловым самолично, — писал Деникин, — его мужественное прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия — все это чрезвычайно подняло его авторитет в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия армии, оглушенная и подавленная трагическим оборотом событий, в первое время после разгрома увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения».

Министр-председатель лично приехал в Ставку подтвердить приказ Корнилова о введении военно-полевых судов и казнях. Против такой тяжелой артиллерии возражать Брусилову было уже невозможно.

Однако решение-то было принято, но вот выполнять приговоры этих судов мало кто рискнул бы.

Брусилов признавался: «В принципе против этого требования в военное время ничего нельзя было возразить, но весь вопрос состоял в том, кто же будет выполнять эти приговоры. В той фазе революции, которую мы тогда переживали, трудно было найти членов полевого суда и исполнителей его смертных приговоров, так как они были бы тотчас убиты, и приговоры остались бы невыполненными, что было бы окончательным разрушением остатков дисциплины».

Однако даже сам факт того, что за откровенный разбой, мародерство, неподчинение можно было угодить под суд, а при наличии деятельного начальника и украсить собой ближайшую осину, уже действовал отрезвляюще на потенциальных буянов.

Спустя неделю после введения судов отступление и погромы в прифронтовой полосе сами собой прекратились.

Тем временем Корнилов все больше и больше из военной превращался в политическую фигуру. Он сделал достаточно ловкий ход — начал бомбить правительство острыми телеграм-

мами о положении на фронте так, чтобы они просачивались в прессу. Охотно печатаемые в газетах телеграммы пользовались бешеной популярностью, представив личность генерала чуть ли не как единственного потенциального спасителя страны.

Естественно, Корнилов выражал не только свое личное мнение. В нем видели крупную фигуру все правые партии от националистов до кадетов, тайные офицерские организации, которые скоро стали называться «корниловскими группами», казачество, крупная буржуазия, все те силы, которым претило соглашение Временного правительства с Совдепом и лидерами национальных окраин. Сам генерал ни разу не обмолвился о стремлении к личной власти. Диктатуру он признавал лишь как средство «наведения порядка», но никак не «лестницу в Зимний». При последующих консультациях он соглашался с тем, что в новом правительстве должен остаться Керенский, но войти также ряд лиц уважаемых самого широкого круга — социалисты Георгий Плеханов, комиссар правительства при 8-й армии эсер Максимилиан Филоненко, комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков, генерал Алексеев, адмирал Колчак и др. Однако, по его мнению, это было возможно лишь после наведения известного «порядка» в столице, по типу «порядка» в армии — с судами и виселицами.

Керенский с тревогой следил за стремительным подъемом популярности генерала, читал в газетах его телеграммы о необходимости борьбы с «армейскими большевиками», разложением войск, тыла и пр. Выступать прямо против Корнилова, настроив против себя все офицерство и генералитет, для него было самоубийственным, игнорировать телеграммы — двусмысленным, идти у них на поводу — опасным. Необходима была пауза, время на размышление, время, которого не было. На министра-председателя давили с разных сторон — Савинков с фронта, Милюков почти что слева, крупнейший промышленник «прогрессист» Павел Рябушинский почти что справа. Керенский вынужден был пустить Корнилова в Ставку с жестким контролем за его действиями, чтобы вовремя обезвредить потенциального врага. Тем более что Ставка уже мало что значила, а вот оторвать его от войск фронта, которые за ним могли пойти в огонь и в воду, в том числе и на столицу, было тактически правильно.

16 июля Керенский прибыл в Ставку лично прощупать обстановку и разобраться с ситуацией в армии. Корнилова не было —

сложное положение на фронте вынудило его остаться в штабе, хотя свое понимание ситуации он изложил письменно в специальной телеграмме.

То, что он услышал, совершенно повергло Керенского в шок. Оправдывался Брусиллов, все на свете проклинал Клембовский, пожимал плечами Лукомский, щурил глаза Савинков, скептически взирал на всех поверх очков Алексеев. Однако особенно министра-председателя потряс доклад командзапа Деникина.

«С глубоким волнением, и в сознании огромной нравственной ответственности, я приступаю к своему докладу; и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет мое слово теперь — при самодержавии революционном», — начал генерал. Далее он подробно изложил полный развал фронта перед наступлением, вызванный, по его мнению, «приказом № 1» и дезорганизующей работой левых партий на фронте и самого бессильного правительства в тылу.

«В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты.

Быть может, среди комиссаров и есть черные лебеди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрошеное и преступное вмешательство, не может не разлагать армии».

Далее Деникин скрупулезно излагал факты, способствующие полному параличу командования подразделениями и той роли, которую в этом сыграли учреждаемые по воле правительства солдатские комитеты:

«Поход против власти выразился целым рядом смещений старших начальников, в чем, в большинстве случаев, приняли участие комитеты. Перед самым началом операции должны были уйти командир корпуса, начальник штаба и начальник дивизии важнейшего ударного участка. Подобной участи подверглись, в общем, 60 начальников — от командира корпуса до командира полка...

Учесть все то зло, которое внесено было комитетами, трудно. В них нет своей твердой дисциплины. Вынесенное отрядное постановление большинством голосов — этого мало. Проводят его в жизнь отдельные члены комитета.

И большевики, прикрываясь положением члена комитета, не раз безвозбранно сеяли смуту и бунт.

В результате — многоголовие и многовластие; вместо укрепления власти — подрыв ее. И боевой начальник, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всех сторон, должен был властно и мужественно вести в бой войска...»

Подытоживал Деникин совсем уже шокирующее для Керенского. Он даже не скрывал, что одной из главных причин поражения летней кампании стало его собственное руководство военным министерством:

«Я скажу более: У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала.

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних четырех месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования.

Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов — учреждения, в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему».

Генерал вещал как пифия. Он не просто обличал, он предлагал собственный срочный выход из создавшегося положения:

«Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) *Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за Родину.*

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, пре-кратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тяжкие преступления».

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но, по крайней мере, они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии.

Невзирая на развал армии необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас.

На этом новом крестном пути русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его — светлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

Ведите русскую жизнь к правде и свету,— под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность: за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

...Если в вас есть совесть!»

Генерального штаба полковник Дмитрий Тихобразов, которому было поручено вести протокол и дословно записывать речи участников совещания, потом признавался, что во время выступления Деникина у него тряслась рука и он просто не смог записывать («как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться»), министр иностранных дел Михаил Терещенко даже не скрывал своих слез, Савинков застыл, пригвожденный к стулу. В своем дневнике генерал Алексеев потом записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня». Корнилов отправил Деникину восторженное письмо: «С искренним и глубоким удовольствием я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести (до конца) дело воссоздания родной армии и восстановить ее боеспособность».

Трудно сказать, что творилось на душе у Керенского, когда он выслушивал все это от человека, который никогда не был оратором и никогда не претендовал на роль политика. Деникин просто был профессиональным военным и патриотом своей страны, никак не более. Хотя после этой речи, вопреки своей воле, стал превращаться в фигуру политическую.

Понял ли это министр-председатель? Уяснил ли собственную вину в происходящих событиях? Решил ли, что надо что-то менять? Тем более, что в ходе столь долгого совещания (закончилось далеко за полночь) после этой речи генералы осмелели и пошли резать правду-матку — Рузский, Алексеев, Клембовский. Брусилов оправдывался, что он сам лишь старается «выполнять

программу, выработанную моим предшественником Алексеевым, хотя считаю, что ее выполнить мудрено».

Обидевшись на то, что часть вины Деникин приписывает и ему, Брусилов в воспоминаниях пытается несколько скорректировать свою роль, сообщая, что-де тот «разразился речью, в которой яро заявлял, что армия более не боеспособна, сражаться более не может, и приписывал всю вину Керенскому и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Керенский начал резко оправдываться, и вышло не совещание, а прямо руготня. Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал и хватался за голову. Этим наше совещание и кончилось». То есть сам Главковерх вроде как и ни при чем — всего лишь «старался выполнять чужую программу», а виноваты вроде как только Керенский и Совдеп. Советские историки не стали его опровергать, вроде как «свой».

Вполне возможно хитрый политик Керенский в тот момент решил, что именно сейчас наступило время совершить маневр. Нет смысла оправдываться, в Ставке этого все равно не поймут. Мало ли как могут повести себя обозленные генералы. Уехать, не дав армии почувствовать свою «отеческую заботу» и «беспокойство за нее правительства», было бы неправильно. В следующий раз можно было и не приезжать без опаски схлопотать пулю какого-нибудь отчаявшегося офицера-патриота. Зато бросить армии кость было в самый раз. Дать возможность почувствовать, что «народ и армия едины». Нужен красивый жест, на которые Александр Федорович был большой мастак.

Керенский театрально встал и горячо пожал руку не ожидавшему такой реакции Деникину: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово».

Не стоило обольщаться. Чуть позже министр-председатель уже будет оправдываться перед коллегами за свой столь консервативный жест в Ставке — «генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущего военной реакции».

«Музыка», конечно, резала уши министру-председателю, но делать было нечего — приходилось «бросать кость». Ловкий политик на следующий день на всякий случай ни слова не сказал Брусилову, с аппетитом подзакусил и укатил в столицу. А с дороги выслал в Ставку телеграмму: *«Временное правительство постановило назначить вас в свое распоряжение. Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов.*

Вам надлежит, не ожидая прибытия его, сдать временное командование начальнику штаба Верховного главнокомандующего и прибыть в Петроград. Министр-председатель, военный и морской министр Керенский».

Оскорбленный Брусилов жаловался: «Я не хотел уходить в отставку, считая, что было бы нечестно с моей стороны бросить фронт, когда гибнет Россия». Интересная позиция для военного, которого воспитывали беспрекословно выполнять приказы. Тем более тогда, когда «гибнет Россия» в том числе и потому, что самому Брусилову было не стыдно в то время «махать красной тряпкой». Конечно, когда тебя обвиняют в развале и убирают с высшего поста в армии, это становится «нечестно». Особенно, когда душу так греет мысль стать «спасителем Отечества», а то и «русским бонапартом». В своих воспоминаниях он потом признавался, что ему предлагали сначала стать первым лицом при диктаторе Керенском, а затем и самому стать диктатором. «Я решительно ответил: «Нет, ни в коем случае, ибо считаю в принципе, что диктатура возможна лишь тогда, когда подавляющее большинство ее желает». То есть Брусилов в принципе допускал для себя «возможность» диктатуры. Главное, чтобы «подавляющее большинство ее желало». Как в России набирается это «большинство», давно известно. При отчаянной решимости и определенной доле везения популярный генерал смог бы совершить «собственное 18-е брюмера». Но вот как раз ни решимости, ни везения у Брусилова и не было. Да и провал летнего наступления явно сыграл не в его пользу. Поэтому первый том мемуаров очередного несостоявшегося диктатора правили цензоры из ВКП (б), а его второй «антибольшевистский» том, который так никогда и не был напечатан в России, — редакторы русской эмиграции. Сам же прославленный генерал Алексей Брусилов незаметно сошел со сцены и умер от воспаления легких в скромной должности инспектора кавалерии, так и не сыграв никакой роли в будущей Гражданской войне. Белые его прокляли, красные так и не поверили.

ПОЖАРСКИЕ БЕЗ МИНИНЫХ

Нового Главковерха Корнилова в России вообще и в армии в частности любили, уважали и боялись. Его подвиги в русско-японской и Первой мировой войнах широко освещались в

прессе и сделали Корнилова популярнейшей военной фигурой в империи. Настолько популярной, что она начала вызывать серьезное беспокойство у политиков. Его боготворили офицеры, обожали солдаты-азиаты, из которых он создал личную гвардию — Текинский полк, в него верили крупные промышленники (председатель Московского биржевого комитета, банкир и «текстильный король» Павел Рябушинский стал настоящим «спонсором» Корнилова).

Корнилов не скрывал своей антимонархической позиции, но и не принимал революционно-анархической. Первое позволило генералу сразу после Февральского переворота стать во главе Петроградского военного округа, второе — в апреле его покинуть. Телеграмму о назначении подписал 2 марта сам спикер Госдумы Михаил Родзянко: «Необходимо... для спасения столицы от анархии назначение на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом Ваше Превосходительство, как известного всей России героя. Временный комитет просит вас, во имя спасения Родины, не отказаться принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде».

Это, правда, не помешало Временному правительству «доблестного боевого генерала» связать по рукам и ногам, идя на поводу у Совдепа и не давая ему реально наводить порядок в столице.

В июле ситуация была уже иная. Керенскому требовалось уже не просто наводить порядок, а СПАСАТЬ страну от этой волны вакханалии, чтобы волной порядка не смыло его самого. Из двух зол министр-председатель предпочел наименьшее — назначение Корнилова.

Однако генерал тоже был не лыком шит. Судьба своих двух предшественников «революционных главковерхов» научила его многому. Он тут же потребовал от правительства гарантий нормальной работы, направив в Зимний дворец ультимативную телеграмму. В ней говорилось, что Корнилов может принять верховное командование только при выполнении четырех условий:

1. Ответственности перед собственной совестью и всем народом.

2. Полного невмешательства в его оперативные распоряжения при в назначение высшего командного состава.

3. Распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все местности тыла, где расположены пополнения армии.

4. Принятие его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.

Керенский тут же встал на дыбы — как это так, «невмешательство в оперативные распоряжения» самого военного министра, который лично поднимал фронты в атаку (введение смертной казни в тылу его меньше всего волновало). Это выводило Корнилова из-под контроля и делало самостоятельной политической и военной фигурой, откуда был только шаг до диктатора. Керенского бросился успокаивать ставший управляющим делами военного министерства Савинков, убеждавший премьера в том, что без «железной руки» нечего и думать о реально действующей армии, которая в первую очередь славу должна приносить самому министру-председателю. Старый террорист был авторитетом для в принципе новичка в эсеровской партии Керенского, к его мнению он прислушивался, хотя всегда был настороже, вполне обоснованно подозревая того самого в диктаторских амбициях. В верхах власти никто не был избавлен от мании преследования.

Однако и просто так проглотить ультиматум Керенский не захотел. Выдал пробный шар — без ведома Корнилова назначил главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала Владимира Черемисова.

Теперь настала очередь для демарша Корнилова — тот ответил новым ультиматумом. Или я, или Черемисов, до прояснения вопроса — в Ставку ни ногой.

Трудно сказать, были ли ранее конфликты между двумя генералами или Керенскому просто необходимо было заранее столкнуть лбами двух известных военачальников, чтобы в лице Черемисова потом иметь хорошую «дубинку» для самого Главковерха.

Торговля с Петроградом длилась неделю, после чего Керенский пошел на попятную, прислал в Бердичев комиссара Филоненко сообщить, что «бомбометателя» переводят в распоряжение Временного правительства, а Юго-Западный фронт хотя бы временно примет у Корнилова престарелый генерал от инфантерии Петр Балуев, командовавший до этого 11-й армией.

Корнилов успокоился и 24 июля отбыл в Могилев с начальником штаба Главковерха Лукомским. У него самого были мысли по поводу подходящей кандидатуры себе на замену, но для начала требовалось с этой кандидатурой переговорить лично.

Деникин так описывает эту беседу: «По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал Н. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича; что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере.

Это была вторая встреча и второй разговор мой с Корниловым; мы сердечно обняли друг друга и расстались, чтобы встретиться вновь... только в Быховской тюрьме».

Иными словами, Корнилов метил во «временные диктаторы», ни с монархистами, ни тем более с социалистами дел иметь не хотел. Его задачей было лишь удержать воюющую страну в рамках такого порядка, какой сам Корнилов представлял для себя как военный человек. По крайней мере, никаких иных «властных» мыслей от генерала никто не слышал ни в то время, ни когда Корнилов поведет за собой офицеров в Ледяной поход полугодом позже.

Интересно, что он сразу поверил в Деникина, лишь однажды видел и говорив с ним. Видимо, яркая речь сына крепостного во время совещания 16 июля произвела настолько глубокое впечатление на Корнилова, что тот не сомневался в будущем единомышленнике.

Вероятно, именно поэтому назначил Деникина командовать самым надежным Юго-Западным фронтом, которому отводил

особую роль в будущем спектакле. Когда Деникин спросил у Лукомского, чем вызвано перемещение, ибо с Западным фронтом командующий уже свыкся. Если «политикой», то лучше его не трогать с места. Лукомский уверил, что «Корнилов имеет в виду исключительно боевое значение Юго-Западного фронта и предполагаемую там стратегическую операцию». Какая именно «операция», стало ясно уже скоро.

На хорошо ему знакомый фронт преисполненный радужных надежд Деникин взял с собой верного генерала Маркова. Почти сразу же пришло поздравительное письмо от генерала Алексеева: «Мыслью моей сопутствую вам в новом назначении. Расцениваю его так, что вас отправляют на подвиг... Ничего не сделано и после июля главным болтуном России. Власть начальников все сокращают. Если бы вам в чем-нибудь оказалась нужна моя помощь, мой труд, я готов приехать в Бердичев, готов ехать в войска, к тому или другому командующему... Храни вас Бог!»

Комиссаром фронта был литератор из кадетов, член III Государственной Думы Николай Иорданский, его помощниками зоолог Костицын и врач Григорьев. Понятное дело, что столь пестрый социальный состав «комиссариата» был крайне далек от понятия о военной службе. Под стать комиссарам был и солдатский комитет фронта. По словам Деникина, «Фронтвой комитет был не хуже и не лучше других. Он стоял на оборонческой точке зрения и даже поддерживал репрессивные меры, принятые в июле Корниловым. Но комитет ни в малейшей степени не был тогда военным учреждением — на пользу или во вред, — органически связанным с подлинной армейской средой. Это был просто смешанный партийный орган. Разделяясь на фракции всех социалистических партий, комитет положительно варился в политике, переноса ее и на фронт; комитет вел широкую агитацию, собирал съезды представителей, для обработки их социалистическими фракциями, конечно, и такими, которые были явно враждебны политике правительства. Я сделал попытку, в виду назревающей стратегической операции, и тяжелого переходного времени, приостановить эту работу, но встретил резкое противодействие комиссара Иорданского. Вместе с тем комитет вмешивался непрестанно во все вопросы военной власти, сея смуту в умах и недоверие к командованию».

Штаб охранялся ротой, состоящей почти сплошь из большевистски настроенных солдат, и эскадроном ординарцев, из всех сил демонстрировавших свою «революционность». В житомирском уездном городишке Бердичеве, почти сплошь состоявшем из антирусски настроенных еврейских кварталов, о покое говорить не приходилось.

Генерал Марков ввел в состав гарнизона хотя бы одну верную часть — 1-й Оренбургский казачий полк, из-за чего впоследствии получил обвинение в «подготовке к перевороту».

С такими «помощниками» Деникину предстояло идти в бой и защищать страну.

Меры командующего по наведению порядка на только что испытывавшем горечь позорного поражения фронте (отказ в выдаче 100 тысяч рублей на газеты, в которых призывали к неповиновению начальству, увольнение явно негодных к командованию офицеров) тут же натолкнулись на противодействие «актива». На Деникина и его штаб посыпались жалобы на «удушение демократии», преследование инакомыслящих и на всякий случай на «введение телесных наказаний» и «рукоприкладство». Зная командира «железных стрелков», в эту глупость вообще никто не мог поверить.

Впрочем, главкому оставалось надеяться на пробивную силу Корнилова, который готовил свой «пакет» мер по стабилизации ситуации и милитаризации тыла для представления Временному правительству. Его поддерживали такие видные политические деятели, как Михаил Родзянко, Петр Струве, Василий Маклаков, утверждавшие, что любое покушение на подрыв авторитета нового Главковерха следует расценивать как преступление.

«Пакет» в виде своеобразной «Записки» специально к намеченному на 12 августа открытию Государственного совещания в Москве готовили Савинков и Филоненко, мечтавшие сблизить милитаристскую позицию Корнилова с «революционной» Керенского. В итоге получился компромиссный документ, в котором требовалось восстановление дисциплинарной власти командиров, но при сохранении института комиссаров. Сохранялись солдатские комитеты, но они должны были нести ответственность за поддержание дисциплины или сами отправляться под суд. Стихийные митинги запрещались, но ежели таковые будут исходить от комитетов, то дозволялись.

Именно в этой «Записке» впервые прозвучал мрачный термин «концентрационный лагерь с самым суровым режимом и уменьшенным пайком» — для взбунтовавшихся подразделений.

Одновременно Корнилов требовал милитаризации железных дорог и стратегических отраслей промышленности, оборонных заводов, шахт, металлургии, работающих на нужды армии. Воевать, имея в тылу как «банды праздношатающихся» из столичного гарнизона, так и бастующих пролетариев, было невыносимо. На них тоже должно было распространяться «военно-полевое законодательство». Твои товарищи, пролетарий, льют за тебя кровь на фронте, пока ты ломаешь казенный станок и отлыниваешь от работы, лей собственную кровь по суду. Не выполняешь норму на заводе — иди выполнять свой долг перед Родиной в окопы.

О содержании «Записки» знали большинство близких к Корнилову генералов, в том числе и Деникин. И разделяли эту точку зрения. Без милитаризации в разгар войны ее не выиграть, а стране не выстоять. В демократию можно будет поиграть и после победы.

Знал о ее содержании и Керенский, но просто побоялся дать ей ход из-за «излишней резкости» позиции, особенно в плане милитаризации предприятий. Рабочие пока еще были в большинстве своем социальной базой меньшевиков и эсеров, а не большевиков. Озлоблять их и лить воду на мельницу генералов, которые в случае своей победы над анархией первого бы вздернули именно его, Керенский не рисковал. Он утверждал, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не подпишет законопроект о смертной казни в тылу», который пытался у него вырвать главноком.

Корнилов вспылал, Савинков подал в отставку. Зато генерал получил мощную поддержку в лице правых, собравших «Совещание общественных деятелей» из представителей кадетов, октябристов, националистов, прогрессистов и пр., вынесших резолюцию о недоверии Временному правительству, пошедшему на компромисс не с военными, а с левыми. Резолюция требовала создания «единой и сильной центральной власти». В стране явно наметился раскол сразу на три лагеря — сидевший «на двух стульях» — левых и умеренных Керенский, мечтавшие о «твердой руке» правые с Корниловым и до поры до времени спрятавшие собственную «твердую руку» крайне

левые большевики. Котел кипел, его крышку могло снести в любой момент. Ожидалось, что какая-то развязка наступит на Государственном совещании.

Сам Керенский пытался представить его в виде своеобразного революционного Земского Собора, однако большевики сразу бойкотировали Совещание, призвав своих сторонников к забастовке. Из 2,5 тысячи делегатов подавляющее большинство представляли правые партии. Открывая «собор», министр-председатель заявил, что он «железом и кровью» раздавит все попытки сопротивления правительству. Аллюзия к незабвенному Отто фон Бисмарку не прошла, Керенскому уже не верили. Правые жаждали услышать «твердую руку», а не «твердый язык».

Корнилов был встречен бурей аплодисментов справа, встал почти весь зал, кроме делегатов от Совдепа (чуть больше 100). Главковерх никогда не был оратором, но он знал, чего хотел. Он прямо назвал причинами поражений и развала армии «законодательные меры» правительства и наличие не внешнего, а «внутреннего врага», предупреждая, что в нынешней ситуации не исключает падения Риги и открытия прямого пути для немцев на Петроград. Дабы предотвратить катастрофу, по его мнению, следовало принять те самые меры, которые были изложены в его «Записке». «Я ни одной минуты не сомневаюсь, что (мои) меры будут проведены безотлагательно».

«Невозможно допустить, — говорил Корнилов, — чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз проявлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и потери Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии».

Его поддержал донской атаман Алексей Каледин, не обративший внимание на компромиссную «Записку» и потребовавший упразднить Советы и солдатские комитеты, деполитизировать армию. При этом прозрачно намекнув, что эти меры не по зубам правительству, их сможет провести в жизнь лишь «твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми интересами, свободных

от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы... Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел».

Милюков обвинял правительство в «капитуляции» перед идеологией левых («капитуляции в армии, во внешней политике, перед утопическими требованиями рабочего класса, перед крайними требованиями национальностей»).

Маклаков выразил общую мысль хитрее: «Я ничего не требую, но не могу не указать на тревогу, которую испытывает общественная совесть, когда она видит, что в среду правительства приглашены... вчерашние пораженцы».

Даже сам гуру социал-демократии Георгий Плеханов призвал правых к «жертвам», а левых «к умеренности» в своих требованиях.

Однако левые поняли его по-своему. Глава Совдепа Николай Чхеидзе заявил, что «только благодаря революционным организациям сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада власти и анархии»; министр почт и телеграфа меньшевик Иракий Церетели угрожал, что «нельзя купить порядка ценой потери веры народа в силы народные, силы демократии. Если бы вы создали такой порядок в стране, это был бы порядок не живого борющегося государства, а это был бы порядок кладбища, похороны судеб России. Это было бы потерей всей России». Через полгода оба этих левых с удовольствием «потеряют» Россию, уведя самостийную Грузию в стан ее врага Германии.

Таким образом, совещание так и не принесло ожидаемого единения, лишь усугубило раскол в стране и показало ответственности, кто есть кто на политической шахматной доске одной шестой части суши. Пожарские были налицо, мининых в стране так и не появилось. Ситуация стремительно катилась под откос. 20 августа пала Рига.

ТВЁРДЫЕ РУКИ И ГЛИНЯНЫЕ НОГИ

Объективно падение Риги было на руку не столько немцам, у которых просто не хватало сил двигаться дальше, а самому Корнилову. Глупо, конечно, вслед за советскими историками пытаться обвинять главкома и Ставку в намеренной сдаче Риги.

Разложенный целенаправленными финансовыми вливаниями немецкого Генштаба в большевистский карман русский Северный фронт мало походил на организованную боевую единицу. Скорее на бесцельно шатающуюся вдоль линии фронта вооруженную, агрессивную, анархически настроенную толпу, командовать которой было не просто невозможно, но и смертельно опасно. При одном только известии о наступлении немцев вся 12-я армия генерал-лейтенанта Дмитрия Парского дружно кинулась наутек, очистив и Ригу, и Усть-Двинск. Потери были даже не убитыми, а лишь 9 тысячами пленных, что свидетельствует о полном нежелании сражаться. Месяцем ранее 12-я армия без боя сдала Икскольский плацдарм на левом берегу Западной Двины, сделав бессмысленным все летнее наступление русской армии. Остановить армию генерал даже не пытался, хотя через перебежчиков знал день и час наступления немцев. Через год, служа у большевиков, он также бездарно покажет себя на том же Северном фронте, так и не найдя общего языка с новыми «товарищами».

С таким настроем войск защищать Отечество ни один «князь Пожарский» положение не исправил бы. Это предвидел и Корнилов, предупреждая Керенского о скором падении Риги, если ситуацию не изменить. А Рига — это ведь ворота на Петроград, защищать который тоже было некому.

Кроме того, главком пугал Временное правительство предполагаемым новым выступлением большевиков. Накануне своего мятежа он писал генералу Лукомскому: «Как Вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца. По опыту 20 апреля и 3–4 июля я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут смещены, а если чудом Временное правительство останется у власти, то при благоприятном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов останутся безнаказанными. Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтобы он нигде и не собрался. Вы правы, конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа подтянуть его к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует».

По этой же причине Корнилов и предлагал Керенскому создать особый Петроградский фронт из подразделений, которым можно доверять и которые будут защищать самого председателя правительства. «Можно доверять», конечно, с точки зрения самого главкома — подразделения, верные не Керенскому, а именно Корнилову. 3-й конный корпус генерала Крымова, Туземная дивизия, которую тоже предполагалось развернуть в корпус, Корниловский полк. По сути, ядро заговорщиков и тайных офицерских организаций.

Интересно, что все эти подразделения находились максимально далеко от столицы (кавкорпус находился в резерве Румынского фронта). Ближе верных Ставке войск просто не было ни на Северном, ни на Западном фронтах.

Деникин писал, что к нему обратились из Ставки с просьбой прислать в Могилев несколько десятков «надежных» офицеров официально «для изучения бомбометного и минометного дела», а фактически — для отправки в Петроград, в составе офицерского отряда. Иными словами, официально главком предлагал двинуть на столицу части с главным лозунгом защиты Временного правительства. Предлагалось также подчинить Ставке Петроградский военный округ. Тот самый, который Корнилов не смог подчинить в апреле.

Однако Керенский тоже был не мальчик, понимал, куда гнет Ставка, где верховодил сомнительный «Союз офицеров». С такими «верными» был серьезный риск первым на фонаре на Невском повиснуть именно премьеру, в компании «немецких ставленников и шпионов». Проект подчинения округа фронту был отклонен, местные части оставались в подчинении у военного министра. Как тонко выразился Керенский, «иначе нас здесь скушают».

С остальным он был согласен, в том числе и с объявлением столицы на военном положении. Расходились лишь в деталях. Работавший передаточным звеном между правительством и Ставкой Савинков в Могилеве передавал просьбу премьера, чтобы не вводить в Питер «туземцев», «ибо неудобно, что русские дела решают инородцы». Просил бывший террорист также не ставить во главе 3-го конного корпуса генерала Крымова, который не скрывал своей неприязни к «этим господам из Таврического», так как «с его именем связываются такие побуждения, которыми он, может быть, и не руководству-

ется». Глава военного кабинета Керенского, его шурин из Генерального штаба полковник Владимир Барановский вкрадчиво наставлял главкома: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

Сам же Корнилов убеждал Савинкова, что будет настаивать на изгнании из правительства социалистов, обещая все же поддержку самому премьеру.

Каждый вел свою отдельную игру. Вор пытался украсть дубинку у другого вора.

Керенский, призывая Корнилова на Петроград, вероятнее всего, рассчитывал его руками сделать все «грязное дело», а потом, убрав политических соперников, с почетом отправить в отставку либо свалить всю ответственность на «мятежника». Делиться властью никак не входило в его планы «спасения революции».

Корнилов, демонстрируя лояльность, вероятнее всего, под шумок предполагал разогнать советы (еще лучше перестрелять), разоружить Красную гвардию и ликвидировать большевиков и эсеров. А потом либо превратить Керенского в декоративную фигуру и установить «твердую власть», либо вовсе обойтись без него, став диктатором до созыва Учредительного собрания.

Савинков был дальновиднее всех, имея влияние на обоих. В Керенском он не сомневался: *«военный министр Керенский руководствовался не только интересами армии, но и настроениями и резолюциями Петроградского Совета, состоявшего в значительной степени из людей большевистского и циммервальдовского образа мыслей, чуждых идее родины, любви к отечеству и заботы о сохранении фронта»*. Савинков без обиняков называл его «самовлюбленным жен-премьером от революции». Относительно Корнилова тоже иллюзий не питал, считая, что тот — слон в посудной лавке, но на данном политическом этапе без него не обойтись. Сам Савинков выигрывал при любом раскладе, так как либо за Керенским, либо за Корниловым рассчитывал стать фигурой № 2, которая зачастую в России всегда является № 1. К тому же бывший террорист предполагался на должность губернатора Петрограда после объявления столицы на военном положении, а это уже само по себе необъятная власть.

Деникин писал о нем: «Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали», презиравший и Временное правительство, и Керенского, в интересах целесообразности, по своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его — он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение».

Опытный конспиратор Савинков надеялся меж двух огней зажечь собственный факел и под шумок «равноудалить» от власти обоих титанов, заняв главный пост в стране.

В столице существовала организация, которая прямо поддерживала Корнилова, пытаясь сделать его «знаменем» борьбы с развалом власти. Так называемый «Республиканский центр», образованный в мае 1917 года и состоявший главным образом из молодых офицеров, делал ставку на популярного главкома как символ будущего порядка на фронте и в тылу. «Центр» со знаменем Корнилова получил поддержку у таких серьезных финансистов, как глава Московского банка Петр Рябушинский, председатель правления Русско-Азиатского банка Алексей Путилов, глава Санкт-Петербургского международного банка Александр Вышнеградский, члены правления Сибирского торгового банка Владимир Тарновский и Федор Липский, председатель Финляндского отделения Русско-Английской торговой палаты Николай Белоцветов, Петр Финисов и др. Пытались банкиры привлечь к деятельности «Центра» и бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Александра Колчака, чьи взгляды на наведение жесткого порядка были широко известны.

С другой стороны, вокруг совершенно не разбиравшегося в политических хитросплетениях главкома быстро возникла камарилья мелких авантюристов и откровенных проходимцев, преследовавших мелкоэгоистические цели.

«Наиболее странным и необъяснимым, — писал Деникин, — является то влияние, которое имели на ход событий окружавшие Корнилова (малоизвестные и не внушавшие доверия) политические деятели в лице Завойко (прапорщик, ординарец Корнилова), Филоненко, Аладьина, Добрынского и т.д. ...Появление всех их вокруг Корнилова внесло элемент некоторого авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всем

движении, связанном с его именем. Один из членов Временного правительства говорил мне, что когда 27 (августа) на заседании правительства был прочитан список министров с именами Филоненко, Аладьина, Завойко, то даже у лиц, искренне расположенных к Корнилову, опустились руки. Стоит прочесть повествование Владимира Львова, изображающего сцены и разговоры за кулисами корниловского выступления, и если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие «политического окружения».

К примеру, подпоручик Максимилиан Филоненко спал и видел себя министром иностранных дел, а когда генерал Лукомский спросил, в уме ли он, милостиво согласился принять портфель министра внутренних дел. Прапорщик Василий Завойко-Курбатов был уверен, что лучшего министра финансов, чем он, не найти, и намеревался созвать «Земский Собор». Лукомский писал об этой авантюрной личности: «Его роль при Корнилове была довольно значительная, так как Завойко отлично владел пером, составлял всякого рода официальные бумаги, написал брошюру «Первый народный Главнокомандующий Лавр Георгиевич Корнилов» (1917), сумел заслужить полное доверие Корнилова, и последний нередко поручал ему от своего имени сноситься с теми или иными людьми». Вероятнее всего, безграничное доверие Корнилова к нему зиждилось на его родстве с банкиром Путиловым, широких связях этого уездного предводителя подольского дворянства в промышленных кругах.

Как писал о нем барон Петр Врангель: «Завойко, бывший помещик, кажется, Подольской губернии, последние годы до войны, разорившись на хозяйстве, занялся финансовыми делами. Он был управляющим нефтяной фирмы братьев Лианозовых, директором и членом правлений целого ряда коммерческих предприятий. После переворота он, оставив дела, занялся политической работой. Последнее время, зачислившись в ряды армии, состоял ординарцем при главнокомандующем Петербургским военным округом, а с назначением генерала Корнилова командующим армией последовал за ним... Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной мере фантазера».

«Трудовик» Алексей Аладьин (из крестьян) еще в Думе прославился своей политической беспринципностью, бросаясь от

марксистов к эсерам-боевикам (был в составе савинковской Боевой группы), от террористов к трудовикам, от трудовиков к крайним реакционерам. Аладьин вообще запросто брал на себя наглость от имени Корнилова посылать телеграмму атаману Каледину с приказом начать движение на Москву и от имени главкома и «Союза офицеров» требовать, чтобы ни один министерский пост не замещался без ведома Ставки. Здесь был профессор Алексей Яковлев, попросту укравший большевистские лозунги и якобы собирающийся тут же раздать земельные наделы солдатам. Иван Добрынский, возглавлявший владикавказское отделение «Союза георгиевских кавалеров» и клятвенно заверявший, что по первому сигналу выставит до 40 тысяч горцев и направит их куда пожелает Корнилов

Следует признать, что и самого Деникина это ничему не научило. Уже через год вокруг него самого закрутится карусель собственной «нечистой силы», с которой аполитичный генерал не сможет совладать и которая напрочь дискредитирует Белую Идею.

Самого Корнилова Деникин к тому времени тоже не совсем мог понять. Как он писал: *«Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какой-либо партийный штамп. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам и убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии... Никогда, ни до выступления, ни во время его, ни официально, ни в порядке частной информации, Корнилов не ставил определенной политической программы. Он ее не имел... Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии».*

Возможно, политическая неразборчивость не отличавшего левых социалистов от правых Корнилова, которая чуть позже

также сослужит ему плохую службу, и стала залогом провала его путча под громкими лозунгами «спасения России».

Неразборчивость была и военная, ибо, во-первых, повышенная конспирация привела к тому, что лишь единицы высших офицеров были посвящены в заговор, а основная масса солдат и офицеров, которых отправляли в столицу, даже не подозревали о цели акции и, как выяснилось, не разделяли ее, ибо были уверены, что они едут лишь для защиты Петрограда от немецкого наступления. Во-вторых, Ставка сама недостаточно конкретно сформулировала задачи «карательной экспедиции», что привело к запутанности и противоречивости как маршрута следования, так и решимости выполнения приказов.

К тому же в нужный момент среди заговорщиков так и не нашлось своего «Иоахима Мюрата», который бы взял на себя «инициативу 18 брюмера» и решительно выбросил бы говорунов как из Зимнего (правительство), так и из Таврического (Петросовет) дворцов.

Идти до конца никто готов не был.

Как ни странно, но Деникин, прямо заявивший Корнилову о своей поддержке в личной беседе, все же не был главкомом привлечен к активному участию в заговоре. Странно, но получается, что на тот момент Корнилов, воевавший бок о бок с Деникиным три года и наверняка неоднократно обменивавшийся с ним мыслями о судьбах страны, до конца генералу еще не доверял. Ибо тому не было смысла впоследствии скрывать свое участие в заговоре в «Очерках русской смуты». Тем более что после путча он угодил в тюрьму вместе с главкомом. Также невероятным следует признать то, что Корнилов мог видеть в нем некоего конкурента — у Деникина не было ни харизмы главкома, ни популярности среди финансовых и политических деятелей. Его просто практически никто не знал.

Стало быть, до Быховской тюрьмы Деникин просто не входил в «ближний круг» корниловцев.

Впрочем, фигура Деникина могла стать просто разменной монетой между противоборствующими группировками. В протоколе расследования по делу о мятеже Корнилова приводилась беседа главкома с Савинковым 24 августа в Ставке: «Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба

эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку... Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко (комиссар при Верховном главнокомандующем) высказывались против Главногокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказывали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск».

Интересно, что никто из претендентов на «кресло № 1» в России всерьез в расчет не принимал большевиков, считая их разгромленными после июльского выступления. Их использовали уже как записную страшилку, своеобразный жупел в политических раскладах, но не как реальную силу.

Большевики достаточно мудро рассудили, что предыдущий продовольственный кризис явился последней искрой к антимоноархической бочке с порохом — почему бы этому кризису не стать той же искрой для окончательной дискредитации Керенского и Ко.

Царская жандармерия была разгромлена, думская милиция охранке в подметки не годилась и не могла справиться даже с уличной преступностью, так что вылавливать лидеров большевиков, которые в шалаше в Разливе строчили статьи за статьями, призывая сторонников к неповиновению властям, было попросту некому. По существу, именно большевики стали «третьим радующимся» в конфликте «Керенский-Корнилов», выиграв в нем больше всех.

Именно большевистский официоз «Известия» каким-то таинственным образом получил в свое распоряжение доклад Корнилова о необходимости принятия срочных мер по оздоровлению армии и обстановки в стране, с которым тот не успел даже ознакомить членов правительства. Есть очень большие подозрения, что «слив» был осуществлен по прямому указанию самого Керенского, пытавшегося большевистскими руками выставить Корнилова в качестве пугала.

5 августа выдержки из него были напечатаны с соответствующими комментариями в духе «угрозы революции» и с требованием снять главкома. Вся левая печать обрушилась на нового «бонапарта». В защиту выступили Союз офицеров, Союз георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск, протестовавшие против травли Корнилова «безответственными людьми».

Газетная истерия привела к крушению даже видимости мезальянса между министром-председателем и главкомом. «С первого же дня моего вступления в должность, — писал на тот момент управляющий военным министерством Савинков, — между мной и Керенским установилось явное разномыслие. Оно касалось не только принципиальных вопросов. Достаточно сказать, что почти ежедневно Керенский возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным главнокомандующим будет назначен сам Керенский, и почти ежедневно мне приходилось доказывать, что генерал Корнилов — единственный человек в России, способный возродить боевую мощь армии». Следует заметить, что для популяризации личности Корнилова его сторонники крайне грамотно использовали «газетный пиар». Пресса просто пестрела заголовками о Главковерхе как о будущем «спасителе Отечества». Точно так же совсем недавно газеты писали и о самом Керенском.

Столкновение лбами двух мощных политических величин вышло такое, что звон от этого вылился в погребальный набат для Временного правительства.

Началось оно, как обычно, с провокации. Во всей истории «корниловского мятежа» самым туманным пятном является роль депутата Госдумы и обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Львова.

Известный противник влияния в России Распутина и его «нечистой силы», которую Львов разгонял из епархий обер-прокурорской метлой, он входил во Временное правительство до июля 1917 года, занимая пост главы «Союза земельных собственников». После попытки большевистского переворота в июле Львов подал в отставку, поддержав создание нового правительства во главе с министром-председателем Керенским. Но благодарный «жен-премьер» усердие обера оценил, пожал руку и... указал ему на дверь, назначив на его место более уравновешенного либерального богослова профессора Антона Карташева (кадет). Львов рвал и метал, заявив Терещенко, что «Керенский ему теперь смертельный враг». По утверждению знавших его людей, Львов в то время «был так экзальтирован, что многим казался невменяемым».

В конце августа «невменяемому» Львову вдруг захотелось поиграть роль Хлестакова и поучаствовать в «спасении России», не имея за душой ничего, кроме чистой авантюры.

22 августа он появился в Зимнем дворце у своего «смертельного врага» и доверительно сообщил тому, что представляет интересы «очень значительных сил», которые могут обеспечить правительству «поддержку справа», ибо самого Керенского не поддерживает уже никто, кроме сомнительного Петросовета, большинство в котором уже перешло к сторонникам Ленина и Троцкого. Никто, конечно, за Львовым не стоял, тем более никто его не уполномочивал на столь громкие заявления. Но авантюра есть авантюра, создавалось впечатление, что «невменяемый» Львов уже сам верил в то, о чем говорил. Он тут же намекнул, что у него есть решительные люди, готовые навести порядок в стране и способные на решительные действия.

Вряд ли Керенский ему поверил, но как ловкий шахматист решил обернуть ситуацию в свою пользу и провести контр-авантюру.

Как сказано в материалах следствия, Керенский якобы обрадовался: «Хорошо, я согласен, — сказал он. — Если даже требуется моя отставка, я согласен уйти, но поймите же, что я не могу бросить власть; я должен передать ее из рук в руки». Далее показания разнятся. Львов утверждал, что Керенский наделил его полномочиями вести переговоры с «решительными людьми» о своей отставке, министр-председатель клялся, что ничего подобного ему не поручал. Вероятнее всего, так и было — опытный волк Керенский был слишком осторожен, чтобы разбрасываться громкими фразами. Скорее всего, его «смертельный враг» припомнил ему свой «украденный портфель».

Львов с близкими его брату Николаю Добрыньским и Аладьиным тут же помчался в Могилев, где отрекомендовался порученцем премьера и заверил Корнилова, что министр-председатель готов уйти в отставку, а сам главком может стать диктатором. Генерал подозрительно посмотрел на посланца, которого опять же никто не уполномочивал, и повторил ему свои взгляды, которые уже вовсю растиражировали «Известия».

В коридоре позицию шефа для Львова уже от своего имени уточнил будущий «министр финансов» Завойко — отставка правительства (Керенскому сохраняют портфель министра юстиции), диктаторская власть Корнилову, военное положение в Петрограде и приезд Керенского и Савинкова в Ставку для выработки окончательного соглашения. Никто его не

просил уточнять. Надо полагать, прапорщику не терпелось подтолкнуть события собственным сапогом.

Теперь Львов посчитал себя уже настоящим посредником, наделенным полномочиями от заговорщиков, которые опять же ему никто не присваивал. Правда, насторожило нового Рокамболя то, что, не найдя в Могилеве места в гостинице «Париж», он остановился у члена Главного комитета «Союза офицеров» есаула Ивана Родионова, который по пьяной лавочке заявил «порученцу», что Керенского в Ставке ненавидят и, появившись он здесь, тут же вздернут на первой же осине.

Со всеми этими впечатлениями Львов 26 августа вновь ворвался в Зимний, присовокупив от своего имени, что Корнилов через него передал свои «требования». Чтобы окончательно добить «смертельного врага», добавил, что того ожидают в Ставке, но лично Львов не советовал бы ему ехать туда без веревки и мыла.

Премьер просто взвился — мятеж был налицо. Но опытный провокатор захотел доказательств, для чего пошел еще на одну провокацию. Вызвал к прямому проводу Корнилова и задал ему более чем неконкретный вопрос: «просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем». Львова рядом не было, но Керенский протелеграфировал, что тот «у аппарата», и отвечал за него. Каким именно сведениям и о чем говорил премьеру Львов, что именно надо было подтвердить, glavkom знать не мог. А переспрашивать не стал. То ли хитрости ему не хватило, то ли просто был уверен, что речь идет о визите премьера и Савинкова в Могилев для очередного раунда переговоров. Он подтвердил. В очередной раз сказались его неопытность в политике и неумение разбираться в людях.

Юрист Керенский аккуратно отмотал телеграфную ленту и подшил ее к будущему делу о мятеже как «чистосердечное признание» — царицу доказательств. Львова, с которым Керенский еще раз чуть ли не слово в слово проговорил «ультимативную» сторону вопроса и попросил того это изложить письменно, но уже при затаившихся за ширмой свидетелях, премьер тут же распорядился взять под стражу как «пособника мятежа» (бумажку аккуратно сложил в карман — еще одна царица доказательств). После чего чуть ли не вприпрыжку побежал в Малахитовый зал, где заявил притихшим министрам о том, что рас-

крыл «мятеж». При этом Керенский потребовал диктаторских полномочий, но уже для себя лично, что вызвало уже противодействие его подчиненных. Как вспоминал очевидец происшедшего, «Александр Федорович несколько раз хлопал дверью, угрожал, что раз министры его не поддерживают, то он «уйдет к Советам».

Однако уловки «жен-премьера» были известны, и министры уперлись серьезно. Тогда-то наконец Керенский и раскрыл карты. На следующий день он отправил в отставку правительство, присвоил себе «диктаторские полномочия», отстранил Главковерха от должности, на что юридически права не имел, потребовал отмены движения на Петроград отправленного по ЕГО ЖЕ приказу два дня назад конного корпуса и назначил себя Верховным главнокомандующим.

После чего приказы рассыпались ворохом — радиограмма в прессу о предотвращении мятежа, призыв к железнодорожникам «приостановить движение к столице корниловских войск, а в случае надобности разбирать железнодорожные пути и устраивать крушение поездов» (то есть под откос пускать те самые войска, которые сам Керенский вызывал для своей поддержки и ликвидации выступления большевиков), войскам Петроградского гарнизона — «генерал Корнилов, заявлявший о своем патриотизме, теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта, ослабив его сопротивление нещадному врагу-германцу, и все эти полки отправил против Петрограда».

Речь идет даже не о беспринципности «жен-премьера». Керенский удачно провернул собственную шахматную партию. Его главный противник подставился — надо бить беспощадно, используя откровенное вранье, провокацию, диффамацию, спекуляцию. В великой войне за власть все средства хороши, пусть Корнилов перечитает Макиавелли.

Не учел он только одного. 26 марта, качнувшись «влево», Керенский сделал шаг навстречу своим могильщикам большевикам, которые просто воспряли в этот момент — из тюрьмы был выпущен один из их лидеров Лев Троцкий для того, чтобы мобилизовать своих сторонников на сопротивление мятежу. Заметим, лидера политического движения, обвиняемого в шпионаже в пользу Германии, призвали бороться с генералом, который командовал армией, с этой Германией воюющей. «Германские шпионы» были рады стараться. В тот момент дело было

не в спасении Керенского и «временных», просто победа Корнилова означала для большевиков гарантированный «фонарь на Невском», а с «левым» премьером еще можно было поторгаться. Потом очередь дойдет и до демократов. Поэтому агитаторы от большевиков на будущее начали «мазать дегтем» не только «душителей революции», но и самого Керенского.

В Могилеве же было пока спокойно и в каком-то смысле безмятежно. Главком в полном соответствии с предварительными договоренностями с Савинковым телеграфировал в военное министерство, что 3-й корпус и Туземная дивизия подойдет в столицу 28 августа, и уже на следующий день Петроград можно будет объявлять на военном положении. После чего пошел спокойно спать.

27 августа в Ставку пришла телеграмма за подписью Керенского: «Генералу Корнилову. Приказываю вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому... Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград».

А вскоре в Ставку привезли прокламацию Савинкова: «Граждане, в грозный для отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства и революции и стал в ряды ее врагов... Со всяким, посягающим на завоевания революции, кто бы он ни был, будет поступлено, как с изменником».

В Могилеве были в шоке. Там как раз после разговора накануне по прямому проводу ожидали премьера сюда (а тем временем 3-й корпус генерала Крымова уже подходил к столице). Жребий оказался брошенным чужой рукой, необходимо было переходить Рубикон. Корнилов отказался подчиниться и пошел ва-банк. *«Русские люди! — говорил он в приказе от 28 августа. — Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога — в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.*

Я, генерал Корнилов — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Тут, конечно, Главковерх сам перегнул, смешав в кучу «коней и людей». Керенский, конечно, боролся за власть как умел, но обвинять его, а тем более ВСЁ правительство в том, что они «действуют в полном согласии с планами германского генерального штаба», было верхом легкомыслия. Этим он настроил против себя и тех министров, которые далеко не сочувствовали премьеру. Но генерала уже несло. 29 августа Корнилов выпустил еще одно обращение, в котором прямо обвинял в сговоре Временное правительство, большевиков и Германию. При этом он навесил на «заговорщиков» пожар на Казанском пороховом заводе 14 августа, в результате чего погибли 19 человек, было уничтожено 12 тысяч пулеметов (всего за 1914-17 годы было произведено и доставлено на фронт около 30 тысяч пулеметов) и 1 млн снарядов, 542 здания были разрушены, 152 из них полностью, потеряно 1,8 млн пудов (29,5 тысячи тонн) нефти (на самом деле пожар был вызван окурком, небрежно брошенным караульным возле железнодорожной станции, где стояли вагоны с огнеприпасами). Чувствуется «рука мастера» прапорщика Завойко. Главковерх призвал не подчиняться распоряжениям правительства. В риторике Корнилова уже появились фразы «расшибить» не только большевистский «Смольный», но и вполне демократический «Зимний». При этом главком предупреждал железнодорожников, что в случае неподчинения его приказам «будет карать беспощадно».

Деникин и его начштаба Марков своей позиции не скрывали. Как писал сам главкоюз: «Все надежды на возрождение армии и спасение страны мирным путем рухнули. Я не делал себе никаких иллюзий относительно последствий подобного столкновения между генералом Корниловым и Керенским».

и не ожидал благополучного окончания, разве только корпус Крымова спасет положение. Вместе с тем, я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отождествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным, и поэтому тотчас же послал ему телеграмму следующего содержания: *«Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июня, на совещании с членами Временного правительства, я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной, и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны; считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. Деникин».*

Телеграмма Деникина также была разослана всем командующим фронтами. Генералы Клембовский (Северный фронт), Балугев (Западный), Щербачев (Румынский) также высказались против отстранения Главковерха. Более того, Клембовский после Лукомского также послал Керенскому телеграмму с отказом занять место главковерха, ссылаясь на то, что «не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время». Замену же Корнилова он посчитал «крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости и свободы родины повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии».

О поддержке Временного правительства заявили лишь командующий самым удаленным Кавказским фронтом генерал от инфантерии Пржевальский (двоюродный брат знаменитого путешественника) и командующий Московским военным округом генерал-майор Александр Верховский (эсер), разгромивший в июле большевистские выступления в Ельце, Нижнем Новгороде, Твери, Владимире, Липецке и др. На всякий случай могилевский гарнизон в составе Корниловского ударного полка (три батальона капитана Неженцева), Текинского конного

полка (пять сотен полковника барона фон Кюгельхена) и Георгиевского батальона (полковника Тимановского) был приведен в полную боевую готовность в ожидании возможного противодействия местного совета. Была отправлена телеграмма на Дон атаману Каледину, в Киев к генералу Абраму Драгомирову с приказом взять власть в городе в свои руки на автомобиле уехал курьер (арестован по дороге). Командзапу Балуюеву было приказано установить контроль над Витебском и Оршей (тот и не подумал выполнять приказ до прояснения ситуации).

Уже потом на следствии Корнилов признавался: *«Я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его:*

1. исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины; 2. перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказания давления на правительство я решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду».

К этому моменту большая часть эшелонов 1-й Донской дивизии стояла в Пскове, Туземная дивизия — на станции Дно (той самой, где подписал отречение последний русский император), Уссурийская дивизия растеклась от Великих Лук до Новосольников.

Французский дипломат Луи де Фобьен написал в своем дневнике от 29 августа: «Керенский — тщеславный и жалкий до удовольствий адвокатишко, мечтавший стать главой России только потому, что спал в кровати императора... создал комитет народного спасения из восьми членов... Но в это время Корнилов... со своими войсками двинулся к Петроград. Народ, как кажется, на его стороне. Сегодня ждут вступления Корнилова в столицу».

В Зимний срочно примчались кадет Милюков и генерал Алексеев, предлагая свои услуги по посредничеству в урегулировании, как всем казалось, неизбежного кровопролития. Воспрял духом бывший Главковерх, ряд министров намекали ему на то, что не прочь видеть его во главе правительства. У Алексеева вновь появился шанс «спасти Россию» в свою пользу.

Вроде бы расклад сил был на стороне заговорщиков, но не зря ведь Керенский качнулся «влево» — в дело вступили сонмы агитаторов из социалистических партий. К разложению скучающих в

эшелонах и ничего не подозревающих о происходящих событиях казаков и горцев подключились все находящиеся вдоль железной дороги солдатские комитеты, Советы, путейцы, рабочие и пр. Аргументы были убийственные для неграмотных вояк — «Корнилов идет с помещиками и капиталистами, чтобы вернуть царя, чтобы закабалить крестьян и рабочих». Вранье нагромождали на вранье, не скупясь сдабривать его откровенными фальшивками. Естественно, что уже изрядно подзабывшим царя кавалеристам возвращения «темного прошлого» не хотелось, а о контрпропаганде Корнилов не позаботился, опасаясь утечки информации. Его офицерам нечего было растолковывать солдатам, те сами ничего не знали. Даже горцев Туземной дивизии, почти не говоривших по-русски, встретили распропагандированные представители проходившего в эти дни в столице Мусульманского съезда во главе с внуком имама Шамиля, которому отводилась роль «знамени Керенского». Пользуясь родным языком и Кораном, они моментально разложили их боевой дух. На всех станциях казаки, горцы и солдаты местных гарнизонов до хрипоты митинговали, уговаривая друг друга быть «братьями» и отстаивать «свободу». Естественно, что казаки не знали, что их ведут «топить в крови революцию», ибо им говорили о защите Питера от немцев. А «топить в крови» они не согласны.

Ничего не понимавший Крымов позвонил из Луги в штаб округа Петроград, чтобы, согласно утвержденному еще до «мятежа» плану, доложить о подтягивании эшелонов, а в ответ услышал приказ Керенского остановить продвижение и распоряжение о смещении Корнилова. Из Могилева же последовал призыв идти «на Зимний».

У станции Антропшино разъезд ингушей и черкесов затеял вялую перестрелку с отрядом правительственных войск, высланным из Павловска навстречу. Однако командовавший 3-й бригадой генерал-майор князь Александр Гагарин, опасаясь оторваться от своих, тут же отдал приказ к отступлению. Хотя видел, что Павловский отряд сам бежит со всех ног.

Положение в эшелонах усложнялось постоянно поступающими радикально противоположными приказами из Могилева и Петрограда, что привело в совершенное замешательство офицеров. Представители Кабардинского и Осетинского полков потребовали от начдива генерал-майора князя Дмитрия Багратиона остановить движение.

5-я Кавказская казачья дивизия так и не вышла из Финляндии на столицу, ее начальник генерал-лейтенант князь Александр Долгоруков по дороге из Могилева к ней был арестован матросами в Ревеле и отправлен в Петропавловскую крепость.

В Уссурийской дивизии взяли верх солдатские комитеты, заявившие о своей верности правительству и отправившие к Керенскому делегацию во главе с командиром 1-го Амурского полка войсковым старшиной Георгием Полковниковым (премьер оценил усердие донца, назначив его командующим Петроградским военным округом с армией в 200 тысяч штыков и сабель).

Офицерские организации в Питере так и не приступили к активным действиям. Пробравшиеся в город представители Ставки не знали, что им делать без четкого руководства. Единного координирующего центра не было. Каждый боялся взять на себя ответственность.

Крымов в Луге совершенно опустил руки. Мало того, что командование выскользнуло из его рук, связанные с выступлением надежды рухнули, так еще и жена его бросила. «Третья пашка империи» был раздавлен. Он попытался было использовать последний шанс — послал подполковника Данильчука в столицу к своему бывшему начальнику штаба, а ныне начальнику кабинета военного министра полковнику Самарину с просьбой прояснить ситуацию. Тот пошел дальше. По согласованию с Керенским 30 августа пригласил его лично в Петроград под «честное слово» премьера. «Честное», как обычно у «жен-премьера», было весьма относительным — в кармане Самарина лежал ордер на арест Крымова. После разговора с Керенским 31 августа Крымов был передан образованной Чрезвычайной следственной комиссии главного военно-морского прокурора Николая Шабловского для дачи показаний. Однако допросить его так и не успели — в тот же день генерал Крымов, возможно, намеренно оставленный без присмотра, застрелился.

Поход на Питер провалился. После чего крушение заговорщиков стало предрешенным делом. Колосс Ставки оказался на глиняных ногах.

Когда через несколько недель один из иностранных корреспондентов задал Корнилову вопрос, почему тот не смог войти в Петроград, генерал поразил исторической наивностью: «Причиной была сильная усталость, последовавшая за тяжелой

ангиной». За сто лет до этого его кумир почти тем же объяснил свой проигрыш решающей битвы при Ватерлоо — насморком.

«МЫ ПОПАЛИ В ЦЕПКИЕ ЛАПЫ СОВЕТОВ»

1 сентября на вокзале в Могилеве в сопровождении штатского господина из поезда вышел седенький генерал, который всем своим видом давал понять, что он тут знаком с каждым уголком. Его тоже узнавали, с готовностью становясь «во фронт». Генерал от инфантерии Михаил Алексеев был здесь своим человеком.

Его роль в развязке событий, связанных с подавлением «корниловского мятежа», двояка и не до конца понятна. С одной стороны, генерал якобы отошел от дел и спокойно жил в своем имении под Смоленском, вроде бы даже зная о заговоре, но активно в нем не участвуя (его дочь в письме Деникину утверждала, что «отец был хотя и пассивным, но все же участником»). То есть вроде как «корниловец». С другой стороны, как только разгорелись события с походом на Петроград, он тут же прибыл не в Могилев, как «пассивный участник», а именно в столицу, к Керенскому, предлагать свои услуги посредника вместе с Милюковым. С одной стороны, он не особо скрывал своих симпатий к генералитету и офицерству, стоявшему «за диктатуру», и даже высказывал это самому Керенскому, с другой, премьер, зная позицию генерала, с ходу предложил ему пост главковерха, который едва заполучил сам. С одной стороны, Алексеев отказался от столь рискованного в пору полного крушения армии поста, но согласился стать начальником штаба Ставки, фактически «добывая» корниловский «очаг», с другой, уверял, что на это пошел исключительно из-за того, чтобы спасти заговорщиков, хотя и подал в отставку буквально через десять дней.

Все это делает роль популярного генерала весьма странной и неопределенной. Настолько, что корниловцы подозревали его в предательстве (генерал публично не поддержал ни один пункт корниловской программы по причине якобы «отсутствия веры в успех рискованного мероприятия»), а Керенский — в измене. Почему и послал с ним «на всякий случай» своего ближайшего друга, с которым был на «ты», «помощника по гражданской части» (фактически надсмотрщика) Василия Вырубова (известный масон, председатель «Объединенных русских лож»).

Не исключено, что Алексеев попытался было таким образом вернуться на военный и политический Олимп, когда оказались скомпрометированы два самых сильных его конкурента — Керенский и Корнилов. Не зря ведь определенные политические силы, включая министров, зондировали почву по поводу того, чтобы именно Алексеев стал премьером. Похоже, это понимал и сам Керенский, поэтому поспешил выдворить старика подальше от столицы играть роль разрушителя Ставки. Таким образом, убивались сразу два зайца — генерал удалялся от центра политических событий, находясь под постоянным присмотром верного Вырубова, а снимая корниловцев, он неизбежно должен был вызвать к себе ненависть всего активного офицерства армии. В результате он очень скоро остался бы один и без всякого влияния. Алексеев тоже не был политиком, он этого не сумел понять.

Пока же он просто прибыл в Могилев, откуда послал полковнику Барановскому в Петроград унылую телеграмму: «С глубоким сожалением вижу: мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, является неоспоримым фактом». Полковник самодовольно ответил: «Бог даст, из цепких лап Советов... мы уйдем».

Вывод напрашивался сам собой. Советы на местах во многом были наводнены уже не вошедшими в правительство эсерами, а большевиками (еще в июне их было в Советах всего 13%, к осени — подавляющее большинство). Их сторонники получили от правительства оружие для борьбы с путчем, которое и осталось у них уже до октябрьского переворота. Фактически Временное правительство само вооружило своих «могильщиков». После подавления мятежа большевики были уверены, что «качнувшийся влево» Керенский теперь уж точно в их руках и им можно будет манипулировать, заставив поделиться властью. Тот вроде бы это и начал демонстрировать, сняв со своих постов особо раздражавших левых комиссарверха Филоненко, генерал-губернатора и управляющего военным министерством Савинкова.

«Понимал ли Керенский в эту минуту, — писал в своих «Воспоминаниях» Павел Милюков, — что, объявляя себя противником Корнилова, он выдавал себя и Россию с руками Ленину? Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства?»

Чтобы понять это, нужно было слишком от многого отказаться. Трагизм Керенского, особенно ярко очертившийся в эту минуту решения, состоял в том, что хотя он уже многое понял, но отказаться ни от чего не мог... Если можно сосредоточить в одной хронологической точке, то «преступление» Керенского перед Россией было совершено в эту минуту, вечером 26 августа».

По утверждению последнего спикера Государственной Думы Михаила Родзянко, «я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А.Ф. Керенский».

Однако не так прост был «жен-премьер», чтобы позволять кому-то потеснить его в кресле. Опираясь на правых он уже не мог, на левых не хотел, зато мог лавировать между теми и другими, избегая конкретных обещаний. Таким образом он рассчитывал дотянуть до Учредительного собрания, которое могло бы учредить, по французскому примеру, пост президента, на котором мог бы находиться «опытный политик». А кто опытнее, тем более изворотливее Керенского? Чем не президент?

Сам Корнилов сначала громогласно заявлял, что предпочтет смерть сдаче должности, потом успокаивал Корниловский полк, уговаривая сложить оружие, а затем и сам предался отчаянию так, что его утешал собственный адъютант корнет хан Разак-Бек Хаджиев.

Милейший генерал Алексеев, арестовывая Корнилова, Романовского, Лукомского и других, сокрушенно вздыхал: «ради спасения жизни корниловцев решил принять на свою седую голову бесчестие — стать начальником штаба у «главковерха» Керенского». Как писали тогдашние газеты, «после тяжкой внутренней борьбы». Сам Корнилов в это лицемерие не верил, что наложило отпечаток на все дальнейшие холодные отношения будущих лидеров Белого движения.

Командир Корниловского ударного полка Митрофан Неженцев утверждал, что в Ставке Алексеев и Корнилов «встретились... чрезвычайно трогательно и по-дружески». Это маловероятно, ибо именно с тех пор отставленный главковерх до самой своей смерти в апреле 1918 года плохо скрывал свои натянутые отношения с бывшим начальником. Как раз Деникин и выступал своеобразным «буфером» между пылким Корниловым и тихим, но твердым Алексеевым. Вполне обоснованно считая Алексеева «разрушителем Ставки» Корнилова, многие сторонники того и впоследствии держались с ним настороженно.

Кроме того, Главковерх, безусловно, был в курсе той аттестации, которую дал ему Алексеев в приватном разговоре, назвавший Корнилова «человеком с сердцем льва и с мозгами барана».

Утверждают, что сам низложенный Главковерх заявил Алексею: «Помните, Ваше превосходительство, что Вы идете по опасному пути; Вы идете по грани, отделяющей честного человека от бесчестного».

Корнилова и его генералов сначала поместили в гостиницу «Метрополь» под двойной караул. Но мимо нее ежедневно после занятий проходил Корниловский ударный полк, специально изменивший маршрут следования, чтобы перед окнами кричать «ура». Поэтому решено было 12 сентября перевести заключенных подальше от Ставки, в маленький городок Быхов (50 км от Могилева), в здание женской гимназии, разместившейся в бывшем католическом монастыре. Корниловский полк был отправлен на Юго-Западный фронт, подальше от соблазна.

Следует заметить, что Алексеев как мог старался облегчить участь узников. Внутреннюю охрану тюрьмы-гимназии несли солдаты Текинского полка, внешнюю — Георгиевского батальона. Кроме того, в окрестностях Быхова был передислоцирован только что сформированный 1-й Польский корпус (12 стрелковых и 3 уланских полка, тяжелая артиллерия) генерал-лейтенанта Юзефа Довбор-Мусницкого, в который входили исключительно солдаты и офицеры, проживавшие на территории Российской империи. То есть не те, кто спал и видел Польшу «от можа до можа», а поляки, реально желавшие сражаться за Россию против тевтонов.

Фактически заговорщики охраняли сами себя от возможного самосуда. Хотя и странное это дело — русских генералов охраняли от русских солдат текинцы и поляки. Таковы уж законы «бессмысленного и беспощадного» нашего бунта.

А в Бердичеве еще 29 августа были арестованы генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и генерал-квартирмейстер Орлов. В первый же день мятежа комиссара Иорданского след простыл, но уже на следующий день он вернулся, ободренный поддержкой Бердичевского гарнизона.

Солдатские комитеты ежечасно собирались, митинговали, возбуждали толпу, сея в ней настоящую панику и слухи о том, что командующий и его штаб якобы намеревались «открыть немцам фронт», «восстановить на престоле Николая II» и пр.

Генерал писал: «Из окна своего дома я наблюдал, как на Лысой горе собирались толпы солдат, как потом они выстроились в колонну, долго, часа два митинговали, по-видимому, все не решаясь. Наконец колонна, заключавшая в себе эскадрон ординарцев (бывших полевых жандармов), запасную сотню и еще какие-то вооруженные команды, с массой красных флагов, и в сопровождении двух броневых автомобилей двинулась к городу. При появлении броневика, угрожавшего открыть огонь, оренбургская казачья сотня, дежурившая возле штаба и дома главнокомандующего, ускакала наметом. Мы оказались всецело во власти революционной демократии».

Мстя за свой испуг первых дней мятежа, комиссар Иорданский был не прочь спровоцировать солдатский самосуд над фронтовым командованием, а затем «скорый, но правый» военно-революционный суд. В этом он нашел поддержку у главного полевого прокурора фронта генерала Батога, который настаивал, чтобы суд состоялся в Бердичеве, где приговор был предопределен. Тот самый Батог, который после телеграммы Деникина Временному правительству 28 августа ужом вполз в комнату командующего и тихо прошептал: «Наконец-то этим предателям сказано во всеулышание прямое и заслуженное ими слово». Но приезд в Бердичев членов Чрезвычайной следственной комиссии нарушил планы обоих компаньонов.

Первые недели своего заключения генералы Деникин, Марков, Орлов, Ванновский, Эрдели, Селивачев, Эльснер и др. (всего 11 человек) провели на гауптвахте в Бердичеве, под окнами которой собирались толпы вояк, угрожавших учинить расправу над «врагами революции».

Понимая, что положение критическое, невеста Деникина Ксения Чиж, которая жила в Киеве в квартире его покойной матери, в срочном порядке занялась поиском адвокатов. Дал согласие защищать генерала знаменитый Василий Маклаков, защищавший в 1913 году Менахема Бейлиса по нашумевшему в стране делу о якобы имевшем место ритуальном убийстве гимназиста. Однако быстро прибыть он не мог, зная энтузиазм Иорданского и Ко, требовалось предпринять срочные меры на месте. Тогда в Киеве к защите Деникина подключились присяжные поверенные Григорович-Барский, Калачевский и Лещ.

Расстроенный отказом в «военно-революционном суде», Иорданский «утешился» тем, что после приказа доставить

подследственных в Быхов распорядился «провести их сквозь строй» — генералы вынуждены были идти к вокзалу сквозь бушующую солдатскую толпу, из которой в любой миг могли вылететь либо пуля, либо штык. Вылетели только комья грязи, булыжники и трехэтажный мат (дальнейшее предотвратил отряд юнкеров под командованием капитана Бетлингга — через несколько месяцев он станет одним из первых офицеров Добровольческой армии). Генералу Орлову разбили лицо, Деникина и Эрдели ранили в спину и голову.

Неподражаемый Керенский отозвался на арест генералов фразой, чисто в своем духе: «Корнилов должен был быть казнен; но когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

По воспоминаниям генерала Лукомского, сразу после ареста беседовавшего с зятем премьера генералом Барановским, на вопрос арестованного: «Что можете сказать?» — Барановский ответил: «Только то, что уже сказано генералом Корниловым, то есть что все произошло вследствие провокации Керенского».

«Мавр» же Алексеев, вполне предсказуемо догадавшись об отведенной ему роли, уже 11 сентября подал в отставку. В его рапорте говорилось: «Страдая душой, вследствие отсутствия власти сильной и деятельной, вследствие происходящих отсюда несчастий России, я сочувствую идее генерала Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности начальника штаба». Настораживает в этом заявлении все же это странное «пока». Надо полагать, что при иных обстоятельствах генерал вполне «силы бы нашел».

Он сдал должность генерал-лейтенанту Николаю Духонину и вернулся в Смоленск. Потом вроде бы как в свое оправдание Алексеев написал главному редактору популярной газеты «Новое время» Борису Суворину: «Россия не имеет права допустить готовящегося в скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов. Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился, при содействии некоторых членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж».

Керенский чувствовал себя триумфатором. Его главный конкурент со своими сторонниками в тюрьме в ожидании суда, популярный среди офицерства адмирал Колчак — в длительной

служебной командировке в Америке (вовремя подсуетился вытолкнуть его из страны еще до мятежа), скомпрометированный генерал Алексеев в отставке, пытающиеся ограничить влияние премьера Савинков и Филоненко задвинуты, раздражавшие его министры Чернов, Скобелев и особенно Некрасов, потребовавший отставки министра-председателя для предотвращения гражданской войны, удалены из нового коалиционного правительства.

В армии после приснопамятной «гучковской чистки», удалившей из нее «монархический элемент», началась «чистка Верховского». Новый военный министр генерал-майор Верховский, прославившийся тем, что приказал пяти полкам подчиненного ему Московского военного округа ударить на Могилев, что едва успел предотвратить Алексеев, затеял изгнание из армии «скрытых контрреволюционеров». За короткое время были «вычищены» 20 высших чинов командования, арестованы или смещены со своих должностей сторонники Корнилова в Москве, проведены обыски в московском отделе Союза офицеров. Сам Керенский признавался, что Верховский «был не только не способен овладеть положением, но даже понять его», однако, «принимая во внимание колеблющееся поведение во время корниловского выступления всех других желаемых кандидатов, мне буквально не из кого было выбирать, а между тем с обеих сторон — правой и левой — проявилось внезапное желание видеть на посту военного министра военного человека».

Осечка, правда, вышла с атаманом Калединым, поддержавшим мятеж. Указом премьера, ставшего главковерхом, от 29 августа генерал был отстранен от должности атамана с преданием суду по обвинению «в мятеже и в желании путем занятия донскими частями железнодорожных узлов отрезать Донецкий бассейн от центра».

Однако с Дона по-прежнему «выдачи не было», правительство и Круг на признали решения Керенского, объявив, что атаман не причастен к мятежу. Керенскому пришлось указ отменять, объявив его появление «тяжелым и печальным недоразумением, которое было следствием панического состояния умов на юге». Обидно, но надо было проглотить — нельзя раздражать казачков, когда вокруг еще столько несрубленных голов.

Правда, оставались большевики, сыгравшие заметную роль в подавлении мятежа, но с ними он надеялся справиться. После подавления мятежа Корнилова Керенский неожиданно почувствовал себя всемогущим и совершенно утерял почву под ногами. Когда Владимир Набоков (отец выдающегося писателя) спросил у него, не боится ли он теперь выступления большевиков, которых сам же вооружил, премьер гордо ответил, что «я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло! У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно». В нем уже жил свой «карманный наполеон».

БЕЛОЕ ДЕЛО

Условия жизни в Быхове для узников были не в пример лучше, чем на бердичевской гауптвахте. Деникин и Марков поселились в комнате генерал-квартирмейстера Ставки генерал-лейтенанта Ивана Романовского (они дружили с весельчаком Марковым, который с ходу дал комнате прозвище «палата № 6» — ее порядковый номер). Знаковая встреча. Замкнутый Деникин крайне сложно близко сходил с людьми и предпочитал сохранять лишь деловые и служебные отношения (поэтому с женщинами он бывал, как правило, нелюдим). Даже с верным Марковым, с которым они прошли несколько лет германской войны и много раз бывали в бою. С Романовским в Быхове началась настоящая дружба. Сын артиллерийского офицера, лейб-гвардеец и генштабист, умнейший тактик и организатор, бесстрашный командир сразу завоевал симпатии сына офицера из крепостных. Деникин так характеризовал его: «Человек, оставивший после себя яркий след в истории борьбы за спасение Родины. Человек, олицетворявший собою светлый облик русского офицера и павший от преступной руки заблудившегося духовно русского офицерства. Человек — «загадочный»...».

Еще будучи командиром 206-го Сальянского пехотного полка, одного из лучших в русской армии, «загадочный» Романовский был в 1915 году представлен к чину генерала с такой характеристикой: «Выдающиеся организаторские способности полковника Романовского, его умение дать воспитание войсковой части, его личная отвага, соединенная с мудрой

расчетливостью, когда это касается его части, обаяние его личности не только на чинов полка, но и на всех, с кем ему приходилось соприкасаться, его широкое образование и верный глазомер дают ему право на занятие высшей должности». Деникин с Романовским, начиная с Быхова, последующие три года плечом к плечу прошли весь крестный путь Белой армии, и именно после убийства своего друга в Константинополе в 1920 году, по утверждению близко знавших Деникина людей, он впервые дал волю слезам.

Тюремный режим Быхова больше напоминал распорядок закрытого санатория. Утро начиналось в 8 часов. Передвижение по монастырю было свободное, никто в комнатах-«камерах» не сидел (кроме Корнилова, утверждавшего, что таким образом он тренирует коллег, воспитывая самостоятельность в его отсутствие. Хотя на самом деле генерал страдал от обострения ревматизма и ему сложно было в таком виде показываться перед подчиненными). После чая разрешались прогулка и посещение близкими, которым дозволялось дважды в день видеть узников.

Марков писал: *«Мы в раю. Встаем в 9 часов. В 10 часов — чай, прогулка у костела. Закуска перед обедом, в 4 часа — урок английского языка. Вечер, полный интереса, в палате № 6. Рассказы Родионова о Распутине, Иллиодоре и Гермогене. Добавление Никанорова (Иосиф Никаноров, завотделом печати Георгиевского комитета. — Прим. автора). Немного мистики Аладьина... Не успеваю читать газеты. Нет, жизнь хороша, и хороша во всех ее проявлениях».*

Особым разрешением следственной комиссии и при доброжелательном попустительстве коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, допускались и посторонние. Как правило, это были офицеры, представлявшие связных от многочисленных тайных организаций, поддерживавших Корнилова, с которым была установлена бесперебойная связь так, что узники всегда были в курсе того, что происходило за стенами тюрьмы. Каждое утро адъютант Корнилова Хаджиев приносил свежие газеты. Из Ставки приезжали полковник Сергей Квашнин-Самарин, бывший в мирное время адъютантом Архангелогородского полка, которым командовал Деникин, и командир Георгиевского батальона полковник Николай Тимановский, ранее — офицер «Железной дивизии».

Обедали все за общим столом, «без чинов». Корнилову пищу носили в его «келью», когда тому в очередной раз была охота «потренировать» подчиненных.

«Официально, — вспоминал Александр Лукомский, — мы все время, кроме необходимого на пищу и предоставляемого для прогулки, должны были сидеть по своим комнатам, но в действительности внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому. Денежного содержания лишили, но пищу нам разрешено было готовить на казенный счет такую же, как давали в офицерских собраниях. Из Ставки в Быхов был прислан повар, и нас кормили вполне удовлетворительно...

Прогулка нам разрешалась два раза в день во дворе, вокруг костела. Впоследствии для наших прогулок отвели большой сад, примыкавший к дому, в котором мы помещались».

Интересно, что невеста Деникина Ксения Чиж ЕЖЕДНЕВНО проносила в муфте узникам бутылку водки, так что ее в тюрьме всегда ждали с особым нетерпением. Следует заметить, что в России с начала войны был введен «сухой закон», так что доставать спиртное и умудряться его пронести для маленькой хрупкой женщины было настоящим подвигом. Она частенько баловала узников на пару с супругой генерала Маркова урожденной княжной Марианной Путятиной, которой муж дал сочное прозвище Муха.

Деникин от нечего делать, вспомнив детство во Влоцлавске, пел в церковном хоре, когда в тюрьму приходил батюшка.

Следует заметить, что новый Главковерх генерал Духонин и его генерал-квартирмейстер Михаил Дитерихс (один из разработчиков Брусиловского прорыва) в Ставке почти не скрывали своих симпатий к быховским сидельцам, уверяя их, что верные корниловцам подразделения из города не уберут. В свою очередь Духонин просил узников (как острили, «если в Могилеве Ставка, то в Быхове — «Подставка») не предпринимать попыток силового освобождения, охрану и безопасность он гарантирует. От побега отказались по морально-нравственным соображениям — ждали суда как трибуны для обличения политики правительства и Советов. Бежать условились лишь в случае падения власти или непосредственной угрозы жизни. В Быхове составлялась преподанная Ставке дислокация казачьих частей для занятия важнейших железнодорожных узлов на путях с фронта

к югу, чтобы в случае ожидаемого крушения фронта, сдержать поток бегущих, собрать устойчивый элемент и обеспечить продвижение его на юг. Лукомский рекомендовал Духонину ввиду предстоящего большевистского выступления подтянуть к Могилеву несколько надежных частей, чтобы не оказаться беззащитными, как сами корниловцы в августе.

Сконфуженный поражением мятежа Корнилов в Быхове встретил Деникина с распростертыми объятиями:

— Очень сердитесь на меня за то, что я втянул вас в дело, столь вас скомпрометировавшее?

— Полноте, Лавр Георгиевич, наше дело общенациональное, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Дело еще далеко не было окончено. «Белое дело» только начиналось. Сразу же по приезде «бердичевской группы» состоялось собрание всех сидельцев (в разное время от 24 до 32 человек, случайно арестованные генералы Сергиевский и Панский были вскоре выпущены), на котором рассматривался вопрос: продолжать или считать дело оконченным? Двух мнений не было — за продолжение высказались единогласно. Предстояло, наконец, выработать единую и понятную всем идеологию, способную объединить всех сторонников корниловской «платформы». Четкую программу удержания страны и армии от развала.

«Политику» взял на себя единственный политик из сидельцев экс-депутат Аладьин, предложивший создать целую партию. Это вызвало бурные возражения. Как, собственно, и личность Аладьина, которому председатель Главного комитета Союза офицеров армии и флота Леонид Новосильцев напомнил, что именно тот в 1906 году, еще будучи депутатом от «Трудовой группы», после разгона 1-й Государственной Думы пытался поднять на борьбу против империи финскую Красную гвардию, а затем убеждал правительство США не давать займов России, пока ее власти «не прекратят политику репрессий инакомыслящих».

Эту идею отклонил Деникин, заметивший, что такая своеобразная постановка вопроса не соответствует «ни времени, ни месту, ни характеру корниловского движения, ни нашему профессиональному призванию». Генералы настаивали на внепартийности «августовского движения», как чисто патриотического во имя «национальной идеи». Вообще в Быхове были собраны «люди самых разнообразных взглядов, в преоблада-

ющем большинстве совершенно чуждые политике и объединенные только большим или меньшим соучастием в корниловском выступлении и безусловным сочувствием ему». Страшно далеки они были не только от «народа», но и от политики вообще.

Он вспоминал: «Вечером в камере 6, как самой поместительной, собирались обыкновенно арестованные для общей беседы и слушания очередных докладов. Иногда доклады были дельные и интересные, иногда совсем дилетантские. Темы — крайне разнообразные: Кисляков докладывал, например, стройную систему организации временного управления с «вопросительным знаком» во главе, долженствовавшим изображать фигурально диктатуру; Корнилов рассказывал о мартовских днях в Петрограде; Никаноров — о торговых договорах и православной общине (приходы); Новосильцев рисовал милую пастель на тему о русской старине и роде Гончаровых; Аладьин делал экскурсии в область потустороннего мира. Никогда не выступал Лукомский. Он только оппонировал или поддерживал высказанные положения; характерной чертой его речи было всегда конкретное, реальное трактование всякого вопроса: он не вдавался в идеологию, а обсуждал только целесообразность. Его речь с некоторым оттенком скептицизма и обыкновенно хорошо обоснованная не раз умеряла пыл и фантазию увлекавшихся.

Все разговоры сводились, однако, в конце концов к одному вопросу, наиболее мучительному и больному — о русской смуте и о способах ее прекращения.

Впрочем, политические идеалы вообще не углублялись и поэтому быховцев не разделяли. Средством же спасения страны, невзирая на постигшую недавно неудачу, всеми признавалось только одно — заключавшееся в схеме Кислякова.

День кончался обыкновенно в нашей камере, иногда с гостями, иногда в беседе втроем: Романовский, Марков и я».

В постоянных спорах и полемике выковывалась идеология «Белого дела», основой которого стало национальное движение, противостоявшее интернациональному развалу. Основные положения ее, которые потом получили наименование «Программы Быхова», или «Корниловской программы», сводились к следующему:

- 1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций — впредь до Учредительного собрания.

2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4) Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6) Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания.

Во главу угла ставилась не личная власть кого бы то ни было, даже не диктатура, а формирование такого правительства, которое сумело бы навести в стране порядок, который смог бы продержаться до Учредительного собрания и установления того образа правления, удобного «всей земле».

Романовский записал в «Быховском альманахе»: «Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но «корниловщина» в России не погибнет, так как «корниловщина» — это любовь к Родине, желание спасти Россию, а эти высокие побуждения не забросать никакой грязью, не затоптать никаким ненавистникам России».

Таким образом, была программа, были люди, была идея, но не было денег на ее воплощение.

Тут вновь объявился генерал Алексеев, который через союзного корниловца Милюкова попытался потревожить основных «спонсоров» движения из «Совещания общественных деятелей», где кадеты играли заметную роль. Он направил письмо Вышнеградскому, Путилову и прочим банкирам: «Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету Союза офицеров до 300 тыс. рублей. Я настойчиво прошу их прийти на помощь. Не бросят же они на произвол судьбы и голодание семьи тех, с которыми они были связаны общностью идеи и подготовки».

«Спонсоры» без всякого энтузиазма отнеслись к воззваниям потряхнуть мощной. В успех дела они уже не верили. Зато

появился непотопляемый прапорщик Завойко, поставивший «рзкет» на поток. С его подачи и от имени Корнилова к различным финансистам стали являться непонятные личности, требовавшие «пожертвования» ради «спасения России», предъявляя якобы подлинные письма плененного Главковерха. Следует заметить, что не исключено, что некоторые из них были подлинными. Корнилов по-детски продолжал доверять явному авантюристу Завойко и вполне мог подмахнуть некоторые сомнительные воззвания (известны 12 писем за его подписью у прапорщика). Еще Милюков отмечал в нем «детскую доверчивость к людям, умевшим ему польстить». В любом случае в Быхов уже стали поступать жалобы на вымогательство.

Зато был результат: в конце октября из Москвы доставили первый «транш» — около 40 тысяч рублей.

Обрадованный Корнилов поручил несостоявшемуся «министру финансов» Завойко создать единую центральную кассу в Новочеркасске, особый комитет и контроль для распоряжения собираемыми деньгами и наблюдения за их использованием. Тот распорядился ими как надо — к декабрю в Новочеркасске в кассе Добровольческой армии было пусто.

Отметим, вроде как святое Белое (не даром был выбран именно этот цвет) дело начиналось с финансовых махинаций, откровенного мошенничества и спекуляций. Именно мздоимство и казнокрадство его и провалят спустя всего лишь три года.

ГРАБЛИ КЕРЕНСКОГО

Слово, данное Духонину, сохраняло свою силу вплоть до большевистского переворота в Петрограде. Никто не сомневался, что заключение в Быхове — это не конец, а всего лишь начало борьбы. Все ожидали скорого освобождения с тем, чтобы вновь взяться за оружие, но уже действуя наверняка, без интеллигентского слюнтяйства. Либо освобождения извне, либо возможности для «самоосвобождения».

Однако боеспособных и особенно надежных сил в тогдашней армии практически не было. На фронте реально можно было надеяться лишь на пять сотен шашек верного Текинского полка да на Корниловский ударный полк. Капля в море. Тайные офицерские организации были разрозненны и не имели

никакой материальной базы для серьезного выступления, что как раз и показали августовские события. Раздробленное офицерство само металось между массой политических течений, не ведая, к какому берегу прибиться.

Оставалось лишь казачество, вечный оплот когда-то самодержавия, а ныне российской государственности. И его главная сила — Область Войска Донского, руководство которой заняло принципиальную позицию поддержки в ходе выступления Корнилова.

К тому же Дон — это хлеб и уголь, металлургия и коневодство, крупнейший на тот момент российский порт Ростов-на-Дону, 4 млн жителей — экономическая и военная база для любого вооруженного противостояния.

Так, по крайней мере, это виделось из Быхова, откуда была налажена постоянная переписка с Новочеркасском. Поручик Михаил Левитов, якобы переведенный в запасной полк в Пензу, в качестве курьера постоянно катался по маршруту Быхов — Новочеркасск. Все надежды затворников были связаны с Доном как будущим оплотом корниловцев. На это рассчитывал и генерал Алексеев, договариваясь с атаманом о переезде своей тайной организации в Новочеркасск для «сбора сил на борьбу».

Однако все было далеко не так гладко. Это понимал в первую очередь сам Каледин.

Избранный 19 июня атаманом, первым после замены этой процедуры Петром I в 1709 году на назначение из столицы, генерал Каледин не постеснялся проявить свою позицию поддержки Корнилова, а Большой Круг отстоял его в конфликте с Керенским. Сам атаман 6 сентября в докладе Большому Кругу выступил в защиту Корнилова и твердой власти, утверждая, что «Временное правительство плоть от плоти и кровь от крови Совета», хотя при этом на всякий случай и отрицал свое участие в мятеже. Отрицал не просто так, ибо понимал настроения казачества и видел отрыв казачьей верхушки от фронтовиков. В Донском правительстве были уверены, что держат ситуацию под контролем, хотя на самом деле никакого контроля на Дону уже давно не было. В Донбассе хозяйничали пробольшеvisки настроенные угольщики и металлурги, на Маныче сильны позиции были у иногородних-украинцев, в Таганроге, Ростове, Александровск-Грушевске, Юзовке, Макеевке всем верховодили Советы. Внутри самого казачества назрел раскол — вер-

ховые станицы, более бедные, явно отрывались от зажиточных низовых, которые поддерживали Новочеркасск. Возвращавшиеся в родные станицы фронтовики были напрочь распропагандированы и не желали связывать свое будущее с «контрреволюционными» генералами в Новочеркасске.

Сам атаман находился в весьма щекотливом положении. Официально он был объявлен «мятежником» с приказом военного министра Верховского его арестовать. Круг взял его под поручительство, но полномочия, а тем более реальная власть Круга были небеспредельны. С Дона его бы традиционно «не выдали», но появляться в столицах он уже не рисковал, ибо знал, что Керенский ждет любой удобной зацепки для ареста атамана.

Как писал Деникин, «Каледин едва ли не трезвее всех смотрел на состояние казачества и отдавал себе ясный отчет в его психологии. Письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий. Даже на прямой вопрос, даст ли Дон убежище быховским узникам, Каледин ответил хотя и утвердительно, но с оговорками, что взаимоотношения с Временным правительством, положение и настроение в области чрезвычайно сложны и неопределенны».

Понимающий шаткость своего положения атаман пытался дать понять об этом и быховцам, однако у Корнилова, слепо доверявшего, только непонятно по какому принципу, подобранным им самим приближенным, было другое мнение. Как всегда кстати пришлось мнение Завойко, оказавшегося уже в Новочеркасске и писавшего Корнилову: «... Ваше имя громадно, его двигает вперед уже стихия; за ним стоят не отдельные силы или люди, а в полном смысле слова — стихия... Здесь на Дону Ваше имя и значение — бельмо на глазу Богаевского (товарищ атамана. — *Прим. автора*); он полностью забрал в свои руки Каледина и в этом направлении влияет на него; здесь политика по отношению к Вам — двуличная и большая личная ревность. Боятся, что Вы будете наверху, боятся, что Вы не позволите пожить за счет других и т.д.».

Таким образом, у Корнилова сформировалось мнение, что Каледин просто излишне осторожничает, выжидает и попытается выгадать для себя после предстоящей победы особые преференции. Стало быть, путь у быховцев только один — в случае необходимости и опасности пробиваться на Дон.

Тем временем в Петрограде дело катилось к вполне предсказуемой развязке. Ставший во главе Петросовета Лев Троцкий без стеснения вещал с высокой трибуны «о грядущих переменах» («нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны... Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил»), Ленин строчил из подполья о том, что «промедление смерти подобно», в столице уже был организован Военно-революционный комитет, которому должен был подчиниться гарнизон. Зиновьев и Каменев в горьковской газете «Новая жизнь» спокойно печатают статью, предрекающую провал вооруженного восстания и предлагают дожидаться II Всероссийского съезда Советов, чтобы заручиться сначала его поддержкой.

То, что готовится переворот, понимали все. То, что он будет успешным, все, кроме Керенского. Когда накануне восстания 24 октября к нему в Зимний пришли предлагать помощь председатель Предпарламента эсер Николай Авксентьев, лидеры меньшевиков Федор Дан и эсеров Абрам Гоц, тот наорал на бывших однопартийцев, что «в наставлениях и указаниях не нуждается», а правительство «будет действовать само и само справится с восстанием». Однопартийцы поняли, что имеют дело с ненормальным, и поспешили в Смольный на заседание ВЦИК, где нос к носу столкнулись с помешанным на восстании Лениным. Его появление в Смольном сомнений в перевороте уже не оставляло.

Следом явилась делегация от казачества, задавшая прямой вопрос — мол, станичники готовы драться и «седлать коней», но только в том случае, если получат заверения, что «казачья кровь не прольется даром», как это было во время июльского мятежа сторонников Ленина. Керенский взвизгнул, дескать, против большевиков «будут приняты самые энергичные меры», он, дескать, большевикам еще покажет, и господа казаки могут быть спокойны. Казаки переглянулись и вполне резонно догадались, что у премьера чистой воды истерика и пора «седлать коней», чтобы делать ноги.

Верил ли сам Керенский в то, о чем говорил? На что он надеялся? Если на тот самый 3-й конный корпус под командованием теперь уже генерала Петра Краснова, который после корниловского мятежа все же придвинул ближе к столице, то совершенно зря — конники ему уже не верили. Если на Северный фронт своего протеже генерала Черемисина, то тем более — его войска

вообще были не боеспособны и сдали немцам Моонзундский архипелаг. Возможно, поверил генералу Алексееву, уверявшему, что в Питере находятся 15 тысяч офицеров, из которых как минимум 5 тысяч будут защищать Временное правительство под его командованием. Зная, что тот как раз-таки симпатизировал отнюдь не Керенскому, а идеям Корнилова, вообще было бы глупо делать на это ставку. Премьера бы первого эти и утопили в Неве. Интересно, что тут же возник отставленный Филоненко, который подал оригинальную идею — вообще ничего не предпринимать, ибо большевики, захватив власть и не умея ею распорядиться, быстро себя дискредитируют, и тогда с ними разделаться не составит труда. Ему в голову не приходило, что «ничего не умеющие» большевики под угрозой голода и маузера заставят работать на себя тех, кто что-то умеет.

Попытался было «воскреснуть» и Савинков. Он призвал Алексеева «исполнить свой долг перед Родиной», что в понимании террориста была апелляция генерала к донским казакам о поддержке Временному правительству. За генерала ответил его адъютант ротмистр Алексей Шапрон дю Ларре, бывший командир эскадрона лейб-гвардии Кирасирского полка, заметивший, что на входящие в состав гарнизона 1-й, 4-й и 14-й донские полки никаких надежд нет. «Охвачены большевизмом», как он выразился. По его ехидному замечанию, «если кому-нибудь можно повлиять на казаков, то, вероятно, скорее всего «выборному казаку» Савинкову».

Склонный к позерству террорист скрестил руки: «Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, исполню за него». Но подался не к казакам, а в Гатчину, где ожидался бежавший из столицы Керенский.

На всякий случай премьер решил лично пришпорить по железной дороге прибытие карательных частей для «принятия энергичных мер», ибо контроль над гарнизоном Питера он уже утерять окончательно. Защищать правительство вызвались лишь юнкера и женский батальон. При наличии 200-тысячного гарнизона — это полный паралич власти.

В любом случае Керенский наступал уже на изрядно проржавевшие грабли — в феврале по этому же маршруту пытался протолкнуть «карательные» эшелоны Николай II, в августе — генерал Корнилов. Как известно, грабли имеют свойство бить только в одну точку.

Тем временем почти бескровно в полдень 25 октября отряд ВРК появился в Маринском дворце, где шло заседание Временного совета Российской республики (Предпарламента), и попросил очистить помещение. На что один из чиновников записал в дневнике: «Предпарламент был очень вежливо разогнан. Вообще большевики пока ведут себя очень вежливо». Чуть позже также «вежливо» был взят Зимний дворец, где с женским батальоном уже не церемонились. На II Всероссийском съезде Советов большевики поставили всех уже перед свершившимся фактом — власть наша! Меншевик Юлий Мартов (член разогнанного Предпарламента) робко предложил им поделиться властью — чтобы в новом правительстве была представлена «вся демократия». Троцкий поднял его на смех — с кем там делиться властью: «вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!».

Мрачный итог подвел философ Василий Розанов: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Ничего в сущности не произошло. Но все — рассыпалось».

НА ДОН К КАЛЕДИНУ

Переворот, как и следовало ожидать, не признал донской атаман Каледин, в тот же день выступивший с обращением, в котором объявил его преступным, и заявил, что впредь до восстановления законной власти в России Войсковое правительство принимает на себя всю полноту власти в Донской области. При этом в Новочеркасск приглашались все бывшие министры и члены Предпарламента для организации отпора узурпаторам. На Дону было объявлено военное положение, в 45 населенных пунктах разместили войска, начался разгон Советов, были арестованы делегаты-большевики, вернувшиеся со II Съезда Советов.

Приглашались и бывшие корниловцы, хотя сам атаман до определенного момента самоубийцей не был и понимал шаткость своего положения на бурлящем Дону. Если Крут и казачья верхушка были в основном за него, то фронтовики и бедное казачество, распропагандированные левыми, косо смотрели на «генералов» и «кадетов». Номинально располагая внушительными вооруженными и организованными силами (60 кавале-

рийских полков и конных батарей общей численностью свыше 100 тысяч сабель), Каледину на деле сложно было на кого-то стопроцентно рассчитывать. Городские гарнизоны были почти сплошь за большевиков, фронтовики — в лучшем случае пассивно настроены и воевать за «кадетов» не собирались. Так что те 45 населенных пунктов, в которые были введены вроде как верные Каледину подразделения, еще непонятно, кому были верны.

Приходилось балансировать между уставшим от трехлетней войны казачеством, агрессивно настроенными на Дону многочисленными иногородними и городским пролетариатом и зажиточными жителями низовых станиц, крайне отрицательно относящимися как к революции вообще, так и к надеждам донских иногородних на получение казачьих земельных наделов. Иногородних и крестьян на Дону было 48% от всего населения, и им мало было раздела 3 млн десятин помещичьей земли. Хотели переделить и казачью землю. Вместе с 10–11% рабочих они уже составляли большинство.

В этом плане атаман крайне нуждался в надежных войсках, которыми могли бы стать корниловцы и бегущие на Дон антибольшевистски настроенные офицеры. Однако он вынужден был считаться с тем, что в самом Круге единомыслия не было. Часть членов правительства была самостийно настроена, надеясь под революционный шумок вернуть себе древние еще допетровские привилегии, и планировала договориться с узурпаторами-большевиками о предоставлении Дону автономии. А как раз в этом плане корниловцы им очень мешали — Ленин и Ко не стали бы вообще говорить с Кругом, приютивших у себя их откровенных врагов.

Каледину приходилось быть крайне деликатным и не брать на себя лишних обязательств, приглашая на Дон явных союзников. В переписке с быховскими сидельцами и генералом Алексеевым атаман своих симпатий не скрывал, но и от всяких конкретных обязательств воздерживался. Он не возбранил появление в Области Войска Донского всех недовольных центральной властью, но честно предупреждал, чтобы особых иллюзий не питали. С Дона, конечно, выдачи нет, но и ждать от Дона ощутимой помощи тоже было бы слишком самонадеянным. Сам атаман вроде бы обеими руками за, поддерживает и цели, и методы борьбы за успокоение России, вплоть до

самых жестких, только вот, пардон, это уже не 1905 год, казачки шашки и нагайки безголово использовать не хотят. Только за весьма осязаемую плату. «Диктатура пролетариата», «земля и воля», «свобода, равенство и братство» им безразличны — своего хватает на Дону, хоть заешься. Однако мир с германцем и вожделенная Воля, так, как понимается она в древней казачьей традиции, — это уже то, о чем можно торговаться. Мода на создание самостийных государств нравилась всем, тем более что в Области Войска Донского своих ресурсов хватило бы для безбедного существования любого государства — зерно, уголь, металлургия, скот, лошади, рыба, порты, транзитное географическое положение. При умном хозяйствовании было достаточно соблазнительно отделить от развалившейся империи такой роскошный ломоть территории и править им в «свой карман». В Новочеркасске быстро подхватили «парад суверенитетов» (о своей независимости объявили Финляндия и Украина, об автономии — Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь) и со своей стороны намеревались прирезать к Области украинскую часть Екатерининской железной дороги и Царицын с Камышином. От большевиков же хотели просто отгородиться кордонами, надеясь, что «красное колесо» не протолкнется сквозь частоколы казачьих пик.

Но время наступило такое, что казаки не только воевать уже не хотели, но и готовы были получить Волю из рук хоть союзников, хоть германцев, хоть самого дьявола. События, происходившие в Петрограде, их нимало не волновали, свой курень ближе.

Как писал известный политик Николай Львов: «атаман не имел единоличной власти, а был лишь председателем правительственной коллегии из 14 старшин, избранных каждый Кругом в отдельности. В то время как требовалось сосредоточение всех сил, не было правительственного центра; отсюда разброд и вырывание власти из слабых рук. Правительство, вместо того чтобы представлять из себя силу, само искало опоры и шло на соглашения то с иногородними, то с крестьянами, то с революционной демократией, то, наконец, и с большевиками... на Дону поднялась травля на атамана Каледина и его помощника Богаяевского. Их... обвиняли, что «они держат руку помещиков и заключили соглашение с кадетской партией против народа».

Каледин понимал, что его атаманский пернач в настоящее время не только никому не защита, но уже никому и не указ.

Вероятнее всего, он был единственным реалистом среди всех отцов-основателей «Белого Дела».

Однако генерал был человеком чести и считал себя обязанным поддержать старых однополчан и союзников. Двери его атаманского дворца были открыты для корниловцев. Даже для таких, как прапорщик Завойко.

Каледин, избранный в ноябре членом Учредительного собрания (по Донскому избирательному округу), обратился в Ставку с просьбой отпустить арестованных генералов на поруки Донского правительства, определив им размещение в станции Каменской. Интересный выбор, учитывая, что именно Каменская являлась центром всех пробольшевистски настроенных казаков-фронтовиков. Впрочем, не исключено, что это был лишь маневр, чтобы таким образом замазать глаза Могилеву — похоже, что между Калединым и Корниловым существовала договоренность о том, что генералы в пути просто «потеряются», дабы не ставить в неловкое положение само Донское правительство.

Сами же быховцы совершенно серьезно считали Дон своеобразной «землей обетованной» для своей борьбы. Казачество по-прежнему воспринималось в бывшем католическом монастыре как единая монолитная сила, способная решить исход политической борьбы конем и шашкой.

За то, чтобы уходить на Дон, сходились практически единогласно. Кроме самого Корнилова, который, зная, что в Новочеркасске должен уже быть Алексеев, вероятно, не мог ему простить «человека с сердцем льва и мозгами барана». Вслух этого никогда не говорил, но вряд ли забыл странную позицию генерала в ходе подавления августовского выступления.

Корнилов не раз высказывал желание для себя пробиваться не на Дон, а на Урал и в Сибирь, где его имя для местного казачества значило куда больше, чем в шатком Новочеркасске. Но времени на установление контактов с этими регионами уже не оставалось. В Могилев из Петрограда выехал эшелон балтийских матросов во главе с назначенным 9 ноября большевиками новым Главковерхом прапорщиком 13-го Финляндского стрелкового полка Николаем Крыленко, бывшим преподавателем литературы в польских школах.

Его задача была предельно проста — разогнать Ставку и подготовить условия для начала мирных переговоров с

немцами. При отрицательном отношении офицеров и генералов к фактической капитуляции несложно было предположить, что Ставку придется разгонять (а точнее, ликвидировать) силой. В этом случае судьба быховцев была предопределена. Ломать комедию судебного процесса над ними никто бы даже не затруднился.

В самой Ставке единства не было. 9 ноября ставшего после бегства Керенского (с 3 ноября) исполняющим обязанности главнокомандующего генерала Духонина вызвали к прямому проводу Ленин, Сталин и Крыленко и потребовали немедленно вступить в мирные переговоры с Центральными державами. Однако тот отказался, мотивировав это тем, что подобные переговоры может начать не главнокомандующий, а «центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной». Ответ был предсказуемо «контрреволюционен», поэтому у аппарата и находился прапорщик Крыленко, которому генералу было приказано сдать должность «за неповиновение и поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся».

В Ставке тут же возникла паника, генерал-квартирмейстер Михаил Дитерихс и верховный комиссар Владимир Станкевич порывались побыстрее скрыться, понимая бессмысленность сопротивления.

Для себя Духонин уже все решил — выполнить свой долг до конца и умереть на посту. Он не сомневался, что Крыленко с компанией живым его из Могилева, где власть уже перешла в руки местного ВРК, не выпустят. По его собственному заявлению, он не хотел «начинать братоубийственную войну» и отпустил ударные батальоны. «Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона...Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

Следующим его «предсмертным» шагом было освобождение быховцев (в тюрьме к тому моменту оставалось всего пять генералов — Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков, остальных выпустили в ходе следствия), заметив, что «этим распоряжением я подписал себе смертный приговор».

Утром 19 ноября на паровозе из Могилева в Быхов прибыл начальник оперативного отдела Ставки Генерального штаба

полковник Павел Кусонский (однокашник Деникина) с докладом к Корнилову:

«Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Этого сообщения давно ждали, и, в принципе, к уходу было все готово — фальшивые документы, деньги, отработанные маршруты. Возникла единственная заминка: как быть с текинцами? Несколько дней назад был вариант отъезда эшелонам на Новочеркасск с тем, чтобы лошадей при коноводах оставить в Могилеве. Однако все понимали, что далеко на поезде они не уедут, большевики перекроют дорогу, да и Ставка сама на тот момент не могла определиться с судьбой пленников. В нынешних условиях эшелона не было, можно было для безопасности пробиваться поодиночке, но Корнилов наотрез отказался бросать верных текинцев. По утверждению Лукомского, он предложил генералам уходить одним, а он сам с полком пойдет на Дон в конном строю.

Утопия, конечно, 1500 верст по территории, контролируемой большевиками, при плохой погоде, бескормице, без медицинской помощи, при весьма вероятных боестолкновениях и пр. Но иначе «человек с сердцем льва» не мог.

На квартире коменданта Быхова подполковника Эрхардта генералы переоделись. Эстет Романовский сменил генеральскую «змейку» на погоны прапорщика инженерных войск; театральный Марков нацепил солдатский мундир и мигом превратился в столь аутентичного «товарища», что сплевывал сквозь зубы и ходил вразвалочку, словно одесский биндюжник; Лукомский сбрил усы и бороду, надел штатское и став чопорным «немецким колонистом»; Деникин, вспомнив детство золотое, раздобыл у поляков документы на имя «помощника начальника 73-го перевязочного отряда Александра Домбровского».

Кусонский предложил подвезти двоих на паровозе, больше места не было. Деникин галантно уступил Маркову и Романовскому, которые уехали в Киев. Лукомский (истинный штабист) в полушубке и темных очках поехал не от, а навстречу крыленковцам, на Смоленск, мудро рассудив, что как раз там его ловить никто не будет. В Витебске, чтобы не быть узнаваемым, ему пришлось за 25 рублей ночевать в публичном доме

(владелица взяла с него больше, ибо тот отказался от услуг ее подопечных). В поезде генерал чуть не замерз на 10-градусном морозе, стоя на тормозной площадке (мест в вагоне не было). Чтобы не околеть, пробился в туалет, где уже расположились две дамы. Так втроем они и доехали в клозете до Смоленска.

На вокзале в Орше он встретился с поездом карателей, которые «как своему» рассказали штатскому господину, что едут «кончать контру» в Ставку. Там же Лукомский увидел занятную картину — пьяный офицер сидел между двумя еще более пьяными матросами, один из которых запрокидывал ему голову, а второй заливал в рот из бутылки водку. Пролетарская революция, о которой столько говорили большевики, свершилась!

Генерал Деникин в Быхове пошел на станцию и выяснил, что ближайший поезд на Ростов-на-Дону отходит только через пять часов, купил билет и, чтобы не обращать на себя внимания, решил переждать в штабе польской дивизии. Там он встретил подпоручика Любоконского, который тем же поездом собирался ехать в отпуск к своим родным. Говорил с ним по-польски, чем и сумел не привлечь к себе внимание. Затем расстался с «земляком», ехал в поезде на третьей полке с двадцатью хмельными солдатами в купе. Буйное воинство сильно подивило, что это за полячишко «полдня лежит, морды не кажет», уж не сам ли Керенский, туды его мать. Полезли наверх дергать за рукав пальто — оказался старичок с бородкой, совсем не Керенский. На радостях угостили скверным чаем.

При проверке документов генерал сжимал в кармане пальто револьвер. Рассчитывал в плен не сдаваться. Уже в Новочеркаске выяснилось, что револьвер был неисправный...

В Харькове нос к носу столкнулся с Романовским и Марковым, который играл роль денщика «прапорщика». На остановках «денщик» безропотно бегал за кипятком для чая. Доехали вместе в битком набитом купе до Ростова без приключений.

В Быхове оставался один мятежный бывший Главковерх. Караул георгиевцев получил распоряжение из Ставки об освобождении узника, сочувственно покивал — с богом, мол. Корнилов расчувствовался, поблагодарил за отличное несение службы и выдал из походной казны 2 тысячи рублей служивым. Караульные офицеры тут же выразили желание идти с генералом на Дон.

В ночь на 20 ноября Корнилов построил во дворе монастыря текинцев. Рослые русские и среднеазиатские красавцы в малино-

вых шароварах и шелковых малиновых кушаках с серебряным бичаком-кинжалом за поясом и кривой кльч-саблей на поясе, в традиционных огромных папах-телпеках, сделанных из шкуры целого барана, от тяжести которой под вечер ломило голову, ели любимого командира глазами. Рядом пляшущие аргмаки с золотыми и серебряными налобниками. Корнилова, чуть ли не единственного генерала царской армии, прекрасно знавшего туркменские обычаи и владевшего их языком, они обожали.

Генерал обратился к текинцам с краткой речью о цели похода, попутно послав анафему Керенскому («его Бог наказал и еще накажет»). Солдаты охотно хохотнули и взбудрили озябших коней. Корнилов легко взлетел в маленькое казачье седло, широко перекрестился и махнул рукой. Аршш!

В час ночи мерный топот разбудил спящий Быхов: четыре эскадрона и небольшой обоз (400 всадников и 24 офицера) перешли по мосту через Днепр и скрылись в снежной мгле.

В это время растерзанный карателями труп генерала Духонина уже лежал под вагоном в Ставке. Радостные «братишки» кровавыми штыками вписали в Историю термин «отправить в штаб к Духонину».

КОЛЫБЕЛЬ БЕЛОЙ ГВАРДИИ

Увы, в первом походе будущей Белой Армии не было ничего пафосного и романтического. Скорее, традиционный для армии кавардак. Уже через несколько дней выяснилась полная неподготовленность к походу, в первую очередь самого командира Текинского полка полковника Николая фон Кюгельгена. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что текинцами командовал не столько он, сколько сам Корнилов, после стольких дней подготовки так и не сумевший обеспечить веривших в него, как в Бога, подчиненных внятным планом действий.

У штаба не оказалось ни карт, ни врача, ни фельдшера, ни ветеринара и ни одного перевязочного пакета. Не запаслись и достаточным количеством денег, продовольствия, боеприпасов, теплой одежды, коней не успели перековать. Не были отработаны в итоге ни основной, ни запасные маршруты с учетом того, что большевистские формирования не сомневались, что Корнилов будет пробиваться на Дон, и обязательно должны были воспрепятствовать этому.

Получается, что вся «тщательная подготовка к походу», о которой в мемуарах писали почти все быховцы, оказалась лишь плодом воображения и темой для многочисленных, но бесплодных дебатов «подСтавки».

Солдаты-обозники бежали в первую же ночь, длительные ночные переходы по бездорожью (чтобы не привлекать внимания) выматывали, сутками не расседланные лошади набивали холку, резали ноги о замерзший наст. Местное население принимало всадников за одну из многочисленных разбойных банд и разбегалось. Проводники отказывались идти или заводили текинцев в болота и чащобы, после чего бежали.

У Писаревки лошадь Корнилова понесла прямо на большевистские пулеметы, ее с трудом остановил повисший на поводьях ротмистр Натансон.

На седьмой день похода у станции Унечи добровольно вызвавшийся показать дорогу очередной крестьянин-проводник навел текинцев на засаду под пулеметный огонь. 1-й эскадрон станцию обошел и в полном составе угодил в плен. Под станцией Песчаники колонну обстрелял бронепоезд, лошадь вынесла Корнилова из-под огня и пала.

Большие потери совершенно деморализовали даже текинцев. Солдаты отказывались идти дальше, так как «вся Россия — большевик». Пошли разговоры о капитуляции. Корнилов собрал на поляне остатки полка (120–125 сабель) и выступил с речью: «Я даю вам пять минут на размышление, после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляете сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдать большевикам».

Это произвело впечатление. Ротмистр Натансон, спасший генерала под Унечей, потерявший в бою папаху, встав на седло, с поднятой вверх рукой, закричал толпе: «Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон садись!»

Нехотя взобрались в седло, но было ясно, что Текинского полка как боевой единицы уже не существует. Сначала решили разделить с тем, чтобы часть людей шла на Стародуб и Трубчевск, а Корнилов с эскадром — на Новгород-Северский. И этот отряд несколько раз натыкался на засады, нес потери. В селе Погар Корнилов пал духом и решил пробираться один. Переоделся в крестьянский тулуп, рваные валенки, достал сани

и с паспортом беженца из Румынии Лариона Иванова убыл в неизвестном направлении.

6 декабря грязный больной оборванный старик с большим трудом вылез из поезда на вокзале Новочеркаска. В штаб генерала Алексеева его не хотели пускать из-за жуткого зловония, исходящего от преющей одежды. Дедуля смахнул замшелый малахай и рухнул в кресло: «Не мельтешите, поручик, я — генерал Корнилов».

Отмылся и оделся бывший Главковерх лишь в доме № 33 войскового старшины Василия Дударева, что на Ермаковском проспекте Новочеркаска, куда к нему перебрались жена Таисия Владимирована, дочь Наталья и семилетний сын Юрий.

Остатки Текинского полка рассеялись кто куда. Часть ушла в Киев, часть попала в плен и была отправлена в Брянск. Лишь десяток офицеров добрался до Дона. Почти все они погибли в последующих боях. Стало быть, придется признать, что первую же военную операцию Белой Армии генерал Корнилов по сути провалил.

К тому времени в Новочеркасске страсти кипели вовсю. Сразу после большевистского переворота сюда прибыл генерал Алексеев.

Задолго до этого параллельно с заседаниями Предпарламента в Петрограде он со своего обиталища в общежитии на Галерной улице начал создавать подпольную военную организацию, впоследствии получившую его имя (одно время называлась «Белый крест»). Костяк ее составляли офицеры-запасники, юнкера, кадеты, те, кто не подвергся еще разложению политбомондом и не был запуган солдатской массой. Из них создавались «пятерки», во главе которых ставились «наиболее твердые, прочные, надежные и дельные руководители».

К работе Алексеевской организации было привлечено общество «Капля молока», которое использовалось через командира Измайловского полка полковника Евгения Веденяпина как питательный пункт и «управление этапного коменданта». Сотрудничали алексеевцы с «Обществом Русской государственной карты» известного монархиста Владимира Пуришкевича. Попытался было генерал воспламенить старых «спонсоров»-банкиров из «Совещания общественных деятелей», но без особого успеха.

Надеялись сначала поучаствовать в подавлении восстания большевиков в Петрограде, но, как с горечью стало понятно,

к 25 октября членов организации насчитывалось несколько тысяч, но только сотня во главе со штабс-капитаном Василием Парфеновым реально готова была взять в руки оружие. Подавляющее большинство офицеров, получив от Алексеева документы и деньги, просто исчезли.

За неимением реальных сил с 16 октября решили просто переправлять верных людей на Дон к Каледину. По договоренности с атаманом все прибывающие сюда алексеевцы объявлялись «беженцами, спасавшимися от ига большевиков», и как беженцы имели право на получение общежития. В качестве места сбора в Новочеркасске им был выделен лазарет № 2, расположенный на углу Барочной улицы и Платовского проспекта, в доме № 36, неподалеку от городского рынка. Лазарет был рассчитан на прием 250 человек.

Генерал Алексеев, которому вновь не доверили быть «спасителем Отечества», исчез из Петрограда 30 октября. В этот день он вместе с ротмистром Шапроном, полковником Евгением Веденяпиным и начальником управления железных дорог Временного правительства инженером Эрастом Шуберским сели чуть ли не в последний поезд, отходящий с Николаевского вокзала в Ростов. Алексеев — с фальшивыми документами на имя отца супруги одного из членов своей организации инженера Сергея Щетинина Натальи Павловны, сестры милосердия Кауфманской общины Красного Креста.

Проводник вагона, ранее служивший в Ставке, сразу узнал загрированного старичка в круглых очках с железной оправой: «Не желаете чайку, Ваше Высокопревосходительство?» Из купе 1-го класса ему показали наган, и проводник понял, что чайком тут точно не балуются.

2 ноября без особых приключений Алексеев прибыл в столицу донского казачества, где перед ним вытянулись по стойке «смирно» шесть офицеров и юнкеров Алексеевской организации, как оказалось, ехавших в том же поезде.

Именно этот день и принято считать рождением русской Добровольческой армии.

В середине ноября в новочеркасской кадетской газете «Вольный Дон» появилось интервью с неким столичным генералом, пожелавшим сохранить инкогнито, в котором тот провозглашал: «Русская государственность будет создаваться здесь... Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под

небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока». Секрет полишинеля, как и следовало ожидать, никого не обманул — «высокий штиль» бывшего Главковерха был известен многим. По Новочеркаску заговорили, что Алексеев «прибыл положить конец издевательствам над Россией».

Был ли слепцом сам Алексеев, как и быховцы, надеясь на расколотое казачество? Вряд ли. Скорее всего, он понимал, что сагитировать «степных рыцарей» в очередной поход на Петроград не получится, но уж собственную-то землю от большевиков казаки, не желающие «воевать с Москвой» за генералов, защищать будут. А это позволит выиграть время и успеть сформировать на Дону, как мощной экономической базе, хоть какие-то боеспособные части будущей Белой Армии, чтобы «из этой искры возгорелось пламя».

К тому же сам Каледин, с грустью выслушав оптимистические намерения Алексеева, сочувственно покивав головой, заверил бывшего начальника в личном безусловном понимании и поддержке, но, в связи «с тем настроением, которое существует в области», по-доброму попросил генерала не задерживаться в Новочеркаске, а поискать более подходящее место для будущей армии где-нибудь за пределами ОВД — в Ставрополе или Камышине.

Но тут уже Алексеев уперся. Девиз «На Дон к Каледину» был известен по всей России. Странники «Белого дела» стекались именно сюда, зная, что тут под протекторатом казачества образовывается ядро сопротивления.

Переезд в другой регион мог не только дезориентировать движение, но и отпугнуть многих его сторонников, посчитавших бы, что «донцы предали», а без экономически развитого Дона идея дискредитировалась бы, а сопротивление вообще лишалось надежды на успех.

Сошлись на половинчатом решении. Алексеев остается, но сбором средств и снаряжения занимается сам, без помощи Войска, дабы тому не сорваться раньше времени со своими пробольшевистски настроенными фронтовиками и новыми властями Петрограда. Добровольцев набирать разрешается, но казачество в отряд не пойдет. Да и особой помпы лучше вокруг Алексеевской организации не создавать.

Первыми жильцами общежития на улице Барочной стали десяток человек, прибывших с Алексеевым 2 ноября. Еще

несколько приехали на следующий день. 4-го — штабс-капитан Василий Парфенов с 25 активными алексеевцами, которым не довелось поучаствовать в подавлении большевистского восстания в Петрограде. Его Алексеев сделал командиром первой добровольческой части Белой Армии — Сводно-Офицерской роты.

6 ноября из Киева с 16 офицерами и 10 солдатами в городе появился командир сформированного им в августе 1-го Георгиевского полка полковник Иван Кириенко. Не зная координат Алексеева, он обратился прямо к Каледину за разрешением формирования воинской части. Тот разрешил, и в Новочеркасске появился еще один Георгиевский полк (около 150 человек добрались из Киева). Сестра милосердия Мария Нестерович-Берг (любимица Добровольческой армии) на занятые под свое имя деньги за два месяца сумела переправить из Москвы на Дон и в Оренбург 2627 офицеров, каждого снабжая суммой в 100 рублей. Неоднократно ездила и сама, привозя в Новочеркасск под платьем до десятка браунингов и на свои деньги покупая офицерам в лавках теплое белье, носки, фуфайки, сапоги.

К середине ноября началась официальная запись в организацию, образовались первая канцелярия и управление. Во главе стоял сам отец-основатель. В его штабе обосновались Генерального штаба полковник Евгений Веденяпин (начальник), полковник Яков Лисовой и капитан Дмитрий Шатилов. Начальником строевой части стал генерал от инфантерии Иван Эрдели, который большее время проводил в Екатеринодаре, пытаясь там сформировать «филиал» Алексеевской организации. Начальником хозяйственной части был назначен новгородский землевладелец, член 4-й Государственной Думы Лев Половцев (из Всероссийского союза националистов), политическими вопросами заведовали еще один известный думец Николай Львов (перекочевал из ЦК партии кадетов к прогрессистам), хозяин питерской квартиры на Манежной улице, где жил генерал Алексеев, инженер Сергей Щетинин и правовед Александр Лодыженский. Можно сказать, что это было первое «параллельное» правительство Белой России.

В Ростове и Таганроге организацию представлял местный глава общества заводчиков и фабрикантов, владелец таганрогского завода Общества воздухоплавания Владимир Лебедев,

один из первых российских пилотов-рекордсменов, председатель Всероссийского аэроклуба.

В Киеве к вербовке добровольцев подключились генерал Абрам Драгомиров и известный политический деятель Василий Шульгин.

В столицу донского казачества прибыли Генерального штаба полковник князь Иван Хованский из лейб-гвардии Литовского полка и его брат полковник Николай, начальник штаба 26-й пехотной дивизии Генерального штаба подполковник Константин Дорофеев и командир 166-го пехотного полка подполковник князь Леонид Святополк-Мирский.

Прибывающие в Новочеркасск регистрировались в Бюро записи, давая подписку о добровольном желании на четырехмесячную службу в организации. Утверждали, что в сутки ставили свои подпилы 75–80 человек. Подписантов распределяли по частям в штабе на Барочной, № 56, где заседали полковники Евгений Шмидт и Иван Хованский. На должности генералов и штаб-офицеров их определял начальник гарнизона Новочеркаска, помощник начальника Павловского военного училища полковник Евгений Булюбаш.

В связи с тем, что записывалось много молодежи, появилась необходимость свести их в одно подразделение — Юнкерскую роту под командованием штабс-капитана Василия Парфенова, разместив ее 15 ноября в здании лазарета № 2 на улице Госпитальная, № 23. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом, Павловского), 2-й — артиллерийских, 3-й — морских и 4-й — из кадет и учащихся.

Вскоре в Новочеркасск, пользуясь отсутствием налаженного контроля на железной дороге, при содействии организации Пуришкевича сюда же мелкими группами перебрались почти весь старший курс Константиновского артиллерийского училища, несколько десятков юнкеров Михайловского во главе со штабс-капитаном Николаем Шоколи, Александровского, Николаевского и др. военных училищ. 19 ноября, по прибытии первых 100 юнкеров, 2-й взвод Юнкерской роты был развернут в отдельную часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею под командованием штабс-капитана Шоколи, а сама рота развернулась в батальон. Их разместили в лазарет № 3 в здании гимназии по Ермаковской улице.

Итого к моменту, когда в Новочеркасск стали прибывать сбежавшие быховцы, в распоряжении Алексеева уже была Сводно-офицерская рота (до 200 штыков), Юнкерский батальон (около 150 штыков), Сводная Михайловско-Константиновская батарея (ни одного орудия, но 250 артиллеристов), Георгиевская рота (50–60 штыков), формировался студенческий батальон (около 200 штыков) из студюзовов Донского политехнического института. Будущие инженеры 8 ноября в стенах вуза провели бурный митинг, на котором около тысячи студентов постановили отправить свою делегацию к донскому атаману и правительству, чтобы заявить о солидарности с курсом генерала Каледина и выразить желание послужить Отечеству с оружием в руках.

Ректор ДПИ профессор Петр Сущинский (известный геолог, хранитель минералогического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета) и товарищ атамана Митрофан Богаевский (выдающийся поэт, «Баян Донской земли») пытались их отговорить и вернуть в аудитории, обещая в случае острой необходимости непременно выдать оружие. Но тщетно. Уже на следующий день в Новочеркасске была создана «Боевая студенческая дружина для борьбы с анархо-большевизмом». Ее возглавил Михей Гребенников с «адъютантом» Евгением Виноградовым. От имени штаба выпущено воззвание к интеллигенции с призывом к оружию. В дружину принимались лица не моложе 17 лет, женщины — в санитарный отряд. Студенты взяли за самое тяжелое — создали 13 паровозных бригад, так как все путейцы были сплошь либо большевики, либо сторонники Викжеля (профсоюз железнодорожников), враждебно настроенного к корниловцам.

Вот из этой молодежи, в отличие от профессионального военного казачьего сословия, и были сформированы первые подразделения добровольцев.

Прибывший в Новочеркасск Деникин отметил: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

В составе Алексеевской организации треть были офицерами, половина — юнкера, 10% — учащиеся вузов, кадетских корпусов, духовных семинарий.

Подчеркнем, среди «великого русского народа», собравшегося восстанавливать порядок в государстве, 60% были дети. Взрослые предпочитали скрываться за их «колыбелью».

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ

К концу ноября 1917 года под ружьем у генерала Алексева из 500 добровольцев более 300 были гимназистами, кадетами, реалистами, студентами, юнкерами от 14 до 19 лет. Пороху не нюхавшими, смерть в глаза не видевшими, в живых людей сроду не стрелявшими. В лучшем случае они умели держать в руках винтовку (многим в силу возраста даже 5-кг винтовка Мосина (со штыком и боекомплект) была не по плечу), кое-как ходить строем. Понятия о тактике боя, штыковом поединке, маскировке, смене позиций и пр. не было в помине. Офицеры-добровольцы пытались их хоть немного поднатаскать, но у самих было дел по горло. Да и крайний дефицит вооружения и боеприпасов сказывался (на всех было около 100 винтовок по 120 патронов на каждую, 18 револьверов и ни одного пулемета).

В Добровольческой армии их называли «баклажками». Капитан Новиков писал: *«Они говорили басом, чтобы казаться старше. Они изнемогали под тяжестью солдатской пехотной винтовки... Они совершали огромные, никакими уставами не предусмотренные переходы. Они тонули в реках, замерзали в снегах, безропотно голодали, переживали отчаяние безнадежности... Они усеивали своими детскими костями просторы Дона, Кубани, Таврии.... Они ходили в штыковые атаки, метали ручные гранаты, сидели на пулеметах, на орудиях, на бронепоездах... Слово «кадет» стало самым ненавистным и самым яростным символом для революционной черни. И национальная история России впишет, уже вписала их безвестные имена в самые светлые и самые жертвенные скрижали своей героики. И новые поколения очистившейся и возрожденной России почтительно склонят головы перед их бесчисленными и безыменными могилами».*

Еще в середине ноября атаман Каледин, разочарованный в собственных подчиненных, умолял Алексева выделить ему

группы по 5–6 добровольцев под командованием донского офицера, которые бы направлялись на железнодорожные станции для поддержания там порядка. С Запада шли эшелоны с возвращавшимися распропагандированными казаками-фронтовиками, которые уже слышать не хотели о воинской дисциплине и служению «генералам». С Кавказского фронта, после перемирия, подписанного командующим генералом от инфантерии Михаилом Пржевальским и турецким генералом Вехиб-пашой, через донские станции в Центральную Россию и на Волгу следовали эшелоны совершенно распоясавшихся вооруженных вояк, которые по пути устраивали такие стационарные погромы, как будто ехали по вражеской территории.

Они митинговали на станциях, линчуя железнодорожников и требуя паровозов в нужных им направлениях. Попутно грабили местное население, отнимая в первую очередь съестное.

Что могли сделать 5–6 подростков с винтовками против хорошо вооруженных орд? Местами, завидев погоны, их тут же расстреливали на путях невзирая на возраст. Глупая затея Каледина привела лишь к напрасным жертвам.

До определенного момента и руководство большевиков с большой опаской смотрело на Дон, стараясь до поры до времени не ссориться с казавшейся мощной силой. 9 ноября на расширенном заседании Петроградского совета профсоюзов в речи, посвященной оценке борющихся сил, Ленин даже лукаво заметил: «Неправда, что мы не хотим соглашения для избежания гражданской войны. С такими силами, как Каледин, Родзянко, Рябушинский, мы готовы заключить соглашение, так как они опираются на реальную силу и имеют значительный общественный вес».

Однако, по мере поступления сведений о разброде и шатании на Дону, в Совнаркоме осмелели и решились на активные действия. Шахтеры Макеевки объявили забастовку в ответ на объявление Каменноугольного района на военном положении, а из Петрограда 18 ноября для их поддержки отправился сводный отряд из пяти полков. За помощью в Севастополь к «братишкам» отправился начальник штаба Красной гвардии Ростова Иван Ченцов. «Братишки» насупились, созвали I съезд представителей боевых частей Черного и Азовского морей и сухопутных частей Крыма, который постановил выделить Ростову и Таганрогу флотилию судов, а также потребовать и от Кубан-

ского войскового правительства снять военное положение и признать Совет Народных Комиссаров.

Вскоре оттуда в Таганрог и Ростов была отправлена флотилия тральщиков КО-21, КО-23 и КО-31 с тысячью вооруженных матросов на борту. Грозная сила, учитывая корабельную артиллерию калибром 120-мм. Параллельно по железной дороге (эсеровский «Викжель», объявивший «нейтралитет», на деле перебрасывал только большевистские части) из Крыма вышел на Ростов 1-й Черноморский отряд из двух тысяч «братишек» под командованием беглого матроса эсминца «Прыткий» Алексея Мокроусова, члена Севастопольского совета, прославившегося тем, что на собрании Совета в Феодосии лично пообещал физически уничтожить «всю буржуазию».

20 ноября 272-й Гдовский пехотный полк (запасной), расквартированный в Новочеркасске и митинговавший почти каждый день, отказался подчиняться атаману. Каледин попытался было показать, кто в курене хозяин, но случилось давно им ожидаемое.

4-я и 6-я казачьи сотни, которые вызвал из Новочеркасска в Ростов командующий Ростовским округом Генерального штаба генерал-майор Дмитрий Потоцкий для предотвращения выступления местных большевиков, дошли до станции Нахичевань, начали митинговать и отказались идти дальше.

Через день есаул Валуев докладывал о том, что 1-я, 2-я и 3-я сотни того же полка Новочеркасской команды отказались выходить на построение на Троицкую площадь. Из Ольгинской полковник Цыганков докладывал о волнениях в 41-м полку, об отказе 39-го полка нести военно-полицейскую службу на рудниках Ровенецкого горного района. Начальник гарнизона Таганрога Генерального штаба генерал-майор Анатолий Назаров сообщал об отказе некоторых сочувствующих большевикам сотен 17-го и 51-го полков выполнять боевые приказы и желании присоединиться к матросам тральщиков из Севастополя.

Для атамана наступал момент истины — под ружьем у него из верных подразделений вместо 100-тысячной армии оставались лишь конвойная сотня и юнкера Новочеркасского казачьего юнкерского училища, начальником которого состоял бывший кандидат на пост атамана, буйный мигулинец, 50-летний Генерального штаба генерал-майор Петр Попов (однокашник Деникина по Академии). Те же дети.

Не время было становиться в позу, пора идти на поклон к генералу Алексееву. Деникин передает диалог в максимально пафосной манере:

«Михаил Васильевич! Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Веяния недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти.

Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил ему:

— Дорогой Алексей Максимович! Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела».

Вероятнее всего, вкрадчивый Алексеев был куда менее любезен и для начала настоял, чтобы «все, что есть для общего дела», отдал сам атаман. Кокетство закончилось. Тут же долго осторожничавший Каледин (потом оправдывался, что «было страшно пролить первую кровь») мигом раскрыл перед ним свои арсеналы, невзирая на солдатские комитеты и недругов из правительства — вопрос стоял уже об его атаманском перначе. По утверждению председателя войскового Круга Николая Мельникова, добровольцы получили целый бронедивизион (6 машин) в составе двухпулеметных и однопушечного броневигов. Оружие вручили сразу 800 бойцам, что позволило выдать винтовки и студенческой дружине. Насчет «бронедивизиона» парламентарий, конечно, загнул, но кое-какая колесная техника у добровольцев хотя бы временно, но появилась.

После этого «в ружье» были подняты относительно организованные Сводно-офицерская рота и Юнкерский батальон, дополненные сотней Новочеркасского училища. Выдвинули запасникам ультиматум: сдать оружие, 20 минут на размышление, в противном случае пулеметы броневигов прочешут всю станцию Хотунок под Новочеркасском, где они и были расквартированы. Не ожидавшие от алексеевцев такой прыти запасные 272-й Гдовский и 273-й Богодуховский пехотные полки (несколько тысяч солдат) без единого выстрела сдали оружие (еще один 276-й Купянский пехотный полк был разоружен в Каменской), пополнившее добровольческий арсенал. Сами солдаты были распущены по домам.

Ободренный Каледин 22 ноября выпустил обращение к большевикам, обещая, что их Советы никто не тронет, если они не будут вмешиваться в происходящее, не касающееся их лично. Тогда же атаман обещал, что казачьи войска не будут пересекать границы Донской области, что ставилось ему в вину

Совнаркомом, опасавшимся очередного карательного «похода на Петроград».

Однако это не возымело воздействия. Уже на следующий день в Таганрог прибыли севастопольские тральщики. «Братишки», возглавляемые так называемой «Комиссией пяти» во главе с матросом-большевиком Владимиром Драчуком, предъявили атаману ультиматум с требованием отменить военное положение в Донской области и признать Совнарком. Кроме того, было выставлено требование отправить в отставку Каледина, Богаевского и Агеева. В ответ атаман потребовал удаления самих тральщиков — он уже мог себе это позволить, за его спиной маячили верные штыки генерала Алексеева.

«Потеряв» Новочеркасск, большевики намертво вцепились в Ростов, в котором тоже не все было так уж однозначно. 10-тысячный гарнизон, состоявший из запасников, давно уже перестал подчиняться хоть кому-либо. Солдаты бросили нести службу и от нечего делать ходили на митинги или просто слонялись по городу с винтовками за плечами, пугая почтеннейшую публику и отказываясь платить в трамвае. Наличие оружия в руках периодически толкало их на разного рода уголовные подвиги, и к атаману зачастили делегации от ростовцев, умолявших раздать оружие населению для защиты от «защитников». Каледин объяснил, что не может этого сделать, ибо в этом случае вооруженных столкновений не избежать и тогда уже ни о каком контроле над ситуацией не может идти речи.

Вместо солдат караулы несли 150 казаков, которых подобная «общественная нагрузка» тоже никак не устраивала. Тем более, что запасники начали требовать передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов, не признавая власти атамана.

Усложняло положение то, что Ростов — город пролетарский, но отнюдь не большевистский. Донской комитет РСДРП, в отличие от многих российских городов, в скобках имел приставку не (б) — большевики, а (м) — меньшевики и возглавлялся популярным политическим деятелем Александром Локерманом, одним из организаторов знаменитой Ростовской стачки 1902 года. Донком, пользовавшийся огромным авторитетом у местных рабочих, занял особую позицию, отказался признавать большевистский переворот, но и требовал от Каледина отменить военное положение в Донской области.

Донком категорически запретил своим членам РСДРП исполнять какие-либо комиссарские должности, участвовать в реализации декретов Советской власти, хотя и разрешалось входить в выборные организации. Большевики рассматривались как узурпаторы, лишившие народ прав и свобод, завоеванных Февральской революцией.

Соответственно, ростовским большевикам в городе особо рассчитывать было не на кого, только на вмешательство извне братишек из Севастополя. Поэтому так страстно и ожидали прибытия тральщиков, приурочивая вооруженное выступление именно к этому дню.

Поэтому генерал Потоцкий достаточно самонадеянно решил сыграть на опережение и со своими мизерными силами попытался установить контроль над Ростовом. Сводный отряд казаков и юнкеров в ночь с 25 на 26 ноября атаковал расположенный в театре-варьете «Марс» Ростово-Нахичеванский совет рабочих и солдатских депутатов и штаб Красной гвардии, в суматохе застрелив депутата Совета Кунду, члена штаба Казбирюка и нескольких рабочих. Одновременно попытались взять под контроль почту и телеграф. Первая кровь, чего так боялся Каледин, пролилась. В ряде изданий именно это событие считается началом Гражданской войны в России.

К утру 26-го положение переменилось. «Главный комиссар» Черноморского флота матрос Василий Роменец отсутствовал в Совнарком тревожную телеграмму о событиях в Ростове, запрашивая санкцию на дальнейшие действия. Совнарком дал «добро»: *«Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледины, Корниловы, Дутовы — вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещены. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!»*

Флот здравствовал и сам рвался в бой. Благо, мировая война оставила черноморцев почти без дела, и всю нерастратченную энергию «братишкам» пришлось спускать лишь на отстрел собственных офицеров в Ялте и Севастополе. С прибывших тральщиков был высажен десант, и верные большевикам солдаты 252-го Хотинского пехотного полка перешли в наступление. В ростовских гостиницах прошли повальные обыски, у находившихся там офицеров, которые так и не определились, на чью

сторону им переходить, изъяли множество револьверов. Разоружили переведенную из Киева школу прапорщиков. Казаков выбили с почты и телеграфа. Потоцкий, не имея поддержки из Новочеркасска, отступил на эвакуационный пункт железнодорожного вокзала и занял круговую оборону.

Удивительно, что Потоцкий не стал отступать на политически индифферентную купеческую Нахичевань, через которую проходила железная дорога на Новочеркасск и где в суеде улиц и одноэтажных домов несложно было бы обороняться. Не стал отступать и на Зеленый остров, где в 1941 году от фашистов сумел укрепиться и отбиться целый полк НКВД. Да и вообще, очень похоже, что сама задумка «удара на опережение» сильно попахивала авантюрой и не была согласована с Калединым, которому просто нечем было даже поддержать Потоцкого. Итог был предсказуемый. Без связи, без боеприпасов, неся огромные потери, генерал оборонялся сутки и сдался на милость победителей. Казаки заявили, что «с солдатами и рабочими они драться не будут», и ушли, с ним оставались только юнкера. То есть вчерашние дети.

Генералу очень повезло. Потоцкого не пустили в расход здесь же, перед вокзалом, как многих других, а отправили под арест на яхту-крейсер «Колхида», затем обменяли на пленных матросов. Судьба выступивших с ним юнкеров неизвестна. Зная, как большевики поступили с юнкерами в Москве, можно не сомневаться, что эта детская кровь обильно окропила и ростовские мостовые.

Узнавший о событиях в Ростове атаман Каледин в Новочеркасске 26 ноября срочно созвал Войсковой Круг. Долго думать было не о чем, в наличии находились только те же новочеркассские юнкера-дети генерала Попова. Необходимо было теперь официально обращаться за помощью к Алексеевской организации. Таким образом, де-факто признав существование Белой Армии, которой не было еще и месяца от реду.

Алексеев тут же двинул в бой Георгиевскую роту, единственную на тот момент полностью сформированную. Понятно, что менее сотни офицеров могли образовать лишь незначительный заслон, но никак не наступающую часть. Вечером того же дня им в поддержку выступил уже сводный отряд под командованием полковника князя Хованского, состоявший из Офицерской роты и Юнкерского батальона. Всего 500–600 штыков, все, чем

обладала на тот момент Белая Россия. В бой летели, сломя голову. По воспоминаниям командира роты Юнкерского батальона поручика Мстислава Мезерницкого, кадеты рвались в атаку с криками: «Покажем, что мы не мальчишки! Умрем, но оправдаем надежды «дедушки» (Алексеева. — *Прим. автора!*)!»

Боевое крещение получили под Нахичеванью, где правый фланг алексеевцев напоролся на сильный заслон 252-го полка красных. В итоге в первом же бою все как один полегли юнкера 1-го взвода капитана Данского, сформированного из кадет Одесского и Орловского корпусов. Как потом сообщалось в донесении Алексееву, «найденные трупы мальчиков были изрешечены штыковыми ударами».

Алексеевцы отошли к станции Кизитиринка, куда срочно были переброшены тральщики севастопольцев, обрушившие на детские головы град снарядов. При полном отсутствии противодействия суда могли лупить по позициям юнкеров на выбор.

Хуже всего, что брошенные в заснеженную степь добровольцы так и не получили поддержки от войскового интендантства. Ни боеприпасов, ни горячей пищи, ни медикаментов. Создавалось впечатление, что юнкеров послали просто на заклание как искупительную жертву для побуждения взрослых взять в руки оружие.

Пока они обливали кровью кизитиринские бугры, отвечавший за снабжение Генерального штаба полковник Николай Карпов метнулся в Новочеркасск трясти интендантов, но те отделались лишь обещаниями. Тогда отчаявшийся полковник обратился к своей знакомой Ольге Мягковой, поддерживавшей добровольцев. Энергичная дама смогла сделать то, что не смог синклит генералов — обзвонила всех знакомых, распределила, кому покупать хлеб, кому сахар, кому чай, кому сало, кто повезет патроны, кто продовольствие. На следующий день все это уже было на позициях (привезли пожелтевшее сало и насквозь промерзший серый хлеб, но и шоколад и теплые перчатки).

Севастопольцы докладывали в Петроград: «Каледин вместе с союзными империалистами объявил гражданскую войну... Братская кровь проливается. Просят немедленно слать все черноморские отряды с большим количеством пулеметов водным путем и сухопутным. Юнкера наступают на Ростов с броневиками: тралер открыл огонь. Срочно жду ответа и указаний. Главный комиссар Черноморского флота Роменец».

Следует заметить, что далеко не все броневики не были на ходу. Их подтащили к району боев быками скорее для устрашения и поддержки пулеметным огнем, чем для маневренных атак. Саботировавшие работу машинисты паровозов разбежались, так что в течение всего наступления от Новочеркасска до Кизитиринки неустанно курсировали локомотивы, водимые юнкерами и студентами. Возили на «фронт» боеприпасы и продовольствие, увозили раненых.

На следующий день к юнкерам прибыли Михайловско-Константиновская юнкерская батарея (без орудий, в качестве пехотной роты), спешенная сотня донских юнкеров и сотня 6-го Донского пешего батальона, дружина стариков-казаков станицы Аксайская.

Стало чуть легче, но выхода все равно не предвиделось. Под Ростовом образовалась патовая ситуация: алексеевцам не хватало сил для наступления, а красным — не хватало для того же желания. Ростовские меньшевики убедили рабочих, что им нет смысла лить кровь за интересы большевиков, а не желавшим воевать запасникам вообще непонятно было, для чего их гонят в бой. Фактически на небольшом пятачке постреливали друг в друга без особого рвения несколько сотен человек с обеих сторон. По свидетельствам участников событий, активность проявляли только моряки и добровольцы, а казаки и солдаты, видимо, по взаимной договоренности, от боев уклонялись. Гражданская война еще не обрела нужного градуса ярости и беспощадности.

Несколько дней бесплодных стычек и обстрелов без особого сближения сторон (на тральщики поступила информация, что у алексеевцев появилась артиллерия, поэтому они не рисковали подходить ближе) так никому преимущества и не принес. Прибывшие из Азова и Тихорецкой отряды красногвардейцев общей ситуации изменить не могли.

Через несколько дней, 2 декабря, ситуация изменилась. Войсковой Круг ударил «сполах» и бросил на Ростов всех, кого смог наскрести в казачьей столице и кого старики могли взашей вытолкать в поход. На разложенных фронтовиков надежды не было, но младшие возраста казаков в станицах пока еще находились под влиянием Круга.

Под Кизитиринкой сформировалась Донская особая казачья бригада под командованием полковника Юдина. Всего набралось

2493 штыков и сабель при 49 пулеметах и 6 орудиях. При этом следует заметить, что артиллерийская обслуга из казаков категорически отказалась воевать, пришлось ставить к пушкам юнкеров. Да и сами казаки особо в бой не рвались — атаману самому приходилось появляться в цепях, дабы поднимать их в атаку.

Со стороны армянского монастыря Сурб-Хач (с севера) подходила казачья бригада 46-го и 48-го полков (около 2 тысяч сабель) полковника Краснова.

В решающий момент в тылу красных со стороны станицы Гниловской вдруг загрохотали артиллерийские разрывы. Откуда взялись орудия, не знали ни белые, ни тем более красные, которые постоянно опасались каких-то подвохов со стороны «генералов». Запасники от греха подальше, не желая быть окруженными, отступили в свои казармы в селе Александровка под Нахичеванью и объявили, что складывают оружие.

Оказалось, что панику в тылу поднял отряд генерал-майора Анатолия Назарова. Начальник Таганрогского гарнизона открыл безрадостную картину. После получения известий о боях в Ростове он приказал подчиненным 17-му и 51-му казачьим полкам выступать туда на подмогу Каледину, однако объявившие нейтралитет казаки отказались. С генералом пошла только команда фельдшеро́в, к которой присоединились гимназисты и несколько офицеров-артиллеристов, захвативших с собой два орудия и два зарядных ящика. По дороге к ним прибились несколько сотен казаков и одумавшаяся пулеметная команда 51-го полка. У самого города они увидели двигавшийся по Дону к Ростову караван мелких судов со спешившими на помощь своим матросами-черноморцами и, заняв скрытную позицию, открыли по судам беглый огонь. Одно потопили, другие повернули назад.

Под Ростовом, умело маневрируя, Назаров сумел создать для красных видимость работы нескольких батарей и подхода скрытных резервов Каледина. Со стороны Олимпиадовки подошел ударный отряд из 11 сотен казаков, атаковавший в конном строю. По подсчетам историков, первое сражение Гражданской войны вели белогвардейские войска в количестве 4526 штыков, 2117 сабель, 12 орудий, 4 несамоходных броневиков и около 400 сменявших друг друга добровольцев-алексеевцев.

Почувяв западню, передовые отряды красных сдались, матросы погрузились на суда и ушли в Севастополь, Красная

гвардия во главе с председателем Ростово-Нахичеванского Совета и главой ВРК Сергеем Сырцовым — по домам и в подполье. Ростов пал.

Одновременно пришло сообщение о том, что кубанский атаман генерал-лейтенант Александр Филимонов разоружил в Екатеринодаре поддерживавший большевиков запасной артиллерийский дивизион и арестовали ряд членов исполкома Екатеринодарского Совета. Ждать помощи с юга большевикам уже было не от кого.

Уже ближе к вечеру со стороны Нахичевани в Ростов на центральную улицу Большую Садовую вошел отряд юнкеров, навстречу им в конном строю со стороны вокзала двигалась сотня казаков-кубанцев. Во главе колонны юнкеров на автомобиле ехал сам атаман Каледин.

Прибытие авто Каледина собрало толпу, перед которой выступил атаман, грустно заметив: «Мне не нужны аплодисменты. Я не герой, и мой приезд не праздник. Я приехал в ваш город не как счастливый завоеватель. Была пролита кровь, и нам нечего радоваться. У меня нелегко на сердце. Я выполнил свой гражданский долг, и мне не нужны аплодисменты».

Добровольцам было не до аплодисментов. В город вносили гробы с телами погибших под Кизитиринкой юнкеров. Белая Армия понесла первые потери, большая часть которых пришла на первый раз взявших в руки винтовки детей. Только в роте поручика Мезерницкого за несколько дней боев из 140 решивших доказать, «что они не мальчишки», юнкеров в строю осталось 65. «Дедушка» должен был быть доволен.

«Вы знаете, какой бы я им поставил памятник? — говорил Алексеев после взятия Ростова. — Грубый гранит — громадная глыба, а наверху разоренное орлиное гнездо с мертвыми орлятами. И сделал бы надпись: «Орлята умерли, защищая родное гнездо, где же были орлы, донские казаки?» В проповеди после панихиды по погибшим архиерей, обращаясь к мертвым кадетам, сказал: «То, что вы здесь, указывает нам, что нужно делать. Нужно делать то, что делали вы, защищая Церковь и Родину. Объявлена война всему христианству. Вот первые мученики. Дети, простите нас и примите последний поклон от нас вы, отдавшие жизнь свою за Христа. Христос с вами!»

Юношеская кровь обильно окропила идею, придав белоснежным принципам зловещий кровавый отблеск.

БЕГ НА МЕСТЕ

Формирование Добровольческой армии в Ростове, куда она переехала 27 декабря, чтобы снять груз ответственности с Каледина за ее нахождение в Новочеркасске, шло ни шатко ни валко. Не помогли ни личный победный пример генерала Алексеева, ни концентрация на Дону всех знаковых фигур политики и армии, ни даже распространяемые здесь петроградские «ужастики».

К примеру, достоянием гласности стал приказ столичного Военно-революционного комитета, гласивший, что офицеры, которые «прямо и открыто» не присоединятся к революции, должны быть немедленно арестованы «как враги».

«Враги» поспешили покинуть непредсказуемый Питер, но отнюдь не спешили «записаться добровольцами». В декабре 1917 года в Ростове-на-Дону было зарегистрировано 17 тысяч офицеров. В пункты же формирования Добрармии являлись единицы.

Многие по объективным причинам: находились все еще на фронте, где велись переговоры о мире с немцами, были связаны семьями, имуществом, долгами, не могли пробиться через жесткие кордоны на дорогах. Многие по субъективным: устали от войны, не могли определиться, к какому берегу пристать, а большевики еще не до конца показали свое отношение к «бывшим», рассчитывали на выгодные должности у новых властей. Обещавший свою помощь в организации армии генерал Брусилов вскоре отказался сам и запретил ехать на Дон своим офицерам.

Однако подавляющее большинство просто выжидали и даже после взятия Ростова не верили в успех «Белого дела». Расчет генерала Алексеева на то, что в России 270 тысяч офицеров, и если хотя бы 10% из них запишутся добровольцами, то «Белое дело» ждет успех, становились весьма призрачными. По утверждению генерал-майора Бориса Штейфона, «после демобилизации 1917–1918 годов на Юге России проживало не менее 75 тысяч офицеров. Целая армия! 75–80 процентов этой массы было настроено, несомненно, жертвенно и патриотично, но мы не умели полностью использовать их настроения...» Зато большевики сумели.

Как писал Деникин: *«Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным*

результатами — напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркаска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками советский комендант Калюжный жаловался в Совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, «что они не были в Добровольческой армии»... Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркаска уклонялось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества».

Но и «единицы» приходили к добровольцам такие, что стоили сотен. Сразу после взятия Ростова живший там командир 4-й пехотной дивизии генерал-майор Александр Черепов, по согласованию с новым начальником гарнизона генерал-майором Федором Чернояровым, на своей квартире организовал собрание местных офицеров, на котором было решено создать отряд для охраны порядка в городе. После недолгого хозяйничанья в городе красных матросов в него записалось около 200 офицеров, ранее не спешивших в Белую Армию. Из них решили сформировать уже не отряд самообороны, а Ростовскую офицерскую роту под командованием Черепова. Еще около 100 человек, которые были зарегистрированы в этом Бюро записи добровольцев, в зависимости от возраста, подготовки и специализации, вошли в состав Студенческого батальона, Технической роты, а также переведенных из Новочеркаска 2-й офицерской, Гвардейской и Морской роты.

В декабре на Дон прибыла небольшая часть Георгиевского полка из Киева, где самостийная Центральная Рада в блоке с большевиками провозгласила Украинскую Народную Республику. Участвовавший в подавлении вооруженного восстания большевиков в Киеве Славянский (бывший Корниловский) ударный полк капитана Неженцева, отвергнув предложение военного секретаря УНР Симона Петлюры, который наконец дорвался до формирования «национальной» армии, остаться для охраны города, с юнкерами Константиновского,

Николаевского и Сергиевского военных училищ начал пробиваться на Дон. Поскольку никто не собирался ему в этом содействовать, Неженцев за огромную взятку состряпал фальшивые документы о принадлежности полка к одной из частей, направлявшихся на Кавказский фронт, загрузил людей в эшелон. Украинцам же объявил, что «Славянский полк распущен, а люди разбежались».

«Разбежавшиеся», грозя на станциях пулеметами, целый месяц добирались до Дона, и 19 декабря эшелон с 50 офицерами и около 500 солдатами при 4 пулеметах выгрузился в Новочеркасске. Они стали основой 1-го Корниловского полка — главной ударной силы Добровольческой армии. Корниловцев разместили в пустующих бараках распущенных по домам запасных полков на Хотунке.

Накануне их приезда в Ростове полковник лейб-гвардии Уланского полка Василий Гершельман начал формировать 1-й Кавалерийский дивизион — сборную из гвардейских и конных полков царской армии. К концу года в нем уже состояли 138 человек (63 офицера, 2 врача, сестра милосердия).

Артиллеристы были, орудий не было. Приходилось идти на различные ухищрения, чтобы правдами-неправдами заполучить пушки. Первая артиллерия Белой Армии появилась у нее чисто уголовным путем.

Пока шли бои под Ростовом, 25 юнкеров во главе с подпоручиком Борисом Давыдовым и вахмистром княжной Черкасской (все переодетые в «товарищей» для маскировки) отправились в село Лежанка на Ставрополье, где остановилась на «отдых» самовольно ушедшая с Кавказского фронта артиллерийская часть 39-й пехотной дивизии. Пока пехотинцы «гуляли по буфету» в теплых хатах, юнкера сняли караул, запрягли в повозки два орудия образца 1900 года, бросили в телефонную двуколку четыре зарядных ящика и денежную кассу артиллеристов и растворились во мгле.

Еще два орудия в те же дни были просто «замылены» у казаков. Их одолжили у запасной казачьей батарее для похорон скончавшихся от ран после штурма Ростова юнкеров. Пушки образца 1902 года отцепили сразу, гробы отвезли на лафетах на кладбище и вернули казакам только лафеты. На недоуменный вопрос «где пушки» последовал наивный ответ: «юнкера не умеют собрать орудие». После долгих препирательств казаки

махнули рукой, а «похоронные пушки» прошли с белыми все походы до самого Новороссийска.

Появлению еще двух орудий добровольцы обязаны Бахусу. Бывший «железный стрелок» Деникина полковник Николай Тимановский сутки усердно спаивал возвращавшихся с фронта казаков-артиллеристов, вспоминая с ними старые баталии. Под утро сунул хмельным вдребезги служивым 5 тысяч рублей и перецепил пушки к своим лошадям.

Официально только приказом атамана Каледина от 20 декабря 1917 года № 1058 было разрешено формирование добровольческих отрядов. До этого и Корнилов, и Деникин ходили в штатских пальто среди погон и аксельбантов (по просьбе все еще лавировавшего атамана, чтобы «не нервировать донцов»). 24 декабря Корнилов также официально объявил об открытии записи в Добровольческую армию, став во главе ее. Начальником Добровольческой дивизии был назначен «железный стрелок» генерал Деникин, начальником штаба которой тот сделал, конечно же, генерала Маркова. Корнилов после двух проваленных им походов наконец понял, что командовать оперативными силами должен самый успешный среди всех добровольцев генерал мировой войны.

Интересно, что в «дивизию» вошли фактически все вооруженные формирования добровольцев, так что кем именно командовали Корнилов с новым начальником штаба армии Романовским (генерал Лукомский стал представителем армии при донском атамане), было непонятно.

Дежурным генералом стал Генерального штаба генерал-майор Сергей Трухачев, начальником снабжения Генерального штаба — генерал-лейтенант Евгений Эльснер, начальником инженерной части — депутат Государственной Думы Лев Половцов, санитарной — полковник Василий Всевожский, интендантства — земец Николай Богданов.

Корнилов, выступая перед первыми добровольцами, говорил: «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!»

Его спросили из шеренги: «А если не удастся победить?» Главком ответил: «Если не удастся, мы покажем, как должна умирать русская армия».

Корнилова можно было понять — куда крохотной армии еще и заботиться о пленных, если на самих припасов не хватает. Их либо надо отпускать, понимая, что те вновь возьмут в руки оружие, либо пускать в расход, чтобы не оставлять врагов. С комиссарами и фанатиками все более-менее понятно — враги, не ждущие пощады, но с простыми солдатами, которые шли в бой, как правило, из страха и по принуждению, это явно не проходило. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, порождал неоправданные и необъяснимые зверства с обеих сторон. Которые, в свою очередь, порождали еще большие зверства, граничившие с геноцидом. Такова она, Гражданская война без прикрас.

Прослышав, что у добровольцев завелись деньги, и зная, что генерал Корнилов питает слабость к разного рода авантюристам, в Бюро записи потянулись весьма сомнительные личности, предлагавшие планы, один другого фантастичней.

После разгона большевиками Учредительного собрания декретом ВЦИК от 6 января 1918 года политики и политические авантюристы потянулись на юг мощным потоком.

В Новочеркасске объявился пресловутый севастопольский матрос 2-й статьи эсер Федор Баткин. Удивительный типаж, еврей по происхождению и матрос, что само по себе поразительно, к тому же сторонник «твердой руки» в государстве, что вообще сенсационно. Возглавил летом 1917 года делегацию от тогдашнего командующего Черноморским флотом адмирала Александра Колчака к «братишкам» на Балтику и Западный фронт с призывами «одуматься» и вести войну до победного конца. Обладая неумемной энергией, участвовал в создании ударных отрядов, произносил зажигательные речи, отстаивая идеи оборончества. После большевистского переворота Баткин не смирился с происходящим и подался на Дон предлагать свои услуги по влиянию на «братишек». Колоритная внешность матроса вызывала недоумение среди натерпевшихся от «братишек» офицеров и вполне объяснимое желание поставить его к стенке, чему помешал Деникин. Но Корнилов все же верил обещаниям матроса и оставил его при себе «для демократии», взяв под защиту личного конвоя.

Как писал Деникин, из Екатеринодара приехал некто Девлет хан Гирей с предложением «поднять черкесский народ» в 10 тысяч сабель, для чего потребовал от Корнилова аванс в 750 тысяч рублей и до 9 тысяч ружей. Корнилов был, как

всегда, согласен на любую авантюру, но тут уперся Алексеев, заявивший, что совершенно не верит в реальность этого проекта. Если же главком все же желает выбросить деньги на ветер, Алексеев может выдать не более 200 тысяч. Хорошо, под рукой оказался Лукомский, которого уже соблазняли подобным во Владикавказе. Он объяснил, что эти 9 тысяч ружей еще неизвестно в кого будут стрелять. Уж в терских казаков — совершенно точно.

Об этих потенциальных союзниках очень хорошо поведал сам Деникин: «Был еще один элемент на Кубани, по природе своей глубоко враждебный большевизму, это — черкесский народ, вызывавший большие и необоснованные надежды на Дону и в кругах Добровольческой армии в качестве одного из источников комплектования противобольшевистской вооруженной силы. Бедные, темные, замкнутые в узких рамках архаического быта, черкесы оказались наименее воинственным элементом на Кавказе и приняли большевистскую власть с наибольшей покорностью и с наиболее тяжелыми жертвами. Формирования же черкесских частей впоследствии окончились полной неудачей: полки эти были страшнее для мирного населения, чем для противника».

В штабе Добармии видели некоего экзотического восточного вида эфенди, который начал вербовать в добровольцы персов. Как потом выяснилось, «персами» были обитатели ростовских ночлежных домов, о Коране слыхом не слыхавшие.

Большие сомнения вызывали и белогвардейские казачьи партизанские отряды. К примеру, отряд «Белого дьявола» кубанского сотника Грекова, сформированный в Новочеркаске на Барочной из кубанцев-фронтовиков, первоначально состоял из 65 семинаристов, 5 гимназисток — сестер милосердия и 3 начальствующих лиц (вскоре вырос до 150 сабель). Сам «Белый дьявол» — болезненного вида юноша лет 23–24, рано поседевший (отсюда прозвище) и достаточно неуравновешенный. Еще на Дону к «дьяволятам из семинарии» были серьезные претензии как к пьяницам и разбойникам. Греков самолично устанавливал, кто «свой», кто «чужой», и определял «меру наказания» и величину реквизиций по собственному разумению. Впоследствии, по воспоминаниям современника, «после грандиозного дебоша и побоища со станичниками четверть его подчиненных попала под суд», а сам ставший есаулом Греков бежал в Одессу, где умудрился растратить крупную

сумму казенных денег. Бежал и оттуда на Дон, где был судим белыми за очередные преступления. В итоге добегался до екатеринодарского ЧК, где его и расстреляли в апреле 1920 года.

Партизанский отряд войскового старшины Эммануила Семилетова, которого местная печать дружно окрестила «ректором партизанского университета», воевал достаточно лихо и уверенно. Но за глаза его называли «палачом вифлеемских младенцев», так как он завлекал в свои отряды донскую молодежь, которая массами гибла от пуль и болезней.

Наиболее успешным и крупным на Дону был партизанский отряд есаула Василия Чернецова, тоже сформированный большей частью из учащейся молодежи. Еще в Первую мировую войну он командовал партизанами 4-й казачьей дивизии, был лучшим офицером-разведчиком.

В конце ноября есаул собрал в Новочеркасске на митинг 800 офицеров (всего в городе насчитывалось до 4 тысяч офицеров) и предложил записываться в отряд. «Я пойду драться с большевиками, и если меня убьют или повесят «товарищи», я буду знать, за что; но за что они вздернут вас, когда придут?» — аргументировал он. Аргумент возымел действие, и записались... 27 человек. Есаул в ярости обрушил на оставшихся массу ласкающих слух выражений, принятых в кавалерии. Записались еще 115. На следующий день, когда отряду предстояло отбывать на фронт к станции Лихая, на вокзал пришли 30 человек.

Тем не менее именно чернецовцы стали легендой Белого движения. Будучи комендантом Макеевских рудников, 27-летний есаул Чернецов быстро и жестоко подавил выступления шахтерских отрядов (только на одном Ясиновском руднике было расстреляно 118 горняков, оказавших вооруженное сопротивление), за что заслужил прозвище «донской Ренненкампф» (по имени генерала Павла Ренненкампфа, командовавшего в 1905 году одним из наиболее одиозных карательных отрядов. В описываемое время Ренненкампф, кстати, прятался в Таганроге под чужим именем). Следует заметить, что отряд Чернецова действовал как раз в тех местах, где на каждой станции были расклеены приказы, согласно которым КАЖДОГО «подозрительного» можно было объявлять «офицером» и «контрреволюционером», едущим к Каледину, и расстреливать на месте без суда и следствия. Сколько свидетельств подобного беспредела вышло потом в белогвардейской печати и сколько на

самом деле неизвестных было «отправлено в штаб Духонина», никто никогда не считал. Классовую борьбу вели по выражению лица, которое было «слишком интеллигентским». Иными словами, «кадетской мордой» объявляли любого непонравившегося. Станции Волноваха, Дебальцево, Ясиноватая как раз отличались тем, что любой следующий на юг поезд обыскивался с особой тщательностью и из каждого «кадетские морды» выводились к ближайшему пакгаузу. Поэтому миндальничать в этом краю Чернецову отнюдь не приходилось.

Как писал о нем Деникин, «В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то умиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени рождаются легенды, и большевики дорого оценивают его голову».

Первые же успехи партизан привлекли к ним до 600 бойцов при двух орудиях Сводной Михайловско-Константиновской батареи под командованием подполковника Дмитрия Миончинского. Одно из них было тем самым «похоронным», оборотисто одолженным у самих казаков.

Когда на Дон с севера навалились красные части из Петрограда, а казаки вернувшихся с «германской» и расквартированные в Каменской 27-го, 44-го, 2-го запасного, лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полков 10 января 1918 года на съезде фронтового казачества лишили атаманского пернача Каледина и объявили о переходе власти в Донскому ВРК во главе с хорунжим Подтелковым, отряд Чернецова, прозванный «донской каретой скорой помощи», бросили на Каменскую разогнать бузотеров. Посланный туда первоначально 10-й казачий полк отказался драться, замитинговал и открыл фронт. Заткнули его гимназисты Чернецова, атаковавшие железнодорожные станции Зверево и Лихую, после чего красные в панике бежали из Каменской. Счастливый Каледин произвел Чернецова через чин в полковники.

Справедливости ради, стоит заметить, что сражавшаяся на стороне красных 12-я казачья батарея поставила шрапнель на самый

высокий разрыв, чтобы она не причиняла вреда чернецовцам, а сами занимавшие левый фланг красных казаки пообещали в ходе тайных переговоров, что стрелять «по своим» не будут. Тогда еще договориться казакам друг с другом было легко.

Однако напор красных лишь возрастал. Назначенный командующим Южной группы войск красных беглый подпоручик Владимир Антонов-Овсеенко со стороны Украины повел в наступление на Таганрог и на Миллерово. На Таганрог через Лозовую и Никитовку двигалась колонна под командованием 25-летнего прапорщика-большевика Рудольфа Сиверса (10 тысяч штыков, 16 эскадронов конницы, 42 орудия и 2 бронепоезда). С севера, со стороны Дебальцево и Лисок, шли отряды московских и харьковских рабочих под командованием еще одного 20-летнего прапорщика—левого эсера Юрия Саблина и 25-летнего рязанского милиционера левого эсера Григория Петрова (один из будущих 26 бакинских комиссаров) численностью около 6—7 тысяч человек.

С юга со стороны станции Торговая подпирал 156-й Елизаветпольский пехотный полк, возвращавшийся с Кавказского фронта.

Следует заметить, что, несмотря на громкие имена полков и гвардейцев, это были боевые столкновения в узком понимании этого слова. Ни о какой позиционной войне речи не шло. Стычки происходили эпизодические, либо за важные населенные пункты, либо, что чаще, за узловые железнодорожные станции вдоль направления движения карательных войск. Паровоз подбрасывал несколько вагонов с бойцами и платформ с артиллерией к станции, где те рассыпались в цепь и пытались ее атаковать с ходу под прикрытием бомбардировки. Если противник оказывал стойкое сопротивление, никто «до последнего патрона» не бился. Забирали раненых и убитых, грузились в вагоны и уезжали «зализывать раны» до следующего наскока, который мог состояться и через неделю.

Если противник понимал, что слабее, сам грузился в вагоны и отбивал до следующей станции, где все повторялось заново. Ни о каких обходных маневрах в голой зимней степи, где снегу по колено, речи быть не могло.

Станций в Донбассе и на Среднем Дону было много, так что «ползучие битвы» становились отличительной чертой Гражданской войны в России.

Что мог противопоставить красным Каледин? Чернецовская карета «скорой помощи», понесшая большие потери под Каменской, сумела разгромить Московский и Харьковские полки красных, захватив вагон снарядов (как назло, у самих вышло из строя одно из орудий) и 12 пулеметов, но 21 января угодила в окружение у станции Глубокая. Чернецов и 40 его партизан попали в плен к воевавшему на стороне красных Северному казачьему отряду войскового старшины Николая Голубова. В свое время Голубов был ярым монархистом, во время приезда Николая II на Дон в 1913 году собирал окурки царя, целовал ступеньки, по которым тот ходил. В революцию он стал «атаманом голутвенных казаков», вроде Стеньки Разина, мечтая об официальном атаманском перначе. Популярного Чернецова он не тронул, желая сохранить авторитет и поторговаться с Калединым, сдал пленных главе ВРК Подтелкову. Зато у этого «хозяина Дона» пиетета к землякам уже не наблюдалось. Он лично зарубил полковника, а его каратели — всех остальных пленных. Большая кровь вызывала большое ожесточение.

Узнавший об этом Голубов схватился за шашку: «Что ты, мерзавец, наделал! Как я буду теперь разговаривать с правительством: оно ни на какие уступки не пойдет...» Потом устроил истерику и расплакался. Посмеивавшийся в усы Подтелков только отмахивался. Своим же объяснял: «Голубов его жалеет, потому как сам офицер».

По признанию Деникина, «Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось. Донское правительство вновь вступило в переговоры с Подтелковым, а генерал Каледин обратился к Дону с последним своим призывом — посылать казаков-добровольцев в партизанские отряды».

Однако главного Чернецов добился — наступление было сорвано. Командир отряда Петров был ранен в ногу, и красные дальше идти не рискнули. 23 января один из красных командиров телеграфировал в Петроград: «Еще одна такая победа, и мы погибли».

Каледин сделал превентивный ход — распустил по домам казаков, признавших Каменский ревком. По куреням разъехались казаки из двух третей всех донских полков. Они не хотели воевать ни за белых, ни за красных. Подтелков попытался провести мобилизацию, но она сорвалась. В Миллерово к месту

сбора прибыло 1600 человек, но на погрузку в вагоны явилось 80, остальные разбежались.

Каледин сделал походным атаманом опытного генерала Назарова, поручив ему командовать Ростовском районом. Прикрывать таганрогское направление со стороны Украины отправился сводный отряд добровольцев под командованием приехавшего одним из последних на Дон из «знаковых фигур» полковником Александром Кутеповым.

Однако, кроме добровольцев, в бой больше никто не рвался. Профессиональные военные предпочитали отсиживаться при штабах, пока в зимней стуже коченели в караулах гимназисты. Добровольцев на фронте, прикрывавшем с севера новочеркасское направление и с запада таганрогское, было около 2 тысяч, казаков-партизан Чернецова, Семилетова и Грекова — по 400 в каждом из отрядов. Были еще более мелкие партизанские соединения — крутинский летучий отряд есаула Романа Лазарева, полковников Николая Упорникова, Исаака Быкадорова и Тихона Краснянского, сотника Федора Назарова, войскового старшины Михаила Гнилорыбова и др. Они были рассеяны по всей Донской области и в боях участвовали лишь эпизодически. Каледин только на них мог делать ставку, считая, что лишь добровольческие казачьи подразделения способны реально противостоять красным.

Как вспоминал казачий генерал-майор Иван Поляков, «отделы были необычайно многочисленны, в полном несоответствии с наличным количеством бойцов и, как всегда при этом бывает, давали минимум полезной работы: каждый рассчитывал на соседа. Определенно никто не знал круга своей деятельности». Секретность работы штаба не обеспечивалась. Значительная часть служебных переговоров велась по телефону городской телефонной станции, «благодаря чему все служебные разговоры становились достоянием общества, а одновременно и большевиков, наводнявших город».

Сами добровольцы признавали, что во фронтовых казачьих частях «внутренний надлом в сторону развала уже произошел», они заболели «шкурным вопросом» и «стремлением к отдыху... от тяжелой страды боевых дней». Устав от одной войны с Германией, казакам ни под каким предлогом не хотелось ввязываться в другую войну «с Россией».

Да и у самих добровольцев не все было однозначно. Один из них, Роман Гуль, впоследствии вспоминал, как приехал с Таган-

рогского фронта в Ростов умолять Корнилова о посылке резервов и снабжения. Он сообщил генералу, что в частях полно обмороженных, без теплой одежды и обуви, несколько дней не получавших пищи. Не осведомленный об истинном положении фронта Корнилов устроил разнос Эльснеру, который уверял, что «все было выслано». При этом Гуль подчеркнул: «Некоторые офицеры штаба бесшумно скользят по паркету новыми казенными валенками, другие шумно топают новыми солдатскими сапогами, а у нас на фронте ни того, ни другого». Сам Деникин признавался: «На почве тяжелого материального положения армии всеобщее озлобление обрушилось на голову начальника снабжения, генерала Эльснера. Его бранили и в строю, и в штабах, и среди общественных деятелей, прикосновенных к организации... Эльснер был честен, тогда как подлое время требовало, очевидно, и подлых приемов».

Непобедимая российская коррупция грязной ржавчиной начала разъедать Белое движение сразу же после его начала.

«ОТ БОЛТОВНИ ПОГИБЛА РОССИЯ»

Сам Деникин в эти дни был отвлечен от Гражданской войны событиями более приятными, матримониальными: 7 января уже седым, 45-летним боевым генералом он впервые обрел семью, обвенчавшись в одной из новочеркасских церквушек с Ксенией Чиж.

Их роман был далек от литературной классики. Разница в возрасте к особой романтике не располагала. Тем более в столь переломные и анархические годы. Вероятнее всего, когда родители Аси развелись и обзавелись собственными семьями, девушка просто стала никому не нужна и сама почувствовала себя брошенной и одинокой. Особенно после гибели жениха. Переписка же со старым другом, который совершенно неожиданно сделал ей предложение, оказалась как нельзя кстати и стала выходом из тупика для 25-летней курсистки.

Генерал, сам никому душу не изливавший, обнаружил родственную - душу в этой хрупкой девочке, которую нянчил еще ребенком. Других родных душ в мире у Деникина не было, а Ася оказалась единственным существом, связывавшим его с покойной матерью. В то мрачное время генералу крайне необходим был человек, который смог бы отвлечь его от

творящегося вокруг кровавого кошмара и поселить в его выхолощенную железом и смертями душу теплоту и жизнь. Поэтому так трепетно и нежно уговаривал он вынянченного им же ребенка стать его женой.

«Вы большая фантазерка. Я иногда думаю: а что, если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному Вашим воображением идеализированному лицу, а не ко мне, которого Вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для Вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением».

Порой он сам не понимал, правильно ли поступает, обрекая Асю на жизнь с человеком, удел которого — нескончаемая война. Нужно ли это самой юной девушке идти за ним по жизни через походы и кровь, невзгоды и лишения, жизнь с неопределенным будущим.

«Никогда еще жизнь не была так заполнена. Кроме дела, у меня появилась личная жизнь. Иногда я задумываюсь над не разрешенным еще вопросом наших отношений (собственно, один остался) и гложет меня сомнение. Все о том же. Мне ли Ваша ласка или тому неведомому, которого создало Ваше воображение?»

«Если в нашей жизни счастье в очень большой степени будет зависеть от меня, то оно почти обеспечено. Ни перевоспитывать, ни переделывать Вас, моя голубка, я не собираюсь. Сумею ли подойти — не знаю, но кажется мне, что сумею, потому что, потому что я люблю Вас. И в думах одиноких, острых и радостных я вижу Асю женой и другом. Сомнения уходят и будущее светлеет».

«Вся моя жизнь полна Вами. Получила новый смысл и богатое содержание. Успех для нас. Честолюбие (без него полководчество немислимо) — не бесцельно. Радости и горе — общие. Я верю в будущее. Я живу им. Совершенно сознательно».

На самом деле генерал еще не знал, как ему повезло с будущей женой. По характеру своему не будучи волокитой и любимцем

женского пола, он обрел в Асе Чиж верную и преданную супругу, готовую идти с ним куда угодно. В том числе и в Ледяной поход.

Осенью 1917 года она бросила все и из Киева поехала за женихом на Дон, в неизвестность, где ее никто не ждал, не было ни одного знакомого. Поехала раньше, чем сам Деникин освободился из быховского заключения. Для нежной курсистки — поступок, достойный жены декабриста.

Генерал знал об этом и написал атаману Каледину и генералу Алексеву, попросив не оставить невесту без попечения. Асю встретили, и атаман поселил ее в Новочеркасске в доме своих друзей.

Матримониальный вопрос был решен, для набожных жениха и невесты оставалось лишь дожидаться окончания Рождественского поста. Как раз «после первой звезды» Деникин и повел годящуюся ему в дочери невесту под венец (в источниках идет постоянная путаница в связи с тем, что Белая Россия жила по юлианскому календарю, а красная — по григорианскому. Так что дата бракосочетания семьи Деникиных указывается разная — 25 декабря 1917 года и 7 января 1918 года. — *Прим. автора*).

Однако понимали, сколь неоднозначная обстановка была в городе. Дабы не плодить слухи и не приковывать излишнего внимания к событию (это не нынешний шоу-бизнес), венчаться решили не в войсковом соборе, а в небольшой Александровской церквушечке, подальше от любопытных глаз. Священник это тоже понимал и не стал зажигать паникадила.

Семейное торжество обставили максимально скромно. Худенькая и маленькая невеста (рост ее лишь немного уступал жениховскому — 1,58 м) приехала на Дон лишь в одном поношенном дорожном костюме. Взятая в наперсницы супруга атамана Каледина предложила ей свой гардероб, но рослая казачка была явно круче в плечах и бедрах. Юбку-парус пришлось сильно укорачивать, под меховой муфтой прятать длинные рукава блузы.

Кроме священника присутствовали только четверо свидетелей: верный генерал Марков, полковник Тимановский и адъютанты Деникина и Маркова. От предложения Каледина отметить бракосочетание приемом в Атаманском дворце генерал скромно отказался. Не время для фанфар Гименя.

Как вспоминала дочь генерала Марина Деникина-Грей, в 1939 году она стала свидетельницей разговора между

родителями: «Когда мы жили в Париже в трех очень маленьких и сумрачных комнатах, выходящих окнами во двор, моя больная мать упомянула об этом: «Иваныч! Когда-то ты обещал, что мы проведем наш медовый месяц под лазурным небом Рима и Венеции, но мы восемь дней продрожали от холода в станице Славянской, погребенные под снегом...»

Впрочем, было не до медового месяца — Деникин, как начдив, постоянно выезжал на Таганрогский фронт, дела которого шли все хуже и хуже.

Отряды Сиверса разрастались за счет включения в их составы 45-го Азовского пехотного полка (3 тысячи штыков), красногвардейских отрядов Донбасса (4 тысячи штыков) при 40 орудиях и нескольких десятках пулеметов. Семикратное преимущество в живой силе и технике одно время компенсировалось боевым духом и лучшей подготовкой юнкеров и офицеров полковника Кутепова. Однако к середине января даже те отдельные казачьи части, которые еще сохраняли лояльность атаману окончательно разложились и фактически открыли фронт у Матвеева Кургана.

С севера со стороны Миллерово напирала красная часть Голубова, Петрова и Саблина, сдерживать которые могли лишь разрозненные отряды партизан.

С юга достаточно вяло проявляла себя под Батайском 39-я пехотная дивизия, которая оставила на Кавказском фронте и по дороге с него не только часть своего имущества (несколько пушек украли в Лежанке белогвардейцы), но и собственного начдива генерал-майора князя Захария Мдивани, который предпочел делать карьеру в «свободной Грузии».

Неспокойно было и в Ростове с Новочеркасском. По ростовскому рабочему району Темерник белым было опасно ходить даже днем. Офицеров приглашали на рабочие митинги, а затем их трупы находили в Дону. Генералы предпочитали шинелям статские пальто. Юнкера вообще по одному по городу не перемещались.

Африкан Богаевский писал о том, что на станичном сборе Аксайской было решено сформировать две пешие и одну конную сотни, чтобы идти против большевиков. Сформировали, потом призадумались, куда лучше идти — защищать Ростов с запада или Новочеркасск с севера. Приняли соломоново решение — защищать собственную станицу в восьми верстах с севера.

Простояли два дня, надоело «воевать», отправили делегатов к большевикам с целью выяснить, что тем надо на Дону. Им ответили, что-де к казакам претензий нет, идут «освобождать землю от дворян и помещиков». Поскольку ни тех, ни других в казачьей станице не было, разошлись по домам. И так везде.

«Степные рыцари» были уверены, что, поскольку Съезд фронтового казачества принял решение свергнуть атамана и признать Совнарком, у большевиков до них дела нет, и никто на их землю не позарится. Для чего тогда седлать коней «за Каледина»?

Кутепов еще держался под Матвеевым Курганом, стойко отбивая безалаберные атаки красных, которые после каждого неудачного наступления собирали митинг, материли командиров и, грузясь в вагоны, уезжали обратно. Им на смену приходили другие, которые после очередного провала поступали так же. 11 января красные отрезали под Матвеевым Курганом подрывную команду 1-й батареи поручика Ермолаева (18 человек). Добровольцы, зная, что их ждет в плену, собрали весь запас взрывчатки и устроили коллективное самоубийство, чуть не разворотив всю станцию.

Кутепов попробовал атаковать 12 января под Неклиновкой, разгромив не ожидавших такой прыти красных, отбив броневик, орудие и 24 пулемета. Однако и его скромные силы (таганрогские юнкера, Георгиевский батальон из 80 человек полковника Тимановского и партизаны Семилетова) таяли каждый день.

Еще почти две недели Кутепов оборонялся на дальних подступах к Ростову, пока уже под станцией Хопры его не сменили Корниловский ударный полк, ростовский отряд генерала Черепова и партизаны Грекова. К тому времени в строю у Кутепова оставались всего около 200 штыков.

Деникин, ежедневно мотавшийся под Таганрог на первом белогвардейском бронепоезде, сбился с ног, отправляя на фронт то казаков станицы Гниловской, то Гвардейскую роту, то Юнкерскую батарею. Узнав, что у красных появилась кавалерия из бывшей 4-й кавдивизии, послал навстречу едва сформированный 1-й кавалерийский дивизион полковника Гершельмана.

Не следует обольщаться относительно «дивизиона». На тот момент в его состав входили 135 «сабель», которые этих самых

сабель не имели вообще. Лошадей и 300 мексиканских карабинов забрали у разоруженного Заамурского запасного конного полка. Пулеметы выкрали в Каменской, пока большевики митинговали во время «Съезда фронтового казачества». Большинство добровольцев не имели не только навыков верховой езды, но и понятия о службе. В «лошадином краю» создать собственную кавалерию было крайне сложным и дорогим делом.

Параллельно Деникину надо было прикрывать новочеркасское направление, которое бросили казаки, не откликнувшиеся на мобилизацию Каледина. Туда отправились Корниловский партизанский отряд и Юнкерский батальон, которые едва отбивались от красных в районе Персиановки у самой казачьей столицы.

Корнилов и Алексеев предпринимали отчаянные попытки найти союзников. Махнув рукой на неподъемное казачество, Корнилов обратился к более организованным силам — командованию знакомого польского корпуса генерал-лейтенанта Юзефа Довбор-Мусницкого и Отдельного Чехословацкого корпуса русского генерал-майора Владимира Шокорова, дислоцированным в Белоруссии и на Украине, с просьбой о помощи.

Однако эти попытки натолкнулись на фатальную близорукость Франции, которая содержала оба корпуса и дела которого фактически решал посол Жозеф Нуланс. Бывший военный министр Третьей Республики не видел дальше собственного кабинета и совершенно не разбирался в политической ситуации в России. Он упрямо не замечал позиции большевиков по отношению к войне, которые сначала провозгласили Декрет о мире, а затем начали открытые сепаратные переговоры в Брест-Литовске с Центральными державами.

В своем письме от 27 января Алексеев взывал к главе французской миссии в Киеве: *«...Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть (генерал слегка приврал, ни своего железа, а тем более нефти в Донской области не было, хотя работали метал-*

лургические заводы в Донбассе, но без уральского сырья они оставались лишь мертвым грузом. — Прим. автора)... силы неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон если не весь чешско-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование Добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав — Александровск — Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь... Весь корпус сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи. Зная ваше влияние на г. Макса и, вообще, на чехов, я обращаюсь к Вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских вообще...»

Бесполезно. В начале февраля Нуланс вместо помощи Алексееву и Добрармии, которые ХОТЕЛИ продолжать войну с Германией, отправился к Льву Троцкому, который УЖЕ провозгласил «ни мира, ни войны» с предложением финансовой и технической помощи, лишь бы большевики продолжили сдерживать германские армии.

Совнарком, неплохо финансировавшийся из немецкого генштаба, поднял посла на смех. Украина уже начала переговоры с Германией, надеясь с ее помощью отхватить жирный кусок России — в том числе Ростовский и Таганрогский округа. Лишь подписание 3 марта «похабного» Брестского мира открыло глаза Нулансу на истинное положение вещей. Но было поздно. Добровольческая армия с Дона уже ушла.

Латать «тришкин кафтан» было бесполезно. Становилось понятно, что в боях под Ростовом и Новочеркасском можно лишь положить всю едва зародившуюся Добрармию, а вместе с ней и идею. Появление под Ростовом кавалерии большевиков, против которой полусотня Гершельмана смотрелась комично, стало переломным моментом в обороне Дона. Кавалерия полностью поменяла «стратегию» войны за узловые станции и

могла запросто совершать глубокие обходы и рейды в тыл, что в корне меняло обстановку.

Ожидаемого массового притока офицеров в Добрармию не произошло, казачество на призыв атамана не поднялось. С нежелающего самому себя защищать Дона нужно было уходить на Кубань, где атаман Филимонов вроде бы как контролировал ситуацию. Об этом без обиняков и заявили Каледину, выхода у которого уже не оставалось.

28 января Каледин издал обращение к жителям области:

«...Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе со вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков — участников этого подлого и гнусного дела — рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество».

«В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын — Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов».

«В слободе Михайловне, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, при чем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты *продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение...*»

Продажа офицеров — совершенно немыслимая прежде вещь на Дону шокировала и наводила на мысль об окончательной деградации некогда главной «опоры трона». У Каледина опустились руки, ждать помощи ему было уже не от кого.

Он пытался лавировать между различными политическими силами, сколачивая широкую коалицию. Было создано правительство, в котором по семь портфелей принадлежали казакам и иногородним. Ему не верили. Иногородние жаждали не передела в свою пользу лишь 3 млн помещичьих десятин, а полного раздела «по справедливости» всей казачьей земли. На это им был показан затейливый казачий кукиш — коалиция разваливалась.

Атаману ставили в вину, что он задумал «отделиться от России». Тот объяснял: «Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России».

Никто не верил. Более того, Донской областной крестьянский съезд постановил разоружить и распустить Добрармию как раздражающий фактор в переговорах с большевиками. С огромным трудом Каледину и Богаевскому удалось переубедить делегатов, доказывая, что основной целью армии является защитить Донскую область и довести страну до Учредительного собрания. Сама же она ни в коем случае не является защитницей «старого режима».

Искоса глядели даже добровольцы, которые в большинстве все же были монархистами и не видели «особого дерзания» со стороны атамана на формирование собственных сил. Из кого ему их было формировать, если казаки спали и видели себя на теплой печке после трех лет мировой бойни.

Залопонившие Новочеркасск общественные деятели со своей стороны осуждали медлительность в деле «спасения России», политиканство и лавирование донского правительства. Тут уж Каледин не выдержал:

«А вы что сделали?.. Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни. Но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение?.. Развал общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея высказать голоса против большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной».

29 января атаман собрал правительство, пригласил и московских общественных деятелей. На заседание не прибыл Корнилов, объяснив это тяжелым положением под Ростовом (вероятнее всего, генерал понимал, что делать в Новочеркасске ему уже нечего), прислал вместо себя Лукомского, который вместо помощи попросил вернуть Юнкерский батальон. Атаман запросил данные, сколько в таком случае его подчиненных останутся на фронте защищать столицу донского казачества. Ему сообщили — 147. Из 100 тысяч отчаянных шашек, которые донцы

без напряжения выставляли на германскую войну. В станицах фронтовики не верили старикам и не подчинялись им, доходило до братоубийственных конфликтов. Это был конец.

Каледин заявил: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю».

Левые, правые, умеренные в правительстве затеяли разглагольствования по поводу возможности или невозможности договориться с большевиками, союзниками, добровольцами, немцами и пр. Предлагалось покинуть Новочеркасск и перебраться в район менее зараженных большевизмом казачьих станиц, где менее всего хуторов иногородних.

Уставшая от всего на свете «вторая шашка империи» перебил пустые дебаты последним атаманским словом: *«Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла»*.

Каледин пояснил, что казачьему атаману недопустимо бежать из столицы и скитаться по закоулкам, как бездомному абреку. Лучше уж погибнуть здесь. Затем ушел в свой кабинет, застегнул мундир на все пуговицы, поправил ордена, сел за письменный стол, отдал распоряжение заплатить какой-то мелкий долг, написал письмо генералу Алексееву. Затем подумал, перешел в комнату отдыха и снял мундир, аккуратно сложил его, лег на кровать и выстрелил себе в сердце. Его жена вспоминала, что отставленный атаман подошел к двери гостиной, где она сидела с подругой, долго-долго на нее смотрел, а затем, ни слова не говоря, закрыл за собой дверь. Потом она обнаружила на столе предсмертное письмо к Алексееву: *«Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага, но мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы воля и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых*

казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне... 29 января. 2 часа 12 минут».

Полугодом ранее, принимая атаманский пернач, Каледин говорил: «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями...» Ушел как настоящий русский офицер.

«СВЕТЛАЯ ТОЧКА СРЕДИ ОХВАТИВШЕЙ РОССИЮ ТЬМЫ»

Самоубийство атамана окончательно развязало руки Корнилову. Донцам он больше ничего не был должен, моральных обязательств перед ними генерал отныне не имел. Пока был жив атаман, пригласивший добровольцев в Новочеркасск, они честно и добросовестно умирали под его знаменами под Таганрогом и Персиановкой. Плечом к плечу с казаками они отбивали Ростов и защищали границы области. Честно поделили пополам 30 млн рублей из Государственного банка на нужды армии и оружие из наконец-то открытых arsenалов.

Теперь же ситуация изменилась, триумвират развалился. Защищать стало некого и незачем. При Каледине открытое недовольство присутствием на Дону Добрармии сглаживалось, ныне маски были сброшены. Казаки, уверенные, что большевиков интересуют только политические враги — «кадеты» и «дворяне», были настроены с красными договариваться. А среди познавших сладость большевизма добровольцев было весьма распространено мнение, что своим уходом они дадут казакам на собственной шкуре почувствовать, какая она новая «народная власть».

Первоначально показалось, что еще есть надежда. Новый атаман генерал Назаров ударил «сполох» и объявил мобилизацию всех казаков от 17 до 55 лет, делегация стариков объявила, что это именно казаки повинны в смерти Каледина и готовы искупить свою вину, выставив чуть не по тысяче шашек с каждой большой станицы. 4 февраля из Екатеринослава походным порядком пришел 6-й Донской казачий полк, изъявивший желание тотчас отправляться на фронт защищать Новочеркасск. Лукомский, сдав должность начштаба армии Романовскому, отбыл в столицу донского казачества представителем при новом атамане, намекнув, что Корнилов останется

защищать Ростов, если в течение 10 дней получит подкрепление хотя бы из двух тысяч человек. Эйфория продолжалась всего лишь несколько дней. 8 февраля 6-й полк уже отказался сражаться и разошелся по куреням. На детский вопрос офицеров: «Казаки, а как же приказ атамана?» служивые запросто брякнули: «Приказ у нас такой: «Ребята, по домам!»».

Левая часть Круга настояла на отправке делегации в Каменскую, надеясь договориться с большевиками. У товарища Саблина ответ был короткий: «Казачество, как таковое, должно быть уничтожено, с его сословностью и привилегиями».

Правильно ли поняли казаки сына книгоиздателя из Тарту, непонятно. Вряд ли левый эсер имел в виду то самое пресловутое «рассказачивание», которое началось на Дону через полгода. Полномочий на геноцид ему никто не давал, да и значительную часть красных войск составляли отряды казаков-фронтовиков. Вероятнее всего, Саблин понимал, что не от хорошей жизни к нему приехали казаки за миром, а лишь подтверждая собственную слабость. Поэтому он и ставил условия «капитуляции» — ликвидация сословных привилегий, а не самого сословия.

Интересно, что ультиматум не добавил воинственному казачеству решимости отчаяния, а, наоборот, в это отчаяние его окончательно погрузил. Казачества как боевой силы уже не было.

У добровольцев же ни о каком наступлении не могло быть и речи, не получилось и отсидеться за широкой казачьей спиной. Добрармии оставалось только уходить на Кубань, где войсковое правительство еще держалось.

Дорога на Батайск была отрезана взявшим станцию 112-м запасным полком красных (в ходе боя был тяжело ранен командир морской роты добровольцев кавторанг Владимир Потемкин), с запада и севера вдоль железной дороги двигалась красная пехота. Со стороны Донбасса появилась конница. Единственный путь для отступления был на восток с переправой через Дон в районе Аксайской, а далее — строго на юг. Куда точно, еще до конца не определились. Были варианты, но для начала надо было вырваться из Ростова.

Генерал Алексеев в отчаянии писал родным: *«Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому,*

исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достояния, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага.

Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит трудный, по всей вероятности, пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом. Трудно сказать, как все устроится.

Если мне Богом суждено погибнуть, то со мною погибнут и те, кто несет на себе тот же крест. Всю жизнь прожил честно. Хуже то, что погибнет тогда дело, от которого ожидалось известные результаты. За это будут нарекания. Но если бы кто знал ту невыразимо тяжелую обстановку, при которой прожиты последние три месяца. Это было сплошное мученье».

Дабы не повторять ошибок похода текинцев из Быхова, пытались запастись хоть какими-нибудь ресурсами для зимнего похода в заснеженной степи, где, вполне вероятно, ночевать пришлось бы в чистом поле и почти стопроцентно прорываться на Кубань пришлось бы непременно с боями. С юга им должна была противостоять «Ставропольская группа» красных, состоящая из двух пехотных полков и трех батарей (трехдюймовой, гаубичной и крепостной) Кавказского корпуса, объединенная с отрядом хорунжего Алексея Автономова в «Южную Красную армию». Именно ее части уже оседлали Батайск, остальные растягивались вдоль железной дороги в цепь заслонов до Екатеринодара.

Дабы не обременять крохотную армию многочисленными ранеными, которым невозможно было оказать помощь в походных условиях, их пришлось оставить в лазаретах и частных домах Ростова и Новочеркасска под видом солдат. Большая часть находившихся в лазаретах добровольцев потом была добита красными.

Покойный атаман Каледин не без сепаратистских замыслов намеревался завести у себя собственную валюту, дав распоряжение изготовить рисунки денежных знаков при Ростовском отделении Государственного банка. Клише для печатания были готовы лишь к началу февраля, когда сам атаман лежал в могиле.

Параллельно возник вопрос, что делать с ценностями Ростовского отделения Государственного банка. Корнилов настаивал, чтобы их взять с собой. В пик ему, естественно, выступил Алексеев, заявивший, что таким образом это бросит тень на добровольцев, которые тогда ничем не будут отличаться от обычных грабителей. Его поддержали Деникин и Романовский. Нужен был компромисс. Чтобы не доставался большевикам золотой запас Дона, было принято решение перевезти его в Новочеркасск. Атаман Назаров был уверен в том, что ни его, ни Круг, ни золото здесь никто не посмеет тронуть.

5 февраля 1-й офицерский батальон под командованием начальника караула банка штабс-капитана Крыжановского начал эвакуацию ценностей в Новочеркасск. Офицеры по двое тащили пудовые мешки с золотым песком через весь город на железнодорожный вокзал. Чтобы не привлекать к мешкам нездорового внимания, двигались с интервалом в 15 минут. За ними по тому же маршруту протащили ящики с серебром. Загрузили в вагоны и в целостности и сохранности довели до столицы донского казачества. Через несколько дней оно благополучно попало в руки большевиков, ибо при панической эвакуации города о мешках и ящиках казаки попросту забыли.

В самом Новочеркасске царили похоронные настроения. Избранный походным атаманом энергичный генерал-майор Попов не обольщался возможностью оборонять столицу и заявил о том, что уходит с партизанами в сальские степи, чтобы выиграть время.

«Красное командование старается привлечь на свою сторону казаков. Если ему удастся это сделать хотя бы временно — это будет казачьей трагедией. Чтобы не устраивать бои между казаками, быть может, нам придется на какое-то время покинуть Новочеркасск. Но этим борьба не будет закончена. Мы уйдем в степи и там переждем исцеления казаков от нейтралитета. Придет весна, казак поймет — где правда и право, и встанет на их защиту».

Его начальник штаба Генерального штаба полковник Владимир Сидорин, известный авиатор и партизан, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота, призвал казачьих офицеров уходить с ними. Призыв повис в воздухе, к Попову пришли только партизаны (всего около 500).

Под Новочеркасском еще оставались отряды станиц Новочеркасской и Константиновской, 7-й Донской казачий полк, две сотни студенческой дружины, фельдшерские и общеобразовательные курсы, бойкие, но малочисленные и измученные старики Аксайской, Гниловской и других станиц. Около 1500 штыков при 10 орудиях и около 50 пулеметов с бронепоездом (два орудия и два пулемета). Где-то гарцевали партизаны. Где и сколько, понять было совершенно невозможно.

Попов с Назаровым были одни из немногих, кто не спешил «хоронить» казачество, а ожидали, что оно «одумается» и под угрозой нашествия большевизма возьмется за оружие. А для этого надо было не уходить на Кубань, а просто «переждать период развала и паденья духа».

Логика в этом была. Казаки-фронтовики были против войны «с Россией», «генералов» и «дворян», но отнюдь не за то, чтобы в корне менять свой уклад и заниматься переделом земли в пользу иногородних, «хохлов» и «мужиков». Защищать атамана «из генералов» им было незачем. Но защищать свой курень и свою землю — это уже совсем другое дело. Шедшие же на Дон большевики Сиверса и Антонова-Овсеенко не скрывали того, что, по выражению Саблина, «казачество, как таковое, должно быть уничтожено, с его сословностью и привилегиями». Попов с Назаровым надеялись, что как только большевики «возьмутся за казачков», тогда-то они и воспрянут, достанут из чулана шашки и сядут «в седло».

6 февраля рухнул фронт под Хопрами. Казаки станицы Гниловской, взявшиеся за оружие из-за того, что в результате разбойного набега конницы красных был ограблен дочиста станичный храм, через несколько дней устали воевать и разошлись по домам. К ним с крестом в руках кинулся священник: «Православные воины, остановитесь!» Батюшку просто обошли стороной — мой курень с краю.

Начдив Деникин в очередной раз отправился на Таганрогский фронт (который фактически был уже под Ростовом), в отчаянии пообещал оголить город, снять все юнкерские караулы и бросить их на Хопры. Генерал Черепов честно ему ответил, что больше сдерживать красных ему нечем. Корниловский полк Неженцева был совершенно обескровлен, масса раненых и обмороженных без теплой одежды. Гимназисты и юнкера прятали слезы в форменные куртки, но сжимали коченеющими

руками винтовки. Можно было просто положить пацанов в сугробы вместо могил, если упираться здесь. Ростов надо было оставлять. Деникин махнул рукой.

В тот же день из Новочеркасска в Константиновскую отбыл генерал Петр Краснов готовить станицу к приему войсковых учреждений, партизанских отрядов и Круга, покидающих Новочеркасск.

Черепов втянулся в Ростов. С Темерника по вокзалу ухнули невесть откуда взявшиеся пушки восставших рабочих, которых возглавлял член подпольного ревкома беглый прапорщик 252-го Хотинского полка цыган Федор Зявкин. С тылу по добровольцам бабахнули карабины из-за плетней Гниловской. Казаки передавали прощальный привет недавним соратникам.

Корнилов последний раз обратился к Кругу — будут ли казаки защищать Дон? От этого зависел ответ на вопрос, что дальше делать добровольцам. Остаться ли в Ростове и ложиться костями рядом с желающим драться донским казачеством или все же уходить к кубанскому казачеству, уже высказавшему желание драться.

6 февраля Новочеркасск попросил ТРИ ДНЯ на размышление, а 7-го атаман Назаров, не сумевший совладать со своими капитулянтами и сотворить хотя бы подобие мобилизации, уже подал в отставку.

Чистый «силовой прием» давления на своих. Круг прислал делегацию: «Войсковой круг единогласно просит и настаивает, чтобы генерал Назаров в этот грозный час не слагал с себя полномочий войскового атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына Тихого Дона». «Истинный сын», конечно же, забрал отречение обратно — «Долг свой исполню». Политес соблюли, солдат от этого на фронте не прибавилось.

8 февраля большевики начали обстрел Ростова тяжелыми орудиями из Батайска во фланг отступавшим добровольцам генерала Черепова. Удерживать вокзал стало бессмысленно. Корнилов приказал первыми двигать на Аксайскую обозы, чтобы не сковывали движение армии. Колымаги с тем, чем сумели запастись за эти месяцы, потянулись на восток через Нахичевань. Ушли на Аксай несколько вагонов с припасами, которые успели увести у пробольшевистски настроенных железнодорожников.

9 февраля Черепов, еще удерживавший кирпичный и цементный заводы в Ростове, доложил, что больше обороняться

не может, иначе будет отрезан красногвардейцами Темерника и наступающими частями Сиверса со стороны Хопров и Чалтыря. Ему приказали уходить через город на Аксайскую. По левому берегу Дона от Батайска на Ольгинскую отступал генерал Марков с ротой моряков.

Командующий Ростовским районом генерал Африкан Богаевский распорядился отпустить гимназистов и кадетов из учебных заведений и закрыть магазины. В городе был объявлен комендантский час с 6 часов вечера. В 4 часа дня Богаевский объявил градоначальнику Зеелеру, что армия уходит и снимает караулы с особо охраняемых объектов. Вся канцелярия командующего была погружена на два автомобиля и двинулась в Нахичевань. За городом авто Богаевского угодило в сугроб и застряло там навеки.

В 5 часов начало смеркаться. Дом Парамонова на Пушкинской гудел как улей, добровольцы готовились выступить. Деникин отдал приказ строиться войскам. В каре перед домом замерли истощенный Корниловский ударный полк (одна только сводная рота при обороне Ростова из 120 человек потеряла 100), обескровленные Новочеркасский, 1-й и 2-й Ростовские офицерские батальоны, батальон юнкеров, рота студентов, морская рота, партизаны. Уныло стояли гимназисты-галичане из только что сформированного из беженцев из Закарпатья «Карпато-Русского отряда», мечтавшие отстоять интересы русскоязычного населения Галиции при разгуле украинского национализма. Корнилов обещал заняться этим после освобождения России от большевиков.

Кавалерии почти не было, от отряда Гершельмана осталось 10 сабель. Совсем немного лошадей было во 2-м кавдивизионе полковника Петра Глазенапа. Лошади стоили дорого, и покупать их у казаков было накладно для добровольческой казны. Деникину доложили: согласно списочному составу, в строю 242 штаб-офицера (190 полковников), 2078 обер-офицеров (215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 поручика, 535 подпоручиков, 668 прапорщиков), 1067 рядовых (в том числе юнкеров и кадетов старших классов — 437), 630 добровольцев низших чинов (364 унтер-офицера и 235 рядовых, в том числе 66 инженеров-саперов из пленных чехов капитана Ивана Немечека). Медицинский персонал: 148 человек — 24 врача и 122 сестры милосердия).

У историка Сергея Волкова такие сведения по составу Добрармии, ушедшей в Ледяной поход: среди 3683 бойцов было 36 генералов (в том числе 3 генерала от инфантерии и генерала от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подъесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в том числе 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, 364 унтер-офицера (в том числе подпрапорщиков и им равных), 235 солдат (в том числе ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того — 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми добровольцами, 5 врачами и фельдшерицами, 122 сестрами милосердия и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняли участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 человек и около 3000 — моложе.

Из 2350 представителей командного состава по своему происхождению 21% был из потомственных дворян, 39% — выходцев из семей офицеров невысокого звания, 40% — из мещан, казаков, крестьян. Подавляющее большинство добровольцев были монархистами по убеждению, распеваящими в казармах «Боже, царя храни», что так злило казаков и подливало масла в огонь большевистской агитации. От потомственного дворянского офицерства, которыми, собственно, и были «поручики голицыны», еще после 1915 года остались рожки да ножки. Младшие отпрыски семей, которые большевики «идеологически» уничтожали «под корень», о реальной войне имели смутное представление и в Добровольческой армии были такими же новиками, как и любой мобилизованный крестьянин. Иными словами, Белая Армия была по-настоящему «народной».

Командующий «народной армией» генерал Корнилов — в полушубке с белым воротником и огромной текинской папахе, словно пилигрим-богомolec. С палкой в руке и с вещмешком за плечами. Махнул рукой. На ободряющие речи времени не оставалось. Красные уже входили в город со стороны Темерника.

Накануне он говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств, на произвол судьбы среди чужих людей и о том, что больше, вероятно, встретиться не придется. Как в воду глядел...

Армия двинулась, роты гулко топали по заснеженной мостовой, командующий бодро шагал впереди. Один из всадников конного дивизиона предложил Корнилову свою лошадь. Тот отказался. Его догнал Богаевский с чемоданчиком штабных бумаг из застрявшего в сугробе авто. Пошел рядом молча, говорить было не о чем. По его признанию: *«Невесело было на душе... Еще не улеглись тяжелые впечатления прощания с бедной, беззащитной семьей, которую я не мог взять с собой; полная неизвестность, что ждет нас впереди, кровавые неудачи недавних дней, тяжкие потери, гибель атамана Каледина, неясное для нас настроение донцов — все это тяжелым камнем лежало на сердце».*

Армия отступала. Отступление прикрывал аръергард из 80 офицеров. Тащился бесконечный обоз, набитый граммофонами, швейными машинками, узлами, тюками, чемоданами, ящиками. Из чего-то дельного в нем были 500 комплектов белья, 8 тысяч банок консервов. Колонны догоняют извозчицьи пролетки, из них выскакивают офицеры, ищут свои подразделения.

Командует эвакуацией генерал Марков. Повозок не хватает, у грузовиков нет бензина, ни один броневик не был отремонтирован. Пришлось их бросить, как и пять аэропланов «Буазен» в Новочеркасске — с собой не потащишь, аэродромов в пути не предвидится. В Ростове было несколько тысяч прекрасных ломовых лошадей, но Корнилов не решился реквизировать даже сотни.

Но Марков не Корнилов. Ему кричат: «Ваше превосходительство, достать лошадей и повозок невозможно». «Чушь какая», — профессор Академии Генштаба чугунным кулаком долбанул по прикрепленному к столбу пожарному сигналу, стекло в дребезги. Через четверть часа примчалась пожарная команда на двойке лошадей. Бранд-майора нежно ссадили под белы ручки, лошадей перепрягли в повозки с пулеметами.

Деникин писал: «По бесконечному, гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех и ценными запасами,

и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины — в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназических фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — все».

Грузно шли 36 генералов, два бывших Главковерха, один командующий фронтом, начальники высших штабов, корпусные командиры. Властители дум и надежда Белой России, проигравшие свой первый бой.

Важно вышагивал командир Ростовского студенческого полка генерал Боровский. Утром он предложил своим гимназистам и кадетам разойтись по домам, дабы сберечь молодые жизни. Вечером почти все вернулись обратно. Объяснили: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут».

Выпятив грудь, как гусак, важно шествовал матрос Баткин, свысока поглядывая на утрюмых добровольцев.

Едва ковылял генерал Алексеев (тоже оставил супругу у чужих людей), которого мучали сильнейшие приступы уремии (болезни почек), доводя до потери сознания. Корнилов распорядился усадить 60-летнего генерала на повозку. Оттуда он виновато взирал на шагающих добровольцев, как школьник прижимая к себе потрепанный чемодан, в котором хранилась вся казна Добрармии — 6 млн рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами.

«Мы уходим в степи, — писал родным генерал Алексеев, — Можем вернуться, только если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Рядом с его телегой с карабином за плечами брел потяжелевший бритоголовый генерал Деникин. В штатском костюме еще быховских времен, черной шапке, в дырявых сапогах, из-за чего он сильно простудится и вынужден будет идти в бой с тяжелой формой бронхита и высокой температурой. Чемодан с теплым бельем и военным мундиром в суматохе последних дней был отправлен в Батайск, где стал трофеем большевиков. Страдающий Алексеев признавался ему, трясясь в бричке, «не знаю, дотянем ли до конца похода».

Деникин хмуро кивал в ответ, повторяя слова самого Алексева: *«Если в этот трагический час нашей истории не найдется хотя бы несколько человек, готовых противостоять большевистскому безумию и преступлениям, готовым пролить кровь за погибающую Россию, то наш народ не народ, а... дерьмо!»*

Его собственный «медовый месяц» закончился Ледяным походом.

Молодая супруга умоляла взять ее с собой, но Деникин был непреклонен. Никто не брал с собой жен. Даже когда Корнилов по просьбе Аси Чиж попробовал было уговорить генерала, тот ответил, что присутствие жены в обозе свяжет его по рукам как раз в то время, когда все его мысли и силы должны быть направлены к одной цели — борьбе с противником. Корнилов понял и не возражал, свою супругу с детьми он оставил тоже.

Единственное, что Деникин мог для нее сделать, — под девичьей фамилией поселить в Ростове на квартире Яблоковых на улице Дмитриевской под видом беженки из Польши (языком хорошо владела). В гостинице жить было опасно, большевики в первую очередь трясли постояльцев.

Деникин писал: *«Мы уходили. За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...»*

Сам город практически не заметил их исчезновения. У Ростова были дела поважнее, чем Гражданская война. Ростов был залит светом и брызгами шампанского. В синематографах под бодрое брэнчание таперов крутили снятые «под романсы» фильмы «Гайда, тройка», «Ямщик, не гони лошадей», «Молчи, грусть, молчи», «Ты сидишь у камина», где блистали старорежимные кинозвезды Вера Холодная, Иван Мозжухин, Наталья Лисенко, Вера Карали, Зоя Барацевич, Владимир Максимов.

Николай Львов вспоминал: *«Ростов продолжал жить шумной жизнью богатого торгового города. Конторы, банки, склады, магазины — нажива и спекуляция (спекуляцией занимались все). В клубах, в игорных домах азартная игра на*

многие сотни тысяч. Сорились бешеные деньги. В роскошных залах гостиниц, в ресторанах кутящие компании, разряженные женщины. Увеселения как всегда. Кинематограф, театры, концерты, ночные притоны».

Обыватели еще не понимали, что за новая власть грядет на ростовские холмы. О весьма слабых здесь большевиках они имели смутное представление, поэтому больше смотрели на них с любопытством, чем со страхом. «Красное колесо» только накатывалось на Ростов. В последующие несколько дней город погрузился в массовые облавы и отстрелы оставшихся и неприсоединившихся к Добрармии офицеров, чью судьбу так точно предсказал покойный полковник Чернецов.

В 1932 году английский военный корреспондент Джон Эрнест Ходжсон писал: «Будущие поколения, вне всякого сомнения, оценят создание Добровольческой армии как один из наиболее высоких военных подвигов...»

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Дошли до станицы Александровская. Навстречу вышли казачьи патрули, подали бумагу от станичного атамана с просьбой побыстрее убираться. Не хотят ссориться с большевиками. Плюнули, пошли дальше. Под Аксайской соединились с основными силами генерала Черепова. К Корнилову галопом приискал квартирьер из станицы, доложил, что казаки объявили нейтралитет и не желают пускать добровольцев.

Командующий вышел из себя. Обратился к Романовскому: «Иван Павлович! Поезжайте, поговорите с этими дураками».

Поехали на санях Романовский с дипломатичным Деникиным. Богаевский не рискнул. Полтора часа уговаривали станичников взять себя в руки и не позориться перед красными. Дипломатия закончилась, когда уставший ординарец главнокомандующего отозвал в сторону самого крикливого из них и предупредил: «Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит».

Сошлись на том, что ночлег предоставят, но при обязательном условии уйти наутро и ни в коем случае не принимать боя у станицы.

Ночью из Аксайской кто-то обстреливал добровольческие посты. Начальнику караула надоел этот фейерверк, он пообещал

щал станичному атаману (по оценке Деникина, «растерянному и робкому человеку») вызвать артиллерию и «смести станицу». Шутка такая, у добровольцев было всего-то 600–700 снарядов на армию. Да и находились они в основном неразгруженными на станции Аксай. Однако выстрелы прекратились.

На следующий день в хуторе Мишкине добровольческих квартирьеров встретила делегация новочеркасских казаков и просила не входить в город, иначе им окажут вооруженное сопротивление. Кто посылал эту делегацию, непонятно.

Добрармия по льду переправилась через Дон и потянулась на Ольгинскую, где был намечен пункт сбора с эвакуированными из Новочеркасска казаками. Занимавший ее 112-й Уральский пехотный полк в полном составе сбежал из станицы в Ставрополь, не желая испытывать судьбу в боях с озлобленными «кадетами». Там добровольцы и остались на ближайшие четыре дня.

В столице донского казачества продолжали бушевать страсти. Правительство расколосось — либо хлебом-солью встречать красных и договариваться с ними, либо уходить в Задонье и ждать, когда «одумаются» казаки и возьмутся за оружие, либо идти вверх по Дону, где еще сильно влияние атамана. Каждый из этих вариантов был плох, но речи о защите столицы уже не шло.

Представители Новочеркасского городского самоуправления (левого толка) отправились к красным на станцию Каменоломни и сообщили, что «кадеты ушли», прося не обстреливать город из артиллерии. Красные и не планировали. Для наступающего Саблина ПОЛИТИЧЕСКИ важно было, чтобы Новочеркасск брали не красные шахтеры, а «красные казаки» Голубова. Поэтому он лишь изредка гонял из Каменоломней на Персиановку бронепоезд «Смерть капиталу», откуда его орудия могли угрожать городу.

Партизаны-чернецовцы, отряды генерал-майоров Федора Абрамова (по 1-му разряду окончил Академию Генерального штаба на год раньше Деникина) и Константина Мамантова (часто его фамилию неправильно пишут «Мамонтов») еще какое-то время держались под Персиановкой. Однако 10 февраля при угрозе окружения чернецовцы погрузились на поезд, доехали до Аксая, где из-за невозможности сдерживать напор Сиверса со стороны Ростова перешли Дон и отправились в Ольгинскую.

Круг постановил собрать 300 повозок, чтобы вывезти все ценное (в том числе и золотой запас) из Новочеркасска для начала просто в Ольгинскую, а там уже решать. Походный атаман Попов настаивал на скорейшей эвакуации, ибо Голубов уже заходил в тыл казачьей столице.

Однако сам войсковой атаман Назаров явно стремился в мученики. Он стоял на мнении, что Круг должен остаться в Новочеркасске и вести «дипломатическую борьбу». Как заявил он генералу Лукомскому, «большевики не посмеют тронуть выборного атамана и Войсковой Круг, что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки под началом Голубова... Голубов его не тронет». Назаров как-то спас Голубова от тюрьмы и надеялся на ответный жест со стороны войскового старшины.

У генерала Попова было другое мнение, в большевиках он не сомневался. Группа офицеров даже предлагала ему увезти Назарова силой, но у взрослых дядей свои игры. Бессильный Назаров пригласил на Круг «для отчета» всесильного к тому времени Голубова. В Новочеркасск уже входили 10-й и 27-й полки Голубова с целью «взять город под охрану».

12 февраля Попов начал отвод войск из Новочеркасска на Ольгинскую. Ушли 1727 бойцов (1110 пехоты, 617 — конницы при 5 орудиях и 39 пулеметах) и 251 нестроевой (штабные, госпиталь, общественные деятели).

В суматохе не успели погрузить золото. Генерал Исаак Быкадоров потом объяснял это тем, что «золотой запас был государственным достоянием, а не донским, что с вывозом его в донской отряд, отступавший в степи, терялась бы моральная ценность самого похода, а сверх того, наличие в отряде золота составляло бы приманку и вызывало бы у большевиков настойчивость и энергию в преследовании».

Добровольцы вошли в Ольгинскую. Обоз растянулся, долго добирались отстающие. Кто-то был уже ранен. Принесли убитого наповал 23-летнего капитана Преображенского полка Владимира Ратькова-Рожнова, погибшего под Нахичеванью в составе находившейся в арьергарде 3-й Офицерской роты. Перед отправлением в поход мать сказала ему: «Мне легче видеть тебя убитым в рядах Добровольческой армии, чем живым под властью большевиков». Его хотели похоронить в

ограде церкви в Ольгинской, испуганный священник отказал. Боялся, что выдадут станичники.

По левому берегу Дона дотопали из Батайска моряки кавторанга Потемкина (сам оставшийся без глаза командир роты и несколько раненых офицеров были спрятаны и спасены жителями на окраинах Ростова), дошел Марков с последними защитниками города. Подтянулись донские партизаны, китайский отряд сотника Хоперского.

Для начала занялись переформированием тех подразделений, кто выжил и вышел. Прежние части вроде почти полностью погибшей Морской роты имели только название. Из 25 отдельных частей сколачивал целые, сводя батальоны в роты, а роты во взводы.

Принимая полк, генерал Марков сказал: «Приказом Верховного главнокомандующего я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры — на положение взводных. Ну и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон! Не спрашивайте, куда и зачем идем, а то все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей!»

Далеко не все были согласны с переформированием. К примеру, командир 1-го батальона подполковник Борисов заявил, что не считает для себя возможным с должности комбата перейти на командование ротой. Марков тут же освободил его от должности, назначив комбатом подполковника Назара Плохинского. Интересно, что на должность рядового в Партизанском полку шел личный приятель Корнилова по Туркестану генерал-майор Борис Казанович, ставший потом командиром полка.

По Ольгинской вновь сформированные части прошли парадом из трех офицерских батальонов, дабы показать, что жива и боеспособна еще Добровольческая армия.

12 февраля был созван военный совет, на котором в очередной раз обнаружились разногласия между Корниловым и Алексеевым. Первый, поддерживаемый генералом Лукомским, еще раньше склонялся уводить армию к донским зимовникам, на юго-восток, куда казаки на зиму отгоняли табуны лошадей. Где

не было городов, а значит, и поддержки большевикам. Лукомский полагал, что полная неосведомленность о том, что происходило на Кубани, могла привести к ошибке в расчете на восстание. Да и двигаясь на Екатеринодар, неизбежно придется пересечь железную дорогу в двух пунктах, куда большевики без труда могли подтянуть свои войска с бронированными поездами и таким образом преградить добровольцам дальнейший путь.

Алексеев, мысливший более стратегически, доказывал, что уход к зимовникам может стать еще более роковым просчетом, ибо в скором времени следует с одной стороны ждать разлива Дона, с другой армия будет отрезана «железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения».

К тому же Екатеринодар, бывший под контролем атамана Филимонова, где генерал Эрдели собирал офицеров, мог стать базой для добровольцев, а кубанские казачьи станицы — опорой Добрармии.

Алексеева поддержали Деникин и большая часть генералов, считавших, что пусть и небольшая, но армия просто не найдет себе места на пустынных зимовниках, не раздобудет ни пропитания, ни топлива, ни фуража.

Были и другие мнения. К примеру, Богаевский писал: «Сам я лично думал тогда, что доберемся как-нибудь до Кавказа, и если нас не поддержат кубанцы и горцы, то придется рассеяться и ждать лучших дней в кавказских дебрях или за границей».

Вообще политическое положение в разорванной Гражданской войной бывшей империи было весьма неоднозначное. На Украине хитрец Петлюра, метавшийся между своими коммунистами и германофилами, пытался привлечь на свою сторону белых офицеров и даже заявил Шульгину, что «имеет только двух врагов — немцев и большевиков и только одного друга — Россию». Национализм Петлюры никого не обманул, белые офицеры на него не повелись. И попали прямо в руки вошедшим в Киев красным войскам старого знакомого Деникина по Юго-Западному фронту и инициатора создания в мае 1917 года добровольческих ударных частей подполковника Михаила Муравьева, которые быстро устроили в матери городов русских

«классовую чистку». Лишь немногие из них уцелели, когда в Киев вступили немцы, оккупировавшие Юг империи по сепаратному миру с «Украинской народной республикой». Интересно, что провозгласившая независимость от России УНР лихо «прирезала» к своей территории Ростов и Таганрог, поэтому немцы, размахивая «мирным договором» с УНР, вполне резонно двинулись оккупировать и земли Донской области.

На Кубани проблемы между казачеством и иногородними (96,8% всех кубанских большевиков), фронтовиками и «стариками» осложнялись рознью между «линейцами» (русскими, потомками переселенных на Кубань донцов) и «черноморцами» (украинцами, выходцами из Запорожской Сечи). Через Кубань шли эшелоны с возвращавшимися с Кавказского фронта солдатами, которые фактически оккупировали основные порты и узловые станции, подстегивая стремление черноморцев к «большевизму», сиречь к обычной власти. В крае шло открытое военное противостояние пока еще державшегося казаками Екатеринодара и таких крупных «большевистских» городов и станиц, как Новороссийск, Армавир, Кавказской, Тихорецкой, Тимашевской.

На Северном Кавказе от резко возросших националистических тенденций горцев отчаянно отбивалось терское казачество. Временное Терско-Дагестанское правительство атамана Михаила Караулова вооруженной силой одно время пыталось противостоять анархии, грабежам и разбоям. Однако 13 декабря на станции Прохладная вагон Караулова был отцеплен от состава буйной ватагой возвращавшегося из Закавказья 106-го Уфимского пехотного полка, которая в перестрелке истребила всех, кто в нем ехал во главе с атаманом.

После этого на Тереке началась поощряемая большевиками настоящая битва на истребление, которую повели против казачества горцы, не забывшие еще Кавказской войны и укрепленные «кадрами» демобилизованной Туземной дивизии. Собственно, резались не только с русскими. Осетины бились с ингушами, ингуши с чеченцами, чеченцы воевали между собой 50-60 тейпами и теснили за Сунженскую линию казаков.

Как всегда в период анархии в бурлящем краю появились эмиссары с Кораном и начали проповедовать сладость джихада и мюридизма, восстановление «государства Шамиля» и полное избавление от неверных.

Союз горцев отправил в Стамбул делегацию во главе с кумыком Гайдаром Бамматом, где она заручилась поддержкой османов на отделение Северного Кавказа от России с образованием Горской республики.

За Хребтом армянские дашнаки, грузинские меньшевики и азербайджанские мусавватисты, ориентировавшиеся на различные силы Первой мировой войны, уже давно не воспринимали ни царя, ни Керенского, ни Ленина, ни Корнилова.

Главкому предстояло принять не только военное, но и политическое решение.

Началось традиционное корниловское шараханье. 12-го он вроде бы согласился с мнением большинства идти на Кубань. Туда уехала разведчик прапорщик Зинаида Горгардт (у штаба не было даже карт будущего похода, она должна была достать), за ней в бричке в штатской одежде для переговоров с Кубанским правительством отправились генерал-лейтенанты Александр Лукомский и Иван Ронжин. Прапорщик добралась без приключений, генералам повезло меньше. В селе Гуляй-Борисовка их задержали большевики и лишь чудом не расстреляли.

В Поволжье и Сибирь уехал полковник Дмитрий Лебедев устанавливать связь с местным подпольем.

Однако 13-го в Ольгинскую прибыл походный атаман генерал Попов с отрядом в 1727 бойцов, орудиями и пулеметами, со своим начальником штаба полковником Владимиром Сидориным. Они принялись убеждать Корнилова, что целесообразнее уходить на зимовники, где армия будет обеспечена как минимум достаточным количеством лошадей. Того как обычно было легко убедить, он уже дал приказ стоявшему в станице Кагальницкая конному авангарду уходить на восток.

Пришлось генералу Деникину срочно бежать в штаб, вновь разубеждать главкома, умоляя того хотя бы для начала собрать сведения о районе, а заодно и понять для себя настроение самого казачества. Корнилов пообещал определиться позднее.

Этот вопрос был крайне сложный и деликатный. Казачество было естественным союзником добровольцев хотя бы в силу того, что его не касались никакие лозунги Ленина и компании — земли сколько угодно, прав и льгот тоже, война для него не страшна — военное сословие. Поэтому с казачеством надо было ладить, не злить реквизициями и мобилизациями. То, что казаки в данный момент не хотели идти с добровольцами,

тоже объяснимо. Корниловцы уходили, а за ними шли большевики. На кого оставлять семьи и хозяйство? К тому же казачество было уверено, что большевики воюют только с «кадетами и генералами», самих донцов не тронут, поэтому и нечего зря подставлять лоб под пули. Вполне вероятно, что, плохо ориентируясь в политической обстановке и обманываясь в «миролюбивых» заверениях большевиков, со сменой власти в России казаки связывали возможные послабления в воинской службе. Само собой наряду с сохранением своих привилегий. Поэтому ссориться с новыми властями не спешили.

Не стоит забывать и о том, что в казачьей ментальности никогда не исчезало традиционное заблуждение о своей особой «национальности», отличной от русских. Поэтому переворот в Петрограде в местной среде воспринимался, как «спор славян между собой». Поэтому и, осознавая свою особость, «воевать с Россией» казаки не хотели.

С одной стороны, они сочувствовали борцам за порядок в России добровольцам, с другой — втридорога продавали им лошадей и фураж, опасаясь мести большевиков, отказывали в ночлеге, снабжении, укрытии раненых корниловцев.

Приходилось ждать, когда сами казаки «прозреют» и возьмутся за оружие.

В Ольгинской произошел анекдотический случай. Станичные старики пришли к Корнилову уверять, что местное казачество готово «постоять за Русь Святую» и послать в Добрармию 100 пеших и 50 конных (из 6 тысяч жителей). Главком недоверчиво посмотрел на развоевавшихся аксакалов, но согласился, приказав собрать рать на площади. В назначенный час на площади появились около двух десятков недорослей лет по 14–15 с двумя неоседланными лошадаками. Когда у них спросили, зачем собрались, те неуверенно ответили, что им пообещали «делать смотр», но в поход «на большаков» они не согласны. Пришлось сказать спасибо от всей «Руси Святой» казакам за братскую помощь и распустить пацанов по домам.

Как писал Деникин: «Определилось яснее настроение донских казаков. Не понимают совершенно ни большевизма, ни «корниловщины». С нашими разъяснениями соглашаются, но как будто плохо верят. Сыты, богаты и, по-видимому, хотели бы извлечь пользу и из «белого», и из «красного» движения. Обе идеологии теперь еще чужды казакам, и больше всего они

боятся ввязываться в междоусобную распрю... пока большевизм не схватил их за горло. А между тем становилось совершенно ясно, что тактика «нейтралитета» наименее жизненная. Налетевший шквал суров и беспощаден: горячие и холодные — в его стихии гибнут или властвуют, а теплых он обращает в человеческую пыль...»

Лучше всего характеризовал своих земляков Африкан Богаевский, описывавший уход добровольцев из Ольгинской: «При нашем проходе вся станица высыпала на улицу. Больно было видеть уходящую куда-то в неведомую даль нищую Добровольческую армию и тут же рядом стоящих у своих домов, почтенных, хорошо одетых казаков, окруженных часто 3–4 сыновьями, здоровыми молодцами, недавно вернувшимися с фронта. Все они смеялись, говорили что-то между собой, указывая на нас...

Проходя мимо одной такой особенно многочисленной семейной группы, я не выдержал и громко сказал:

— Ну, что ж, станичники, не хотите нам помогать — готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам. Скоро будут к вам дорогие гости!

— На всех хватит, — ответил мне при общем смехе семьи отец ее, пожилой бородатый казак».

Генерал Попов, догадавшись, что добровольцы на зимовники не пойдут, 15 февраля в хуторе Веселый провел реформирование своих сил в «Отряд вольных донских казаков» (после ухода части партизан к Корнилову) и увел казаков на восток, в Степной поход на Маныч и Сал.

Добровольцы двинулись на юг, на Мечетинскую, где Корнилову предстояло принять окончательное решение, куда направлять армию. В авангарде — Офицерский полк генерала Маркова, за ним главные силы с обозом под командованием генерала Боровского, в арьергарде — Партизанский полк Богаевского. Весь Ледяной поход этот порядок следования не нарушался.

Деникин в дырявых сапогах простудился и слег, трясся под полушубком в одной из телег.

Накануне всем гражданским лицам было приказано покинуть армию и пробираться в Россию самим, ибо скудные ее запасы не в состоянии были прокормить столько ртов. Да и каждая лишняя повозка несет в себе угрозу растягивания обоза, в котором уже были около 60 раненых, и сложности прикрытия его арьергардом.

Многие разошлись, но слишком одиозные личности, которых знала вся страна, вынуждены были идти с добровольцами — бывший председатель Государственной Думы Михаил Родзянко, один из основателей «Союза освобождения» Николай Львов, думец Лев Половцов, быховцы Леонид Новосильцев и Владимир Кисляков, издатели братья Борис и Алексей Суворины, несколько профессоров Донского политехнического института и др.

В Мечетинской прибыли разведчики с востока, доложившие то, что и так было известно: 4 тысячи людей пустынная зимняя степь не прокормит и не обогреет. На военном совете Корнилов объявил, что решил идти на Кубань, донские партизаны должны определиться — с добровольцами или с генералом Поповым. К нему самому послали гонцов предложить идти все же с Корниловым, генерал ответил, что решил защищать Дон до конца, уходит на Великокняжескую и далее в сальские степи. Партизаны пораздумали и решили идти с Корниловым до конца — Попова еще надо было догнать, а здесь все же организованная армия, пусть даже идущая навстречу кровопролитным боям.

От станицы к станице шли по одному сценарию — разведка, втягивание колонн, станичный сход и митинг, на котором сначала ораторствовал Корнилов, затем непременно драл глотку матрос Баткин, что создавало излюбленную демократии и «широких взглядов» руководства Белого движения. Комичности добавляло то, что Баткин в бескозырьке театрально подскакивал на сход на захудалой лохматой лошаденке, лихо спрыгивал и взлетал на помост. Толку от его речей не было никакого — не зная ни быта, ни нравов казачества, матрос щеголял смесью социалистических и патриотических фраз, вызывая недоумение у станичников, принимавших его за ярмарочного клоуна.

Настроение в хуторах и станицах было настороженное. Люди опасались открыто высказывать свои предпочтения. На вопрос Богаевского «ну что, дед, ты за кого — за нас, кадет, или за большевиков?» крестьянин выразил общее мнение: «Кто из вас победит, за того и будем».

До последней казачьей станицы Егорлыкской шесть дней и 88 верст армия шла без особых приключений, большевиков тут не было. За ней кончалась Донская область и начиналось Ставрополье, где ожидали корниловцев враждебное крестьянство, 39-я пехотная дивизия и первое кровопролитие.

21 февраля подошли к знакомой артиллеристам-добровольцам слободе Лежанка, за ней железная дорога, по которой красные перебросили войска навстречу. Лежанка опоясалась патронташами окопов, ощерилась врыгтыми в мерзлый грунт батареями трехдюймовок (очень мудро батарею расположили у церкви, авось кадеты по жилищу Бога стрелять не станут), ощерилась стволами пулеметов. По авангарду Маркова из слободы бабахнули шрапнелью, первый бой начался.

Деникин с Алексеевым взобрались на бугор. Приказ: обозу стоп, сворачиваться в вагенбург, полкам рассредоточиться, командирам подразделений — к командующему. Диспозиция такова: Корниловский полк — вправо в обход, партизаны Богаевского обходят слева, Марков с Офицерским — в лоб на «ура». Господа офицеры, за Родину!

Полубосые юнкера рвутся в бой, офицеры едва успевают выравнивать цепи. 28-летний полковник Тимановский с фляжкой коньяка и трубкой в зубах, не кланяясь, пошел в атаку, опираясь на палку (не для форсу, болели раненые позвонки), рота Кутепова не выдержала и бросилась в незамерзшую речку, где оставила половину изорванных сапог, побежали босиком со штыками наперевес. Ура!

Батарея полковника Миончинского, как в тире, лупит по пулеметным гнездам, затыкая их одно за другим. Справа колыхнулся развернутый триколор — верхом на гнедом жеребце в белой папахе сам Корнилов возглавляет атаку полка своего имени. С левого фланга по вспаханному полю, как трактор, пополз в атаку единственный автомобиль добровольцев, изображая из себя броневик. Бензина не было, заправили бак керосином — валяй, железяка, наш двигатель и не такое выдержит. Конница Глазенапа зашла с тылу и уже секла ошалевших красных обозников. Уцелевшие «товарищи» бегут к чугунке прятаться под защиту бронепоездов.

Мокрый до самой фуражки Кутепов докладывает: Лежанка взята. Навстречу Деникину ковыляет еще более хромающий Тимановский: «Степаныч, что?» — «Ерунда, восемнадцатая дырка».

В слободе началась «зачистка», выстрелы хлопали до самой ночи. Выводят пленных, человек 50–60. Подполковник Неженцев небрежно бросает своим: «Господа, желающие — на расправу!» Из колонны вышло человек пятнадцать. Отвели к

ручью. Через четверть часа все было кончено. Раненых добивали штыками и прикладами, патроны жалели.

Роман Гуль пишет, что стоявший с ним рядом капитан тихо сказал: «Ну, если так будем, на нас все встанут». Вернувшиеся с экзекуции старались не смотреть в глаза сослуживцам. Один из них зло бросил: «А почему я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!»

Откуда-то привели оборванных пленных австрийцев. Те клялись-божились, что они рабочие, копали здесь огороды. Отпустили, потом выяснилось, что недалеко. Чехи капитана Немечека догнали их за околицей, всех перекололи штыками.

По улице в штаб для допроса юнкера вели нескольких сгорбленных избитых большевиков. Подскакал капитан-обозник с дергающимся лицом, вынул револьвер, одного за другим положил на месте. Обомлевшие юнкера не шелохнулись. «Ну, дорого им моя жинка обойдется», — приговаривал капитан. Потом выяснилось, что у обозника жену, сестру милосердия, зверски убили большевики.

На площадь согнали человек 20 молодых пленных пехотинцев, рыдавших и умолявших о пощаде. Хотели сразу кончить, но потом на радостях передумали. Разложили прямо на земле и секли до полного наслаждения.

До штаба довели нескольких пленных офицеров, служивших у красных в артдивизионе. Интеллигентный Алексеев даже сорвался на солдатскую брань, узнав чины пленных. Порывались расстрелять иуд сразу, но Корнилов распорядился устроить показательный «военно-полевой суд». На суде все отговаривались одинаково: «не стрелял», «не знал о существовании Добровольческой армии», «взят насильно», «держали семью в заложниках».

Первый запал у добровольцев остыл, да и пора было делать популистский «широкий жест» — все подсудимые были оправданы и поспешили «для искупления» вступить в ряды Доброй армии.

Деникин привел интересный пример. Через месяц под селом Гуляй-Борисовка (том самом, где схватили Лукомского и Ронжина) добровольцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением красных, батарея которых вела искусный огонь, накрывший штаб Деникина. Вскоре в плен был захвачен командир этой батареи, оказавшийся бывшим капитаном. Он

оправдывался тем, что сам стремился к добровольцам, но был схвачен красными и под страхом расстрела насильно определен в артиллерию. На вопрос, зачем же он столь метко садил по своим единомышленникам, тот, нимало не смутясь, ответил: «Профессиональная привычка».

Лежанка стала первым серьезным экзаменом Добровольческой армии в Ледяном походе и ее проверкой на моральную устойчивость. Белые похоронили троих убитых и отправили в обоз 17 раненых, за собой в слободе оставили 507 трупов. Кого именно, им было неинтересно.

Деникин писал: «Кто они? Зачем им, «смертельно уставшим от четырехлетней войны», идти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт, полк и батареи, буйная деревенская вольница, человеческая накипь Лежанки и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, советами и терроризировавший всю губернию; быть может и мирные мужики, насильно взятые советами. Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас, как о «врагах» — какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом».

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

В Лежанке Корнилов приказал для отличия своей армии, особенно в ночном бою, нашить на папахи и фуражки белую полосу. Для Белой Армии это было особенно символично. На правом рукаве шинели у добровольцев уже красовался трехцветный шеврон углом вниз.

Первая победа добавила уверенности войскам, которые теперь бодро шли по богатым кубанским станицам. Она же добавила неуверенности красным, которые предпочитали не вступать в столкновения без явного численного перевеса — без боя были заняты станицы Плоская, Незамаевская, Новолеушковская, Ирклиевская. К тому же кубанское казачество, измученное противостоянием с иногородними, встречало хлебом-солью. Незамаевская дала Корнилову целый отряд в 150 бойцов. Алексеев ликовал, чувствуя свою стратегическую правоту.

Заняли Березанскую, где в противостоянии «стариков» и фронтовиков победили левые, попытавшиеся оказать незначи-

тельное сопротивление. Вечером того же дня на главной площади «старики» пороли свою молодежь.

Командованию добровольцев нужен был хороший бой на Кубани, чтобы показать обороняющимся где-то (никто не знал где и как) казакам атамана Филимонова, что к ним идет на помощь мощная сила.

2 марта заняли станицу Журавскую, выбив из Выселок красный заслон. Оставили там боевое охранение в виде 1-го кавалерийского дивизиона генерала Гершельмана. Тому что-то не понравилось, и он самовольно увел конников из села, которое моментально вновь было занято крупными силами красных, угрожавших тылу армии.

Корнилов расшвырял, отстранил от командования Гершельмана (Алексеев был категорически против), приказал партизанам Богаевского вернуться и отбить Выселки. Партизаны попали под плотный ружейно-пулеметный огонь и положили в снег 36 убитых, включая командиров отрядов полковника Краснянского и есаула Власова, свыше 40 было ранено, включая есаула Лазарева. Ночная атака была сорвана.

Корнилов метался вдоль цепей. Бросили в бой батальон Неженцева, полк Маркова. Выселки отбили с огромными потерями. Убитых (главным образом, кадеты Донского корпуса, те же дети) хоронили в огромной яме, складывая по семь в ряд, а потом по семь следующих поперек них, и так далее. Наделись когда-нибудь вернуться и перезахоронить павших уже в торжественной обстановке.

В Кореновской 4 февраля столкнулись с главными силами красных под командованием есаула Ивана Сорокина, бывшего фельдшера. Талантливого военного и политического авантюриста. Сорокин сосредоточил в Кореновской до 14 тысяч бойцов и зажал добровольцев в клещи. Два бронепоезда беспрестанно курсировали по ветке Ростов—Екатеринодар, поливая добровольцев железным огнем.

В бой были брошены все резервы, кончались патроны. У командующего спросили, давать ли последние. Корнилов ответил сухо, давать все: в Кореновской найдем их сколько угодно.

Генерал Эльснер из обоза передал, что в тылу появилась «какая-то конница», опасность угрожает нескольким сотням раненых. Корнилов, не отрываясь от бинокля, бросил: «У Эльснера

есть два пулемета и много здоровых людей. Этого вполне достаточно. Пусть защищаются сами. Я ничего дать им не могу».

Эльснер с ранеными и медсестрами уже готовился умирать с честью, когда выяснилось, что это были три сотни кубанцев, посланных на подмогу добровольцам Брюховецкой станицей.

Марков взял мост через реку Бейсужек, бронепоезда отползли. Корниловцы перешли вброд и бросились в штыки. Батарея Миончинского ахнула картечью в сгрудившиеся массы красных, пытавшихся сосредоточиться на окраинах. Сорокин вводил разбитые отряды на Платнировскую.

Корнилов был прав — Офицерский полк, ворвавшись на станцию, обнаружил до 500 снарядов, массу винтовок, патронов и груды амуниции.

После боя подсчитали потери: за последние дни добровольцы потеряли убитыми и ранеными свыше 400 человек (только в бою за Кореновскую 35 убитых и до 100 раненых).

Самое худшее было то, что от пленных узнали о том, что еще 1 марта 2-й добровольческий отряд (Кубанская армия) полковника Виктора Покровского (командир 12-го авиаотряда, первый русский летчик, взявший в плен вражеского пилота вместе с самолетом), атаман Александр Филимонов и Кубанская Рада оставили Екатеринодар. Поход Корнилова терял стратегическое значение. В 80 верстах от цели узнать, что эта цель упущена, кого угодно это повергнет в уныние. К тому же армия в постоянных боях и понесшая такие потери была измотана физически и морально. Ей необходим был отдых.

Несмотря на то, что Деникин и Романовский настаивали на продолжении наступления на деморализованного противника (их скрытно поддерживал стратег Алексеев), Неженцев, Марков и Богаевский убеждали в необходимости отдыха в горских аулах, иначе Екатеринодар просто нечем будет брать.

Корнилов согласился с большинством — 5 марта армия резко повернула на юг за Кубань, в черкесские аулы, не тронутые большевизмом, в расчете дать войскам передышку.

Сложность была в том, что ни та, ни другая спорящая сторона не могла подкрепить свои доводы данными разведки. Крайний дефицит кавалерии заставлял беречь лошадей, а посланные в разведку пешие офицеры редко возвращались. Их ловили и вешали на месте. Из-за этого произошла трагическая нестыковка — кубанский добровольческий отряд, прослы-

шавший о подходе Корнилова, повел наступление на Екатеринодар из аула Шенджий в тот самый день, когда корниловцы свернули на юг. Естественно, был разгромлен.

В результате получилось, что за Кубанью добровольцы угодили в поселения сплошь иногородних, где были сильны большевистские настроения, и вместо отдыха армия получила еще более тяжелые и кровопролитные бои. Как писал Деникин, «к началу апреля все селения иногородних, а их из 87 кубанских станиц 85, уже числились большевистскими». По утверждению Богаевского: «Наша горячая надежда — отдохнуть за Кубарью и привести себя в порядок — не оправдалась. Наоборот, мы попали в сплошное осиное гнездо большевизма. Каждый хутор, отдельный дом, роща встречали нас градом пуль. Занимаемые селения оказывались почти пустыми, но в них не было нам ни минуты покоя. Везде свистели пули, смертельная опасность была на каждом шагу. Кольцо, сжимавшее измученную армию, охватывало ее все плотнее, и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорвать его и двататься дальше».

За Кубанью добровольцам пришлось выдержать не менее тяжелые бои под Усть-Лабинской и Некрасовской. Армия вновь была зажата между железной дорогой, узкой дамбой и рекой. Сзади напирал Сорокин, с севера — бронепоезда красных. Офицерский и Корниловский полки с ног сбились, атакуя спереди и отбиваясь сзади, бросаясь в штыки и отвечая одним снарядом на десять вражеских. Батарея Миончинского метким огнем одна отбила атаку прибывшего из Кавказской эшелона подкреплений Сорокину. Два эскадрона резерва каждый раз посылались в бой, затыкая дыры на флангах и в тылу. Обескровленный большими потерями Богаевский смущался и каждый раз отсылал эскадроны назад, выговаривая, что «там они нужнее».

В Некрасовской из камышей добровольцев накрыли артиллерийским и пулеметным огнем.

Новое совещание. Деникин еще раз подчеркивает, что уход в Закубанье ошибка, и предлагает создать демонстрацию движения на Майкоп, где у большевиков как раз сосредоточены крупные резервы (случайно прочитали в газете «Известия»), а самым круто уйти на запад, через реку Белую в район черкесских аулов, дружественных добровольцам.

8 марта Юнкерский батальон смело бросился в Лабу, пытаясь занять плацдарм на другом берегу. Щуплые мальчишки

камнем шли на дно, ледяная вешняя вода была выше их роста. Мокрыми курицами они выпрыгивали из Лабы и кидались в штыки. Генерал Боровский не жалел ни себя, ни пацанов. Не то время. Марковцы, партизаны, корниловцы били по расходящейся дуге, расширяя плацдарм. Безбожно гремя колесами и безбожно мучая раненых, переправлялся обоз.

Генерал Романовский, глядя на это, заметил: *«Умом не постигаю, но сердцем верую, что не погибнет ни идея, ни армия».*

В Киселевских хуторах совершенно без сил на сеновале завалились спать вповалку и солдаты, и генералы. Среди ночи Деникин простулся от удушья, горела солома. Пинками растолкал совершенно обессиленного Алексеева, вышиб раму, выбросил в окно вещмешок с последними пожитками. Только выгасил Алексеева, как его сын всполошился: *«Чемодан забыли!»* Тот самый, с казной Добровольческой армии. Ворвались в пылающую хату, нашарили потрепанный саквояж, который уже лизали языки пламени, швырнули в снег.

У Филипповских хуторов сцепились с передовым отрядом красных. Офицерский полк залег, огонь такой, что головы поднять невозможно. Командир 3-й роты полковник Кутепов, посвистывая, ходит вдоль своих цепей — шапка на затылке, руки в карманах. В этот день три пули пробили его плащ, но все навывлет.

Тяжело ранен в голову полковник генерального штаба Патронов. На стогу сена маячит знакомая фигура в белой папахе. Корнилову кричат Романовский, текинцы, штабисты, чтобы сошел, не подставлялся под пули. Тот машет рукой и тычет биноклем в наступающие красные цепи. За разрывами снарядов ничего не слышно. Расслышали — посылает в бой самих текинцев. Конвой насупил, но двинул на подмогу. Марков поднял своих и отбросил красных.

10 марта у станицы Рязанской батальон Корниловского полка угодил в засаду и понес ощутимые потери при переправе через реку Белая. Оттеснив красных за гребень, он столкнулся с превосходящими силами, стянутыми под Рязанскую с майкопского направления. За корниловцами успели переправиться только партизаны и чехословаки. Именно они и приняли на себя основной удар противника. С тылу накрыла артиллерия, разрывом снаряда опрокинута повозка генерала Алексеева, убит

его кучер. Обоз переправляется, но не знает, что идет как раз навстречу наступающим большевистским цепям. Чехословаки расстреляли все патроны и постепенно ударяются в бег. Их командир капитан Немечек сначала пытался образумить земляков уговорами, затем кулаками, а потом просто сел на сырую землю: «Дале изем немохль уступоват. Я зустану зде доцеля сам (Дальше я не могу отступать. Останусь здесь хотя бы один)».

Подскакали текинцы, поделились патронами, кое-как сдержали натиск.

У моста Корнилов со штабом среди раненых по внешнему виду определяли способных драться и ссаживали с подвод. Раздали винтовки и повели в бой до полусотни годных умирать. Из обоза слышится слабый голос: «Сестрица, не пора ли стреляться?»

Из последних сил бросился в штыки Юнкерский батальон, очумелые юнцы тонкими голосами кричали «ура», потрясая уже пустыми винтовками без патронов. Генерал Боровский заковывлял в атаку с саблей наголо. Красные дрогнули, начали отступление.

Рязанская объявила себя «нейтральной», дала проход добровольцам. Тот самый проход, которого так долго ждали — к черкесским аулам. Шли к аулам, вышли к кладбищу. Перейдя речку Пшиш, добрались до аула Несшукай, больше напоминавшего некрополь. Немногие собравшиеся жители поведали новые реалии Гражданской войны. Под шумок анархии казаки Рязанской договорились с иногородними временно побить «большевиками», и начали сводить старые счета с «кадетами» из нищих черкесских аулов. В Габукае вырезали всех мужчин без разбора — 320 человек, в ауле Асоколай — 305 человек, то же в Гатлукае, Панажукае и т.д. Черкесы падали в ноги Корнилову и просили принять их в армию, мстить «большевикам». В ауле Шенджий на площади собралась толпа конных с зеленым знаменем, на котором белели звезда и полумесяц. Мулла потрясал халатом и призывал к мести за убитых отцов и братьев. Женщины, видимо, в понятие мести не входили.

14 марта в Шенджий прибыл со своим начальником штаба полковником Вячеславом Науменко новоиспеченный генерал (произведен в тот день Кубанской Радой для поднятия престижа перед генералами-«добровольцами») Покровский, сделавший головокружительную карьеру за два месяца боев из капитана в

«лампасники». Добровольцы, услышавшие о том, что они соединились с кубанцами, чуть было не принялись качать Покровского, но Корнилов, презрительно относившийся к «выскачкам» во-первых и к летчикам во-вторых, сухо потребовал от того полного подчинения командующему. Его неприязни добавляла и гулявшая за летчиком еще с Первой мировой войны репутация пьяницы и бабника. В 1915 году в Тарнополе со своим собутыльником капитаном Борисом Свистуновым, перепившись горькой, выбросили с балкона местной ресторации рояль лихости ради.

28-летний Покровский, бывший большевиков под Эйнемом и Георге-Афипской, ревниво отнесся к своим полномочиям и отверг такую честь, заметив, что Рада вручила ему командование всеми «кубанскими вооруженными силами» (до 3 тысяч штыков и сабель с артиллерией). К тому же он знал, что в Раде преобладают самостийные течения, которые надеются вообще добиться максимальной независимости. В лучшем случае, — автономии. Бывший глава войскового правительства Лука Быч высказал общее мнение: «Помогать Добровольческой армии, значит, готовить вновь поглощение Кубани Россией».

Интересно здесь слово «вновь», как будто не Россия поселила предков пана Быча на отвоеванной ее же кровью Кубани.

Сам атаман Филимонов, как и покойный Каледин, пытался лавировать между самостийниками и конституционалистами, левой Радой и правым правительством, отвоевывая личную власть. Естественно, что и Покровский мечтал о личной самостийности, а то и об атаманской булаве. Он намекнул, что чужих командиров его войска могут не принять, и среди них начнется брожение.

Тут уж в кои веки генерал Алексеев решил поддержать Корнилова (в последние дни отношения между ними настолько испортились, что они даже не здоровались): «Полноте, полковник — извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием».

Покровский закусил губу, но пошел на попятную. Договорились на следующий день войскам соединиться в станице Калужской, где уже и решить вопрос о подчинении окончательно, наступая на Новодмитриевскую.

15 марта стало этапной вехой в истории Белого движения, превратив 1-й Кубанский поход в легенду. В этот день армия

сражалась не только с врагами, но и с природой. Типичной для этого времени года и этого климата.

Первые признаки весны сменились резким циклоном. С ночи лил нескончаемый дождь, сменившийся мокрым снегом. По воспоминаниям Деникина: «Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи — по дорогам и без дорог — заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая, от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега, и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами».

Обоз с ранеными ушел в Калужскую, армия — на Новодмитриевскую. Раненые лежат в ледяной воде, одеяла промокли насквозь, тяжелораненые коченеют на руках фельдшеров. Подводы вязнут в липкой грязи. Маленькие лошади черкесов не в силах их вытащить. До Калужской добрались к ночи. Посчитали, не все подводы. Вернулись — поздно, 18 раненых замерзли насмерть, лошади пали.

Стрелковые части добрались до Новодмитриевской, уже не чуя рук-ног. Грелись по «способу Петра Великого»: вставляли в плотную кучу, качались, толкались, каждый пытался пролезть в середину кучи, его выпихивали, лезли сами.

Перед станцией речка несет бурные вешние воды, брода нет. Пробовали развести костер, артиллерия красных тут же накрыла греющихся. Снаряд точно попал в котел с супом, который бросили сбежавшие караульные большевиков.

Столпились на берегу, в чистом поле. Мокрая пахота обледелена и превратились в горбатый каток. Пушки безнадежно застряли. Промокшие и задубевшие шинели стали колом и ломались, как скорлупа. Под ними еле теплилась плоть. Нога не поднималась в стремя. Лошади дрожали всем телом. Люди тенями бродили по берегу, не обращая внимания на пули. Мороз крепчал, ветер усиливался.

Оставалось одно из двух — либо замерзнуть в чистом поле под огнем противника, либо бросаться в ледяную воду и выковыривать штыками красных из теплых хат.

Генерал Марков плюнул на все и отдал приказ переправляться по едва заметному броду. На крупах лошадей — авось

вывезут, родимые. Переправил часть полка, и лошади валились с копыт от усталости. Ждать в поле смерти подобно. Мать-перемать, господа офицеры, не погибать же в степи, за мной в станицу! Марков повел всех, кто с ним был в штыки на Новодмитриевскую, не дожидаясь остальных.

Не ждали их и красные, полагая, что в такую погоду только самоубийцы рискнут переправляться. Они такими и были. Согрелись только в штыковой. Всю ночь в станице шел бой, и всю ночь переправлялась армия.

Теперь уже красных выгнали в морозное поле, откуда они яростно обстреливали Новодмитриевскую из орудий. Все тщетно — добровольцы оседлали «тепло» намертво. Хаты у них можно было вырвать теперь только вместе с жизнью.

Наутро на площади поставили семь виселиц, на которых повесили семерых захваченных комиссаров.

Охрипшего Маркова в шинели-панцире встретила одна из сестер милосердия. «Это какой-то ледяной поход», — сказала она. Эту фразу генерал потом припомнит, выступая на собрании в Новочеркасске. Термин войдет в историю Белого движения, как символ железной стойкости ее первопоходников и чистоты идеи.

Продрогшего Деникина бронхит свалил окончательно. Сутки он провел в постели, но приезд делегации кубанцев вынудил его подняться. Покровский сыграл самую незначительную роль в походе на Новодмитриевскую, что и решило все дело с подчинением. Интересно, что накануне в станицу прибыл генерал-лейтенант Иван Гулыга, тоже претендент на должность командующего кубанскими вооруженными силами, известный противник местного сепаратизма. Вряд ли прибыл просто так — Гулыга был однокашником Деникина по Академии и выпустился вместе с ним по 1-му разряду. Весьма вероятно, что приятельствовали с помощником командующего Добрармии, иначе был не решился казак на такую прыть. Гулыга перед Корниловым в хвост и гриву разнес нынешнее руководство Рады и правительства, создав у подозрительного главкома и без того нелестное отношение к союзникам. Интересно, что сам Деникин в своих воспоминаниях об этом важном факте не упоминает. Вполне вероятно, что он поучаствовал в интриге и не хотел ставить в известность об этом весь свет.

После нудных выматывающих переговоров, в ходе которых кубанцы пытались вырвать хоть какие-то признаки самостоя-

тельности у Корнилова, удар кулака по столу главкома с криком «автономных армий не потерплю» решил дело. Атаман Филимонов, генерал Покровский, председатель Законодательной Рады Николай Рябовол и товарищ председателя Султан-Шахим-Гирей, председатель правительства Лука Быч подписали протокол, согласно которому все военные кубанские подразделения подчиняются Корнилову, а Рада «содействует военным мероприятиям командующего армией».

Вместе с тем была переформирована и Добровольческая армия, получившая пополнение из черкесов и кубанцев и увеличившаяся до 6 тысяч.

Недельный отдых в Новодмитриевской закончился 23 марта, когда обновленная армия получила приказ двигаться на Григорьевскую и Смоленскую, общим направлением на Екатеринодар. В частном разговоре с атаманом Филимоновым Корнилов заявил: «Если бы у меня было 10 тысяч бойцов, я бы пошел на Москву». Атаман тут же добавил: «После взятия Екатеринодара у вас будет трижды по 10 тысяч». Филимонову позарез нужно было вернуться в «наш маленький Париж».

Деникин пишет: *«План операции заключался в следующем: 1) разбить отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы и увеличить запас боевых припасов за счет большевистских складов; 2) внезапным ударом захватить станцию Елисаветинскую в 18 верстах западнее Екатеринодара — пункт, где имелась только паромная переправа и где нас меньше всего ожидали; 3) переправиться через Кубань и атаковать Екатеринодар».*

Григорьевскую, Смоленскую, Георгие-Афипскую взяли ценой огромных потерь (был легко ранен генерал Романовский), отмечая возросшее сопротивление красных, сконцентрировавших вокруг кубанской столицы свыше 28 тысяч бойцов с артиллерией из шестидюймовых орудий и несколько бронепоездов.

27 марта было принято решение о штурме Екатеринодара. Причем Корнилов, помня о Новочеркасске и не доверяя казакам, решил «до упрочения военного положения» не восстанавливать местную власть, а ввести должность генерал-губернатора, которым намеревался сделать Деникина.

28 марта Казанович (по выражению Деникина, учившегося с ним в Академии, «несравненный таран для лобовых

ударов») начал атаку города с запада, занял кирпичный завод и Образцовую ферму Екатеринодарского сельскохозяйственного общества на берегу Кубани, на которую тут же перевел свой штаб Корнилов. Место было крайне неудачное — одинокое здание с сараем, рядом с рощей. Для хорошего артиллериста — верная мишень. Красные тут же начали обстреливать ферму и, как вспоминал Богаевский, «Не проходило двух-трех часов, чтобы кого-нибудь, человека или лошадь, не убило или ранило». Были ранены Казанович, Улагай, донской партизан есаул Лазарев.

На переправе через Кубань застрял Марков с Офицерским полком — один паром и несколько углых лодчонок были не в состоянии быстро перевезти все войска. Корнилов гнал своих вперед, не дожидаясь развертывания всей армии, пока, по его мнению, большевики не пришли в себя после первых успехов добровольцев.

По утверждению Деникина: *«В этом решении многие видели потом причину рокового исхода операции... На войне принимаются не раз решения как будто безрассудные и просто рискованные. Первые кончаются удачей иногда, вторые часто. Успех в этом случае создает полководцу ореол прозорливости и гениальности, неудача обнажает одну только отрицательную сторону решения.»*

Корнилов рискнул и... ушел из жизни раньше, чем окончилась Екатеринодарская драма. Рок опустил внезапно занавес, и никто не узнает, каким был бы ее эпилог».

Интересно, что эту же ошибку через полтора года допустит сам Деникин, гоня на Москву Белую Армию не концентрированным кулаком, а разрозненными силами.

Корнилову неоднократно говорили, что безрассудно продолжать оставаться на ферме под обстрелом, лучше перебраться в более безопасное место, но тот не хотел «удаляться от войск», а опасность вообще была его вторым именем.

Конница Эрдели (дальний родственник Льва Толстого) заняла северное предместье города Сады, пыталась пробиться к станице Пашковской, казаки которой были антибольшевистски настроены. Однако Неженцев и Казанович застряли на подступах к Черноморскому вокзалу, понеся большие потери. Цепи офицеров и красногвардейцев не раз бросались в штыки, яростно колошматя друг друга.

После полудня 29 марта Марков наконец переправился и атаковал, взяв Самурские артиллерийские казармы. При этом положил там весь чешский инженерный батальон.

«Еще один такой бой, и от Офицерского полка останутся лишь воспоминания, — докладывал профессор Академии, — мать-перемать, драться с русскими — это не то, что с немцами или австрияками, тут, что называется, коса на камень».

Таран-Казанович с рукой на перевязи погнал в атаку своих партизан и елизаветинцев, ворвался в город уже в темноте. Ночью он дошел до Сенной площади, полагая, что Кутепов с Офицерским полком движется параллельным курсом справа. Поняв, что они одни, Казанович решил, что 250 человек в многолюдном городе обречены, вывел своих партизан в темноте неузнанными через позиции красных назад.

При этом армия понесла невосполнимую потерю — погиб командир Корниловского полка подполковник Неженцев. Погибла любимица Партизанского полка Вавочка Гаврилова, падчерица полковника Грекова, лихая разведчица, прошедшая весь Ледяной поход. Была убита шрапнелью вместе со своей подругой, такой же девочкой-гимназисткой. Похоронили Вавочку в ограде Елизаветинской церкви вместе с куклой, с которой она не расставалась в походе.

Вечером того же дня собрался военный совет, на котором были оглашены потери — в Партизанском полку осталось менее 300 штыков, в Корниловском — еще меньше, раненых более полутора тысяч, казаки разбредаются по домам, боеприпасов практически нет.

Корнилов подумал и принял парадоксальное решение: «Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?» Господа посмотрели на него с ужасом. Даже если произойдет чудо и истерзанная крохотная армия сокрушит впятеро превышающие ее силы, как она сможет удержать город? В заверения Филимонова о том, что «у вас будет трижды по 10 тысяч» никто не верил, их можно было вещать только доверчивому Корнилову. Гнать наутро в атаку людей голодных, разутых, продрогших, четверо суток ломающих себе зубы о екатеринодарские мостовые — значит, положить здесь армию точно так же, как

это можно было сделать и в Ростове. Все были против. Корнилов настаивал: «Отход от Екатеринодара будет медленной агонией армии, лучше с честью умереть, чем влачить жалкое существование затравленных зверей».

Алексеев осторожно предложил атаковать хотя бы через день, «может быть, казаки одумаются и вернуться». Корнилов ухватился за эту спасительную соломинку — значит, атакуем послезавтра, 1 апреля.

Марков, вернувшись с совещания, сказал своим подчиненным: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Деникин в воспоминаниях приводит свою последнюю беседу с главкомом: «После совещания мы остались с Корниловым вдвоем.

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете».

Главком был фаталист, похоже, он предвидел собственную гибель. Впрочем, некоторая логика в его действиях была. Отступление без боеприпасов в чистое поле не сулило добровольцам ничего, кроме катастрофы. Они просто рассеялись бы по Кавказу, похоронив с собою идею. Видимо, по мнению Корнилова, эту идею следовало с честью похоронить именно в казачьей столице. Может, так он сам себе представлял алексеевскую «светлую точку»?

31 марта началось традиционно — красные заваливали рядами ферму. Главкому еще раз сказали, что хорошо бы сменить месторасположение штаба. Он вяло махнул рукой — теперь, дескать, незачем, завтра штурм.

В 7 утра Богаевский зашел к Корнилову доложить обстановку. Тот сидел перед закрытым циновкой окном, на столе была развернута карта Екатеринодара и стоял стакан чая. Бога-

евский отметил, что главком явно не спал после известия о гибели Неженцева. Его последними словами были: «А все-таки атаковать Екатеринодар необходимо: другого выхода нет...»

Через пять минут ферму потряс страшный грохот — прямое попадание гранаты в окно, снайперский выстрел, видимо, тоже с той стороны у мобилизованного красными офицера была «профессиональная привычка».

Корнилова швыгнуло об печь, переломило ногу и руку. По левому виску текла струйка крови, была рана и в бедре. Вошедшего в момент попадания гранаты адъютанта поручика Долинского выбросило из комнаты, но даже не ранило. Другой адъютант корнет хан Разак-Бек Хаджиев (тот самый, который не дал ему застрелиться после провала мятежа) забежал в комнату и попытался поддерживать голову главкома на коленях. Генерал уже ничего не мог сказать, только тихо стонал. Видя, что Корнилов кончается, Богаевский вложил ему в руки маленький крестик, сделанный из восковой свечи.

Мистика была очевидная — вражеская граната попала в дом только одна, точно в комнату Корнилова, когда он был в ней именно один, и убила только его одного, не оставив другим ни царапины. Такое впечатление, что она именно ему предназначалась — уставшему от жизни, измученному поражениями и обманутыми надеждами.

Позвали Деникина. По суете и мрачным лицам он уже все понял, наследником был назначен еще при жизни Корнилова.

Подошел Романовский — «вы примете командование?». Тихо ответил «да». Карандашом на коленке нацарапал первое свое распоряжение, адресованное Алексееву: *«Пишу отчет. В 7 часов 20 минут генерал Корнилов был смертельно ранен в здании штаба, через десять минут он умер. Я временно принял командование Добровольческой армией. 31 марта (13 апреля), 7 часов 30 минут. Генерал-лейтенант Деникин.»*

Чистый политес — «временным» он был, пока Алексеев не утвердит. Приехавший из Елизаветинской Алексеев тихо сказал: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогай вам Бог!»

«Не было ни минуты колебания, — писал Деникин позднее. — Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в

ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно — здесь, на поле боя...»

Что он чувствовал в тот момент, сложно понять. То, что стал главным деятелем Белого движения? То, что достиг вершины военной власти на тот период Истории? То, что вся антибольшевистская Россия теперь будет смотреть ему в рот и жадно ловить каждое слово? Вряд ли. В том положении, в котором находилась Добрармия, речь могла идти лишь о грандиозной моральной ответственности как за всех тех, кто поверил в идею, так и за «светлую точку», которая не должна исчезнуть. Деникин никогда не был карьеристом, никогда не пробирався в лидеры. Он всегда был добросовестным и надежным исполнителем. Прекрасным Вторым, но никогда Первым. То, что случай вывел его в лидеры, в тот момент была его беда, а не удача. В случае победы еще неизвестно, как оно повернется в России, учитывая отсутствие у Деникина наполеоновских тенденций и массу желающих взобраться на Олимп. В случае же весьма вероятного под Екатеринодаром поражения — ему первому висеть на столбе. А стало быть, это — не порфира, а крест, который нести он должен до самого конца. Каким бы тот ни был.

Времени терять было нельзя, скрывать весть от армии бесполезно. На берегу Кубани, на откосе канавы на бурках разместились Алексеев, Романовский, Филимонов, Быч и Деникин. Посовещались коротко. Новый главнокомандующий отдал приказ к отступлению на север, в направлении станицы Старовеличковской. Остальные пути были отрезаны рекой и железной дорогой.

Телега с телом убитого генерала в сопровождении текинского конвоя двинулась к Елизаветинской. По дороге ее остановил генерал Алексеев, отдал земной поклон, долго смотрел в лицо покойного, потом поцеловал в лоб. Вероятно, говорил последнее «прости», примирившее обоих вождей-соперников. Через полгода он последует тем же путем...

В Елизаветинской тело положили в сосновый гроб. Трясущийся священник совершил скоропалительное отпевание (красные, приходя в станицы вслед за добровольцами, первым делом расстреливали священников — «за связь с контрреволюцией»). Гроб отвезли в немецкую колонию Гначбау, где тайно предали земле. Место разровняли, чтобы не было видно могилы. Рядом похоронили Неженцева. Сняли план местности

в трех экземплярах, распределили между тремя людьми, чтобы вернуться и перезахоронить.

Все тщетно. Уже на следующий день в Гначбау пришли солдаты Темрюкского полка в поисках «зарытых кадетами сокровищ». Обнаружили свежие могилы, по погонам полного генерала опознали Корнилова. С гиканьем привезли тело в Екатеринодар, где толпа содрала с трупа последнюю рубашку, пыталась повесить на дереве, потом после различных надругательств оно было увезено на бойню и сожжено.

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Отступление от Екатеринодара было еще тяжелее, чем наступление на него. На всю артиллерию 30 снарядов, патронов почти нет. Деморализация полная. Большую часть обоза пришлось оставить, бесполезные орудия тоже. В Елизаветинской были оставлены 64 тяжелораненых с врачом, сестрами и деньгами (для подкупа большевиков). Судьба их вполне предсказуема — только 14 выжили, остальных растерзали. Далее в станицах оставляли «наудачу» по 100–200 раненых, кому как повезло. С собой везти было бесполезно — ни бинтов, ни йода, ни медикаментов.

Деникин вспоминал о дне 2 апреля: «Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность — друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом, в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создалось очень нервное настроение».

Настроение совсем упало, пошли слухи о страшной драке — якобы конница решила бросить пехоту и пробиваться сама, якобы в полках решили продать большевикам командиров, якобы матрос Баткин пытается договориться с красными. Полковник Тимановский скрытно придвинул к штабу офицерскую часть. На всякий случай.

Стали уходить поодиночке. Ушел генерал-лейтенант Яков Гилленшмидт и пропал без вести.

Пришлось прорываться через железную дорогу, где добровольцев поджидали два бронепоезда. Обманули красных, перешли дорогу там, где их не ждали.

У станции Медведовской генерал Марков припер к стенке путевого обходчика и револьвером в ухо заставил его успокоить по телефону большевиков. В темноте они вроде ничего не почуяли, но когда добровольцы выстрелами спугнули красных часовых, бронепоезд со станции тихо пошел к переезду, где уже обосновался штаб армии. Наперерез бросился Марков. С криком «Поезд, стой! Раздавишь, сукин сын. Разве не видишь, что свои?!» остановил паровоз. Когда машинист высунулся наружу, швырнул ему в кабину ручную гранату. Снайпер Миончинский тут же вlepил снаряд в паровоз, тот завалился набок, часть вагонов загорелась. Экипаж был перебит, белым достались 400 драгоценных снарядов и 100 тысяч патронов.

Последующие дни петляли между железнодорожными ветками, подрывая пути и запутывая следы. В армию потекли кубанцы, пополняя ряды выбывших. В станциях встречали уже как старых знакомых.

Следует заметить, что на тот момент Добрармия была в прямом смысле добровольческой. Ни о какой мобилизации речи не шло, в нее приходили люди бороться за идею, поэтому никто сюда силком никого не тянул. Хочешь воевать за Россию в том смысле, как ее понимали Корнилов с Алексеевым, милости просим, не хочешь — никто держать не станет. Сохранились слова, которые резкий на язык Марков в тот момент высказал одуревшим от боев подчиненным Офицерского полка: *«Ныне армия вышла из-под ударов, оправилась, вновь сформировалась и готова к новым боям... Но я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули наши ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая их постигла участь, они не спасли свою драгоценную шкуру. Если же кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану. Вольному — воля, спасенному — рай, и... к черту».*

К тому же оживавшая Добровольческая армия получила две разноречивые, но крайне важные новости — большевики подписали Брестский мир, и немцы идут на Дон, а также то, что порадовало их больше всего, — восстали донские казаки. Случилось то, чего так боялись, и чего так ждали. Ленин капитули-

ровал перед злейшим врагом добровольцев, а значит, три года войны они проливали кровь зря. Этот враг скоро появится в прямой видимости.

С другой стороны, возлагавшиеся на казачество надежды оправдались. Донцы недолго терпели над собой комиссаров, и теперь Тихий Дон готов стать под знамена Белого движения. Генерального штаба полковник Владимир Барцевич, посланный в разведку, привез депутацию от донцов из 17 человек, которые сообщили, что генерал Попов окончил Степной поход в Новочеркасске, выбив оттуда большевиков с помощью пришедшего из далеких румынских Ясс отряда полковника Михаила Дроздовского, который ищет встречи с командованием Добрармии.

Это совершенно ободрило обескровленную армию. Значит, есть еще другие силы в России, кроме них. Есть еще офицеры, которые взялись за оружие и пришли на Дон вместе сражаться с большевиками.

Направление движения было выбрано однозначно — на Дон. 19 апреля армия двинулась обратно.

Подробности в штабе сообщили члены делегации. Выяснилось, что восстание спровоцировал беспредел местного красногвардейского отряда в станице Цимлянской, где голубевцы растрастили станичную казну себе на жалованье, а затем наложили на цимлянцев контрибуцию. Казаки обомлели от такой наглости и на станичном сборе постановили распустить отряд из 70 красногвардейцев. Голубевцы отказались возвращать казну и стали уходить на станцию Ремонтная, ища поддержки. Тогда казаки ударили «сполох», войсковой старшина Иван Голицын заявил, что такой власти на Дону «не любо», и разослал гонцов в Терновскую, Кумшатскую, Филипповскую и Верхне-Курмоярскую станицы. Беглецов догнали, деньги отобрали, а самих порубили в капусту. Теперь уже отступать было поздно. Иллюзии относительно возможности «мирного сосуществования» с большевиками кончились, тем более, что и без беспредела цимлянцев на Дону хватало злобы среди казаков — крестьяне уже кинулись делить казачью землю, чего вольное воинство потерпеть не могло. Получалось, что вместо ожидаемых дополнительных «легот» от большевиков казаки лишались и земли, и воли, и власти на собственной территории.

18 марта поднялась станица Суворовская. Восстание кубарем покатило по станицам 1-го и 2-го Донских округов, были

направлены гонцы к партизанам генерала Попова с просьбой о поддержке. Генерал к тому времени маневрировал на Маныче и Салу, ухитрившись не только сберечь в мелких стычках основные силы, но и пополниться несколькими сотнями калмыков станиц Платовской (родина Семена Буденного), Бурульской и Граббевской — дополнительно 770 шашек.

Узнав о начале восстания, Попов двинул партизан к Дону. Голубевцы, не сумев отсечь партизан от повстанцев, ввиду начала весны решили, что хватит воевать, как пишет историк Андрей Венков, у них «начались торжества, пьянство и самодемобилизация на полевые работы».

К концу марта неутомный мигулинец Попов, который также испытывал проблемы с дисциплиной рядовых казаков, желавших пахать, а не воевать, собрал офицеров и переправился через Дон у станицы Нижне-Курмоярской, начав движение на Новочеркасск.

В начале апреля восстали донцы ближних к казачьей столице станиц Кривянская, Заплавская, Бессергеновская, Мелеховская, Раздорская и Багаевская. Их возглавил войсковой старшина Михаил Фетисов (у друзей имел прозвище «Ахмет мирза Пей Наливай Бей Выталкивай Выгоняй Бек Фетисов»), собравший партизанский отряд из бывших сослуживцев по 7-му Донскому казачьему полку. 1 апреля отряд лихой и абсолютно авантюрной атакой выбил красных из Новочеркаска.

Стратегического смысла в этом не было никакого — маленький отряд не смог бы не только удержать большой город, но даже контролировать его центральную часть. Но ведь плох тот казак, который не мечтает стать атаманом.

Через три дня красные перебросили подкрепления из Ростова, и «Ахмет мирза» вынужден был вновь уводить партизан к Дону на поиски «степняков» генерала Попова.

Походный атаман был умнее и дальновиднее, на рожон не лез, пернача себе не искал. Спокойно формировал «пояс сопротивления». К середине апреля на Дону уже были сформированы три «фронта» — Задонская группа генерала Ивана Семенова (район Кагальницкой — Егорлыкской), Южная группа Генерального штаба полковника Святослава Денисова (район станицы Заплавской), Северная группа войскового старшины Эммануила Семилетова (район Раздорской). Общая численность повстанцев составляла не менее 10 тысяч сабель, что

являлось уже очень мощной силой, с которой большевикам приходилось считаться.

Самим красным в это время уже было не до погонь за партизанами — на Дон стремительно продвигались немцы, оккупировав по Брестскому миру Прибалтику, Белоруссию и Украину. Германские и австрийские разьезды уже выходили к границам Донской области, внося разлад в умы руководства «Донской советской республики», настроенной преимущественно левозсеровски (сам глава Совнаркома ДСР подхорунжий Федор Подтелков также был левым эсером). На I Съезде Советов ДСР в апреле горячие головы от эсеров и левых коммунистов даже протолкнули резолюцию об объявлении «революционной войны» Германии, вопреки позиции Ленина и Ко по любому, пусть даже «похабному», но миру с тевтонами. А поскольку надежных войск в Ростове для этого не было вообще, военный комиссар Подтелков с комиссаром по делам управления прапорщиком Михаилом Кривошлыковым с отрядом в 120 человек и 10 млн николаевских рублей отправились на Верхний Дон в Хоперский и Усть-Медведицкий округа проводить мобилизацию в «революционную армию» для отпора немцам. Считалось, что более бедные верховые станицы априори должны выступить на стороне большевиков, сам Подтелков был родом из верхнедонского хутора Крутовского.

Однако уже сами большевики выпустили ситуацию на Дону из-под контроля — казачество, видя, куда гнут новые власти, терпеть их долее не захотело ни в низовых, ни в верховых станицах. Отряд Подтелкова был разоружен у станицы Краснокутской, а затем у хутора Пономарева после краткого суда обоих главарей, как изменников Дону, приговорили к повешению, а остальных — к расстрелу.

В самом Ростове уже было непонятно, кто именно контролирует ситуацию. Рабочие так и оставались под сильным влиянием меньшевистского Донкома РСДРП, левые коммунисты и эсеры игнорировали рекомендации Ленина, требовавшего прекратить антигерманскую пропаганду.

Отсутствие твердой власти оживило ростовскую босоту, и город наводнился налетчиками, громилами и ворами. Местному Совнаркому, погрязшему в политических дрязгах и пытавшемуся сохранить хотя бы видимость управления, было не до них.

Об этих страстях Деникин еще знать не мог, как и о занятии немцами Украины и Крыма. Гонцы с Дона приносили ему лишь просьбы о помощи восставшим казакам, ведущим наступление на Новочеркасск. Надо было решать, куда вести бесприютную Добровольческую армию. Атаман Филимонов предлагал уходить в Баталпашинский отдел, а оттуда в Терскую область, где можно было рассчитывать на поддержку казаков-лабинцев. К этому направлению тяготели все кубанцы. Однако оттуда рукой было подать до Армавира, где находились основные интендантские и артиллерийские склады большевиков, которым удобно было бы получать все необходимое для подавления движения армии.

Донское направление подсказывала сама обстановка. Долгожданное слово «Дон проснулся» стали паролем для всей армии, стремившейся уйти из иногородних хуторов к гостеприимным станицам. Деникин отдал приказ 1-му конному полку идти на знакомую Егорлыкскую, а партизанам Богаевского — в тыл большевикам на слободу Гуляй-Борисовка.

В Егорлыкской 20 апреля большевистский снаряд угодил в дом, где располагался штаб с Деникиным и Романовским. Новый главком чуть было не повторил судьбу старого — судьба его берегла, погиб адъютант и были ранены несколько офицеров. Оба генерала вышли из дома, с головы до ног перепачканные известкой. Пронесло, была страстная суббота...

Судьба надолго связала Деникина и Романовского. В следующие два года войны дня не проходило, чтобы генералы не виделись и не принимали решений по военным и политическим вопросам коллегиально. По существу, это был первый «правлящий тандем» в Белой России.

«С первых же дней совместной службы в качестве командующего и начальника штаба, — писал Деникин, — между нами установились отношения интимной дружбы, основанные на удивительном понимании друг друга и таком единомыслии, которого мне лично еще не приходилось испытывать в своих отношениях с людьми. Работать вместе было легко и приятно».

Заметим, подобных отношений у Деникина с Алексеевым не сложилось, хотя за последние полгода в спорах с Корниловым именно на его стороне чаще всего выступал сын крепостного. Вероятнее всего, несостоявшийся диктатор и «спаситель России» вообще дистанцировался от любого лидера, стараясь

показать свою обособленность и особое мнение по всем вопросам. К тому же неуживчивый характер Алексеева и его двусмысленная позиция в ходе корниловского мятежа все же отдаляли от него монархически настроенных офицеров и генералов, которых на тот момент в Добровольческой армии было большинство.

Армия возвращалась. В Пасхальную ночь добровольцы входили в первую на пути донскую станицу Егорлыкскую, навстречу Крестному ходу из местного храма.

На Дону в станице Мечетинской Ледяной поход заканчивался. Из тех, кто выступил из Ольгинской 15 февраля, в живых осталось 3698 человек, получивших впоследствии медаль «первопоходников» — на Георгиевской ленте серебряный терновый венец, пронзенный мечом. На Дон возвращались уже чуть более 5 тысяч человек с примкнувшими к добровольцам кубанцами.

Один из участников Ледяного похода подытоживал: «80 дней маршей, из коих 44 боя, 1050 верст пройденного пути... около 500 убитых, 1500 раненых. Зажгли ли мы тот светоч, о котором говорил ген. Алексеев? Да, зажгли. Ибо, несмотря на значительные, часто искусственно создаваемые с разных сторон препятствия, к нам отовсюду потянулись русские офицеры и добровольцы».

То есть из 3683 выступивших в поход корниловцев Добрармия потеряла более 60% своего состава. Как говорил тот же Деникин, «деревянный крест или жизнь калеки были уделом многих участников корниловского похода». Лучших из лучших, тех самых, которые фанатично верили в идею. Соль Белой России.

В это же время параллельно в Ростов с боем входил отряд полковника Михаила Дроздовского, проделавший более чем тысячеверстный марш из Румынии на соединение с Добрармией. Его авангард во главе с капитаном Антоном Туркулом пробился к кафедральному собору Рождества Пресвятой Богородицы на Старом базаре. Навстречу ему, как и в Егорлыкской, выходил ростовский Крестный ход. Белая Россия объединялась.

КАЗАЧЬЯ НАГАЙКА

Совместное освобождение от большевиков Нижнего Дона отнюдь не решило многочисленных проблем «Белого дела».

Оно лишь обнажило проблемы новые, возможно, еще более неразрешимые. Прежде всего — моральные и политические.

Как должно отнестись командование Добрармии к «нашествию гуннов» на Дон, учитывая, что фактически полковник Дроздовский брал Ростов на пару с немцами? Как теперь относиться к «пробудившемуся» казачеству, верхи которого вряд ли пожелают делиться политической и военной властью? Какие политические лозунги выдвигать теперь, после провала (надо называть вещи своими именами) «легендарного» Ледяного похода, пусть даже при «сохранении лица» и боевых порядков Белого движения? Ко всему прочему, у добровольцев закончился четырехмесячный контракт, и достаточно многие из них, вдоволь нахлебавшись братоубийства и не видя перспектив борьбы, пожелали покинуть ряды армии (к примеру, будущий известный белогвардейский писатель прапорщик Корниловского ударного полка Роман Гуль с братом).

Немецкая оккупация была серьезным моральным ударом по идеологии Белой гвардии, большая часть которой три с половиной года провела в окопах Первой мировой войны и не признавала Брестского мира. При этом приходилось отдавать себе отчет в том, что противопоставить мощной военной машине что-либо серьезное слабовооруженным и обескровленным белогвардейцам было бессмысленно.

Деникин писал: «Это событие, словно удар грома среди прояснившегося было для нас неба, поразило своей неожиданностью и грозным значением. Малочисленная Добровольческая армия, почти лишенная боевых припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждебными факторами — советской властью и немецким нашествием, многочисленной красной гвардией и корпусами первоклассной европейской армии. Этот чужеземный враг был страшен своим бездонным национальным эгоизмом, своим полным отрешением от общечеловеческой морали; он с одинаковым цинизмом жал руку палача в Брест-Литовске, обнадеживал жертву в Москве и Киеве и вносил растление в душу народа, чтобы вывести его надолго из строя столкнувшихся мировых сил».

Германским корпусом генерала Кнерцера было оккупировано около трети территории Донской области, включая Ростов, Нахичевань, Таганрог, Миллерово, Чертково. Оккупацию германское командование мотивировало тем, что эти

города до 31 декабря 1887 года входили в состав Екатеринославской губернии, а согласно секретному приложению к Брестскому договору вся Украина, включая Екатеринославскую губернию, должна быть оккупирована германскими и австрийскими войсками. Другое дело, что границы «нэзалежной Украины» поддерживаемая германцами местная Рада гетмана Павло Скоропадского трактовала слишком вольно, поэтому в свой состав и включила почти половину территории Донской области, что уже явно ущемляло интересы казачества. Сам гетман был, видимо, большой этнограф, подивив германцев известием о том, что 67% населения Ростовского и Таганрогского округов украинцы (на самом деле их было около четверти, главным образом, в Донбассе). К тому же Скоропадский не стеснялся заявить, что «Украинская держава не может существовать, не владея Крымом, иначе это будет некое туловище без ног».

Собравшееся в Новочеркасске временное Донское правительство во главе с чудом уцелевшим после подтелковских погромов еще калединским «министром» есаулом Георгием Яновым (по выражению Деникина, «правый демагог») созвало 28 апреля «Круг спасения Дона» (под его же председательством) в составе 130 человек. Генерал Петр Краснов называл его «серым» из-за полного отсутствия в составе Круга «трусливой интеллигенции». По его образному выражению, интеллигенция «сидела в эту пору по подвалам и погребам, тряслась за свою жизнь или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях — по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части».

Иными словами, ни о какой демократии уже речи не шло, доигрались в демократию и революцию до «красного колеса». К работе Круга не были допущены даже меньшевики Александра Локермана, которые сумели удержать большинство ростовских рабочих от участия в братоубийственной войне и которым удалось выжить во время хозяйничания на Дону большевиков.

Теперь Донскую область представляло исключительно служилое казачество, которое воевало с большевиками и защищать теперь намеревалось только свои интересы. Ни о каких иногородних, инородцах, иноверцах и пр. думать не приходилось — надо было СПАСАТЬ Дон.

Следует заметить, что так называемый традиционный монархизм казачества, вероятнее всего, не более чем красивая легенда. Дон всегда подчеркивал собственную самобытность и самостийность, глухо переживая о переломе через колено казачьей свободы Петром Великим. Поэтому казаки, только получив шанс вернуть себе собственный суверенитет, поспешили восстановить «республику Казакию», о которой столь долго мечтали. С Россией же им было больше по нраву выстраивать союзнические и конфедеративные отношения, но никак не жертвовать собственной властью. Благо, ресурсы позволяли безбедно существовать в этом благословенном краю. Так что серьезно говорить о том, что донцы (как, собственно, и кубанцы, и терцы и др.) спали и видели восстановление престола и соответственно утраты своей личной власти, безосновательно.

Круг был временным, созданным до полного освобождения территории Донской области и созыва Большого Круга, поэтому и ставил перед собой локальные задачи. К примеру, был сразу объявлен «принудительный заем» в 4,2 млн рублей у местных толстосумов, которые не желали раскошелиться для Добровольческой армии.

Первостепенной из этих задач было отношение к немцам, к слишком много себе позволяющей Украине и к Добрармии. Подавляющее большинство Круга не признавало ни немецкой оккупации, ни территориальных притязаний соседей (да и самой независимой Украины), но так как германский сапог уже был помыт в Дону, а штык упирался в Новочеркасск, с этим фактом следовало считаться. Ибо казачьей плетью в тот момент тевтонского обуха было явно не перешибить. Предстояло лавировать.

Правительство отправило в Киев полномочное посольство для выяснения позиций сторон, а также для того, чтобы «твердо отстаивать существующие ныне границы области, ее независимость и самобытность казачества». Однако по какому-то странному дипломатическому ноу-хау включило в его состав отъявленных германофобов — генерал-майоров Ивана Семёнова, Владимира Сидорина, Генерального штаба полковника Александра Гущина и бывшего директора Новочеркасского реального училища профессора Духовной академии Мирона Горчукова.

Столь экстравагантное посольство вступило в контакт с начальником штаба 52-й Вюртембергской резервной пехот-

ной бригады, который заявил, что имеет приказ занять Ростов и Батайск «с целью обеспечить Украину от большевиков удержанием этого важного железнодорожного узла». Когда ему намекнули, что ни один из этих городов к Украине не имеет ни малейшего отношения, тот заметил, что этот вопрос надлежит донцам самим решать с соседями. А заодно добавил, что если понадобится, германская армия не остановится и перед оккупацией Новочеркасска.

Спорить было бессмысленно, оставалось лишь принять условия оккупантов. Для себя донцы этот вопрос решили, избрали 3 мая войсковым атаманом еще одного претендента в «спасители России» — генерала Петра Краснова, выступавшего как раз за тесные контакты с германцами. Отказались от «партизана» Попова (нет боевого опыта, всего лишь начальник юнкерского училища да Степной поход), от «заплавцев» Полякова, Денисова, Янова (молоды и несолидны), от самого Деникина (из мужиков, а нужен казак). Зато Краснов, вообще никак себя не проявивший в донском «сопротивлении», оказался в самый раз.

Удивительный выбор. Бывшая «третья шашка Империи», известный своим германофильством, женатый на немке Лидии Грюнайзен (дочь обрусевшего статского советника Теодора Грюнайзена, первым браком замужем за капитаном Александринном Бакмансеном), Краснов после провала похода с Керенским на Петроград дал «честное слово» большевикам не бороться с Советской властью. И самое удивительное — долгое время его сдерживал. Во время вооруженного противостояния на Дону в ноябре 1917 — феврале 1918 годов, когда лилась кровь и проявлялись принципиальные позиции политических и военных деятелей, Краснов даже не пытался никак поучаствовать в защите Новочеркасска. В начале февраля, когда решалась судьба казачьей столицы, распустил по домам своих подчиненных и уехал в станицу Константиновскую, где переживал анархию, преспокойно проживая под немецкой (!) фамилией.

Когда весной 1918 года на Дону поднялись казачьи станицы, к «немцу» Краснову (вся станица знала его инкогнито) прибыла делегация из 9-го Донского полка, предлагая ему возглавить выступление против красных. Вот тут бы и проявить свою отвагу «третьей шашки» и амбиции «спасителя Отечества». Однако генерал, припомнив полку бузу в пору повальной

армейской анархии, отказался, не стесняясь в выражениях для земляков: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу».

«Сволочь» пошла спасать Дон без него. Когда вскоре в Константиновскую вступили возвращавшиеся из Степного похода части атамана Попова, которых вряд можно было упрекнуть в «сволочизме», Краснов и тут ухом не повел. «Третья шашка» осталась в ножнах. Генерал ждал куда большего, чем обычное командование партизанским отрядом.

Зато Краснов живо вострепнулся, когда на Круге спасения его бывший начальник штаба по 2-й сводно-казахьей дивизии полковник Святослав Денисов выдвинул кандидатуру генерала в войсковые атаманы. На тот момент он был первым по старшинству среди донских генералов и не связанным с местными элитами, ибо почти всю свою жизнь провел вдали от станиц. Здесь Краснов среагировал мгновенно — малейшее промедление, и в Новочеркасске уже появился бы посланный Деникиным на Круг генерал Африкан Богаевский, человек, уже зарекомендовавший себя активной борьбой против большевизма и имевший большие шансы на атаманский пернач. Благо, что Константиновская куда ближе к столице, чем месторасположение постоянно воюющих деникинских отрядов.

Теперь он не медлил и не скромничал, соглашаясь на пернач.

Вероятнее всего, Краснов понимал, что его выбирают не за «авторитет», который вследствие крайней пассивности был весьма спорен, а как малоизвестную на Дону и компромиссную фигуру среди казачьих кланов верховых и низовых станиц. На это и был расчет, когда генерал тихо ждал своего часа в Константиновской. Власть принесли ему на блюдечке. Надо было теперь ее закрепить и надлежаще оформить, чтобы не было возможности запросто лишить генерала вождя пернача.

Поэтому новоиспеченный атаман Краснов сразу выторговал себе неограниченные полномочия, отменив на территории Дона все постановления Временного правительства и тем более декреты Совнаркома. Кругу из полномочий не оставалось ничего, Краснову, называвшему себя монархистом, он был теперь не нужен.

Как объяснил свои диктаторские наклонности сам генерал, «этими законами вся власть из рук коллектива, каковым

являлся Большой или Малый Круг, переходила в руки одного лица — атамана. Перед глазами «Круга спасения Дона» стояли окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова, Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки. К этому привела работа Кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, так как не имели власти. Коллектив разрушал, но не творил. Задачами же донской власти было широкое творчество».

Творчества же боевой генерал допускать не желал, ибо оно для него было лишним колесом в его личной телеге. «Творчество, — любил подчеркивать атаман, — никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников...» Пресса тут же обрушилась на Краснова с критикой, обвиняя его в том, что «атаман стремится устроить на Дону феодальные порядки и хочет восстановить крепостное право и *jus prima noctis* (право первой ночи). Но тому было не до оппозиционного лая — Краснов срочно начал восстанавливать отношения с немцами.

Он послал своего личного адъютанта есаула Сергея Кульгавова в Киев со специальными посланиями к гетману Скоропадскому и командующему германскими оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршалу Герману фон Эйхгорну. Отметим, ВОПРЕКИ настроениям Круга и в пику уже находившемуся у немцев посольству Горчукова и др., которое таким образом просто превращалось в группу клоунов, позиция которых никого уже не интересовала. Вместо германофобов была послана «Зимовая станица» во главе с преданными лично атаману Генерального штаба генерал-лейтенантом Михаилом Свечиным (служил в 1-й гвардейской дивизии и был близко знаком с ее начальником будущим гетманом Павло Скоропадским) и Генерального штаба генерал-майором Александром Черячукиным (однокашник по Академии генералов Деникина и Богаевского).

В своих посланиях Краснов сообщал о том, что «Войско Донское не находится в войне с Германией», и просил приостановить «дальнейшее продвижение немецких войск в Донскую землю... чтобы Войско Донское было признано впредь до

освобождения России от большевиков самостоятельной республикой, управляемую основными законами, приложенными к письму». А заодно наемнулся на помощь вооружением и амуницией, ибо Войско могло остаться безоружным после первой же краткосрочной стычки. Взамен этого предложил установить через Украину «правильные торговые отношения».

Заметим, «Круг спасения Дона» Брестского мира не признал, и Дон де-юре находился в состоянии войны с Германией, но атаман уже волюнтаристски не просто признал поражение России, но и предлагал врагу начать торговлю. Причем с размахом — 1 немецкая марка была приравнена к 75 донским копейкам. За 1 русскую винтовку с 30 патронами тевтоны требовали пуд зерна. Пшеницы на Дону было выше крыши, оружия же не хватало — старые арсеналы растащили и белые, и красные. Германцам это вообще ничего не стоило — до отказа забитые военные склады Юго-Западного фронта на Украине у капитулировавшей армии достались им даром, зато получалась хорошая возможность бесплатно кормить Второй рейх русской пшеницей за русские же винтовки, чтобы они стреляли в русский же народ. Тройная выгода. Рейхсвер с энтузиазмом пошел на сотрудничество.

Взамен Краснов обещал, что *«Всевеликое Войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков за удовлетворением местных потребностей хлеба зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других заводов и электротехнические принадлежности».*

Столь активные шаги Краснова серьезно озадачили Деникина, который сразу раскусил поползновения атамана во «все-российские вожди» и самостийные лидеры. Должность, которая оказалась не по зубам ни Алексееву, ни Корнилову. Более того, обеспокоило командующего Добрармией и то, что Крас-

нов, ничуть не стесняясь, намеревался подчинить себе и добровольцев, которые совсем недавно сами пострадали от пассивности казачества. Да и собственная таможня, печатание денег и иностранная политика говорили о том, что атаман явно взял курс на казачий сепаратизм.

Сам Деникин, по достоинству оценив германский «дранг нах Остен», отдал совершенно конкретный приказ генералу Кислякову: «Ни в какие сношения с командованием враждебной России державы не вступать».

Белая Армия не должна была иметь ничего общего с государством, мирного договора с которым она не подписывала и до сих пор находилась в состоянии войны. Это была принципиальная позиция самого Деникина и всего командования крохотной армии. Никакого мира с врагом, забравшим почти половину европейской части России. Пусть даже в данный момент сил для активной борьбы с ним нет, и есть враг пострашней тевтона — гунн отечественный.

Мало что прояснилось и с казачеством. Как писал генерал Краснов, «на вопросы представителя Добровольческой армии, кто должен фактически командовать военными силами Добровольческой армии и донскими воинскими силами и каково отношение Дона к Украине и Германии, Круг ответил: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского войска, должно принадлежать Войсковому Атаману, или, как в данном случае, — Походному Атаману...»

Как раз Добрармия и находилась в Мечетинской, на территории Донского войска. Стало быть, по логике Круга, тоже должна была подчиниться атаману.

Интересно, что, по свидетельству произведенного за взятие Новочеркасска в генерал-майоры Святослава Денисова, на тот момент собственно «Донская армия» насчитывала 5220 штыков и 1100 сабель при 6 орудиях (четыре исправных при всего двух упряжках), 30 пулеметах, двух легковых автомобилях, одного неисправного грузовика, четырех велосипедов. Патронов было по три на каждую винтовку, снарядов — по 5 на орудие.

С этими силами донцы собирались диктовать условия закаленным в боях добровольцам.

«Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, — писал он, — полное расхо-

ждение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией (в руках Краснова были донских 10 станиц из 134. — *Прим. автора*), «народом» и войском, в качестве «верховного вождя Южной Российской армии» брал на себя задачу — ее руками — освободить Россию от большевиков и занять Москву».

Причем никакой армии у самого Краснова еще не было. Освободившие донскую столицу казаки-ветераны совсем не горели желанием продолжать воевать, тем более весной, когда полно дел в станицах. Ему только предстояло создать пресловутую «Южную Российскую армию». Причем, по атаманскому замыслу, с помощью ее злейших врагов германцев, что было совершенно неприемлемо для добровольцев.

Первым же шагом для этого Краснов сразу вырыл яму между собой и Добрармией — в мае он издал приказ о возвращении всех донских подразделений в составе армии Деникина и переподчинении их себе. А это ни много ни мало, но почти вся боеспособная кавалерия. Более того, через своих представителей Краснов начал склонять генералов и офицеров Добрармии переходить служить к нему. К примеру, генералу от кавалерии Абраму Драгомирову было предложено возглавить «Южную армию». Тот с достоинством ответил, что в этом формировании он «видит продолжение той же немецкой политики — *divide et impera* — которая привела нашу Родину к пропасти», и потому «предложение этого поста равносильно (для него) оскорблению...»

Тем не менее из Добрармии началось стыдливое дезертирство. В Новочеркасск ушел целый взвод во главе с капитаном Корниловым, офицер штаба армии лейтенант флота Поздеев, личный вестовой-текинец Деникина (увел, кстати, и лошадь самого генерала). Людей можно понять — на Дону и жизнь была сытнее, и от немцев ожидалась серьезная материальная помощь. В Добрармии, стоявшей перед всеми красными силами на Кубани, служить было не в пример опасней и проблематичней. Тут уж не до высокой цели.

К тому же, преследуя свою цель подчинения добровольцев, Краснов начал открыто саботировать набор в армию Дени-

кина. Запретил иногородним идти к нему на службу, перехватывая офицеров лейб-гвардии Измайловского полка, которые ехали к Деникину, и определяя их к себе в подразделения. Распылив части бригады Дроздовского по всем участкам фронта под предлогом защиты Дона от большевиков, Краснов препятствовал их объединению и переходу в Мечетинскую. В диспозиции для атаки Батайска Краснов, безусловно зная отношение к этому Деникина, обозначил план: слева отряд полковника Глазенапа, в центре донцы полковника Быкадорова, справа... батальон немцев с батареей.

При этом атаман не стеснялся писать Алексееву: «...на земле Войска Донского, а теперь и вне ее я работаю совершенно один. Мне приходится из ничего создавать армию... снабжать, вооружать и обучать ее. В Добровольческой армии много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу...»

Интересно это подчеркивание «работаю совершенно один». Надо полагать, Ледяной поход и оборона Ростова с Новочеркасском добровольцами не считались. Это были мелочи. А налаживание дружбы с тевтонами и закрывание глаз на то, что Украина запросто оттяпала треть Донской области с Ростовом, — это такая «работа».

Сам атаман, надо полагать, заблуждался так же, как и в свое время Каледин, полагая, что у него под ружьем вскоре будут те самые полки, которые числились в Войске Донском к 1914 году. Заблуждался настолько искренне, что даже немцам заявлял, что вот-вот его «Южная армия» сядет «на конь». Может, попугать их на всякий случай хотел, может, лишнего вооружения вытрясти. Скорее всего, сам начал верить в то, что «Дон поднялся» и сейчас весь как один пойдет в освободительный поход на Москву во главе с ним — спасителем России. Хотя изначально было понятно, что ни на какую Белокаменную донцы не пойдут, а ограничатся в лучшем случае лишь защитой собственных рубежей.

Понятно, что при таком раскладе воспринимать всерьез несколько тысяч голодранцев генерала Деникина Краснов не собирался. Просто не верил в то, что в финансовом и военном смысле дышащая на ладан Добрармия после такого афронта у Екатеринодара еще на что-то способна. Не хотел в это верить.

Справедливости ради следует заметить, что германофильство Краснова и иже с ним было далеко не главенствующим течением на вольном Дону, вообще не привыкшем кому-либо подчиняться. В самом Войсковом Кругу он был в меньшинстве. К примеру, беспардонно отставленные от посольских обязанностей генералы Сидорин, Семилетов и полковник Гушин в открытую выступали против пронемецкой позиции атамана. Родзянко и кадеты не стеснялись поливать его грязью в местной прессе (Родзянко за это даже выслали на Украину).

Назначенный председателем Совета управляющих отделами и управляющим Отделом иностранных сношений в донском правительстве генерал Африкан Богаевский, не стеснясь, проводил «проденикинскую» политику. Член президиума Круга, войсковой контролер Аркадий Епифанов открыто предупреждал атамана, что союзники ему не простят заигрываний с немцами и что казакам надо отступать перед тевтонским напором, как это делает Добрармия, а не устилать им путь цветами. Краснов обиделся: «Хорошо Добровольческой армии: у нее нет ни земли, ни народа, она может идти хотя до Индии, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и детьми? Нет, кто бы ни пришел сюда, я останусь в Новочеркасске и не выдам Донского войска».

Не даром Деникин сокрушенно заметил: «Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом».

Дабы выяснить эти отношения, стороны договорились об официальном свидании. Более чем дипломатично — не в Новочеркасске, не в Мечетинской, а посередине — в станице Маньчской.

Атаман прибыл на пароходе «Вольный казак» в компании назначенного председателем совета управляющих и управляющим Отделом иностранных дел Богаевским (дабы окончательно не ссориться с Деникиным), генерал-квартирмейстером штаба Донской армии полковником Кисловым и кубанским атаманом Филимоновым, бежавшим на Дон после падения Екатеринодара. Деникин подъехал на автомобилях с генералами Алексеевым и Романовским, полковниками Ряснянским и Эвальдом.

Командующий Добрармии с ходу высказал Краснову все, что он думает по поводу военного сотрудничества с немцами («недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами»).

Однако тут уже атаман расправил погоны, кичливо заявив, что он «уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа, и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне». Того скромного столичного подъяесаула с лихо закрученными усиками, военного корреспондента «Русского инвалида», с которым Деникин ехал в поезде на японскую войну и которому намекал на присущий в его статьях элемент «поэтического вымысла в ущерб правде», уже не было — пернач обязывал.

Показная бойкость добровольческих визитеров не смущала — называть себя «представителем пятимиллионного свободного народа», будучи избранным в качестве компромиссной фигуры всего лишь от 10 «белых» станиц, тогда как 124 оставались под красными, было слишком самонадеянно (Богаевский постарался осведомить Деникина обо всех тонкостях).

Краснову напомнили о 6 млн рублей, которые были обещаны Добрармии еще покойным атаманом Калединым на продолжение борьбы. Тот по-торгашески обронил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». Деникин вспылал: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы».

Когда главком поднял вопрос о совместных действиях на Нижнем Дону, атаман преспокойно предложил добровольцам вообще убраться с Дона. На Волгу, к Царицыну, искать военного счастья в крестьянских губерниях, сплошь настроенных пробольшеvistски. Ход красивый — Краснов вроде как и не отказывается от сотрудничества, даже согласен подчинить Деникину партизан слабозаселенных Нижне-Чирского и Великокняжеского районов. Однако это было именно то, от чего еще Корнилов отказался зимой — поход на безлюдные зимовники, где не прокормишь даже небольшую армию ни зимой, ни летом. Да и таким образом с красновских глаз долой убирался бы мощный конкурент, которого надо было держать подальше не только от Дона, но и от подозрительно косящихся на добровольцев германцев. Весьма вероятно, что эта комбинация как раз и была подсказана Краснову командованием оккупационных войск. В любом случае он ничего не проигрывал — воюй на Волге добровольцы успешно,

Царицын ушел бы после победы под атаманскую власть, безуспешно — одной проблемой меньше.

Но Деникина с Алексеевым на мякине не проведешь. Пройти с 2,5 тысячи измученных Ледяным походом добровольцев с боями несколько сотен верст до густонаселенного рабочими Царицына, где искать возможности соединиться с кочующими по заволжским степям уральскими казаками атамана Александра Дутова, было стратегически самоубийственно. К тому же Деникин уже давно определил своей более надежной базой именно Кубань, где ему был гарантирован самый теплый прием и пополнение среди местного линейного казачества. Добровольцев ждали терцы, черкесы, горцы. Уйти отсюда означало обречь потенциальных новобранцев и союзников на истребление неорганизованными, но зато куда более многочисленными и лучше вооруженными красными отрядами. Да и продовольственная база Кубани — не чета голодным манычским степям.

«На Царицын я теперь не пойду. Я обязан раньше освободить кубанцев — это мой долг, и я его исполню», — приводит Краснов в своих воспоминаниях слова Деникина. Генерал помнил, кому обязан тем, что Добрармия не перестала существовать после поражения под Екатеринодаром. Редкое качество для военного человека, который должен быть циником по природе. Своим моральным принципам Деникин не изменял даже в самые тяжелые дни.

Похоже, что именно этого и добивался атаман — добровольцы уходили на Екатеринодар, донцы — на Воронеж и Царицын. В стороны, прямо противоположные. Очень символично для понимания причин будущего поражения Белого движения.

ГЕРМАНСКИЙ САПОГ

Только один вопрос был решен окончательно и бесповоротно — отношение к оккупантам. Здесь Деникин и Алексеев оставались единомышленны. Алексеев утверждал: «Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен». По его мнению, связь России с Германией сулит ей такую формулу: «политически — рабы, экономически — нищие...» Деникин категорически запрещал своим подчиненным любые контакты с оккупантами. Из армии были выдворены открытые германофилы: доктор Всеволжский, Ратманов, Сиверс и другие. Даже

попытки немцев через майора Кохенхаузена завязать невинные сношения со штабом армии в виде упорядочения движения коммерческих судов через Новороссийский порт, как и в случае с Дроздовским, наталкивались на вежливый, но решительный отказ. Вряд ли дело было только в аморальности тевтонской помощи, с совестью руководство Добрармии как-то умудрялось справляться. Вероятнее всего, расчет делался на реакцию Антанты, победа которой казалась Деникину несомненной, но которая бы впоследствии припомнила Белой Армии германские шашни. К тому же не пошедшая на поводу у кайзера и не признавшая «брестской капитуляции» Белая Россия, по мысли руководства Добрармии, вполне обоснованно рассчитывала стать полноправной участницей будущей мирной конференции и претендовать на свою долю от раздела пирога победителей. Если уж она была не в состоянии воевать с Германией, то хотя бы не пачкать руки сотрудничеством была вполне в состоянии.

Тем более, для «пачкания» существовали руки донского атамана, который по соглашению с германцами получал от них вооружение и амунисию, делясь при этом с Деникиным. На общественном уровне и в прессе перепалки между донцами и добровольцами продолжались, то обостряясь, то затихая. Как говорится, ничего личного — просто за прошедший год между ними скопилось слишком много претензий друг к другу.

«Но что же Войску делать — вещал генерал Денисов. — Немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, ее населяющий, уходить от них, как то делает Добровольческая армия. Войско Донское — не странствующие музыканты, как Добровольческая армия».

«Музыканты» взбесили Деникина, из штаба которого тут же отпарировали: «Войско Донское — это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит».

Денисов за словом в карман не полез: «Скажите Добровольческой армии, что если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании». Короче говоря, союзники были еще те.

К вопросу об аморальности связей донцов с германцами. Здесь бы, конечно, Деникину и его штабу помолчать. Не вызывает никакого сомнения, что сам главком с атаманом о

«распределении ролей» не договаривались, слишком уж они терпеть друг друга не могли. Занимались этим другие люди. Политическая целесообразность подсказывала Краснову, что Добрармия прикрывает Дон с тыла, освобождая Кубань. Ее пусть малочисленные, но спаянные отряды в состоянии сдерживать красных еще долго. Бить горшки с ними и провоцировать Деникина на окончательный разрыв себе дороже.

Стало быть, надо делиться деньгами, а главное, оружием. Без лишнего шума.

Деньги же у немцев были. Еще выступая 11 декабря 1917 года в Бедфорде, военный министр Уинстон Черчилль вещал: «Россия окончательно побеждена Германией. Ее великое сердце разбито — и не только германской мощью, но и германской интригой, не только германской сталью, но и германским золотом».

Деникин с Алексеевым тоже не были институтками и вряд ли особо обольщались по поводу возможности хоть где-то раздобыть средства на существование (в месяц армия тратила не менее 4 млн рублей) и продолжение борьбы. Ростовские толстосумы пообещали раскошелиться на 2 млн, но когда пришли немцы, похерили обещание. Алексеев взывал в письме к Деникину, что если ему не удастся достать 5 млн рублей в июле, «то через 2–3 недели придется поставить бесповоротно вопрос о ликвидации армии». Какие уж тут амбиции и чистота мундира. Как это ни противно, надо было идти на поклон к донцам, имеющим доступ к необъятным складам Юго-Западного фронта. Поэтому в этом смысле обвинения добровольцев Краснову выглядят совершенно лицемерно.

Сам Краснов как-то съязвил по поводу обвинений представителями Добрармии в связях с немцами: «Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!»

Атаман был совершенно прав. По его информации, за первые полтора месяца оккупации немцы передали Дону 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снаряда и 11 594 721 ружейный патрон. Треть артиллерийских снарядов и одна четверть патронов были уступлены Доном Добровольческой армии.

На претензии большевиков к Германии о несоблюдении Брестского мира немцы выставили в Батайске специальную заставу, которая должна была следить, чтобы на юг не уходило донское оружие. Однако немцам было не до политеса с Москвой, слишком заняты были на Западе. Поэтому, по утверждению герцога Георгия Лейхтенбергского, каждый день грузовики по грунтовым дорогам вокруг Батайска возили на станцию Кагальницкую и далее на Кубань снаряды и патроны.

Таким образом, Деникин, с одной стороны, сохранял лицо перед Антантой, делая вид, что «воюет» с Германией, с другой — снабжая свою армию «аморальными» винтовками.

Впрочем, и тут не стоит особо обольщаться. Обострение межличностных отношений между атаманом и главкомом фактически приводило к обострению отношений и между Донской и Добровольческой армиями, что сказывалось на перебоях со снабжением, особенно осенью, когда накал боев на Северном Кавказе достиг апогея. 13 октября 1918 года Краснов писал деникинскому генералу от кавалерии Алексею Смагину: *«Во-первых, о патронах и снарядах. Почему Войско Донское должно быть маклером по продаже их Добровольческой армии? Нам и патроны, и снаряды нужны гораздо более, нежели Добровольческой армии, и достаются они нам с большими трудами, неприятностями и волокитой. Мы ведем борьбу с восемью советскими армиями, в то время как против Добровольческой армии только одна армия — Сорокина, да и та более чем наполовину выпущена против нас. Нам снаряды и патроны нужны не менее, чем добровольцам, и торговать ими мы не можем...»*

В ноябре Краснов пытался отобрать у добровольцев добытые им у немцев в Севастополе тяжелые морские орудия, которые генерал Лукомский приказал доставить не в Ростов, а в Новороссийск для столь необходимых Добрармии бронепоездов.

Краснов делал вид, что возмущен риторикой Добрармии, но вооружал Деникина в надежде, что тот переключит внимание на юг, а затем уйдет, как обещал, на Волгу.

Немцы делали вид, что соблюдают Брестский мир, а сами с удовольствием наблюдали, как русские все глубже и глубже увязают в Гражданской войне, позабыв об оккупации.

Конечно, есть искушение поверить в версию о том, что Краснов с Деникиным просто смогли договориться и откровенно

«валяли дурака» как перед германцами, так и перед Антантой, делая вид, что враждуют, а сами втайне, как классические литературные лихоимцы, делили получаемые оружие и деньги. Якобы хитрый русский мужик как всегда нашел способ обвести вокруг пальца глупого европейца. Водить за нос легковверный Запад, выбивая из него под благовидными предложениями все необходимое, — любимый миф отечественных историков, политиков и экономистов. На самом деле никаких доказательств этой версии нет, и вряд ли они найдутся. Дураков ни по ту, ни по эту линию фронта не было — просто в тот момент интересы всех сторон сходились. Одним выгодно было закрывать глаза на утечку оружия, другим делать вид, что оно сваливается на них с неба. Ни личные убеждения, ни личные взаимоотношения Краснова и Деникина не позволяют подозревать их в организации «спектакля». Оба и после Гражданской войны друг друга не переносили и никогда доброго слова в адрес визави не сказали. Посвященные в хитросплетения тогдашней политики приближенные обоих также словом не обмолвились ни о каком «дружественном заговоре». Так что придется согласиться с тем, что и тот, и другой, как ласковые телята, пытались двух маток сосать.

У Краснова летом 1918 года это получалось более виртуозно, ибо жалеть немцам русского оружия на складах было нечего, зато вполне реальная донская пшеница и уголь по бросовым ценам серьезно поддержали рейхсвер и голодающую Германию с Австро-Венгрией. Дело на Западе шло ко второй битве на Марне, в которой решалась судьба Первой мировой войны. Центральным державам было не до разматывания южнороссийских клубков. Они изо всех сил пытались сколотить в регионе прогерманский союз из Украины, Крыма, Дона, Кубани, Терека, Грузии. Для этого Краснов пригласил в Новочеркасск кубанское правительство «в изгнании» и делегацию грузинских меньшевиков в надежде «на тесные дружеские сношения». У осторожного атамана Филимонова, надеявшегося на помощь Деникина, он особой поддержки не нашел. Зато представители «демократической Грузии», дорвавшиеся до суверенной власти, были записными союзниками. Представители грузинского Национального совета уже давно вели сепаратные переговоры с немцами в Стокгольме о содействии в отдалении от России, что тут же было воспринято монархистом Красновым, видимо, как жест «дружеских сношений». Грузины надеялись, что

немцы помогут им избавиться от назойливого внимания со стороны своих турецких союзников. Немцы готовились к высадке в Батуме, Потти и Очамчири 20-тысячного десанта с Украины, добившись от местных властей передачи Германии всего своего флота и фактически монопольных прав в торговле (столь удачные переговоры провел граф Вернер фон дер Шуленбург, будущий последний посол Гитлера в СССР, готовивший знаменитый «пакт о ненападении»).

Таким образом, Германия тщательно пыталась выстроить устойчивую «построссийскую ось» — Киев, Новочеркасск, Екатеринодар, Тифлис. Скоропадский, Краснов и грузинские меньшевики содействовали им в этом чем могли.

Сам атаман, прекрасный беллетрист, но известный своим более чем вольным обращением с музой Клио, требовал от населения Дона, чтобы оно воздержалось «от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части», параллельно уверяя немцев в лояльности и традиционной дружбе со стороны казачества, которое, по его оригинальной версии, вместе с немцами билось «плечом к плечу еще во время Тридцатилетней войны, когда донские полки находились в рядах армии Валленштейна».

Вместе с тем он просил оккупантов «признать права Всеволодского Войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних Кубанского, Астраханского и Терского войск и Северного Кавказа право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза». В этот «союз» (его еще именуют Юго-Восточным) должны были, по замыслу Краснова, войти Донское, Кубанское, Терское и Астраханское войска, «вольные народы степей» и горцы Северного Кавказа.

Попутно атаман настаивал на возвращении лихо аннексированных гетманом Скоропадским земель в состав «Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более пятисот лет и для которого Таганрогский округ является частью Тмутаракани, от которой и стало Войско Донское». А заодно, чтобы не мелочиться, просил добавить к войсковой территории «по стратегическим соображениям» воронежские станции Лиски и Поворино, поволжские города Царицын и Камышин, призывая надавить на Москву с тем, чтобы она возместила Дону убытки, «происшедшие от нашествия большевиков».

Кайзер Вильгельм II вряд ли слышал когда-либо о Тмутаракани, тем более ему неведомо было, что Альбрехт Валленштайн водил на шведов мифические «донские полки», учитывая, что во главе полчищ европейских отморозков-ландскнехтов грошил он при этом как раз в основном исконно германские земли. Однако, по достоинству оценивая атаманскую риторику, немцы поддерживали Краснова, чем могли.

Пикантности ситуации добавляло то, что в начале лета мятежный Чехословацкий корпус (порядка 40 тысяч штыков), считавшийся действующей боевой силой Антанты, сбив красногвардейские заслоны у Самары, вышел к Волге. В его составе храбро бился с русскими под Челябинском и Екатеринбургом командир роты будущий Герой Советского Союза и «большой друг СССР» Людвиг Свобода, бойко строчил донесения писарь 1-го добровольческого полка имени Яна Гуса будущий великий писатель Ярослав Гашек.

После выступления чехословаков в Самаре эсеры тут же образовали Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) и начали формировать собственную антибольшевистскую армию.

Один из создателей Чехословацкого корпуса, командир его 1-й дивизии генерал Станислав Чечек писал в приказе: *«Наш отряд определен как предшественник союзнических сил, и инструкции, получаемые из штаба, имеют единственную цель — построить антинемецкий фронт в России в союзе с целым русским народом и нашими союзниками».*

Таким образом, чехи оказались всего лишь в 60 верстах от позиций донцов, теснивших красных к Царицыну. Если бы Краснов пошел на контакт с чехами и соединился с союзниками, Германия получила бы второй фронт на Дону, где у нее к тому времени оставались лишь слабые пехотные части. Можно было бы не сомневаться, что в этом случае Добровольческая армия активно выступила бы на стороне атамана и чехов.

Однако Краснов поспешил заверить представителя рейхсвера майора фор Стефани в лояльности донцов и запрете пропуска через свою территорию чешских подразделений. Что было вскоре премировано немцами возвратом Украиной Таганрогского округа. У гетмана-марионетки его мнения вообще никто не спрашивал.

Пока не восстали чехи, немцы позволяли себе смотреть сквозь пальцы на русские карнавальные шалости с переодева-

нием и делали вид, что не знают, куда идет оружие и куда набирает добровольцев вербовочный центр в Киеве. После ряда екатеринодарских газетных публикаций о необходимости объявления войны прогерманской Украине и изгнания немцев (чувствуется стиль прибывшего на Кубань блистательного журналиста Василия Шульгина) майор Кохенгаузен жестко потребовал от Краснова, чтобы атаман надавил на Деникина с тем, чтобы «он прекратил газетную травлю гетмана Скоропадского и возбуждающие против немцев статьи».

В частности, Шульгин в газете «Киевлянин» (вскоре закрытой немцами) писал: *«Так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права... Мы — ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война».*

Как признался сам Краснов, «генерал Деникин не обратил внимания на просьбу атамана». Тогда на Дону были поставлены жесткие кордоны, все офицеры вербовочного центра в Киеве были арестованы, добровольцы задержаны, Эйхгорн потребовал немедленного возврата всех военнопленных, подданных Австро-Венгрии. То есть бойцов чешского Инженерного батальона Добрармии капитана Ивана Немечека.

Но с Деникиным подобное не проходило. Командующий заявил, что защиту своих соратников считает вопросом чести и что, несмотря на желание избегать столкновения с немцами, он не остановится в случае нужды даже перед боем.

Тем временем немцы лихорадочно пытались создать на юге подконтрольные себе национальные русские подразделения, которые могли бы реально противостоять как неподконтрольным красногвардейцам, так и непонятным белогвардейцам, в случае их выступления на стороне Антанты.

В Киеве началось формирование так называемой «Южной армии» при самой тщательной опеке германских зоенных.

В конце июля с Дона прибыл бывший петербургский присяжный поверенный и член «Русского Собрания» Михаил Акацатов, который с полковником лейб-гвардии Конного полка герцогом Георгием Лейхтенбергским (председатель Общества ревнителей истории) приступил к сколачиванию организованной вооруженной силы в составе пехотной дивизии военного

времени с конницей и артиллерией. Монархическая направленность «армии» особо оговаривалась с немцами и подчеркивалась шевроном на шинели из бело-черно-желтых «имперских» цветов. Снабжая оружием из секретного военного фонда, оккупанты ставили условие: офицеры этой «армии» должны были обещать воевать только против большевиков в Богучарском уезде Воронежской губернии в союзе с войсками генерала Краснова (в его лояльности уже не сомневались). Если же офицеры «армии» условие нарушат и захотят объединиться с Деникиным, они будут обязаны оружие вернуть.

Монархисты предложили возглавить будущую «армию» генералу Келлеру, отказавшемуся переехать к Деникину. Тот и в этот раз отказался: «Здесь часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть — приверженцы немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации».

За лето 1918 года на Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые в «Южную армию» завербовались около 16 тысяч добровольцев, 30% которых составляли офицеры. Еще около 4 тысяч ушли через бюро в Добровольческую армию Деникина через Дон.

Как вспоминал герцог Лейхтенбергский, он написал генералу Деникину о том, что «Южная армия» готова к совместным действиям с «добровольцами» против общего врага — большевизма. На это был получен сухой и вежливый ответ от главкома Добрармии: *«Добровольцы совершенно самостоятельны, ни в чьей помощи не нуждаются, а о совместных действиях можно будет говорить только тогда, когда «Южная армия» освободится от иноземной зависимости и обязательств».*

Вряд ли Деникин просто так стал бы разбрасываться немногочисленными союзниками, завязнув в боях на Кубани и в Ставрополье. Скорее всего, хорошо помня опыт генерала Корнилова, окружившего себя откровенными проходимцами и авантюристами, не хотел наступать на те же грабли в случае с этим явным «троянским конем» рейхсвера. Да и сам вряд ли верил в боеспособность «армии», сделавшей ту глупость, на которую не пошел сам генерал — объявившей о своих монархических целях. Это значило заранее оттолкнуть от себя крестьянство, рабочих и либеральную интеллигенцию. Компрометировать себя открытым сотрудничеством с непонятными личностями германской

ориентации в ожидании обещанной помощи от Антанты Деникин не собирался.

Параллельно немцы занялись формированием так называемой «Астраханской армии» из представителей крайне правых монархических групп, возглавляемых атаманом Калмыцкого казачьего войска (образовано в сентябре 1917 года из астраханских калмыков) полковником князем Данзаном Тундутовым (нойон Малодербетовского улуса Астраханской губернии). Характерно, что 11 июня на Дон к Краснову из Киева нойон прибыл в компании уже знакомого нам из окружения Корнилова Ивана Добрынского, когда-то обещавшего патрону «по первому сигналу выставить до 40 тысяч горцев и направить их куда пожелает Корнилов», что окончательно убедило Деникина в авантюристичности и этого «германского проекта».

Неудивительно, что с Красновым они нашли общий язык, особенно на почве доставленной ими ноты командующего оккупационными войсками на Украине фельдмаршала Германа фон Эйхгорна, настаивавшего на скорейшем образовании Юго-Восточного союза (естественно, под германским протекторатом) и удалении с Дона Добровольческой армии. Или хотя бы смене ее антигерманского командования.

Понятно, что сменить командование Добрармии было утопией, но разрешение на формирование «Астраханской армии» в районе станицы Великокняжеской (Сальский округ), где компактно проживали донские калмыки, Краснов дал. С удовольствием отметив, что армия обязывалась воевать под почти «деникинскими» лозунгами «За веру, царя и Отечество» и «Великая, Единая и неделимая Россия». За «веру» было особо актуально для буддистов калмыков.

Однако немецких денег Тундутову хватило лишь на то, чтобы к середине июля сформировать только Астраханский казачий дивизион (200 сабель), который Краснов сразу же причислил к Задонскому отряду полковника Быкадзрова. Причем, по признанию самого Краснова, «калмыки были босы и оборваны, сидели на двухлетках и трехлетках, большинство не имело седел и оружия». К концу лета на его базе удалось сколотить бригаду в составе 1-го казачьего, 2-го и 3-го калмыцких полков. В конце сентября ее переформировали в Астраханский корпус, но уже под командованием генерал-лейтенанта Александра Павлова (не казак, потомственный дворянин Волынской губернии). Там

же оказался и первый командир 1-й Сводно-офицерской роты, любимец юнкеров штабс-капитан Василий Парфенов, не ужившийся в Добрармии.

С капитуляцией Германии прекратился денежный поток и был упразднен сам корпус, включенный в состав Добрармии. Само собой Тундутову, которого терпеть не мог Деникин, там места не нашлось. По утверждению самого генерала, нойон получил 20 тысяч рублей «отступного» за лишение его атаманского звания и занялся политическими интригами против своих многочисленных конкурентов. *«Чтобы положить конец всем этим выступлениям, волновавшим степь и вызывавшим дезертирство из калмыцких полков, в октябре 1919 года я приказал выслать Тундутова и двух его сподвижников из пределов Северного Кавказа (после падения юга Тундутов в качестве «светского и духовного главы калмыцкого народа» мистифицировал Константинополь и Будапешт, окончив свою карьеру переходом в советскую Россию)».*

Таким же мертворожденным оказался еще один германский проект создания на севере Дона так называемого «Саратовского корпуса» из крестьян одноименной губернии для действий на царицынском направлении, куда не удалось заманить Деникина. Из мужиков-лапотников на переданные гетманом немецкие деньги (всего донцы получили около 76 млн рублей) удалось сколотить незначительные по численности 42-й Якутский и 187-й Аварский пехотные полки (в Аварском в свое время служил штаб-трубачом знаменитый Василий Агапкин, автор бесмертного «Прощания славянки»), эскадрон лейб-гвардии Ее Величества полка ротмистра Сергея Длусского, Технический батальон и еще несколько незначительных подразделений с громкими «императорскими» именами, но малобоеспособные как по боевому духу, так и по идеологии. В результате «корпус» понес большие потери (главным образом, от дезертирства), пока его не переформировали в отдельную бригаду уже в составе армии Деникина. Но фельдмаршал Эйхгорн этого уже не увидел — 30 июля 1918 года в Киеве он вместе с адъютантом был разорван бомбой левого эсера с многозначительной фамилией — Борис Донской.

Тем не менее Краснов попытался свести все эти пронемецкие подразделения воедино, подчинив Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса Особой Южной армии, во главе кото-

рой он поставил престарелого генерала от артиллерии Николая Иванова, столь бездарно провалившего поход на Петроград в феврале 1917 года. За 9 месяцев до того, как аналогичный поход провалил и сам Краснов.

Интересно, что сам атаман считал командующего Астраханской армией князя Тундудова «пустым и недалеким человеком, готовым на всяческую интригу, и очень плохим организатором»; Южной армии — генерала Иванова человеком с «несколько расстроенными умственными способностями»; Саратовского корпуса Генерального штаба полковника Виктора Манакина человеком «без ориентаций». Понятно, что с таким командованием ожидать выдающихся военных успехов было неловко.

Однако пока немцы еще оккупировали Украину и часть Донской области положение было относительно терпимым. Части Краснова держали фронт, даже не пытаясь выходить за его границы, несмотря на объявленный атаманом в ходе своего выступления в ноябре 1918 года в Таганроге «поход на Москву». Южная армия с переменным успехом билась с красными отрядами на воронежском, саратовском, балашовском, царицынском направлениях, неимоверно растянув фронт для небольшой донской армии. К началу ноября в ее составе при 3 тысячах реальных штыков на фронте в тылу числились более 40 штабов, управлений и учреждений, в которых кормились около 20 тысяч человек. Атаман всячески препятствовал попыткам гвардейских офицеров перебраться в Добрармию, правдами и неправдами пытаясь оставить их у себя. Те же, указывая на «пронемецкость» донских подразделений, правдами и неправдами уходили к Деникину.

Но как только после «второй битвы на Марне» (июль—август 1918 года) и последующим началом так называемого «стодневого наступления» Антанты в Пикардии и Фландрии фронт на Западе рухнул, кайзер отрекся от престола, и немцы вынуждены были начать отвод своих войск в метрополию, положение резко изменилось. «Золотой дождь» из Берлина иссяк, и с таким трудом сколоченные корпуса стали просто разбредаться по домам, оголяя тылы. На Украине восстал Петлюра (по тонкому замечанию кадетской прессы, «выкидыш русской революции, с которым недостойно даже разговаривать»), соединившись с бывшим генеральным секретарем УНР Владимиром Винниченко,

поднял ряд восстаний против Скоропадского, перекрыв еще и поставки оружия.

Генерал Марков в частном разговоре говорил своим подчиненным: *«Как офицер Великой Русской Армии и патриот, я не представляю для себя возможным служить в «Крымской» или «Всевеликой» республике, которые мало того, что своими идеями стремятся к расчленению России, но считают допустимым вступить в соглашение и находиться под покровительством страны, фактически принимавшей главное участие в разрушении нашей Родины. Что даст офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские, Астраханские или иные армии несуществующих государств? Хотите высших чинов? Пожалуйста!.. Но я как был произведен в генерал-лейтенанты законным русским Монархом, так и хочу остаться им».*

Василий Шульгин в киевской газете «Россия» обращался к командованию Астраханской и Южной армий с уверенением в том, что «Ваша тяжкая жертва была принесена напрасно», призывая «соединиться с людьми, которые, как и вы, любят Россию, но которые шли к ее спасению другими путями».

Ждать долго не пришлось, ибо большая часть офицеров этих армий после ухода немцев и разложения Донского фронта в скором времени перешла в подчинение командования Доброй армии.

Германский сапог оказался слишком тесен, чтобы вместить в себя все многообразие политических батальонов Юга России и Украины. Германизация Дона а-ля-атаман Краснов провалилась. Подавляющее большинство донского казачества германофильство атамана не поддерживало. Его пафосная риторика о том, что «дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами», вызвала недоумение в самых широких рядах казачества, четыре последних года проливавшего кровь как раз в битвах с тевтонами. На самом Кругу против атамана высказался уже не только Богаевский, но и его председатель — авторитетный кадет Василий Харламов, депутат всех царских Дум. Обидевшийся Краснов на Кругу даже попытался отказаться от власти, так метнув на стол пернач, что расколол столешницу. Тут же вмешались благодетели немцы, срочно приславшие майора Кохенхау-

зена в поддержку атамана. Краснова оставили на второй срок (вторым кандидатом был Богаевский), но уже было ясно, что «вотума доверия» среди донцов ему не видать. Лучшим показателем этого стало эмигрантское противостояние между Красновым и Богаевским, когда первый требовал от Врангеля вернуть ему пернач. Сначала сам барон не поддержал генерала, затем «Объединенный совет Дона, Кубани и Терека» отверг монархические идеи Краснова, а затем и сами казаки «проголосовали ногами» — сформированные в эмиграции казачьи станицы (десятки тысяч человек) в полном составе отказались подчиняться германофилу. Это уже было закономерным итогом ношения им «германских сапог».

А в начале ноября 1918 года, пока еще атаман Краснов, имея хотя бы относительно организованную вооруженную силу и надеясь стать главным деятелем Белой России (адмирал Колчак произвел переворот в Омске лишь 18 ноября), готовился примерить сапог французский или английский. Но у Антанты было другое мнение. Его прогерманские эскапады не забылись, и делать ставку на Краснова ни в Париже, ни в Лондоне уже не желали.

КУБАНСКИЙ ТРАНЗИТ

Во время «германского периода» истории Юга России командующий Добровольческой армией параллельно военным и политическим решал ряд важных для него личных и этических проблем. В первую очередь генерала Деникина волновала судьба супруги, оставленной в Ростове. Зная, какие повальные обыски, аресты и экзекуции были в городе среди «буржуев» и «кадетов», от хозяйничания большевиков можно было ожидать чего угодно. Но в непредсказуемом походе опасность повышалась многократно, и опасаться за судьбу супруги все же легче было пусть в далеком, но все же вроде бы мирном городе.

Чужие люди оказались лучше многих «своих» и не выдали красным, кто находится в их доме, а фамилия Ксении Чиж мало что говорила малограмотным красногвардейцам, белогвардейских газет не читающим.

Когда отряд полковника Дроздовского последовательно выбил товарищей сначала из Ростова, а затем из Новочеркасска, Ксения перебралась в столицу казачества, которая казалась

ей надежнее пролетарского города на Дону. Вполне вероятно, что ей наскучили домогательства одного местного студента Варшавского университета, армянина по-национальности, увлекшегося ею настолько, что он даже предложил стать его женой.

Сняв скромную меблированную комнату в Новочеркасске, госпожа Чиж-Деникина скромно ожидала возвращения добровольцев, себя по-прежнему никак не афишируя.

Дождалась далеких от тыловой галантности офицеров-дроздовцев, которые, естественно, не опознали в юной «курсистке» супругу командующего, и поручик Борисов корректно попросил ее сматывать удочки. Ибо перед очередным походом к генералу Деникину в Мечетинскую им было не до политеса и волокитства, а просто до хорошего и спокойного сна под человеческим кровом.

Сама Ксения так описала этот эпизод: «Как же это вы хотите выгонять из дома жену вашего командующего?»

— Как так? — любопытствовал офицер.

— Да очень просто, потому что я жена генерала Деникина.

Последовал взрыв веселого смеха.

— Ну, барышня, если вы жена генерала Деникина, то я в таком случае — персидский шах! Пошутили, и довольно. А теперь поторапливайтесь, мы устали, не заставляйте нас ждать!»

И молодой особе, жившей под фамилией Чиж, не без труда удалось, наконец, доказать, к большому смущению офицеров, что она действительно жена командующего Добровольческой армией, только предъявив тщательно припрятанное свидетельство венчавшего их священника.

Но лишь через восемь дней ее нашел в Новочеркасске сбившийся с ног от поисков в Ростове специально посланный с ума сходящим от беспокойства командующим генерал Кисляков. Он передал ей письмо от 13 мая:

«Думаю, Тебе уже известны подробности нашего похода или о них расскажет Кисляков. Моя душа полна Тобой. Я сейчас не могу и не хочу связно описывать события. Жив. Здоров. Бодр. Сознаю крайнюю сложность обстановки, но вижу просветы. Борьба — до конца. Все мои мысли, желания, мечты — к Тебе, любимая, к Тебе, моя желанная».

С некоторых пор заглавная «Т» в слове «тебе» стала для Деникина символом вдохновенной и нежной любви. Ужасы войны никак не повлияли и не очерствили безумную жажду человеческого тепла и душевной близости для боевого генерала.

Молодая семья воссоединилась, правда, всего на три недели, но, видимо уровень переживаний за прошедшее время был настолько высок, что как раз в эти три недели в Мечетинской у нее появились вполне конкретные планы «плодиться и размножаться». Будущая дочь Марина (Деникин так надеялся, что будет сын Иван) должна была благодарить именно этот «медовый период» жизни своих родителей за появление на свет.

Номинальный численный перевес красных сил сам по себе ничего не говорил. Кубань и Терек представляли собой вообще зыбкую субстанцию, ибо крестьянское население, изначально плохо настроенное к «кадетам», Добрармию принимало в штаны, но сменившие ее анархические орды с красным знаменем — в вилы и оглобли. Это особенность Гражданской войны, когда отсутствие четко выраженных политических окрасок вооруженных отрядов дезориентировало население, и оно само не понимало, чью сторону поддерживать. Ибо нормального снабжения ни у белых, ни у красных не было — занимались «само-снабжением», то бишь банальным грабежом. Само собой, ради светлого будущего. Но мужику, у которого со двора свели последнюю корову-кормилицу или лошадь — «крестьянский трактор», — было все равно, «единая и неделимая» или «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Он обречен был умирать с голоду. Или брать ружье и идти грабить соседа. Под тем флагом и лозунгом, который сам себе придумает, лишь бы прокормили. Отсюда и начало зарождаться третье движение — «зеленое», где били белых, пока не покраснеют, а красных — пока не побелеют. В русском бунте, бессмысленном и беспощадном, шла война «всех против всех». Не классическая война за территорию, ибо никакой четкой линии фронта не существовало, а война на выживание, когда сегодняшние красные запросто могли перебежать полками к белым, а вчерашние белые — сотнями и эскадронами рубиться за красных. Причем зачастую делали это на совесть и с крайней отвагой. Ибо жизнь человеческая стоила копейку, а особого доверия к перебежчику не было. И надежнее было ему пустить пулю в затылок, чем агитировать за свою правду.

Поэтому опытная, дисциплинированная, спаянная единой идеей, пусть даже малочисленная и хуже вооруженная армия белых имела определенное преимущество перед насильно оставленными в ходе демобилизации и погнанными большевиками в бой разложившимися частями бывшей Кавказской армии. Ибо опытный офицер всегда лучше, чем опытный солдат и даже опытный унтер. А профессиональные военные — казаки — и подавно имели бесспорное преимущество перед крестьянами, в седле толком держаться не умевшими и понятия не имевшими о сабельном бое.

Кроме того, Деникин, понимая, что численный перевес будет на стороне красных, способных под штыками мобилизовать крестьянство, сделал ставку на многочисленные кавалерийские подразделения, которых у большевиков практически не было. Имея в составе казаков и горцев, главком смог сформировать целых пять конных корпусов, которые более года имели подавляющее преимущество над более многочисленной, но менее мобильной пехотой красных, боявшейся уйти из-под прикрытия железных дорог со своими бронепоездами-крепостями. Мобильные белогвардейские конники то и дело нарушали коммуникации красных, дезорганизовывали работу тыла, разгоняли плохо обученные резервы, сеяли панику. Это и было залогом побед Белой Армии 1918–1919 годов.

Тактический замысел генерала Деникина в летнюю кампанию 1918 года состоял в том, что, прикрывшись с тыла замиренным Доном, который будет обеспечивать Добрармию оружием и продовольствием, ударить на Торговую и Великокняжескую, перерезая железную дорогу на Царицын и лишая красных маневра самым опасным своим оружием — бронепоездами. Затем, круто повернув на юго-запад, идти на узловую станцию Тихорецкая, где сходились царицынская и владикавказская ветки. Таким образом, черноморские отряды красных отрезались от ставропольских, а восставшие кубанские казаки северных станиц получали поддержку армии. От войск Сорокина на Ставрополье предполагалось отгородиться одним полком генерала Покровского при двух орудиях, который должен был собрать под свои знамена задонских казаков. Авантюрно, но учитывая пассивность Сорокина, вполне оправданно. От Тихорецкой предстояло бить двумя расходящими ударами вдоль железной дороги на Кушевскую и Кавказскую, обеспечивая себе

фланги и нависая над Екатеринодаром сразу с севера и востока. При этом, очистив весь северный путь до Ростова, Деникин уже получал возможность перегнать с Дона собственные бронепоезда. Если, конечно, Краснов ему таковые отпустит.

А имея такое оперативное преимущество, уже можно идти на кубанскую столицу и затем сбрасывать большевиков в море. Итогом летней кампании должно было стать получение для Деникина собственной базы для обеспечения армии, не зависимой от Дона и не подконтрольной немцам.

«Нас связывало нравственное обязательство перед кубанцами, которые шли под наши знамена не только под лозунгом спасения России, но и освобождения Кубани, — писал Деникин. — Невыполнение данного слова имело бы два серьезных последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности ее конницы, из рядов которой ушло бы много кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами».

Последнее было достаточно актуальным. Тевтоны, оккупировав Украину и часть Донской области, вряд ли думали останавливаться в Ростове и мечтали соединить осью свои сферы влияния из Киева до Тифлиса по прямой. Кубанцы также колебались, выбирая из трех зол (большевики, немцы, борец за «единую и неделимую» Деникин) наименьшее.

«Все измучились, — говорил генералу Алексееву председатель кубанского правительства Лука Быч. — Кубань ждать больше не может... Екатеринодарская интеллигенция обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев...»

Медлить далее было невозможно — кубанские станицы, восставая против большевиков поодиночке, топились в крови. Скоро просто некого было бы освобождать. Гражданская война постепенно набирала градус наивысшего ожесточения. Вплоть до геноцида.

9–10 июня Добровольческая армия начала свой 2-й Кубанский поход.

Конница Эрдели ушла на столь значимую для добровольцев ставропольскую Лежанку. В лихой конной рубке разбила отряд Бориса Думенко, отбросив его в степи, после чего открыла себе путь на Великокняжескую, обозначив обманный маневр якобы движения армии на Царицын.

1-я дивизия Маркова с донцами генерала Исаака Быкадорова уходили вдоль «чугунки», разгоняя красные заслоны и

затягивая петлю на шее Торговой. В лоб атаковали колонны Боровского и Дроздовского. На третий день похода атакой с трех сторон важная железнодорожная станция была взята. Весь Северный Кавказ со ставропольской и кубанской пшеницей, грозненской нефтью почти на два года оказался отрезан от центральных губерний.

Дроздовцы тут же установили на дрезину пулемет и погнались за отступавшими красными. Из брошенных железнодорожных платформ собрали маленький составчик, обложили его мешками с землей, поставили орудие и несколько пулеметов — так появился первый бронепоезд Белой Армии «Вперед за Родину!».

Победа далась крайне дорогой ценой — под станцией Шаблиевской был смертельно ранен генерал Марков. До безрассудности храбрый, под пулеметным и артиллерийским огнем красных он и не думал уходить в укрытие, лично изучая поле боя и отдавая приказания, стремясь во что бы то ни стало захватить железнодорожный мост. Большевистский снаряд с бронепоезда разорвался в нескольких метрах от генерала, отбросив его в овраг.

Поручик Яковлев писал: «Наблюдая за ним, я и находящийся рядом со мной прапорщик Петропавловский бросились вперед и подбежали к генералу Маркову. В первое мгновение мы думали, что он убит, так как левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки, мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие».

Врач поставил неутешительный диагноз: осколочное ранение в левую часть затылка, и вырвана большая часть левого плеча; раненый безнадежен.

Марков очнулся, пошевелил губами: «Как мост?», ему сказали — будьте покойны, ваше превосходительство, взят. Генерал слабо поморщился. Командир 1-го Кубанского стрелкового полка полковник Ростислав Туненберг поднес к лицу его икону, с которой никогда не расставался ординарец генерала. Марков поцеловал икону и прохрипел: «Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас...»

Для Деникина его смерть была ударом. Для трудно близко сходившегося с людьми главкома Марков был самым близким человеком в Добрармии, не считая Романовского. Его называли и «белым витязем» (из-за знаменитой папахи), и «шпагой генерала Корнилова», и «ангелом-хранителем» армии за удивительную способность находить выход из казалось бы, безвыходного положения. За хлесткость и образность речи, умение в нужный момент найти нужные образы, ободрить, развеселить его обожала вся армия. В армии из уст в уста ходили слова Маркова, сказанные им в день Георгия Победоносца 26 ноября 1916 года слушателям Академии Генштаба, где он короткое время преподавал тактику на примерах Первой мировой войны: *«Знаете, господа, хотя я здесь призван уверять вас, что ваше счастье за письменным столом, в военной науке, но, честно говоря, я не могу, это выше моих сил. Нет, ваше счастье в героическом подвиге, в военной доблести, ваше счастье в седле, на спине прекрасной боевой лошади! Идите туда, на фронт! Там, среди рева орудий и свиста пуль, ловите свое счастье!.. Нет выше блага, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая Отечество».*

Не было бы преувеличением сказать, что со смертью Маркова из Добровольческой армии ушла ее душа.

Деникин распорядился станцию Торговую переименовать в город Марков — первый случай «белого» переименования населенного пункта именем деятеля Белого движения, а с ним имя Маркова получил и отбитый у красных броневик «Черный ворон». Следует добавить, что генерал Марков спустя 85 лет после гибели вновь стал «первым» — в городе Сальск (бывшая станция Торговая) 13 декабря 2003 года был открыт первый в России памятник белогвардейскому деятелю — Сергею Маркову.

Потери были страшные, но далеко не последние. В боях за Тихорецкую и Кореновскую дивизии Маркова (ее возглавил вернувшийся из Москвы генерал Казанович) и Дроздовского потеряли до трети личного состава. Вслед за самим Марковым Деникин проводил в могилу первопоходников полковника Ивана Хованского, подполковника Назара Плохинского, штаб-ротмистра Виктора Дударева и многих других. Под Белой Глиной, где оборонялась красная «Стальная дивизия» Дмитрия Жлобы, вместе со всем штабом пал под пулеметным огнем

храбрейший дроздовец командир 2-го Офицерского стрелкового полка полковник Михаил Жебрак-Рустанович. По утверждению Антона Туркула, раненого полковника (по происхождению из крестьян) красные взяли еще живым, долго пытали, били прикладами, затем облили керосином и сожгли. Дроздовский, увидя на занятой станции обезображенные и сожженные трупы 35 своих офицеров, перестал сдерживать своих подчиненных — Деникину доложили, что красные «отказались сдаваться»...

Яростные бои рассекли группировку Сорокина, но в хаосе наступления ее часть оказалась в тылу добровольцев, создавая угрозу штабу армии, переехавшему в Тихорецкую. Следует заметить, что у Сорокина все еще были не мобилизованные крестьяне и рабочие, а кадровые части Кавказской армии, воевать умеющие. Понимая, что обозлена и та, и другая сторона, бились с невероятным упорством. Попав в окружение, красные напрягали все силы, чтобы прорвать кольцо и выйти на Тихорецкую. Действия обеих сторон достойны были восхищения самого главнокомандующего Добрармии, с сожалением констатировавшего: *«Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгнувшиеся в глубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз...»*

Заметим, это была ТА САМАЯ армия, которая годом ранее бросала винтовки при малейшем появлении неприятеля под Тарнополем, сдавалась в плен после первого выстрела и вешала на воротах собственных офицеров. Однако стоило появиться решительным и жестоким людям в составе обоих лагерей, и мужик, вопивший «штыки в землю», взял этот штык и упрямо воевал еще целых три года. Совершая чудеса храбрости, упорства, являя миру самые настоящие подвиги. Правда, для этого ему потребовалось лить не чужую кровь, а кровь единоверцев и соплеменников.

Красные в конце июля были отброшены на юг ценой огромный усилий и ударов с востока соединенными силами конницы Покровского и совершивших набег на Ставрополь партизан еще одного известного деятеля Белого движения полковника Андрея Шкуро, где он соединился с Кубанской конной бригадой полковника Глазенапа.

О нем стоит сказать особо. Кубанский казак станицы Пашковской отличился еще в мировую войну, когда по всему фронту пошла мода создавать партизанские отряды для диверсий в германском тылу. Польза от них из-за плохой дисциплины и отсутствия координации была минимальная, но рекламная шумиха прокатилась в прессе, создав им ореол лихих кавалеристов. Одним из партизан был и есаул, носивший тогда еще не очень благозвучную фамилию «Шкура» и создавший «Кубанский отряд особого назначения», так называемую «волчью сотню». Это было некое подобие подразделения с «опричной» атрибутикой: черное знамя конного отряда с изображением волчьей головы, шапки из волчьего меха, боевой клич, подражающий волчьему вою, и пр. Газеты подобные вещи тогда обожали. Правда, особой эффективности боевых действий за отрядом не наблюдалось. Как писал Врангель: *«Полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-то службой в родных частях. Отряд полковника Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил, пока, наконец, по настоянию командира корпуса Крымова, не был отозван с участка корпуса».*

Его пытались использовать на Юго-Западном, Румынском, Кавказском фронтах, пока, наконец, уже после октябрьского переворота не отправили в тыл. Как раз тогда полковника начали тяготить ассоциации со своей фамилией, и он подал в кубанское правительство прошение о смене фамилии на «Шкуранский», которое было удовлетворено, но из-за бюрократической волокиты не доведено до конца. Вероятно, поэтому полковник уже по собственной инициативе сменил последнюю букву фамилии и стал называться «Шкуро». Собрал сотню лично ему преданных людей и стал совершать набеги на терские станицы, станции и городки в районе Кавминвод, вырезая советы и вешая наиболее активных местных большевиков.

Когда успешно действующий отряд разросся до нескольких тысяч, Шкуро предпринял масштабную операцию по захвату большого города Ставрополя, где соединился с подразделениями Покровского.

В знаменитом советском фильме «Бег» есть эпизод, когда генерал Хлудов в Стамбуле в цирке встречает своего есаула-денщика, который демонстрирует ловкую вольтижировку. Именно ставший генералом Шкуро в 20-х годах работал в парижском цирке наездником...

Сорокин был разгромлен и понес громадные потери. В первую очередь пленными, что стало решающим эпизодом на том этапе Гражданской войны. Деникин писал жене: *«Хотел быть жестоким и не выполнил обещания. Объявил прощение всем глупым вооруженным людям, дерущимся против меня. Стекаются сотнями и сдают оружие. Среди грозной обстановки, жестокой и беспощадной борьбы не черствеет почему-то сердце».*

Веление «сердца» командующего Добрармией было как нельзя кстати, ибо пленные русские солдаты теперь уже желали служить русским генералам. С комиссарами у них не получилось, генералы же были привычные, свои. К тому же не собиравшиеся поголовно расстреливать и вешать.

Таким образом, проявив неожиданный гуманизм, Деникин одним махом не только получил огромное количество боеприпасов, 50 орудий, 6 автомобилей, 4 бронепоезда (стработала «железнодорожная» тактика генерала) и даже один самолет, но и более чем удвоил собственные силы. Теперь вместе с бывшими пленными в Добрармии числилось до 20 тысяч штыков и сабель.

Заметим, что Деникин не прогадал. Пленные, та же «серая скотинка» времен Первой мировой, сами выдали своих комиссаров и активистов, взамен получили в свой состав унтер-офицеров и офицеров Добрармии. С одной стороны, снижалось напряжение слишком большой «плотности» комсостава армии, где полковники и генералы шли рядовыми, с другой пленные были в курсе, что находятся под особым наблюдением и в случае военных неудач будут обвинены в измене. Поэтому и сражались на совесть.

Интересно описывал генерал Врангель стиль своей «работы» с пленными: *«...я решил сделать опыт укомплектования пла-*

стунув захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей Родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны Отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его — полковника князя Черкесова. Одновременно я послал телеграмму Главнокомандующему, донеся о сформировании полка и ходатайствуя о введении его, согласно данному мне обещанию, в штат. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования. За это время полк непрерывно участвовал в боях, несколько раз переменял своей состав и приобрел себе в рядах армии громкую славу».

Теперь уже северные станицы были освобождены, Ставрополь взят, добровольцы правым плечом «коснулись моря», в армии появились собственные бронепоезда — оставался Екатеринодар. После занятия Тихорецкой из трофейных бронеплатформ добровольцы сотворили сразу несколько «легких» и «тяжелых» бронепоездов — с орудиями системы Гочкис и Кане, которые активно участвовали в боях на Северном Кавказе. Кубанский поход вступал в решающую фазу.

Деникин бросил конницу Покровского на Тимашевск, куда отходили отряды Сорокина, Дроздовского и Боровского — на Усть-Лабу, отсекал пути отхода на восток, Эрдели и Казановича — на Екатеринодар с севера и северо-востока. Капитан Морозов из Корниловского полка неожиданной атакой в станице Ладожской захватил исправный бронепоезд с шестью орудиями и восемь пулеметами, тут же погнав его на бывших хозяев.

Ровно через четыре месяца после первого штурма добровольцы вышли к кубанской столице. На этот раз к Екатеринодару подходила не худая оборванная рать фанатиков с минимальным количеством боеприпасов и совершенно без резервов,

а организованная закаленная армия с артиллерией, авиацией, кавалерией.

Все мистически повторилось, как в начале апреля — опять Эрдели взял Сады и вышел на окраину Екатеринодара, опять Казанович протиснулся в ночной город. Опять большевики вели отчаянный заградительный артогонь, выдавили Дроздовского из станицы Пашковская. Сам Деникин был в полосе наступления 1-й дивизии Казановича. В критический момент боя командующий фактически взял на себя его руководство — приказал командиру 1-го Кубанского стрелкового полка подполковнику Ростиславу Туненбергу ударить в тыл опрокинувшим Дроздовского красным, послал во фланг им два эскадрона 1-го конного полка полковника Константина Корсуна, распорядился развернуть артиллерию для продольного огня красных цепей. Не обратил внимание, что, собственно, находится на переднем крае, где не место первому лицу армии.

Думал ли он о том, что насмешница Клио может полностью повторить схему первого штурма кубанской столицы? Опасался ли за свою жизнь?

А ведь надо было бы. Тем более, что на днях он получил письмо от супруги, в котором та сообщала, что 45-летний генерал наконец-таки скоро станет отцом.

Однако в апреле Деникин был всего лишь третьим лицом в белогвардейской иерархии. Одним из талантливейших, но многочисленных генералов и лидеров Белого движения. Сегодня же он — Первый. Бояться и мистифицироваться себе он не может позволить.

Скомандовал «атаку». Эрдели у Ново-Величковской с запорожцами и уманцами под корень вырубил отступавшую на Тимашевск колонну красных, не знавших еще, что Тимашевск после яростной кровавой атаки уже взят Покровским. Дроздовский после третьей атаки захватил станицу Пашковскую и рухнул от усталости после кровопролитного боя. Казанович взял мост и выбросил красных за Кубань. Алексеев широко перекрестился на византийские главы Александро-Невского войскового собора — Екатеринодар наш! Главком перевел штаб на железнодорожный вокзал, тихо помолился и сел за письмо жене: *«Курьер уезжает. В моем распоряжении лишь несколько минут. Безмерно рад, если правда, что исполнится моя мечта о Ваньке. Операция разворачивается с огромным успе-*

хом. Красный сброд пытается контратаковать, но выдыхается. Глубоко и искренне люблю».

Взяв кубанскую столицу, у добровольцев был великий соблазн разом разрубить гордиев узел казачьей самостоятельности и покончить с сепаратистской Радой и правительством, как то хотел в Мечетинской сделать еще атаман Филимонов, на белогвардейских штыках вознесенный на вершину местного «трона». Горячие головы в армии советовали Деникину не повторять ошибок Ганнибала, который умел выигрывать сражения, но не умел пользоваться плодами побед, и сделать решительный шаг. Никто бы пикнуть не посмел. И на Дону уже совсем по-иному повел бы себя Краснов.

Однако Деникин выбрал не Ганнибала, а Наполеона, считавшего, что на штыках можно прийти к власти, но невозможно на них сидеть. По его мнению, «ни генерал Алексеев, ни я не могли начинать дела возрождения Кубани с ее глубоко расположенным к нам казачеством, с ее доблестными воинами, боровшимися в наших рядах, актом насилия. Была большая надежда на мирное сожительство. Но помимо принципиальной стороны вопроса, я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применять в крае систему чисто большевистского террора против самостоятников и попал бы в полнейшую зависимость от кубанских военных начальников».

Отказавшись от зависимости от донцов, и уж тем более от немцев, не найдя пока должного понимания у Антанты, Деникин мог рассчитывать ТОЛЬКО на самого себя и своих добровольцев. Зависеть от кубанского правительства, чины которого даже не попытались хотя бы поприсутствовать в рядах наступающих войск и оставались в глубоком тылу, было тем более неразумно. Воевать за «Единую и неделимую» надо было если уж не с чистыми руками, то как минимум с чистым сердцем.

На следующий день в городе была организована торжественная встреча. Срочно примчавшиеся в свою освобожденную столицу атаман, Рада и правительство приветствовали «входящие в Екатеринодар» части добровольцев, которые здесь дислоцировались уже два дня. Политес должен был быть соблюден сполна, шоу должно продолжаться.

Филимонов, Быч, Рябовол и иже с ними соловьями разливались, до небес вознося заслуги Добрармии. Филимонов вещал:

«Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства матери-России. Поэтому, закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки в рядах Добровольческой армии будут биться и за освобождение и возрождение Великой, Единой России...»

Деникин цвел, именно эти слова он и жаждал услышать от казаков.

Общее торжество чуть было не испортило расклеенное накануне на городских улицах дурацкое воззвание председателя анонимной «тайной военной организации» Генерального штаба генерал-майора Николая Букретова, которое начиналось так: «Долгожданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собою справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани...» Добровольцев просто взбесило наименование себя «частью иногородцев», как будто они не покорители Екатеринодара, а какая-то толпа бродяг. Деникин прекрасно знал генерала Букретова (из горских грузинских евреев-кантонистов), который отказался выступить с Добрармией в Ледяной поход, предпочитая заниматься производством кислого молока в своей усадьбе. А как только за него «часть иногородцев» взяла столицу, он тут же почувствовал себя «долгожданным хозяином Кубани».

Букретов понял, что допустил грубую ошибку, и поспешил на вокзал засвидетельствовать верноподданничество Деникину, но главком отказался его принять: «Вы в своем возвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с вами не пристало».

Через год самостийники сделают Букретова своим атаманом, и он припомнит Деникину эти слова.

А пока все шло в гору. В Поволжье чехословаки занимали город за городом; атаман Дутов взял Оренбург; в Ашхабаде против большевиков восстали рабочие (!), перестрелявшие свой совдеп и карательный отряд венгров под командованием комиссара с чрезвычайными полномочиями от Самаркандского совета Андрея Фролова, очистив от большевиков всю Закаспийскую область; в Моздокском отделе подняли восстание терцы генерал-майора Эльмураза Мистулова; в Кабарде ширилась поддержка пророссийскому движению партии «Свободная Кабарда» князя Заур-Бек Даутокова-Серебрякова (взял фамилию Серебрякова после расстрела в Белгороде своего дяди

Василия Серебрякова); в Дагестане и на Тереке голову поднимали отряды братьев Лазаря (полковник) и Георгия (глава Временного народного правительства Терского края) Бичераховых. Да и Краснов на Дону, создав Молодую армию, подавал надежды на то, что как минимум обеспечит Деникину спокойствие в тылу и безопасность от красных с севера.

Прибывший в Екатеринодар генерал Врангель так описывал тогда своего нового главнокомандующего: *«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западным фронтом, он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства».*

ДОРОГИ ПОБЕД

Пока стратегическая инициатива оставалась на стороне Белой Армии, Деникин поспешил добить остатки красных отрядов в пробольшевицких черноморских отделах Кубани, сбросить разгромленную Таманскую армию в Понт Эвксинский и взять Новороссийск — не просто крупный порт, но и военноморскую базу Черноморского флота. Положение было крайне выгодное для наступавших, раздробленные силы Сорокина без единого командования отступали на юг.

О деморализации красных 5 сентября 1918 года писала их же газета «Окопная правда»: *«В нашей армии нет дисциплины, организованности... ее разъедают примазавшиеся преступные элементы, которым чужды интересы революции... Приходится констатировать недоверие как бойцов к командному составу, так и командного состава к главному (Сорокину), что ведет в конце к полному развалу всей революционной армии...»*

Подытожил причины летних поражений съезд фронтовых делегатов, прошедший в сентябре в Пятигорске: неподчинение

войсковых частей высшему командному составу «благодаря преступности отдельных лиц командного состава и недисциплинированности бойцов», трусости и паническому настроению «многих»; «грабежи, насилия, реквизиции», а также «целый ряд насилий над мирным населением»; «обессиление армии беженским движением, вносящим панику при первом же выстреле»...

В частях росло недовольство Сорокиным, которому припомнили его «союзнические» отношения с Автономовым и намерение «идти на немцев». К бывшему хорунжему приставили двух политкомиссаров для контроля за его благонадежностью, что не могло не нервировать его самого, заставляя принимать меры противодействия политическому руководству. В рядах большевиков назревал новый раскол.

Таманскую армию гнали к морю казаки 1-й Кубанской дивизии генерала Владимира Покровского и 1-го Кубанского полка полковника Андрея Колосовского. Красные огрызались, но безудержно откатывались к Новороссийску, имея подавляющее численное превосходство перед наступавшими — 30 тысяч дезорганизованных штыков против нескольких тысяч победных сабель — обычная статистика Гражданской.

Возможно, большой трагедии красным удалось бы избежать, не допусти в свое время они отчаянную глупость потопления Черноморского флота, обстоятельства которого до сих пор невыяснены.

В любом случае, когда Таманская армия вышла к Новороссийску в надежде найти средства для переправы, они уже покоились на дне бухты. 30 тысяч штыков (и с ними 25 тысяч беженцев) оказались в отчаянном положении. Приблизительно в том же окажется Добровольческая армия здесь же лишь спустя полтора года. Впереди море — сзади штыки наседающего противника.

Но в этот раз командарм, упрямый 28-летний матрос с обычного торгового парохода «Патагония» Иван Матвеев в отчаяние не впал и повел массу своих войск вдоль берега Черного моря на Туапсе, пытаясь пробиться на соединение с северокавказской группировкой Сорокина. Благо, перед ним маячили не белые части, а подразделения армии независимой Грузии, под шумок оккупировавшие будущие здравницы и уже считавшие Черноморское побережье Кавказа своим. В авангард Мат-

веев поставил своего ровесника штабс-капитана Елифана Ковтюха, в арьергард стал сам. Неся огромные потери в боях на два фронта, многотысячная масса, выбора у которой уже не было, в начале сентября выплеснулась в Туапсе, попутно разгромив у Архипо-Осиповки не ожидавшую такого напора грузинскую пехотную дивизию. Затем повернула на северо-восток и ушла через Главный Кавказский хребет в горы, теряя обозы, беженцев и артиллерию. Под Хадыженской и Пшехской отбились от шедшего по пятам Покровского и выскочили на Белореченскую. Через несколько дней под Дондуковской обескровленная Таманская армия (в руки белых попал не только обоз, но и 2 тысячи уведенных красными кубанских казаков) соединилась с войсками Сорокина.

По существу сохранивший боеспособную армию Матвеев совершил настоящий подвиг, за который полагается адекватная награда. Он ее получил — Сорокин приказал расстрелять героического матроса-командарма за неподчинение его приказам. А чуть позже и враждовавший с ним весь ЦИК Северо-Кавказской советской республики, арестованный в пятигорской гостинице «Бристоль» (председателя Абрама Рубина, секретаря крайкома Моисея Шнейдермана (В. Крайнего), главу фронтового ЧК Бориса Рожанского, уполномоченного ЦИК по продовольствию Семена Дунаевского (бывший комиссар финансов Донской республики) и др.). ЦИК пытался гнуть линию на подчинение «партизан» партийным властям, Сорокин — линию на главенство военных над любыми властями в период боевых действий. Фактически есаул Сорокин сделал то, что не успел совершить хорунжий Автомонов, вовремя задвинутый партией подальше от неподконтрольных масс партизанщины.

Однако через 9 дней уже самого главкома задержал специально посланный для ареста полк из обиженной им Таманской армии, а 19 октября командир 3-го полка Иван Высленко попросту пристрелил его в тюремном дворике. Без всякого суда и следствия. Интересно, что до этого, когда популярного главкома боялись пальцем тронуть, член Терского областного совета от партии меньшевиков Сергей Киров (вступил в РКП (б) лишь в 1919 году) предложил более радикальный способ — просто взорвать поезд Сорокина.

Не стоит вслед за многими исследователями считать эсера Сорокина чистым авантюристом и классическим отморозком

Гражданской войны. Есаул из фельдшеров был достаточно грамотным и популярным в войсках военачальником. Он умело играл на противоречиях между казаками и иногородними на Кубани, формируя целые бригады из жаждущих получить казачью землю мужиков, которые сами гнали в атаку упирившихся своих командиров (как это было в 1-й Лабинской бригаде). После разгрома под Екатеринодаром Северо-Кавказская армия Сорокина постепенно приходила в себя, о чем свидетельствовало нарастание ожесточения боев. Заметим, Сорокин набрал в свою армию не инопланетян, а тех самых опустившихся дезертиров, которые годом ранее стреляли в спину генералам, рвали погоны с офицеров, братались с немцами, жгли помещичьи усадьбы с воплями «мир хижинам, война дворцам», разбойничали в тылу, наводили ужас на железнодорожных станциях. Тогда казалось, что нет силы, которая заставила бы эту митингующую орду взять в руки оружие и идти вновь на фронт. Ан, нет, нашлась. Ибо большевики — это вам не либеральствующие «временные». Им нечего было оглядываться на «свободную прессу», общественное мнение, парламентариев, судей и адвокатов. У большевиков был разговор короткий — или мобилизация, или пуля в лоб тут же, на собственном подворье. По фронтам же раскатывал персональный бронепоезд наркомвоенмора Льва Гроцкого, который вообще долго не разбирался в причинах отступления. Просто проводил перед строем показательную децимацию, расстреливая каждого десятого из бегунов. Без всякого суда и следствия — на войне, как на войне.

У таких попробуй не отмобилизуйся. Вот и пошли безропотно бывшие крикуны и мародеры под большевистское ружье с «Интернационалом» на устах, как миленькие. От того и армии у красных были не чета «добровольным» белым — исчислялись десятками тысяч. Моральный дух нулевой, зато на слабонервных числом можно страху нагнать.

Сам Деникин с сожалением констатировал, что в сентябре красные не ослабли, а, наоборот, усилились за счет мощного притока иногородних Кубани и Терека, формирования и вооружения горских частей, которые рады были резать опостылевших им казаков.

На Ставрополье завязались упорные бои под Невинномысской и Барсуковской. Дроздовский завяз под Армавиром и Гулькевичами в кровопролитных боях с Михайловской групп

пировкой Сорокина. Принявший 1-ю конную дивизию барон Петр Врангель с переменным успехом дрался под Петропавловской, едва не угодив в плен во время атаки красных из-за своего заглохшего автомобиля. Шкуро со своими «волчатами» метался между Баталпашинской и Беломечетской.

10 сентября Сорокин перешел в контрнаступление, ударив строеными колоннами одновременно на Армавир, Невинномысск и Беломечетскую. Боровский, истощив свои силы у Невинномысской, вынужден был сдать город, что позволило красным возобновить подачу бронепоездов из Владикавказа. А вскоре командующий одной из колонн Иван Федько (бывший прапорщик) взял Ставрополь. Бои на истощение длились до ноября, пока раскол в местном ЦИК и гибель красного главокома не дезорганизовали все их управление.

Именно фельдшеру Сорокину Совнарком был обязан тем, что в течение двух первых месяцев осени окрепшая Добрармия не развернулась вместе с донцами на Царицын, отрезая Центральную Россию от бакинской нефти и астраханского хлеба, а увязла в изнурительных боях на Северном Кавказе, распыляя в них своих первых и лучших офицеров.

Вот так Деникин отзывался о нем после одного из боев: «...весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих — Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника».

Падение «самородка» в корне изменило стратегическое положение на Северном Кавказе. После длительных боев Покровский отбил Невинномысскую и вышел в тыл Армавирской группировке красных, на которую с другого фланга напали кубанцы Врангеля. Улагай и Боровский с севера вдоль железной дороги начали наступление на Ставрополь. Дроздовский неожиданной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья города. Туда же подходили и бронепоезда «Единая Россия» и «Генерал Алексеев».

Деникин с Романовским из-за отсутствия налаженной связи в те дни металась на штабном поезде между Армавиром, Невинномысской и Ставрополем, координируя усилия армии и чуть ли не ежедневно перенося свой полевой штаб.

При этом отнюдь не ограничивались чисто оперативной работой. «Я привез с собою немного теплой одежды, несколько сот пополнения, на сей раз много патронов и... глубокую, ничем не сокрушаемую уверенность в доблести добровольцев, которая приведет, несомненно, к нашей победе в предстоящем решительном сражении», — писал главком.

Под Ставрополь стягивались все основные силы Добармии — Врангель очищал правый берег Кубани и подходил с запада, Казанович через гору Недреманную и Татарку подтягивался с юга, Покровский и Шкуро через Темнолесскую — с юго-востока. 30 октября Покровский взял гору Холодную и перекрыл городской водопровод.

В Ставрополе скопились тысячи раненых и тифозных красноармейцев, отступающих войск, обозов. При этом реальную боеспособность, по уверению самих белогвардейцев, сохраняла лишь та самая Таманская группа — закаленные бойцы расстрелянного матроса Матвеева. Именно благодаря им красные совершили прорыв из кольца и вырвались из Ставрополя на Царицын.

«Ставрополь был взят. Большевики оставили в нем 2,5 тысячи непогребенных трупов и до 4 тысяч невывезенных раненых. На дверях лазаретов были надписи: «Доверяются чести Добровольческой армии...» Они могли рассчитывать на безопасность своих раненых. Мы — почти никогда. Во всяком случае, наши офицеры, попадавшие в руки большевиков, были обречены на мучения и верную смерть».

Деникин несколько идеализирует собственных подчиненных. Врангель стал свидетелем совершенно другого отношения к вражеским раненым: *«На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек, прежде, нежели предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать».*

Там же некто, отрекомендовавшийся Врангелю «начальником особого отряда при ставропольском губернаторе хорунжим Левиным», получил приказ взять под охрану местную тюрьму с пленными красноармейцами, а уже через несколько часов гене-

ралу доложили, что Левин устроил там кровавую «зачистку». Пока прибыл назначенный губернатором полковник Глазенап и арестовал его, тот успел пустить «в расход» несколько десятков пленных.

Бои под этим городом стоили Добрармии невосполнимых жертв. 31 октября был убит командир Корниловского полка полковник Владимир Индейкин (из крестьян) и ранен (как потом оказалось смертельно) начальник 3-й дивизии полковник Михаил Дроздовский (уже в госпитале через неделю Деникин вручит ему генеральские погоны). Оба — легенды Белого движения и их символы. 2-я и 3-я дивизии были выведены в тыл для пополнения, в полках оставалось не более 100–150 штыков. Число раненых исчислялось тысячами.

Зато прекрасно срабатывала «кавалерийская тактика» формирования частей Деникина — в каждой освобожденной станции в ряды армии вливались сумевшие избежать красной мобилизации казаки, пополняя ряды грозной белой конницы.

К тому же была получена весть и от восставших терцев: «Казаче-крестьянский съезд» из Моздока радиотелеграммой приветствовал Добровольческую армию «как носительницу идеи Единой, Великой, неделимой и Свободной России» и обещал «направить все силы для скорейшего соединения с нею».

Таким образом, отброшенные с Северного Кавказа красные уже не могли воспрепятствовать соединению Добрармии с теми горцами и терцами, которые делали ставку на Деникина. Угрозы с юга уже не было, против отдельных рассеянных по огромному региону красных отрядов можно было бы держать небольшие заслоны. Белая Армия могла поворачивать на север, где донцы вели маловразумительную войну с красными. Идти на Москву, как и предполагалось с самого начала, они не собирались, а чуть расширив свои пределы за счет уездов Саратовской и Воронежской губерний, искали способов «замириться» с большевиками. Краснов заявил об «усталости казаков на фронте», приказал остановить наступление на севере и вернуться на свои рубежи. Предполагалось, что переговорами о мире «с Москвой» займутся немцы и «дружественная Украина», а сами казаки займутся «караульной службой». Горячие головы на Кругу были успокоены, Деникин, наоборот, взбешен. Ни о каком стратегическом сотрудничестве с Новочеркасском не могло идти и речи, все согласованные действия шли прахом.

«Таковыми иллюзиями, стоявшими в полном противоречии со стратегией, психологией и практикой Гражданской войны и передающими всю инициативу в руки противника, приходилось донским генералам успокаивать нервы представителей на Круге и воинов на фронте», — писал он.

К началу ноября на Донском фронте порядка 52 тысяч казаков противостояли натиску почти 100 тысяч штыков и сабель красных. Генерал-майор Адриан Гусельщиков с Северным отрядом отразил наступление 8-й армии красных у станицы Таловой и дальше не пошел, генерал-майор Константин Мамантов со своей конной группой топтался под Царицыном. Атаман Краснов срочно пытался сколотить Доно-Кавказский союз из донцов, кубанцев, терцев, астраханцев и горцев с абсолютной автономией и всеми атрибутами суверенной власти, включая гимн, герб, собственную монету, марки, таможенную и пр.

Для государственника Деникина с его идеей «Единой и неделимой» это не шло ни в какие ворота. Отношения с донскими первыми лицами испортились окончательно. Главком написал в секретном наказе генералу Лукомскому: «Так как личная политика генерала Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией, то активной поддержки (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т. п.) оказывать отнюдь не следует».

Сам главнокомандующий разрывался между фронтом и семьей, отдавая все же предпочтение делу. Ася уже была на сносях. Мужа видела крайне редко и очень нервничала, когда Деникин не мог из-за напряженных боевых действий под Ставрополем приехать в Екатеринодар. Она жила вместе с матерью и дедом в маленьком домике на Соборной улице, редко выходила на улицу, ибо тяжелая беременность сделала ее подверженной быстрой утомляемости и частым обморокам. Однажды она потеряла сознание на улице, и лишь чужие люди добрали Асю и помогли добраться до дома.

«30 октября 1918 года.

Дорогая моя, ненаглядная! Что я не пишу, это понятно. Тем более, что где я и что делаю, Ты знаешь всегда. Но Ты? Ни слова, как здоровье, самочувствие, Ванька? Враги выдыхаются. Антон».

На этом фоне пришли известия о капитуляции Германии и вступлении 9 ноября флота Антанты в Новороссийск, что резко переменяло картину боевых действий на Юге России. Однако теперь генерал Деникин мог предъявить им не полуголодную полураздетую толпу «странствующих музыкантов», а вполне дееспособную армию, закаленную победами. В ее составе было уже не 3–4 тысячи еле держащихся на ногах штыков, а свыше 40 тысяч главным образом сабель — мобильные кавалерийские части, способные совершать стремительные рейды, маневренные и не зависящие от железной дороги, от которой боялись оторваться красные части. Сформированная Деникиным кубанская, терская, калмыцкая и горская конница резко контрастировала с первыми партизанскими частями и управлялась опытными генералами Первой мировой. К тому же именно на юге России находились главные отечественные конезаводы и всегда была лучшая иррегулярная кавалерия.

По утверждению умного наркомвоенмора Льва Троцкого, *«перевес конницы в первую эпоху борьбы сослужил в руках Деникина большую службу и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов... В нашей полевой маневренной войне кавалерия играла огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует тренированных лошадей и соответственного командного материала. Командный состав кавалерии состоял либо из аристократических, по преимуществу дворянских фамилий, либо из Донской области, с Кубани, из мест прирожденной конницы... В гражданской войне составить конницу представляло всегда огромные затруднения для революционного класса. Армии Великой французской революции это далось нелегко. Тем более у нас. Если возьмете список командиров, которые перебежали из рядов Красной Армии в ряды Белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов...»*

Уже целенаправленно «к Деникину» перебежало достаточно офицеров, мобилизованных большевиками. Хотя и гораздо меньше, чем на это рассчитывали белые. Тем более, что у многих мобилизованных оставались родственники в красном тылу. А с семьями перебежчиков большевики не церемонились. Даже если бы не поставили к стенке, то уж о продпайке «семье

красного командира» можно было забыть, а это верная голодная смерть.

Переходили на сторону белых и целые подразделения, особенно из числа пленных, бывших частей Кавказского фронта. По мнению представителей Добрармии, 70% из них воевали хорошо, 10% уходили обратно к красным, 20% уклонялись от боев. Однако и этого количества вполне хватало для пополнения белой пехоты. К тому же в августе белые впервые изменили своему добровольческому принципу и начали комплектовать армию по мобилизации. Чем в конце концов они хуже большевиков?

Сначала были мобилизованы все офицеры до 40 лет. А затем, по мере того как красные начали внедрять политику продразверстки и среди крестьян, мужик из черноморцев и ставропольцев, прежде лояльный большевикам, нестройными толпами пошел и в Белую Армию. В ноябре был объявлен призыв возрастов и с 1893 по 1899 год рождения.

После разгрома красных под Ставрополем часть их войск откатилась к Волге, часть рассеялась на Северном Кавказе. К концу 1918 года никакого организованного сопротивления армии Деникина на территории от Черного до Каспийского морей практически не оставалось. Локальные очаги стихийных выступлений и деятельности красных партизан подавлялись мелкими карательными акциями.

За полгода 2-го Кубанского похода Добровольческая армия обрела себе «столицу», территорию, население, выход к морю, союзников, гражданскую власть. А главное — доверие и базу для будущего похода на Москву. Деникина и его «штыки и сабли» перестали воспринимать временным или случайным явлением. Белая Армия стала реальной и грозной СИЛОЙ (к 1 января 1919 года в ее составе насчитывалось 82 600 штыков и 12 320 сабель), способной решать не только военные, но и политические задачи. Стратегический план генерала Деникина на летнюю кампанию 1918 года был выполнен с лихвой. Если символ Белого движения сын казака генерал Корнилов по существу терпел сплошные поражения (корниловский мятеж, отступление из Ростова, проваленный поход на Екатеринодар), то принявший его знамя сын крепостного генерал Деникин шел от победы к победе.

Даже прибывший 13 октября 1918 года в Омск адмирал Александр Колчак на следующий день отправил письмо генералу

Алексееву (уже на тот момент покойному), в котором предлагал свои услуги и готов был прибыть на Юг России, чтобы поступить в его распоряжение в качестве подчиненного. Через месяц в Омске произошел переворот, и свергнувшие Директорию казаки провозгласили Колчака Верховным правителем России. После чего у него вообще отпала необходимость кому-то подчиняться.

Однако к ноябрю 1918 года стало понятно, что судьба Гражданской войны будет решаться все же не в далекой Сибири, и даже не в Поволжье, а именно на Юге России, где генерал Деникин возрождает Русскую армию. Возрождает со всеми ее традициями — знаменами, регалиями, кокардами и погонами. Присовокупив к этому то, что уже было завоевано за год кровопролитной борьбы.

СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ

Пока шла Первая мировая война, полностью поглощенная «сокрушением гуннов» Антанта и помышлять не могла об активной помощи Белому движению. В дееспособность белогвардейцев не очень верили, и, как правило, участие союзников в российских делах ограничивалось лишь бодрыми оптимистическими заверениями. Ни в коем случае не для печати, ибо в начале 1918 года послы Антанты во главе со «слепым музыкантом европейского оркестра» Жозефом Нулансом еще не оставляли надежды убедить Ленина и Троцкого в необходимости содержать фронт против Германии. Даже когда всю шел переговорный процесс в Брест-Литовске.

Воевать самим теперь уже с Россией или хотя бы с какой-то активной ее частью у Антанты не было ни сил, ни желания. Гораздо дешевле было бы потратиться на финансирование реальной политической, а лучше военной силы, которая наведет в стране порядок и продолжит войну с Центральными державами.

Как и следовало ожидать, «слона» Нуланс не приметил, Добровольческой армии в упор не видел, а сорил деньгами в пользу эсеров, кадетов, чехословаков, поддерживая Ярославльско-Муромский мятеж Савинкова, выступление легионеров генерала Станислава Чечека, эсеровский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре и пр.

14 декабря 1917 года военный кабинет Великобритании принял решение о материальной помощи антибольшевистским силам. С партнерами по Антанте был подписан меморандум, в котором говорилось, что «если французы возьмут на себя задачу финансирования воинских сил на Украине, то мы могли бы изыскать деньги для других. Несомненно, что США присоединятся к этому процессу».

«Другие» — это казачьи области, Кавказ, Курдистан и Средняя Азия, где пролегли «жизненные интересы» Туманного Альбиона. У наших заокеанских друзей подобные интересы располагались в Сибири и на Дальнем Востоке. Франция брала на себя ответственность по организации и финансированию антибольшевистского движения в Бессарабии, Украине, Крыму. Она еще в начале декабря 1917 года признала независимую от России «Украинскую Народную Республику» Михаила Грушевского, обещая содействие деньгами в случае продолжения войны с Германией. Следом за ней Раду признала Англия. На Петроград уже махнули рукой, хотя и продолжали попытки всячески оттянуть сепаратный мир.

23 декабря в Париже была подписана Конвенция, которая говорила о разграничении «сфер влияния» в России. Расходы на святое дело должен был взять на себя «межсоюзный централизованный орган».

Однако максимум, что сделали союзники для финансирования «Белого дела» на юге России на его начальном этапе, это удачная афера английского разведчика Теренса Кийза с проталкиванием за взятки 15 млн рублей из уже национализированного большевиками Госбанка в его ростовское отделение. Правда, деньги пришли с большим опозданием — Добровольческая армия уже ушла в Ледяной поход. По свидетельству генерал-лейтенанта Бориса Казановича, к февралю 1918 года из обещанных сумм западные державы реально перевели на счета Белой Армии всего лишь 500 тысяч рублей.

Осенью 1918 года, когда события на Западном фронте стали более определенными и союзники Германии стали по одному выходить из войны (Болгария, Турция, Австро-Венгрия), исход мировой мясорубки уже стал predetermined. У Антанты развязывались руки для вмешательства в русские дела. Не из гуманитарных соображений, конечно, — единая и сильная Россия никому не была нужна. Важно было, во-первых, вер-

нуть свои деньги, вложенные в русскую экономику еще при царском режиме (как говорилось в меморандуме союзников, «нужно заручиться солидным залогом за долги, взятые Россией у Антанты»), во-вторых, отгородиться от московского большевизма двойным «санитарным кордоном» из государственных лимитрофов. Первый кордон после развала Центральных держав должны были составлять новообразованные страны Восточной Европы — Финляндия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. Своим созданием они были обязаны Антанте и полностью от нее зависели, поэтому на их верность можно было положиться. Второй кордон казался менее жизнеспособным, но свою «санитарную» роль также мог бы выполнять хотя бы первое время — страны Балтии, Белоруссия, Украина, Крым, Дон, Кубань, Грузия, Армения, Азербайджан, Туркестан, Сибирь, Дальний Восток.

К примеру, выступивший с обращением к вскющим нациям, известным под названием «14 пунктов», президент США Вудро Вильсон, комментируя 6-й пункт, заметил: «Все белогвардейские правительства на территории России должны получить помощь и признание Антанты; Кавказ — это часть проблемы Турецкой империи; Средняя Азия должна стать протекторатом англосаксов; в Сибири должно быть отдельное правительство, а в Великороссии — новое (то есть не советское)».

Посол Англии в Париже лорд Берти записал в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку». Тех, кто «может убираться к черту», то есть русский народ, лорд сразу вычеркнул из бытия. «Такой вещи вообще не существует, перед нами не что иное, как агломерат различных рас, разбившийся на куски».

Такой раздел огромной империи вполне подходил Антанте, с одной стороны, устранявшей самого мощного своего конкурента, с другой — заключавшей идеи большевизма в темницу с двойным замком и окутывавшей его «железным занавесом». В качестве «солидного залога» для обнищавшей за войну Европы вполне подходили украинская пшеница, донбасский уголь, бакинская нефть.

К тому же после завершения войны у союзников оставались громадные запасы военного снаряжения, которое все равно нужно было куда-то девать. Само собой все были уверены, что после крушения и унижения Германии следующей войны в Европе не будет еще очень долго. Почему бы тогда не отправить оружие и амуницию в Россию, чтобы красные и белые как можно дольше ослабляли и без того истерзанную войной и революцией страну.

23 сентября 1918 года из Лондона для союзников поступил очередной меморандум, по которому англичане заявляли о намерении создать особый комитет при Форин оффис под председательством бывшего посланника России в Великобритании Константина Набокова (дяди великого писателя). Комитет должен был заниматься вербовкой в Белую Армию офицеров и унтер-офицеров из числа эмигрантов. Их обучением и подготовкой занялся бывший военный атташе в России генерал-майор Альфред Нокс, прекрасно говоривший по-русски.

В конце октября в Екатеринодаре прошла конференция кадетской партии, на которой «пронемецкие» деятели принесли свои покаяния. Милюков торжественно заявил, что рад признать, что ошибался и правы его противники, ориентировавшиеся на Антанту. У либералов теперь были все основания ждать военной интервенции от «стран западной демократии». Предполагалось, что только они с их мощными высвободившимися армиями в состоянии навести порядок в России. Раскаяние Милюкова мало помогло. Отправленной во главе с ним делегации в Париж к Жоржу Клемансо был дан от ворот поворот. Старый политический волк не только не стал с ними беседовать, но и выслал из столицы под предлогом «германофильства» — Милюков понял, чьего.

Заигрывание с гетманской Украиной и Доном для Антанты эффекта не дало — Павло Скоропадский и Петр Краснов были законченными германофилами. Самарский Комуч и уфимская Директория (в октябре 1918 года переехала в Омск), хоть и называли себя «Временным Всероссийским правительством», но особого доверия из-за отсутствия реальной вооруженной силы (кроме чехословаков) у союзников не вызывали. Север из-за своей удаленности от столиц не мог считаться главным театром войны. Оставалась лишь Доброволия.

Самый близкий путь для союзников сюда был через черноморские порты, где генерал Деникин за год братского кровопролития уже создал для них весьма существенный плацдарм. При этом вряд ли Антанта предполагала свое непосредственное участие в Гражданской войне, как это делали чехословаки, речь шла лишь о снабжении белых армий, охране ключевых портов и железных дорог, создании предпосылок для общего наступления на Москву. По существу, речь шла об обыкновенной оккупации страны вплоть до полного погашения царских долгов за счет национальных богатств России.

В ноябре в Яссах представители Антанты начали переговоры с посланной от Деникина делегацией во главе с бароном Владимиром Меллером-Закомельским о предоставлении материальной и военной помощи белогвардейцам. К примеру, командующий Дунайской армией союзников генерал Анри Бертело в ходе консультаций с бывшим командующим Румынским фронтом генералом от инфантерии Дмитрием Шербачевым пообещал ему, что для оккупации Юга России будет двинуто 12 французских и греческих дивизий под командованием генерала д'Ансельма. Француз уверял, что, высадившись на своей главной базе Одессе, дивизии в кратчайший срок займут Крым, Киев, Харьков, Криворожский и Донбасский бассейны, Дон и Кубань. А получив столь существенный козырь (присутствовавшие на переговорах кадеты говорили, что им была обещана союзная армия в 150 тысяч), Деникин со своими уже немалыми силами вполне может двигаться на Москву.

В Яссах появился и генерал-лейтенант барон Игнатий Майдель, специальный посланник от атамана Краснова, которому поручено было нащупать почву к контактам с союзниками. Через него и главу Зимовой станицы полковника Янова Краснов просил у Антанты масштабного участия в делах России: *«...Без помощи союзников освободить Россию невозможно. Помощь эта может выразиться в присылке снаряжения, оружия, технических средств борьбы, обмундирования и денег, тогда борьба затянется на один, на два года, или в присылке кроме этого еще 3–4 корпусов войск 90–120 тысяч, тогда в 3–4 месяца можно всю Россию освободить... Если назначить один корпус для освобождения Кавказа, один вверх по Волге на Царицын, Саратов, Самару, Пензу, Тулу и Москву, один на Воронеж, Рязань и Москву и один на Харьков, Курск и*

Москву, можно с уверенностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походом и с боями — по взятии их Москва падет и дальнейшее движение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч. Украину временно придется занять иностранными войсками...»

Союзники, зная Краснова, через Майделя ответили более чем дипломатично: «Меня уполномочили уведомить: а) что Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всей русской армии в лице генерала Деникина; б) генерал Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому, если общественное мнение, генерал Деникин и Вы укажут, что Краснов, согласившись на полное подчинение главнокомандующему генералу Деникину, может остаться, то пусть остается, а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет и Дон войдет в русскую армию, то союзники обеспечивают помощь войсками, деньгами, всем...»

В Лондоне на экстренном совещании в Форин оффис под председательством министра иностранных дел Артура Бальфура было также принято решение официально признать «правительство» в Омске, пополнить британские войска в Сибири, обеспечить военную помощь Деникину, странам Балтии и оккупировать Бакинско-Батумскую железную дорогу. Последнее было тем самым «солидным залогом» в виде главного нефтеносного района России. К тому же у Англии были свои виды на Грузию и Дагестан.

Один из главных сторонников интервенции министр вооружений Уинстон Черчилль, называвший большевиков «свирепыми обезьянами-бабуинами», литературно вещал: «Мы можем покинуть Россию, но она не покинет нас. Мы уйдем, а она будет следовать за нами. Медведицей с окровавленными лапами она приползет сквозь снега на мирную конференцию. Она будет ждать делегатов у входа и скажет: «Значит, я не должна участвовать в вашей радости, в вашем торжестве? Я проливала за вас кровь, я истощила свои силы в борьбе за ваше дело. Не будь моих страданий, вы бы погибли. Неужели вы в самом деле хотите покинуть меня одну в моем несчастье?» В более узких кругах, скажем, в беседе с дочерью лорда Асквита, Черчилль был менее прозаичен. На ее вопрос, какова после

победы над Германией теперь политика Англии в отношении России, он просто ответил: «Убивать большевиков и лобызаться с гуннами».

Пафос Черчилля возымел действие, военный кабинет утвердил политику вмешательства в российские дела.

Возглавлять оккупационные силы против «свирепых обезьян-бабуинов» был назначен главнокомандующий союзными войсками на Балканах престарелый генерал Луи-Феликс-Мари-Франсуа Франше д'Эспере.

В середине ноября, сразу после капитуляции Германии и Турции, объединенная эскадра адмирала Амета вошла в Черное море. 22 ноября в Новороссийске бросили якоря английский крейсер «Ливерпуль» и французский «Эрнест Ренан». Их команды прокатили по железной дороге до Екатеринодара, где союзникам устроили пышную встречу. Почетный караул из офицеров Корниловского полка прокричал трехкратное «ура!». Командующий британской военной миссией на Кавказе генерал-майор Фредерик Пуль торжественно провозгласил: «Я послан своей страной узнать, как и чем вам помочь» и закончил эффектным: «Да здравствует единая, великая, неделимая Россия!» При этом генерал заметил, что видит залог успеха в такой триаде: «единое командование, единая политика, единая Россия», что донельзя порадовало Антона Деникина.

Верил ли главком ВСЮР в искренность намерений союзников относительно «единства» России? Вряд ли он особо обольщался. Их абсолютная пассивность при поддержке добровольцев в первой фазе Белого движения, попытки договориться с теми, с кем сам Деникин не мыслил идти на компромисс (большевики, гетманская Украина, меньшевистская Грузия, горские мюриды), опасные притязания на Закавказье и Прикаспийские регионы, хамское поведение в Сибири (Деникину много интересного по этому поводу рассказал изгнанный оттуда из-за ссор с союзниками посланник главкома генерал-майор Алексей Гришин-Алмазов) заставляли весьма сдержанно относиться к их двусмысленной «помощи». Вероятнее всего, Деникин понимал, что Антанта пришла сюда отнюдь не бескорыстно помогать, а просто «брать, что плохо лежит». Россия в данный момент «лежала плохо», ее мог грабить кто угодно — от большевиков, самозванных батьков и атаманов, до оккупантов и интервентов, появившихся за «солидным залогом».

Он понимал, что сегодня Антанта — это *malum necessarium*, «необходимое зло», без которого «Белое дело» никак не сможет обойтись. Практически все основные склады вооружения и военного имущества Русской армии остались на территории, контролируемой большевиками. Добрармии жизненно необходимы были союзное вооружение и союзные деньги, чтобы разобраться с врагом внутренним, а затем уже на равных обсуждать вопрос долгов с заклятыми друзьями из Антанты. Но пока Деникину НЕОБХОДИМО БЫЛО ТЕРПЕТЬ. Ради той самой единой и неделимой, которую так мечтали поделить эти самые заклятые друзья.

26 ноября другая часть союзной эскадры прибыла в Севастополь, 27-го — в Одессу (французские линкоры «Жан Бар» (флагман Амета), «Верньо», «Мирабо», «Жюстис», миноносцы «Гусар», «Ансень Анри», канонерская лодка «Ла Скарп», два греческих миноносца). В местной прессе было опубликовано «Воззвание держав Согласия к населению Южной России»: «Ставим в известность население, что мы вступили на территорию России для восстановления порядка и для освобождения ее из-под гнета узурпаторов-большевиков».

Флот это хорошо, но корабли в степях Украины бесполезны. Нужна была живая сила. Обрадованный Деникин 24 ноября тут же отправил письмо Франше д'Эспере: «В связи с уходом немцев, чтобы сохранить Юг с его ресурсами, надо срочно двинуть хотя бы две дивизии на Харьков и Екатеринослав».

Ответ Франше несколько обескуражил — генерал обещал первые подразделения стрелков высадить только 4–5 декабря.

Черчилль еще более расстроил главкома ВСЮР, сообщив 30 ноября о том, что из-за революционных и антивоенных настроений в войсках армия Его Величества будет продолжать оккупацию своими силами только железной дороги Батум—Баку (высадилась индийская дивизия), Романова-на-Мурмане и Архангельска. В остальном же — лишь помогать снабжением белым армиям (обещано было вооружения и имущества на 250 тысяч штыков) и прибалтийским странам. То есть, ни о каких 15 дивизиях, а уж тем более «150 тысяч союзников» речи и быть не могло.

В итоге первый английский транспорт и крейсер «Калипсо» прибыли в Новороссийск лишь 16 февраля 1919 года. 30 марта в Севастополе высадились четыре тысячи алжирцев и сенегальцев. Всего же в российских портах были высажены две фран-

цузские, полторы греческие дивизии и незначительные подразделения сербов, румынов и поляков.

Последнее особенно показательно — ни французы, ни англичане после капитуляции Германии не горели желанием посылать на новый фронт своих соотечественников. Страны-лимитрофы должны были для начала кровью оплатить создание Антантой их государств и поддержку политических режимов. Греции же с Румынией еще предстояло «заслужить» от союзников право на оккупацию соответственно у Турции Малой Азии с преобладающим греческим населением и Бессарабии с родственным молдавским.

Параллельно начался вывод подразделений капитулировавших немцев и австрийцев из России. К ноябрю 1918 года на территории бывшей империи оставалось лишь 34 дивизии. Австрийцы ушли раньше, их объекты охраны вынуждены были занять немцы, для чего им пришлось очистить Ростов и Таганрог. Разложение же в самом немецком стане было стремительное и почти паническое. Как писал Краснов, *«грозные германские солдаты, всего неделю тому назад суровым «halt» останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоружить украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей!»*

«Атаман повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии» в чине гетманского полковника Никифор Григорьев (Серветник) предупреждал германцев под Херсоном: «Иду на вас. Оставьте оружие и город, и я без всяких препонов пропущу вас в Германию... В противном случае... я вас разоружу, и наши бабы через всю Украину дубинами будут гнать вас до самой Германии».

4 декабря, когда французы высаживались в Одессе, из Ростова ушел штаб оккупантов во главе с майором Кокенхаузенем.

Интересно об этом времени написал Деникин: «Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях — распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы

поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров — некогда надменных и бесстрастных.

— Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы — собственными руками...

— Нет, не мы — наше правительство — отвечали они.

Зимой 1918 года я, как командующий Добровольческой армией, получил предложение от группы германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...»

Наиболее кроваво уход немцев сказался на Юге Новороссии. Если границу Области Войска Донского еще худо-бедно охраняли кавалерийскими заставами донцов и переброшенной Деникиным с Северного Кавказа 3-й пехотной дивизией (2,5 тысячи штыков) генерал-лейтенанта Владимира Май-Маевского (весной вступил рядовым в Дроздовский отряд) с бронепоездами, броневиками и авиационными отрядами, то украинская сторона после ухода немцев просто вспучилась мятежами. В Каменноугольный район, где было сильное влияние большевиков, Краснов выдвинул части 3-й и 2-й Донских дивизий и занял Луганск, Дебальцево и Мариуполь, но отсутствие германской помощи и недоверие союзников делали эффект от этого заслона весьма эфемерным. До первого серьезного натиска красных.

В Донбасс начали инфильтрацию большевистские агитаторы, вновь формируя отряды Красной гвардии. Атаман Гайдамацкого коша Симон Петлюра и бывший премьер-министр УНР Владимир Винниченко подняли восстание против гетмана Скоропадского и с помощью сечевых стрельцов Евгения Коновальца (один из создателей ОУН) пошли на Киев, где провозгласили создание Директории. С ними шли на «мать городов русских» все, кто хотел пограбить помещичьи имения и потрянуть богатых мещан. В Гуляй-Поле вольготно себя чувствовали партизанские отряды Нестора Махно, Федора Зубкова и Иванько. Только на Херсонщине и в Таврии партизанили крестьянские отряды командиров Масенко, Горбенко, Павловского, Ткаченко, Тарана и др. (до 120 отрядов), которые вообще не придерживались никакой политической ориентации и считались «зелеными». Атаман Григорьев с «Херсонской дивизией», в которую вошли 6 тысяч штыков из 117 отрядов, захватил Николаев, Херсон, Бирзулу, Колосовку и угрожал Одессе.

В брошенной всеми «жемчужине у моря» начался настоящий разгул бандитизма. «Король Одессы» знаменитый налетчик Мишка Япончик (настоящее имя Моисей Винницкий) штурмом взял тюрьму и выпустил всех заключенных, создав настоящий боеспособный кулак (обыватели с ужасом утверждали, что у него «под ружьем» до 20 тысяч босяков и жиганов). Банки и гостиницы грабились как расческой, в одно и то же время, согласованно по всему городу. В Русский театр, где собирались на спектакль офицеры, швырнули бомбу.

Полиция носа на улицу не казала, самооборону из офицеров-добровольцев пытался возглавить командир 1-й конной дивизии гетмана генерал от кавалерии Василий Бискупский, но находившийся в городе сербский полк отказался выступать на фронт, а польский отряд предпочитал перестрелку с отступавшими немцами. В незащищенный город 28 ноября спокойно вошли петлюровцы (так называли себя все «нэзалэжные» отряды, включая тех, которые не имели ни малейшего отношения к самому Петлюре).

Положение спас отважный генерал Гришин-Алмазов, сам возглавивший офицерский отряд. 4 декабря в день высадки четырех рот союзников во главе с командиром 156-й пехотной дивизии генералом Альбером-Шарлем-Жюлем Бориусом отряд Гришина-Алмазова поднял восстание. Как писал генерал А.С. Лукомский, «французы предполагали 5/18 декабря вступить в город с музыкой, но вследствие выяснившегося враждебного настроения петлюровцев, занимавших город, было решено первоначально очистить его от них». Сам французский генерал записал в этот день в свой дневник: «Вот предприятие, которое, несомненно, окончится плохо».

Интервенты заняли несколько улочек в районе порта и Николаевского бульвара, не рискуя пойти дальше. Тогда к ним прибыл сам Гришин-Алмазов.

Интересно описал этот эпизод бывший при нем Василий Шульгин: «Фактически французская интервенция на Юге России началась. В Одесский порт прибыли французские суда с небольшим числом французской пехоты. Во главе их стоял французский генерал Бориус. Они познакомились в моем присутствии. Я представил Гришина-Алмазова Бориусу, который сказал, кажется, по поводу украинствующих — «Ваши друзья — наши друзья. Но мы драться не будем». На это Гришин-

Алмазов ответил: «На это мы и не рассчитываем. Драться будем мы.» Бориус спросил: «А что Вам нужно от меня?» «Несколько офицеров-французов.» «Зачем? Затем, чтобы они были свидетелями того, как мы будем драться.» Бориус очень обрадовался: «Назначаю вас военным губернатором Одессы».

Генерал показал союзникам, как надо драться, — петлюровцы были выбиты из города. Потери добровольческого отряда исчислялись в 24 офицера убитыми и около 100 ранеными. Французы же лишь постреливали из судовой артиллерии.

Кстати, мнение Бориуса полностью совпало с деникинским — Гришина-Алмазова утвердили военным губернатором.

«Это неожиданное приращение территории, — писал Деникин, — хотя и соответствовало идее объединения южной России, но осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбы большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой. Но трехцветный флаг был уже поднят над Одессой, и это обстоятельство обязывало».

Гришин-Алмазов нанял конвой из татар и попытался даже пресечь бандитский беспредел Япончика. «Пресекал» по законам военного времени — без суда и следствия. Дошло до того, что Япончик лично прислал ему письмо: «Мы не большевики и не украинцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем». Шульгин пишет, что, прочитав письмо, генерал отказался на него отвечать и заявил: «Не может диктатор Одессы договариваться с диктатором уголовных».

Однако вскоре у Гришина-Алмазова испортились отношения с союзниками. Его настоятельные апелляции к Бориусу о необходимости наступать, согласно планам Деникина, на Екатеринославль и Харьков разбивались о нежелание французов вообще выходить за пределы Одессы (всего «французов» было порядка 18 тысяч — как правило, зуавы, алжирцы и вьетнамцы). Более того, Бориус запретил и русским активизировать боевые действия.

Та же история, как под копирку, произошла в Крыму, где 28 декабря в Севастополе высадился французский полк. Два месяца главком ВСЮР бомбардировал телеграммами союзное

командование с описанием оперативной обстановки и об угрозе со стороны красных. Бесполезно. Как горько замечал сам Деникин: «На мои телеграммы генералу Франше д'Эспере ответов не поступило. Англичане были положительнее и откровеннее: на мою телеграфную просьбу в Батум генералу Уоккеру о необходимости оказать «немедленную моральную помощь Дону, которая могла бы выразиться в присылке на Донской фронт (хотя бы) двух-трех английских батальонов», генерал Мильн выразил «крайнее сожаление, что указания, полученные (им) от великобританского правительства, не дают (ему) права выслать (мне) войска...»

Деникина можно понять, он не знал о секретных соглашениях союзников о разделе «сфер влияния» в России, но совершенно точно он должен был понимать, что они пришли сюда не воевать, а взыскивать с русских царские долги. Поэтому ни о каком совместном наступлении речи быть не могло. Более того, французы сразу дали понять, что не собираются воевать под командованием русских, а, напротив, желают переподчинить добровольцев себе в качестве вспомогательной силы. Чтобы не мешали охранять «солидный залог». К тому же Франше д'Эспере недвусмысленно дал понять, что «единая и неделимая» лично ему никак не улыбается и он был бы вполне рад, если бы от нее оторвался значительный кусок в виде «подвасальной» Франции украинской Директории.

К примеру, военные склады Румынского фронта в Тирасполе, Николаеве и на острове Березань близ Очакова сразу же были взяты под охрану и, несмотря на отчаянные мольбы Гришина-Алмазова, оружие с них добровольцам получать запретили. Союзники заявили, что склады — собственность Директории и не подлежат «расхищению». Резонно опасавшийся Деникина Петлюра был счастлив. Правда, недолго. Вскоре они попали в руки наступавшим красным.

Кроме того, командование союзников заявило, что ни одно находящееся в Севастополе судно Черноморского флота не будет передано русским до установления твердой власти, ибо неизвестно, не нанесут ли они урон Антанте. Какой «урон» могли нанести чудом выдернутые из Новороссийска незатопленные суда, сначала было непонятно. Затем все прояснилось. Союзники попросту их конфисковали в счет долга (в виде «залога»), подняли свои флаги на всех исправных миноносцах:

на «Дерзком» и «Счастливом» взвился английский «Юнион Джек», на «Беспокойном» и «Капитане Сакене» — французский триколор (их перекрестили в «Р-1» и «Р-2»), на «Зорком» — итальянский флаг, на «Звонком» — греческий. Линкор «Воля» вообще английской командой был уведен в турецкий порт Измир. Андреевские флаги оставили только на стоявших в ремонте судах — крейсер «Кагул», три миноносца и старые линкоры. При этом севастопольские склады были попросту выпотрошены союзникам без всяких документов и разрешений.

Стал «прозревать» Деникин, только когда к нему 30 января 1919 года пришло письмо от атамана Краснова. Тот писал, что к нему заявился французский капитан генерального штаба Фуке (по выражению Деникина, «человек, мало соответствовавший трудной роли представителя Франции. И начал-то он свою карьеру на юге как-то странно — представлением мне на подпись дифирамба своим заслугам для ходатайства перед Франше д'Эспере о производстве его в следующий чин»), предложив немедленно послать из Севастополя одну французскую дивизию в обмен на подписание пары «бумаг». Суть первой состояла в том, чтобы Донское правительство обязалось взять на себя удовлетворение материальных потерь в результате беспорядков «лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна». «Возмещение убытков так же, как и 5 процентов доходов (проторей) со дня прекращения работы вследствие событий, будут уплачены потерпевшим в 10 сроков, считая со дня решения комиссии. Способ и правила уплаты будут совершенно те же, как принятые для оплаты купонов русской 5-процентной ренты 1906 года», — говорилось в первой из «бумаг». По второй Краснов и Деникин должны были признать верховное командование генерала Франше д'Эспере. При этом капитан подчеркивал, что вторая «бумага» уже была якобы согласована с главкомом ВСЮР.

Деникин вскипел и сразу ответил телеграммой: «...При всех требованиях помощи союзными войсками я всегда совершенно определенно и настойчиво подчеркивал, что таковая ни под каким видом не должна носить характера оккупации, что никакое устранение или даже ограничение власти военной и гражданской не будет допущено. Между тем предложенное Вам соглашение предусматривает подчинение генералу Франше д'Эспере по вопросам военным, политическим

и общего порядка. На подобное подчинение я сам никогда не пойду и не допущу, чтобы таковое было бы признано какою-либо из подчиненных общему командованию частей. Равным образом никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что вопросы общего порядка, равно как и политического, должны решаться только нами, русскими, по нашему усмотрению, как мы их понимаем, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство в этом направлении...»

Фуке был убран, но политика французов по постепенному забиранию в свои руки общего командования и рычагов власти продолжилась. Генерал д'Ансельм русским было предложил сформировать смешанные бригады по своему образцу, но непременно с французскими офицерами и унтер-офицерами в виде инструкторов и с подчинением французскому командованию. Назначенный Деникиным в январе 1919 года командующим войсками Юго-Западного края Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Санников (бывший городской голова Одессы) запросил главкома о том, как реагировать на подобную оригинальную инициативу. Деникин был непреклонен: *«Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, главнокомандующий, не допущу ничего вмешательства в вопросы формирования русской армии. Если бы кто-либо позволил себе сделать это, объявите, что исполнивший незаконное распоряжение будет предан суду».*

Санников с удовольствием послал союзников куда подальше. Но в феврале уже в ранге Верховного комиссара Франции в регионе в Одессу прибыл собственной персоной взбешенный генерал Франше д'Эспере. Он закатил в городе форменную истерику, отстранив от своих постов Санникова и Гришина-Алмазова. На пост военного генерал-губернатора Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне Одессы был назначен генерал-лейтенант Алексей фон Шварц.

Генерал был прекрасным военным инженером, хорошо зарекомендовавшим себя во время обороны Ивангородской крепости в сентябре—октябре 1914 года, но абсолютно негодным управленцем и администратором. Более того, лишь недавно бежал от красных, осуществляя до Брестского мира военное руководство Северным участком завесы и Петроградским

районом, а затем и по личному приглашению Троцкого занимаемая организацией Красной Армии. Вероятно, единственной причиной, сподвигшей француза остановить выбор на нем, являлись его неславянское происхождение и абсолютная лояльность интервентам. Он им просто не мешал.

Потом надворный советник Яков Кефели утверждал, что заявившийся на квартиру больного Шварца лично Франше д'Эспере обещал ему содействие в виде переведенного из Румынии французского корпуса Бертело, 9 батальонов зуавов и греческого корпуса. С такими силами инженер вроде бы согласился стать губернатором. Интересно, что заведовать финансовой частью у Шварца согласился Михаил Бернацкий, параллельно заседавший в это время в Особом совещании в Ростове у Деникина.

Деникин понимал, что через инженера Шварца союзники попросту забирают себе контроль над Новороссией, и категорически противился его назначению. Безрезультатно.

Через несколько дней Франше д'Эспере прибыл в Севастополь, где учинил разнос командующему Крымско-Азовской добровольческой армией генерал-лейтенанту Александру Боровскому. Отчаянно храбрый бывший командир ростовского Студенческого батальона оторопел, когда француз начал учить его, как русским надлежит воевать и куда наступать. На вопрос Боровского, когда придут и что будут делать союзники, «Отчаянный франк» заметил, что в Севастополе уже высадилась одна тысяча греков и на днях ожидается еще одна тысяча из 1-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Константиноса Нидера. Но они будут лишь обеспечивать русским «тыл».

Деникин встревожился не на шутку, а когда узнал о шашнях французов с Петлюрой, даже засобирился переводить свой штаб из Екатеринодара в Севастополь. На что получил безапелляционный ответ от обидчивого Франше д'Эспере: «Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Как или «командовали» и обеспечивали «тыл» стало понятно, когда греки с броненосца «Лемнос» подчистую разграбили флотские склады в Севастополе. Собственно, и фронт союзники обеспечивали так же бойко.

В конце февраля они наконец двинули в Херсон и Николаев свои мизерные части — батальон греков на ослах, две роты французов при двух горных пушках (вместе с белогвардейцами — около 5 тысяч). Навстречу им вышел тот самый атаман Григорьев, который на тот политический момент уже перестал быть царским штабс-капитаном, гетманским полковником, «стрельцом» Петлюры и предпочел стать комбригом 1-й Заднепровской бригады красных. Атамана обидело (его убедил в этом начальник штаба Юрко Тютюнник), что Петлюра не назначил Григорьева на пост военного министра, поэтому теперь надеялся, что красные оценят его заслуги и назначат на должность главы «Реввоенсовета Украинской Красной Армии».

«Ослиная кавалерия» ничуть не испугала Григорьева, располагавшего подавляющим перевесом. После кровопролитного боя с греками (французы «обеспечивали тыл», а 176-й полк вообще отказался высаживаться на помощь грекам) его части ворвались в Херсон, где им сдались около 400 эллинов. Все пленные были расстреляны по приказу красного комбрига — Григорьев велел «пленных не брать». Для устрашения на будущее. Общие потери союзников составили порядка 600 человек.

Удивительно, но именно эта мера помогла атаману через несколько дней взять и Николаев, которому он предъявил оригинальный ультиматум.

«Николаев. Командующему войсками Антанты на Юге России генералу д'Ансельму. Даю всем иностранным разбойникам четыре дня на сборы. В городе оставить оружие, провиант и знамена. Завтра в Чернобаевку прислать обоз — 15 000 пар заграничных сапог и 10 000 комплектов обмундирования. Если к обеду не будет исполнено, войду в город вечером. Все сыграют в ящик, пленных брать не буду. Атаман всея Юга России, губернатор Таврии, Херсона, Николаева, Одессы, Александрии, Елисаветграда, Таганрога и всея нашей земли Никифор Григорьев. Февраль, 26 дня 1919 года».

«Экспериментатор» д'Ансельм поспешил эвакуировать Николаев через 8 часов после получения ультиматума. Да так удачно, что Григорьеву достались громадные трофеи — 20 орудий, бронепоезд, много пулеметов.

В начале марта три батальона греков и один зуавов были еще раз биты атаманом уже под Одессой. На мосту через речку Березовка у станции Колосовка отступавшие в панике

интервенты бросили 8 орудий, 100 пулеметов, 7 паровозов и самое главное — невиданные доселе чудища, 5 танков. По воспоминаниям очевидцев, к ним боялись приближаться три дня. А затем атаман отослал один из них в Москву в подарок Ленину.

Обнаглевший Григорьев отправил телеграмму военному губернатору и градоначальнику Одессы Шварцу, требуя безоговорочно сдать город и обещая в случае неисполнения снять с генерала кожу и натянуть ее на барабан. Наглость атамана была совершенно неадекватной, ибо его 10–12-тысячной крестьянской бригаде противостояли свыше 35 тысяч французов, греков и румынов и отдельная Одесская стрелковая бригада белогвардейцев генерал-майора Николая Тимановского (3,5 тысячи штыков, 1,5 тысячи сабель, 26 орудий, 6 броневиков). «Железный Степаныч» плюнул на запрещение оккупационных властей проводить мобилизацию и призвал под знамена «единой и неделимой» всех, кому было не все равно.

С этими силами Григорьева с его бригадой можно было запросто утопить в одесском лимане. Если бы, конечно, кроме белогвардейцев, кому-то хотелось воевать. Интервенты попросту разлагались на глазах.

Престарелый премьер-министр Франции Жорж Клемансо, наряду с Черчиллем, один из главных вдохновителей интервенции, в этот момент целиком был поглощен разделом мира на Парижской мирной конференции, начавшейся в январе 1919 года. Определенности в политике Третьей республики в отношении России еще не было — не нравились монархисты Добрармии, не нравился слишком независимый Деникин, не нравились узурпаторы-большевики, не нравился бессильный Петлюра.

В парижском парламенте внимательно читали оправдательные после позорных поражений донесения генерала д'Ансельма о том, что «большевистское движение есть чисто народное движение, которому горячо сочувствует вся масса населения». Сделав правильный вывод из неправильных тезисов, парламентарии попросту отказали в кредитах на операции в России. Союзное командование, кроме англичан, посчитало, что раз такое дело, «Россия сама должна изжить свой большевизм». К тому же их подстегнул бунт на флоте. Сначала матросы отказались подчиняться на линкорах «Мирабо», «Жюстис», «Жан Бар», а затем и на флагмане «Вальдек Руссо», крейсере «Брюи»,

миноносцах «Фокошю» и «Мамелюк». Держать вдали от метрополии буйную, почти пиратскую эскадру не имело смысла.

Генералу д'Ансельму был отдан приказ в трехдневный срок провести эвакуацию, для чего из Константинополя была отправлена сильная эскадра. Обрадованный стратег пообещал ее исполнить за два дня.

При этом эвакуацию открыто не объявляли, хотя кому надо, узнали об этом вовремя. Ватаги Мишки Япончика вновь кинулись грабить банки и магазины, в штаб д'Ансельма в гостинице «Лондонская» прибыла делегация от нелегального Совдепа во главе с его секретарем 24-летней Еленой Соколовской, выдвинувшей генералу ультиматум о том, чтобы французы не пытались увозить русские суда и не увозили запасы продовольствия. При этом большевики вполне резонно заявили, что войска интервентов небоеспособны, солдаты и матросы не станут стрелять в одесских рабочих. Власть же в городе с 3 апреля возьмет в свои руки Совдеп. Небоеспособность интервентов была очевидна и отчасти объяснима. Республиканские традиции французов естественным образом позволяли им иметь симпатии на стороне «народной власти» в пику «тирании», греки, традиционно тяготевшие к единоверцам из России, и по давню не желали лишней крови. К тому же только что отгремевшая война в Европе настолько утомила даже тех, кто был призван в армию лишь недавно, что всерьез воевать с «этими русскими» никто не желал. Солдат же перед отправкой уверяли, что они едут в медвежью Россию всего лишь охранять порядок, а отнюдь не кидаться со штыками на ополчившийся против «господ» народ.

Отважный генерал согласился с тем, что половина его подчиненных действительно разложена, но вторая половина из тяжелых корабельных орудий за полчаса запросто разнесет всю Одессу, если ему не позволят спокойно эвакуироваться.

Совдеп счел угрозу вполне реальной, тем более, что сам Григорьев со своими силами не решался начать штурм. Очевидцы утверждали, что накануне до захвата города атаман «в продолжение суток слушал полковой оркестр... пил вино из ведра и большей частью был пьян».

Генерал Тимановский узнал об эвакуации случайно, когда держал фронт. На просьбу о месте для своей бригады на французских кораблях д'Ансельм отказал. Не заплатил белогвардей-

цам и причитавшиеся им в виде жалования средства в валюте, сославшись на то, что «казначейская операция займет 2–3 дня». Интересно, что в это самое генерал Шварц преспокойно забрал 800 тысяч крон, которые предназначались добровольцам, сел на французский пароход и уплыл в Константинополь. С ним покинул город и его добрый знакомец — начальник штаба оккупационных войск полковник Анри Фрейденберг (уроженец Одессы, имевший налаженные связи с местным бизнесом), вскоре вышедший в отставку и открывший собственный банк в турецкой столице.

Бригада вынуждена была уходить в Бессарабию, уже оккупированную румынскими войсками. Здесь в какой-то степени повторилась история отряда Дроздовского. Генерал Бертело распорядился разоружить бригаду — «железный Степаныч» ответил, что откроет огонь на поражение по союзникам. После долгих и упорных переговоров было принято решение отправить белогвардейцев морем в Новороссийск, но с условием, что они оставят все вооружение. Перед отплытием генерал Тимановский направил письмо генералу д'Ансельму: *«Исполняя все Ваши приказания по приказу генерала Деникина, я никогда не мог предполагать тех незаслуженных оскорблений и унижений, которые выпали на меня и на подчиненные мне части. Неужели только за то, что Добровольческая армия одна осталась верной союзникам?..»*

8 апреля в Одессу на белом коне въехал атаман Григорьев в окружении одетых в брошенное английское обмундирование «хлопцев». Комендантом города был назначен пронырливый Юрко Тютюнник. Он обеспечил атаману трофеи — из Одессы были вывезены 38 эшелонов различного добра, 20 тысяч комплектов антантовского обмундирования, 30 тысяч винтовок, 30 цистерн нефти и бензина и т.д.

Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины Христиан Раковский слал восторженные поздравительные телеграммы «красному герою», Григорьеву был вручен орден Красного Знамени за № 3.

А интервенты в это время уже готовились так же успешно эвакуировать и Крым, уводя из Севастополя русский флот под собственными флагами.

Злорадствовавший Петр Краснов так потом объяснял причины такого поведения Антанты: *«Появись в эту минуту,*

именно зимою 1918 года, на фронте в Украине и на Дону синие капоты французских солдат или английские шинели — и большевизм бы рухнул. Но тогда рухнул бы и интернационал. Тогда началось бы братство народов, национальностей, тогда были бы Россия, Франция, Англия, но не было бы одного лица — вернее, одной безличной народности. И вот в Версале отложили помощь Украине.

Была и другая грозная причина. Хотя французы и англичане уверяли, что большевизм есть болезнь побежденных армий, что они, победители, и их армии не тронуты этою страшною болезнью, на деле было не так. Французские и английские солдаты не желали воевать с большевиками, их армии уже были разьедаемы тою страшною гангреною усталости, которая явилась следствием войны».

Через полтора года французский военный корреспондент в Белой России Шарль Риве в газете «Temps» напишет: «Франция совершила величайшую историческую ошибку. Мы не поняли того, что помощь белым армиям являлась залогом победы над тем злом, которое угрожает всему цивилизованному миру. Мы заплатили бы за этот залог сравнительно скромную сумму, если принять во внимание размеры этой опасности: всего лишь две тысячи орудий и два-три парохода с военным снаряжением, которое мы получили от немцев бесплатно и которое нам было не нужно. Мы, столь осторожные и мудрые в нашей политике, в русском вопросе оказались глупцами. Мы страхуем нашу жизнь, страхуем дома и рабочих от несчастных случаев и безработицы, и мы отказались застраховать наших детей и внуков от красной чумы. Наши потомки сурово осудят преступную небрежность наших политических вождей».

Тем не менее следует заметить, что на этом этапе интервенция достигла некоторых своих целей. Французы получили себе в «залог» русский флот, англичане — железную дорогу Батум—Баку, порты и выход к нефти, румыны оправдали захват Бессарабии, греки получили «добро» на войну с Турцией за малоазиатские территории, американцы и японцы зацепились за Сибирь и Дальний Восток. Кроме того, понеся минимальные потери, интервентам удалось не ввязаться в серьезную войну, сохранив хорошую мину при плохой игре и продемонстрировав Белой Армии свою открытую поддержку.

РУЛЕВОЙ ОБОЗА

Еще одно важное дело, которое сумели за этот период сделать интервенты, — Белая Армия на Юге России получила ЕДИНОГО главнокомандующего. Антанте нужна была уверенность в собственных «инвестициях» в расположенную в их «сферах влияния» Доброволию, для чего управлять ею должен был человек, которому бы они доверяли, с кем можно было бы «иметь дело». А для того, чтобы они посылали технику и вооружение, необходимо было, чтобы командование сосредоточилось в одних руках. В Сибири для этого существовал лояльный союзникам Верховный правитель адмирал Александр Колчак, но Сибирь была далеко, да и «сферы влияния» там делили между собой США и Япония, так что это была их головная боль. Но там с «единым центром» было хотя бы все понятно.

На юге же на роль центра борьбы с большевиками претендовали и петлюровский Киев, и красновский Дон, и деникинская Доброволия. Националист Петлюра устраивал как часть «санитарного кордона», но воевать с большевиками за пределами «нээзалэжной» он не собирался. Да и царские долги союзники выколачивать с него особенно не рассчитывали. Разве что «пофлиртовать» в пику «единой и неделимой».

Атаман Краснов, как и гетман Скоропадский, дискредитировавшие себя пронемецкой ориентацией, рассчитывать на злопамятных союзников уже не могли. Впрочем, Краснов изо всех сил пытался завязать контакты, приглашал в Новочеркасск делегацию англичан и французов, демонстрируя оппозиции «близость» с Антантой. Ездил в Кущевскую на встречу с главой английской миссии генералом Пулем.

Но оппозицию он не убедил (хорошо поработал генерал Богаевский), «прощупывание» союзной делегации закончилось явно провокационным предложением французского капитана Фуке о полном подчинении Антанте и выплате компенсации со стороны Дона, а генерал Пуль прямо заявил о том, что намерен добиваться единства командования во главе с Деникиным.

Интересно, что перед началом «свидания в Кущевской» стороны долго препирались, кто к кому должен идти в вагон — атаман или генерал. Два поезда на станции стояли окно в окно. Детские насюки через адъютантов по типу «а ты кто такой?» продолжались несколько часов, пока Краснов не

заявил совершенно парадоксальное: «Передайте генералу Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Слышите: ни в чем! Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция — он имеет все свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично...»

Англичане совершенно растерялись и решили хотя бы расставить точки над «i». Долгая беседа имела противоречивый характер, ибо стороны так и не пришли к общему мнению.

В итоге Пуль написал атаману специальное послание: *«Если я буду вынужден вернуться и доложить моему правительству, что между русскими генералами существуют взаимная зависть и недоверие, это произведет самое болезненное впечатление и, безусловно, уменьшит шансы того, что союзники окажут какую-либо помощь. Я предпочел бы донести, что Ваше Превосходительство показали себя настолько великим патриотом, что согласились даже подчинить Ваши собственные желания общему благу России и согласились служить под командой генерала Деникина».*

В свою очередь Краснов убеждал союзников в том, что главным ВСЮР является «не способным на творчество и притом совершенно не понимающим характера войны с большевиками... что генерал Деникин погубит все дело». Более того, атамана занесло настолько, что он стал доказывать, что «подчинение генералу Деникину не понравится офицерам и старшим начальникам, которые будут бояться, что от них отнимут все высшие командные должности и заменят их лицами, удобными Деникину, и не казаками, и это может вызвать упадок их энергии в самые решительные минуты борьбы. Пропаганда о подчинении казаков «регулярным», об отдаче их под офицерскую палку уже ведется на фронте, приказ о едином командовании усилит эту пропаганду».

По сути он пытался убедить союзников в том, что единоначалие под рукой генерала Деникина чуть ли не вызовет бунт среди казачества, которое-де сам Деникин «не понимает». При этом Краснов вроде как не замечал, что именно в составе Добармии уже год с успехом сражались казаки генералов Семилетова, Богаевского, есаулов Лазарева и Бокова, полковника Краснянского. С успехом у Деникина воевали кубанцы и терцы,

добившиеся в составе армии куда больших успехов, чем более многочисленная Молодая армия атамана Краснова.

Можно, конечно, было бы это объяснить личной неприязнью двух генералов, а также подогреванием ситуации любимцем Краснова генералом Денисовым, у которого были личные счеты с Деникиным. Тот вообще отказался передавать 90 тысяч листов планов и карт для войск, свои новые уставы и войсковые учебники добровольцам, заявив, что все операции, задуманные в его штабе, «глубоко обоснованные, действия же Добровольческой армии — кустарные».

С этим можно спорить сколько угодно, но уж совершенно точно Деникин никогда бы не простил Денисову его «странствующих музыкантов», как вряд ли простил Корнилов генералу Алексееву его определение «генерал с сердцем льва и мозгами барана».

В конце концов дело было не в личных амбициях, а в фактах. Факты же были явно против командования Донской армии.

Прекрасно понимавшее, что донцы без германской поддержки долго не выдержат, командование красного Южного фронта, собрав мощный кулак, зимой 1918–1919 годов навалилось на Молодую армию с севера и северо-востока. Как писал Деникин, *«в конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще борющимся войскам Хоперского округа».*

Сам Краснов уже вскоре жаловался на то, что «прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества...»

Антанта понимала, что единственной реальной силой в Доброволии может быть только Добрармия и сам Деникин, к которому тяготели уже не только Кубань (главным образом, линейные казаки и генералитет), Терек и Северный Кавказ.

Казачий сепаратизм Дона и кубанскую самостоятельность разделяли далеко не все. К примеру, атаман Оренбургского войска Александр Дутов писал: «...Наше войско сепаратических стремлений не имеет и борется за всю Россию. На вашу армию мы возлагаем большие надежды и полагаем, что только вы и решите окончательно судьбу России. Ваша армия находится на юге и имеет все под рукой. В ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы...»

Наладить связь именно с Деникиным пытались Сибирь, чехословаки, Комуч, киевские монархисты, Крым, Псковский добровольческий корпус генерал-майора Генриха-Карла Тимолеона фон Нефа и др. Союзники понимали, что доказавший и в самые тяжелые периоды войны свою лояльность Антанте главком ВСЮР единственный, кто представляет из себя реальную силу и реальную власть на территории «сфер влияния». С ним можно иметь дело и можно договариваться. Как и на каких условиях, вопрос торговли и дипломатических усилий. Но в данной ситуации судьба всего «Белого дела» находится в руках Добрармии, а значит, и в руках 46-летнего Генерального штаба генерал-лейтенанта.

26 декабря 1918 года на станции Торговая состоялось совещание с участием командования обеих армий. На нем Деникин поставил вопрос ребром: следует прийти к сознанию необходимости единой воли и единого управления в делах внешних сношений, единой сети железных дорог, банковской системы, почтового союза, общего суда и, наконец, гласно признать единое командование, напирая на то, что без этого на реальную помощь союзников можно не рассчитывать. В первую очередь речь шла о том, что у обеих армий наблюдается явный перекося в родах войск — у донцов масса конницы и не хватает пехоты, у добровольцев наоборот. А при таких расстояниях фронта (только донской участок фронта занимал 1600 верст) необходимо сосредоточить всю конницу в одних руках, в то время как на Дон Добрармия может направить пехотные части.

Логика главкома вполне понятна. С одной стороны, значительные кавалерийские силы позволяют белым выигрывать в подвижности и совершать обходные маневры при отсутствии

сплошной линии фронта. Именно конным массам была предназначена роль тарана в будущем походе на Москву. У красных конницы не было, оперативно подтянуть резервы к месту прорыва можно было только по железной дороге, но «чугунку» легко перерезать, захватив станцию, перекрыв семафор, взорвав стрелки и нарушив сообщение. А потом — попробуй догони лихих всадников с развороченными тылами и коммуникациями.

С другой стороны, переподчинив под давлением союзников 100-тысячную Донскую армию себе, Деникин выбивал главный козырь из рук своего оппонента, делая должность атамана чисто карикатурной. Краснов без армии уже не представлял из себя ничего и сохранял бы пернач лишь до следующих выборов.

«Лично для меня, — писал Деникин, — эта борьба за приоритет Добровольческой армии, веденная вокруг моего имени, была до крайности тягостна. И в душе я готов был не раз помириться со всеми недостатками разъединенного фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнование, возбуждавшее общественные страсти, отзывавшееся на фронте и ронявшее нас в глазах союзников. Положение мое было тем более трудным, что ни одна из известных мне русских общественных групп, ни одна область, ни одна армия, не исключая даже Донской, не выдвигали генерала Краснова на пост главнокомандующего соединенными силами Юга».

Что оставалось самому атаману? Его армия разваливалась, недовольство в среде казачества росло, оппозиция (Харламов, Парамонов, Сидорин, Семилетов, Богаевский) покоя ему не давала, екатеринодарские газеты взахлеб облаивали Краснова чуть ли не ежедневно за его германофильство и сепаратизм, союзники в лице немцев и гетмана испарились, Антанта не доверяла. В августе он сумел, показательно проломив стол перначом, его сохранить, но тогда рядом были германцы, которые поддержали. А сейчас?

Интересное замечание делает главком ВСЮР по поводу восклициания присутствовавшего на совещании генерала Щербачева, обращенного к атаману: «Отчего же вы мне предлагали

пост главнокомандующего?» Надо полагать, во главе объединенной Белой Армии Краснов, как бы он того ни хотел, но себя уже не видел. Деникина не хотел ни при каких обстоятельствах. Но... Необходимо было принимать тяжелое решение — Краснов нехотя вынужден был подчиниться. Раздосадованный этим и понимавший конец своей карьеры генерал Денисов тут же прошипел рядом: «Вы подписываете себе и Войску смертный приговор».

26 декабря 1918 года вышел приказ по ВСЮР Деникина:

«По соглашению с атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

Однако Краснов тут же опубликовал «пояснение» к приказу «во избежание кривотолков»:

«Объявляя этот приказ донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России, генерал-лейтенантом Деникиным, конституция Войска Донского, Большим войсковым Кругом 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

Атаман все еще надеялся сохранить хорошую мину в момент подписания «смертного приговора» Войску. А ведь развал был не в передаче командования, в нем как раз просматривалось спасение Донской армии. Ибо 28-й Верхне-Донской, Мигулинский и Казанский полки, державшие фронт от Богучар в Воронежской губернии до Калача, на Рождество бросили позиции и разошлись — кто в Вешенскую, кто по домам. Как раз в тот самый момент, когда в Торговой Краснов торговался с Деникиным за единое командование.

Возглавил «возвращенцев» урядник 28-го полка Яков Фомин (командир полка Сергиенко и офицеры попросту

бежали). Того самого полка, большая часть которого незадолго до этого побывала в плену у 23-й стрелковой дивизии красных, которой командовал популярный на Дону войсковой старшина Филипп Миронов. Умный начдив-23 еще летом 1918 года предупреждал: *«Я говорил, чтобы собственными силами задушить контрреволюцию на Дону и не допустить к борьбе с ней красноармейцев из России, я говорил, что придут люди, которым чужды исторические и бытовые условия Дона, люди, которые будут рассматривать казака как контрреволюционный элемент; настанут дни ужасов и насилий, и пенять придется на себя».*

Понимая, в отличие от Краснова, что казаков от поголовного истребления могут спасти не немцы, а сами казаки, Миронов воевал мудро и щадяще — пленных не пускал в расход, а уговаривал; станицы не обстреливал из артиллерии, а пропагандировал; заблудших из противоположного лагеря не гробил почем зря, а отпускал по домам без позора — «конно и оружно». Поэтому донцы предпочитали сдаваться «своему» под обещание не преследовать самих и не подвергать репрессиям семьи, что без всякого стеснения делали служившие у красных «интербригады» латышей, венгров, китайцев и пр. Ему верили и... открыли фронт.

Денисов из Новочеркасска вызвал Фомина к прямому проходу в Вешках, приказал сдать полк командующему Северным фронтом Генерального штаба генерал-майору Матвею Иванову и сложить оружие. В ответ урядник закатил Денисову такую затайливую матерную отповедь, что даже телеграфист удивился ее речевым оборотам. Стало ясно, что в казачьей среде произошел открытый раскол. Фомин объявил себя окружным военным комиссаром, по своей инициативе заключил перемирие с красными и фактически открыл им фронт. Увы, не самому Миронову, а красным латышам 15-й Инзенской пехотной дивизии унтер-офицера Яна Лациса (был командиром отряда латышских стрелков, охранявших Кремль), тем, которым вскоре довелось пустить на Дон кровавое колесо расказачивания.

Крупнейшие северодонские станицы Вешенская и Казанская пустили к себе красных, что поставило под угрозу удара с фланга донцов на Хопре. Хоперцы не стали искушать судьбу и стали откатываться под давлением Миронова, собравшего мощный кулак из приданных ему 16-й (после гибели начдива Васи-

лия Киквидзе) и 15-й дивизий Лациса. Под угрозу была поставлена судьба Новочеркасска.

Краснов попытался было «решить вопрос» личным участием, поехал на Северный фронт и послал на Вешки карательный отряд. Каратели воевать со своими не стали, а атамана на митинге в Каргинской попросту послали по матушке. «Это было первый раз на Дону, что прервали речь атамана», — горестно отметил Краснов.

Генерал явно ошибался. «Прерывали» атаманов весь 1918 год. Покойные Каледин с Назаровым много чего могли бы рассказать по этому поводу. Авторитет обладателей пернача на Дону уже мало кого убедил. Да и не только на Дону, но здесь раскол в казачьей среде на «красных», «кадетских» и «германских» был наиболее заметен.

Тем временем на исходе января 1919 года положение усугублялось. Краснов слал отчаянные телеграммы в Екатеринодар: *«События идут скорее, нежели я ожидал. На Украине, в Харьковской и Екатеринославской губерниях разложение полное. Большевики послали туда пока четыре своих полка, около которых спешно формируют целую армию. По имеющимся у меня сведениям, они предполагают двинуть 90 тысяч войска при сильной артиллерии на Луганск, Дебальцево, Юзовку, чтобы выйти в Таганрогский округ, где они рассчитывают найти благодатную почву для поднятия всего населения округа против казаков...»*

У страха глаза, как известно, велики, у красных на тот момент просто не было сил для сдвоенного удара из Украины и из Воронежа. Группа войск курского направления под командованием Иннокентия Кожевникова была скована действиями против петлюровцев и не могла вести активных действий в Донбассе, 8-я армия рекомендованного Троцким на должность командующего Южным фронтом Владимира Гиттиса (царский полковник) застряла в снегах и тифу под Лисками и Миллерово, где ей успешно противостояли 8–10 тысяч донцов командующего войсками Чертковского района генерал-майора Александра Фицхеллаурова. 10-я армия Александра Егорова прочно засела в оборону под Царицыным, бодаясь в конных сшибках с конницей генерал-майора Константина Мамантова. Генерал только за октябрь положил в сшибках 40% казаков и 80% офицеров. Лишь 9-я армия бывшего прапорщика Павла Княгницкого успешно

наступала узкой полосой из района Поворино—Елань—Балашов на разложенные донские полки. Периодически им в хвост вписывался блистательный Гундоровский полк любимца Донской армии генерал-майора Адриана Гусельщикова, сея панику и неуверенность в несомненном успехе.

По данным Краснова, общая численность наступавших красных составляла «123 500 красноармейцев при 468 орудиях. Войско же Донское, считая и железнодорожную стражу и гарнизоны городов и станиц, имело 76 500 человек под ружьем при 79 орудиях». Учитывая полный перевес донцов в кавалерии и маневренности, не столь уж катастрофическая разница.

Деникин только к концу января выбил красных из Грозного и Владикавказа. Очищение Северного Кавказа позволило главному перебросить на поддержку Май-Маевского 1-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Сильвестра Станкевича (своего однокашника по Киевскому пехотному юнкерскому училищу). Они подперли там полторы донские дивизии (8 тысяч штыков и сабель при 16 орудиях и двух бронепоездах) Генерального штаба генерал-майора Петра Коновалова (выпускник учительской семинарии).

Заткнув одну дыру, следовало затыкать следующую на Хопре. Однако тут сам главнокомандующий угодил (или сделал вид, что угодил) в ту же ловушку, что и Краснов. Под рукой были только кубанцы (до 30 тысяч), которые безропотно воевали у себя и на Кавказе, но не понимали, почему они должны воевать за донцов, когда те сами отказываются выходить за пределы Области Войска Донского. Дошло до того, что Деникин сам обратился к Донскому Кругу с просьбой «выслать на Кавказ своих делегатов — уговаривать кубанских казаков, во что бы то ни стало желавших побывать в своих станицах, ехать на помощь старшему брату».

Здесь приходится согласиться с самим Красновым, полагавшим, что к февральской сессии Круга главнокомандующий ВСЮР не собирался проявлять особой активности, ожидая выборов нового атамана.

Вероятнее всего, Деникин понимал, что дни Краснова в должности сочтены. Последние неудачи во внутренней политике и развал фронта (29 января умер «поврежденный в уме» командующий Южной армией генерал Николай Иванов, 30 января на Северном фронте еще четыре полка перешли на сторону красных) неизбежно поставят перед Кругом вопрос о

смене прогерманского атамана. А спешить спасать своего недоброжелателя, от которого главком достаточно натерпелся за последние полгода, было бы весьма странно. Безусловно, Деникину следовало спокойно, без лишнего ажиотажа дожидаться результатов естественного хода событий, не прищипывая и без того несущегося во весь опор к обрыву донского скакуна.

Более того, главком даже для виду приказал временно прикрыть рты своим осваговским «ястребам», не жалевшим помоев для атамана в екатеринодарской прессе. Накануне Круга 28 января была закрыта кадетская газета «Истина» С.П. Черевкова под предлогом «недопустимости подрывать доверие к атаману, под руководством которого доблестная Донская армия прилагает величайшие усилия к спасению своей области». Доверия, конечно, и так никакого не было, но господина Черевкова совсем понесло, и он у себя напечатал о том, что Краснов «стремится устроить на Дону феодальные порядки и хочет восстановить крепостное право и *jus prima noctis*» (право первой ночи).

Отчаявшийся Краснов уже сам понимал, чего от него хотят. В письме к Деникину он прямо говорил: *«Я очень просил бы Ваше Превосходительство с полной откровенностью ответить мне на следующий вопрос: не считаете ли Вы своевременным, чтобы в февральскую сессию Круга я настойчиво просил бы Круг освободить меня от должности атамана. Я вижу, что имя мое слишком неприятно для Екатеринодара и представителя Франции, капитана Фуке. Может быть, оставаясь на своем посту, я приношу более вреда, нежели пользы для Войска, и настало время уйти? Я не хотел этого места, не жаждал власти, я ее ненавижу, и травля, поднятая против меня в Екатеринодаре, слишком утомляет меня и не дает возможности спокойно работать. К сожалению, кроме генерала Денисова, я не имею заместителя, так как все остальные по своей слабыхарактерности вряд ли справятся с той бурною обстановкою, которая сложилась теперь. 1 февраля съезжается Круг, и, если я не получу от Вас моральной поддержки и требования остаться на своем посту, я буду настаивать об освобождении меня от несения обязанностей донского атамана».*

Деникин дипломатично отпарировал в том ключе, что собирается лично приехать в Новочеркасск, но вмешиваться в отношения атамана с Кругом не намерен.

«Генерал Краснов считал, что я в союзе с генералом Богаевским и Харламовым готовлю его свержение, и не верил в искренность моего «невмешательства». Письма этих лиц ко мне, относящиеся к концу января, должны значительно ослабить возводимое обвинение... «Страшная усталость, — писал мне Богаевский, — падение духа, измена — все соединилось против нас... Надежды на союзников нет... Верьте тому, что пишет Вам атаман. Я не завидую его положению: он готов пасть духом под ударами судьбы... Блестящие успехи Добровольческой армии дают всем надежду на быструю помощь. Ваш приезд всех радует...» То же писал и Харламов: «С чувством большой радости я услышал о Вашем желании посетить Дон и быть на Войсковом Круге... Узнал об этом от атамана Краснова... Проникавшие на фронт сведения о трениях по вопросу об едином командовании вселили в казаков тревогу, что Вы из-за этих трений не даете помощи и что наше командование не сделало всего, чтобы устранить эти трения... Сейчас Ваш приезд психологически необходим».

Большой Круг начинал работу 1 февраля сразу со скандала. Его председатель Василий Харламов явился к атаману и заявил о том, что делегаты категоричны в своем решении отправить в отставку генералов Денисова и Полякова (начальник штаба армии). Краснов тут же пообещал сам уйти в отставку, если у него «отрубят обе руки». Харламов не удивился, для него этот вопрос был риторическим.

На открытии сессии не лишенный литературного таланта атаман заливался соловьем: *«Мы живем в сказке великой... Царевна с нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая армия. Покончив покорение Кавказа, освободивши Терское войско, помогши кубанцам, она пришла к павшему духом донскому богатырю и впрыснула его живой водой... А левее, уступом медленно и грозно поднимается французская армия генерала Бертело. Она заняла Раздельную и идет дальше на север от Одессы... Великая борьба за Россию вступила в новый и последний период. Единое командование осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болеет вся Россия и спешит вам на помощь...»*

Делегаты не верили своим ушам. Это все исходило из уст того самого Петра Краснова, который лишь недавно рассказывал о «странствующих музыкантах», убеждая всех, что главком

ВСЮР «не способный на творчество», «совершенно не понимающий характера войны с большевиками» и пр. А тут гляди-ка, «русская красавица». Эх, стало быть, припекло. К проникновенной речи делегаты и отнеслись проникновенно, сосредоточив весь огонь на генерале Денисове (по определению Деникина «этот человек обладал исключительной злобностью и самомнением, вооружавшими против него людей»). Командующего обвинили в развале фронта и тыла, провале мобилизации, злоупотреблениях реквизициями и пр. Краснов, как мог, защищал его, но было понятно, что Кругу «нужна кровь», и он ее во что бы то ни стало добьется.

Основные страсти решено было перенести на следующий день. Но следующий день начался с еще более серьезного скандала — пришло сообщение, что ночью было совершено покушение на лидера левой оппозиции меньшевика Павла Агеева, верного калединца и деникинца. Темные личности в военных шинелях дважды выстрелили из браунинга ему в живот. Зная об отношении Агеева к атаману, делегаты тут же обвинили в покушении сторонников Краснова, что дополнительно накалило обстановку на Кругу, где уже не было места пафосу. Семь округов делегатов Круга (главным образом, тех, где шли боевые действия) против четырех выразили недоверие генералам Денисову и Полякову. Краснов в последний раз вступился за последних оставшихся своих союзников: *«Выраженное вами недоверие к командующему армией генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я отношу всецело к себе, потому что я являюсь верховным вождем и руководителем Донской армии, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорил вам, что устранить от сотрудничества со мною этих лиц — это значит обрубить у меня правую и левую руки. Согласиться на их замену теперь я не могу, а потому я отказываюсь от должности донского атамана и прошу избрать мне преемника».*

На этот раз обошлось без проломленного стола и разбрасывания перначами. Даже голосование по поводу отставки атамана было открытой баллотировкой. Постановили большинством голосов — «отставку принять». Довольный председатель совета управляющих Африкан Богаевский завез в атаманский дворец протокол Круга. Согласно статье № 21 Основных законов Всевеликого Войска Донского, пернач без всяких выборов

спокойно приплывал в его руки. Обошлось без лишних утешений и популизма. Пост сдал — пост принял.

Непонятно зачем рано утром Краснов все же метнулся в Кушевскую, встречать «поезд победителя» — на станцию степенно подходил эшелон главкома ВСЮР, предусмотрительно «опоздавшего» на Крут.

Деникин так описал свою последнюю встречу с яростным оппонентом: *«Здесь на границе Донской области встретил меня бывший атаман генерал Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, также желавших побеседовать со мной до выступления моего на Круге... В третий раз за время борьбы на юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и донского казачества заслугами атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек, несомненно, одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов и нерасчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил: «Круг подчинится всякому вашему слову...»*

Победивший главком также не стал пинать мертвого льва, Краснов уже был списанной политической фигурой. Атаман в своих воспоминаниях приводит якобы оброненную Деникиным фразу «как жаль, что меня не было. Я бы не допустил вашей отставки». Маловероятно, чтобы главком мог подобную несуразницу сказать даже из особого политеса — в это не поверил бы никто, и в первую очередь сам атаман.

Деникин же и мысли не допускал, чтобы экс-атаман оставался в Новочеркасске и даже теоретически пытался влиять на местные политические элиты. С глаз долой, из сердца вон. По признанию Краснова, главком настоятельно ему рекомендовал, *«что присутствие атамана вблизи от Войска Донского нежелательно, потому что будет волновать казаков, и советовал атаману уехать пока отдохнуть в Крым, где ему покровительство окажут французы. Атаман предпочел ехать в Батум, и было решено, что он в ближайшие дни покинет Новочеркасск».*

Какое уж тут «не допустил бы». Тем более, что вместо отставленных назначения получили личные враги Краснова —

командующим Донской армией стал генерал-майор Владимир Сидорин (тут же был произведен в генерал-лейтенанты), начальником штаба стал Генерального штаба генерал-лейтенант Анатолий Кельчевский, испытанный чернецовец генерал Эммануил Семилетов взялся командовать всеми партизанскими отрядами Дона. Все эти кандидатуры **ВПЕРВЫЕ** были согласованы новым атаманом с главкомом ВСЮР. Ни политических, ни тем более военных конкурентов у главкома уже не оставалось. Генерал Деникин становился «единым и неделимым» командующим всеми антибольшевистскими силами огромного региона. Как его начинали называть за глаза — «царем Антоном».

КАЗАЧЬЯ ЛАВА

Обретший безграничную власть на подконтрольной Белой Армии территории на Юге России генерал Деникин совсем не похож был на «царя». По свидетельству окружающих, в дни своих политических побед он явно не ходил гоголем. Скорее наоборот. Щеголял в Екатеринодаре в теплой черкеске, заплатанных штанах и дырявых сапогах. На закономерный вопрос, неужели главком ВСЮР не может одеться поприличнее, Деникин отвечал: «Штаны последние изорвались, а летняя рубаша не может прикрыть их». Лишь к началу лета, когда наладились поставки амуниции от союзников, первое лицо Белой России смог одеться соответственно чину и статусу.

Никакого напускного популизма. Просто, как писала его дочь, «из-за крайней своей честности довольствовался таким жалованьем, которое не позволяло ему удовлетворить насущные потребности самой скромной жизни». Больше всего генерал опасался, что хоть кто-нибудь сможет бросить ему упрек в стяжательстве или расточительности — безразлично, справа или слева. Даже его злейшие враги большевики, описывая Деникина в своих агитках чуть ли не как людоеда и нетопыря, никогда не обвиняли генерала в сребролюбии и мздоимстве. Вокруг главкома, занятого фронтами и политикой, коррупция цвела весенним буйством, но первым лицам главнокомандования армии подобные упреки не бросали.

Кухарки генерал не держал, жена готовила сама. Даже когда уже была на сносях. К беременной супруге Деникин испытывал особую нежность и заботу, где бы ни находился, постоянно

слал письма, беспокоился о здоровье слабенькой девочки-жены. Он просто бредил будущим сыном (уже не сомневался, что будет именно сын), дал ему имя Иван, в честь деда. Понимал, что является последним в роду Деникиных и на нем род пресечется.

Но судьбе было угодно в период самых громких побед разочаровать генерала — 20 февраля 1919 года Ася родила дочь Марину. Девочка была крупной — 10 фунтов (около 4,5 килограмма), роды проходили тяжело. Один момент врачи даже серьезно опасались за жизнь болезненной Аси, телеграфируя Деникину в поезд, что, вероятнее всего, придется выбирать между жизнью неродившегося младенца и жизнью матери. Тот без колебаний отстучал, чтобы эскулапы сделали все возможное для спасения жены. Детей может быть сколь угодно, жена же — одна. Единая и неделимая. Все обошлось, дома главкома теперь ждали жена с дочкой.

Именно с ними Деникин после войны, подобно древнеримскому диктатору Луцию Квинкцию Цинциннату, мечтал удалиться от дел, приобрести клочок земли на южнорусском побережье и «сажать капусту». *«Моя программа, — говорил генерал как-то спросившим его кадетам, — сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту».*

Одним из условий союзной помощи было московское направление наступления Белой Армии. Ибо лишь белогвардейский триколор над Белокаменной мог служить для них гарантией начала возврата царских долгов.

Для самого же главкома Деникина это была сверхзадача, на которую в настоящий момент его армия была не способна.

Поскольку генерал Деникин стал главкомом ВСЮР, освободилась должность командующего Добровольческой армией. 1 января 1919 года Деникин подписал приказ № 7:

«Четырнадцать месяцев тяжелой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой армии. Начав борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругом бессильное, безвольное спряталось и опустило руки, горсть смелых людей бросила вызов разрушителям родной земли.

С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые добровольцы, усеяв своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недоверие ничему не научившихся тайных врагов своих армия пронесла чистой и незапятнанной идею Единой Великодержавной России.

Подвиги армии безмерны.

И я, деливший с нею долгие, тяжкие дни и горе, и радость, горжусь тем, что стоял во главе ее.

Я не имею возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой армией, но до конца дней моих она останется родной и близкой моему сердцу.

Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими беспримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России».

На должность командующего армией надо было подобрать опытного, а главное, популярного в войсках генерала, которому бы неограниченно верили добровольцы. Лучше всего для этого подходил бы генерал Марков, но, увы, он, как и почти все «отцы-основатели» «Белого дела», лежал в могиле (Каледин, Корнилов, Алексеев, Марков).

Сам Деникин видел на этом посту в качестве своего сменщика генерала Романовского, но «Барклай де Толли добровольческого эпоса» знал, как к нему относятся в армии, считая «масоном», и не рискнул сворачивать себе шею раньше времени.

Тогда решено было остановиться на кандидатуре барона Петра Врангеля, со своим конным корпусом прекрасно зарекомендовавшего себя в осенних боях. Однако, пока тот не закончил операцию по разгрому красных на линии Порт Петровский—Святой Крест—Минеральные Воды, почти две недели Добровольческой армией командовал Романовский.

Деникин так объясняет его назначение на столь ключевой пост: «Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно было вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра».

«Обиды» это вызвало сразу — военная среда, как и шоу-бизнес, чрезвычайно ревнива. С ходу в отставку под предлогом «болезни» подал приятель главкома по Академии командир

1-го армейского корпуса генерал Борис Казанович, замененный черноморским военным губернатором генералом Александром Кутеповым. Самого Врангеля на посту кубанского комкора сменил кубанец же генерал Виктор Покровский. Начальником штаба себе барон взял генерала Леонида Юзефовича. Чуть позже армия Врангеля получила наименование Кавказская Добровольческая, а корпус генерала Боровского — Крымско-Азовский Добровольческий. В строгом смысле «добровольческими» они давно уже не были — за последние четыре месяца были проведены уже три мобилизации, призвав в ряды Белой Армии 33 тысячи человек (из них дезертировали 5%).

К началу 1919 года еще единая и неделимая Добровольческая армия имела в своем составе 5 пехотных и 6 конных дивизий, 4 пластунских и 2 отдельных конных бригады, армейскую группу артиллерии, запасные, технические части и гарнизоны городов. Ее общая численность составляла порядка 40 тысяч штыков и сабель, при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 броневых автомобилях, 7 бронепоездах и 29 самолетах. Силы были распределены на огромной территории от Донбасса (Донецкий отряд генерала Май-Маевского, 3,5 штыков) и Крыма (Крымско-Азовский корпус генерала Боровского, 2 тысячи штыков) против 10 тысяч Григорьева и Махно до предгорий Кавказа и Волги (корпуса генералов Врангеля, Казановича, Улагая — 25 тысяч штыков и сабель) против 72 тысяч красных 11-й и 12-й армий. Ни о каком концентрированном ударе одним кулаком не могло быть и речи.

С крушением армии Краснова (на бумаге у генерала Денисова в ее составе числилось свыше 70 тысяч штыков и сабель при 80 орудиях, фактически фронт из последних сил удерживали не более 15 тысяч) Деникину предстояло со своими войсками оборонять дополнительно свыше 1500 верст донских степей против всего Южного фронта красного главкома Иоакима Вацетиса (Генерального штаба полковника, бывшего начальника Латышской дивизии), насчитывавшего 124,5 тысячи штыков и сабель, при 2230 пулеметах и 485 орудиях.

Следует заметить, что пока в феврале 1919 года не начались бесперебойные поставки вооружения от союзников, армия Деникина воевала исключительно тем оружием, которое удавалось захватить у большевиков либо получить через донцов от немцев. Медикаментов почти не было, а число раненых в лаза-

ретах к весне уже составляло 25 тысяч. К тому же от большевиков белые получили еще один «подарок» — сыпной тиф, косивший как фронт, так и тыл.

При этом главком мог быть спокоен лишь за свой левый фланг, который упирался в море. На правом белые никак не могли зацепиться за Волгу — Царицын стоял «Красным Верденем», Астрахань укрылась за безводными пустынями, соединиться с уральскими казаками атамана Александра Дутова никак не получалось. На юге создались непредвиденные проблемы с Грузией, да и на Северном Кавказе бродили недобитые остатки армии Сорокина. Не обеспечив себе крепкий тыл и устойчивые фланги, нечего было и думать о наступлении на Москву.

В идеале Добрармии самое лучшее было бы еще хоть какое-то время «отсидеться» за спиной Донской армии, при условии, что та сдерживала бы красных на севере. А самой за это время набраться сил, оседлать Волгу, «зачистить» Кавказ, соединиться с Колчаком, провести четкую мобилизацию, запастись продовольствием на долгую и кровавую летнюю кампанию и только тогда через позиции донцов объединенными силами идти на Кремль. Собственно, и задачи ВСЮР на тот момент были куда скромнее — выйти к Каспию и низовьям Волги, соединившись с уральцами и войдя в соприкосновение с англичанами у персидского Энзели. Задачи ведь строились на уверенности в том, что союзники высадят те самые обещанные 12 пехотных дивизий и подпрут донцов и добровольцев с левого фланга. Поэтому и путь на Москву первоначально планировался как раз вдоль Волги, куда как раз должен был подтянуться и Колчак.

Однако реалии оказались куда сложнее. Надежды на активное участие интервентов в войне оказались слишком уж радужными. Да и Донской фронт сам «свалился» на голову Деникина, и с этим надо было что-то срочно делать, чтобы не потерять то, что такой кровью было завоевано в 1918 году.

Командование Красной Армии видело слабое место противника и лупило именно по донцам. Ленин телеграфировал Троцкому: «Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Вацетис и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова, боюсь чрезвычайно, что мы запаздываем с этим...»

8 февраля на станции Арчеда капитулировали сразу 7 донских полков с артиллерией, 11 февраля на станции Котлубань сдались еще 5 полков. Деникин в срочном порядке отбирал у Врангеля освобождавшиеся с Северного Кавказа части и перебрасывал их в Каменноугольный район, чтобы заткнуть огромную брешь. Тот возражал, мотивируя это тем, что необходимо как можно скорее взять Царицын и выйти на соединение с Колчаком. Но главком был непреклонен, тем более, что на юге и востоке разгром красных был полный. Корпус Покровского за две недели январских боев вдребезги разнес некогда грозную армию Сорокина, с огнем и мечом пройдя 350 верст и захватив 8 бронепоездов, более 200 орудий, 300 пулеметов и свыше 31 тысячи пленных. Сам Врангель писал, что вся «пехота, артиллерия, пулеметы и обозы попали в наши руки. Брошенные противником составы тянулись непрерывной лентой от станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст. Весь путь отступления красных был усеян брошенными орудиями, повозками, оружием, трупами убитых и умерших от болезней... Начиная от Моздока до станций Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обозами, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огромные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партии пленных, в значительном числе состоявших из больных, оставляли за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда».

Дабы окопавшиеся в Порт-Петровском (ныне — Махачкала) союзные англичане не взяли на себя тяжкий труд в свою пользу «восстановить порядок» на нефтяных промыслах Чечни и Дагестана, Деникин срочно послал кубанцев Покровского взять Кизляр, Грозный и «зачистить» каспийское побережье до Дербента. При этом главком ВСЮР везде на разобранном на «неза-

висимые республики» Кавказе заявлял, что в «единой и неделимой» он не потерпит никакого сепаратизма — только полное подчинение центральной власти. Горские шейхи, имамы, муфтии, «халифы» и «султаны» вместе с заседавшим в Темир-хан-Шуре «парламентом Горской республики» мигом поджали хвосты. Ни о каких «республиках», в том числе и «горских», главком ВСЮР слышать не хотел. Но поскольку Дагестан был «спорной территорией» с англичанами, Деникин пошел на некоторый компромисс — предоставил ему относительную автономию: назначил временным «правителем» бывшего председателя Горского правительства генерал-майора Минкаила Халилова, в ведение которого переходили дела шариатского самоуправления и налогов, отобрав все коммуникации, железную дорогу, почту, телеграф, таможню. Довольный Халилов тут же издал приказ: «Ввиду изменения в политике, в связи с приходом добровольческой армии парламенту республики объявить отпуск». Шейх-уль-ислам Дагестана тут же издал фетву, что никакого газавата по отношению к победоносным войскам генерала Эрдели аллаху не угодно.

Деятели Горского правительства бежали в Тифлис, где создали антиденикинский Союзный Меджлис горских народов Кавказа во главе с осетином-мусульманином Ахмедом Цаликовым, кумыком Гайдаром Бамматом, кабардинцем Пшемахо Коцевым, аварцем Абдул-Кадиром Эфендиевым и др.

Кавказская казачья дивизия недавно произведенного в генералы Шкуро и 3-я Кубанская пластунская бригада генерал-лейтенанта Александра Геймана взяли Владикавказ и очистили от 12-й красной армии весь Сундженский отдел. Лишь недавно назначенный начальником 1-й конной дивизии Генерального штаба генерал-майор Павел Шатилов разбил остатки 11-й армии, взяв 7 бронепоездов, всю армейскую артиллерию и более 10 тысячи пленных.

Чрезвычайный комиссар Украины, Юга России и Северного Кавказа Серго Орджоникидзе телеграфировал Ленину: «Одиннадцатой армии нет. Противник занимает города и станции почти без сопротивления». Громадная южная группировка Сорокина перестала существовать. Победоносный Врангель мог откупоривать шампанское.

Подчеркнем, ВСЕ эти победы и очищение территории от Черного до Каспийского морей было достигнуто Деникиным

исключительно собственными силами, ибо первый пароход с союзным вооружением пришел в Новороссийск только ПОСЛЕ разгрома красных войск.

УГОЛЬНАЯ ПЫЛЬ

Деникин писал: «В январе намечена была переброска армии на царицынское направление, с одновременным наступлением против Астрахани, для захвата стратегически важного пункта Царицына и нижнего плеса Волги и для установления связи с армиями адмирала Колчака. Это движение в тесной связи с наступлением в харьковском и воронежском направлениях должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России». Однако не тут-то было. Французская помощь и французские десанты на Юге России были напрямую увязаны с действиями Белой Армии для захвата своей «сферы влияния». То есть Украины и экспортоориентированного Донбасса с его бесценным «черным золотом». Товаром, которым Деникин мог расплатиться за интервенцию. Необходимость натурального обмена по типу «винтовка-зерно», который практиковал атаман Краснов, плавно перетекла к главкому ВСЮР. И если после победоносной кампании 1918 года Англия была в основном удовлетворена наличием дешевого донского и кубанского зерна, то Франция требовала «свою долю» русского пирога. Условия известны: 8 эшелонов угля — эшелон оружия.

Иными словами, вопреки стратегическим замыслам своего штаба, ставший «заложником» интервентов Деникин просто вынужден был изменить направление главного удара, перенеся его с Волги в Донбасс. Как раз тогда, когда колчаковская Сибирская армия 28-летнего чешского генерал-майора Радолы Гайды взяла Пермь, нависла над Вяткой и угрожала Казани. Уральская армия Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Савельева теснила Туркестанский фронт красных из казачьих областей Оренбуржья и Гурьева. Западная армия генерала от артиллерии Михаила Ханжина упорно стремилась к Самаре. К концу марта Колчак был в 100 верстах от Сибирска и в 60 — от Самары.

Военная логика подсказывала встречный удар из сальских степей по деморализованным жалким останкам сорокинских войск сдвоенным ударом по Царицыну и Астрахани с выходом

на соединение к уральским казакам, отрезая красным пшеницу и нефть. В этом случае смыкание фронтов, пусть и жидкими силами, хотя бы создавало видимость монолита, против которого устоять большевистскому Кремлю было бы невозможно. Красные отрезались от самого хлебного, самого нефтяного и самого рыбного регионов.

Увы, французы требовали, чтобы Деникин в первую очередь отрезал красных от ИХ самого угольного региона. Официально, чтобы обеспечить поддержку своих экспедиционных сил, неофициально, «миссия капитана Фуке» говорила обо всем красноречиво, — донбасский уголь и криворожский металл значили для Парижа куда больше триколора над Белокаменной.

Уголь был нужен и красным — единственный стратегический товар для Ленина. Троцкий призывал: «В первую голову нам нужен уголь. Фабрикам, заводам, железным дорогам, пароходам, домашним очагам смертельно нужен уголь... В Донецком бассейне зарыт великий клад, от которого зависят благополучие, процветание и счастье всей страны. Этот клад необходимо добыть с оружием в руках... Донецкий фронт является сейчас, без всякого сомнения, важнейшим фронтом для всех советских республик. Говоря это, я не забываю о Петроградском фронте, но вполне сознательно считаю, что потеря Петрограда не была бы для нас так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку можно сказать, что ключ этой крепости находится сейчас в Донецком бассейне. Вот почему все внимание сосредоточивается сейчас на этом участке обширнейшего фронта советской республики».

Именно «угольные интересы» союзников вынудили «владеющих ситуацией» Деникина и Романовского на совещании в Екатеринодаре доказывать новоиспеченному командующему Добрармией Врангелю необходимость не наступления, а обороны по Манычу и переброски высвобождавшихся с Кавказа сил на Каменноугольный район и Харьков. Врангель и Юзефович, «ситуацией не владеющие», были против: «Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговой с тем, чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии действовать вдоль линии Царицынской железной дороги, на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака,

победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам Каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим».

Придется поспорить с начальником штаба ВСЮР по поводу «жизненной необходимости» Донбасса, ибо уголь — это замечательно, но в преддверии грядущей весны и отсутствия развитой промышленности и железных дорог на занятой белыми территории особой надобности в нем не было. К тому же рудники Александровск-Грушевского вполне удовлетворяли бы скромным «угольным потребностям» армии, даже учитывая то, что в огне Гражданской войны «угорели» до 30% дореволюционных шахтеров. Интересно, что в составе Добровольческой армии 4-й Корниловский ударный полк был полностью укомплектован донбасскими шахтерами (почти целиком уничтожен в марте 1920 года под станице Шкуринской на Кубани). В то время как обрубить Волгу — эту «большевистскую аорту» — было куда более важно. При этом наступать на восток значило идти по казачьим областям к богатому Поволжью, где непременно поддержали бы белых. Идти на запад — значило с ходу попасть в логово большевизма, Донбасс, с его обилием пролетариата и махновским сельским населением. К тому же развитая сеть железных дорог ставила войска под угрозу атаки с тыла и фронта от многочисленных красных бронепоездов.

Кроме того, в Новороссии действовали как интервенты, так и Крымско-Азовская армия генерала Боровского, поддерживаемая успешно противостоявшей красным дивизии Май-Маевского. Против них сражались полупартизанские соединения Григорьева и Махно, а также не очень организованная группа войск Кожевникова, которую больше интересовали не белые, а валившаяся им в руки петлюровская Украина. Иными словами, как раз в Каменноугольном районе логичнее было бы выставлять «слабый заслон» и все силы направлять на Волгу, куда, собственно, Деникин обещал еще Краснову повести наступление после очищения Кубани от большевиков.

А стало быть, внешнеполитические интересы и «обязательства» перед союзниками в очередной и роковой раз сыграли

злую шутку как с Россией вообще, так и с Деникиным в частности, перенаправив основной удар не на восток, а на запад.

Впрочем, сам Деникин объяснял свою позицию тем, что Добрармию ни в коем случае нельзя уводить с Дона на Волгу, ибо Донская армия и держится только исключительно благодаря присутствию здесь добровольцев. Романовский утверждал, что «если бы Кавказская Добровольческая армия ушла и обнажила левый фланг донцов, не будучи вынуждена к тому силой противника, я убежден, что не только не стали бы донцы защищать никакого плацдарма, но все, что есть у них, развалилось бы совершенно, и мы имели бы за Доном массу беженцев и незначительные донские партизанские отряды... Конечно (при этом), на главнокомандующего со стороны донцов, возможно, и кубанцев, легло бы обвинение в предательстве».

Главком полагал, что если принять вариант Врангеля и увести большую часть армии на Волгу, то «освобождавшиеся 13-я, 14-я и часть 8-й советской армии получали возможность нанести удар во фланг и тыл Донской».

Крайне маловероятно, ибо как раз в этой ситуации перед левым флангом красных выростала бы мощная ударная сила, способная конными массами пробить брешь в обороне и по заволжским стенам ударить на Воронеж и Саратов, расплющив о наступающих колчаковцев Камышинскую группу войск красных. Как раз именно это вынудило бы Вацетиса перебрасывать им навстречу эти армии, пытаясь задержать наступление, что, с одной стороны, снизило бы давление на донцов, с другой — внесло бы хаос и сумятицу в расположение войск.

Возможно, барон бы еще покочевряжился, но тут, к счастью для штаба ВСЮР, его свалил сыпной тиф, подхваченный, очевидно, в качестве своеобразного трофея от пленных красных. До середины марта Врангель, сдав командование Юзефовичу, метался между жизнью и смертью, будучи ближе ко второй, чем к первой.

Интересный момент, который лишь подчеркивает будущую предвзятость барона по отношению к командующему — Деникин совершенно ИСКРЕННО заботился о его выздоровлении, отправив к нему лучших врачей армии. Сам Врангель признавал: *«В первые дни начала выздоровления я получил чрезвычайно сердечное письмо от генерала Деникина. Он поздравлял меня с избавлением от смертельной опасности и посылал*

пожелание скорейшего полного выздоровления. Письмо было чрезвычайно теплое и искренне меня растрогало. Зная, что я стеснен в средствах и что лечение мое стоило больших денег, генерал Деникин отдал генералу Юзефовичу распоряжение покрыть расходы по лечению моему из казенных средств».

С честностью у барона было все в порядке, а вот с последующей благодарностью — гораздо хуже. Именно Врангелю предстояло стать главным оппонентом, конкурентом и недоброжелателем главкома Деникина.

Пока Юзефович командовал Добрармией, из ее состава были выделены части для переброски в Каменноугольный район на поддержку Май-Маевского. В Донбасс и под Мариуполь последовательно перевели лучшие части ВСЮР — «цветные полки» (названы так по цвету формы) Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский (бывший Партизанский), Самурский, 1-й и 2-й конные полки, Кавказская дивизия генерала Шкуро, 1-я Кубанская дивизия корпуса генерала Покровского, 1-я Терская дивизия и другие части. К началу марта в Донбассе сосредоточилось до 45 тысяч штыков и сабель объединенных донских (конная группа генерал-майора Петра Коновалова) и добровольческих подразделений. Штаб перенесли в Ростов. Они должны были противостоять 8-й армии красных Михаила Тухачевского (царский штабс-капитан), действовавшей в составе Южного фронта Владимира Гиттиса (царский полковник).

На востоке на Маньче и у Чира остался же как раз слабый заслон из конницы генералов Мамантова и Улагая и пехоты генерала Кутепова, маневрировавший перед 9-й красной армией Николая Всеволодова (царский полковник) и 10-й армией Александра Егорова (царский подполковник). Царское офицерство сошлось друг против друга в кровавой борьбе за «Россию», будущее которой каждый из них понимал по-своему.

В Каменноугольном районе блистал ставший командующим 2-м армейским корпусом генерал Май-Маевский. Сутобо пехотный генерал (окончил Николаевское инженерное училище) научил свои малочисленные войска воевать мобильно. Он перебрасывал пехоту по железной дороге или телегами с участка на участок, создавая из своего «десанта» видимость численного превосходства. Троцкий утверждал, что «на многих участках фронта они превосходят нас численно вдвое, втрое...» Поражен-

ные союзники считали это новым словом в тактике и изучали опыт лейб-гвардейца.

«Май» нашел противоядие и против самого грозного оружия красных — бронепоездов. Специальная саперная группа дроздовца штабс-капитана Владимира Манштейна (потерял в боях левую руку) залегала в засаде, и когда проходил бронепоезд, быстро взрывала полотно у него в тылу. Другая группа рвала «чугунку» у него перед фронтом. Пока опешившие красные не знали, куда податься, третья группа штурмовала сам «броневик». Кроме того, «Май» предпочитал наносить концентрированные удары по узловым станциям, чтобы лишить маневренности бронепоезда и выдавить их с театра боевых действий. Его подразделения избегали лобовых столкновений, но жалили противника в наиболее уязвимых для него местах. Помогало и то, что в Ростове в железнодорожных мастерских уже была налажена работа над созданием своих бронепоездов — только у Войска Донского было 24 бронепоезда.

17 марта настал час Шкуро, которому поручено было его любимое дело — партизанский рейд по тылам. «Волчатник», благодаря своему прекрасному начальнику штаба Генерального штаба полковнику Антону Шифнер-Маркевичу, за две недели прорубил себе дорогу от Дебальцево в Каменноугольном районе до Азовского моря, взяв несколько тысяч пленных, бронепоезда, артиллерию, боеприпасы. Между Волновахой и Мариуполем в щепки разнес красную «дивизию» Нестора Махно.

Не без того, конечно, чтобы кое-где пограбить, кое-где понасильничать, кое-где пустить «красного петуха», кое-где перепороть-перевешать. А как иначе, на то она и гражданская война, чтобы пускать кровь своим же.

Операции в Донбассе вызвали настоящее уныние в красный войсках. Член РВС Южного фронта Григорий Сокольников телеграфировал в Москву: *«Замедление операций на Южном фронте объясняется разложением N-ской армии, а также полной небоеспособностью частей Махно. Противник получил отсрочку, которую великолепно использовал... Вместо разбитой Донской армии перед нами стоит новая армия с более свежими силами, чем наши... Наше положение еще нельзя считать поколебленным, но за последние два месяца соотношение сил изменилось в пользу противника».*

Под термином «*N-ская армия*» имелась в виду 13-я армия Иннокентия Кожевникова, который после поражений в Каменноугольном районе был отстранен от командования и заменен Анатолием Геккером (царский штабс-капитан).

Возросло и дезертирство из РККА. В феврале, марте и апреле 1919 года, по официальным советским данным, число дезертиров Южного фронта составляло соответственно 15, 21, 23%.

Ленин был прав. Вацетис и Троцкий действительно слишком увлеклись падающей к их ногам Украиной, сосредоточив именно туда все силы и захватывая город за городом у бесильного Петлюры. При этом они проморгали скапливавшийся мощный кулак Деникина у себя на фланге.

Однако у них тоже есть оправдание — Кремль надеялся на мирную конференцию на Принцевых островах и «разводку» сторон по принципу «статус кво», для чего необходимо было к моменту начала переговоров захватить как можно больше территории.

В то же время выздоровевший Врангель продолжал настаивать на своем варианте нанесения удара не в Донбассе, а на Маныче и Сале с выходом к Царицыну.

Наступление 10-й армии Егорова сбило конницу Мамантова, который, по выражению Врангеля, «потерял дух и доносил, что казаки «разложились» и что он бессилен что-либо сделать». Внимательно читавший письма Романовский и генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Генерального штаба генерал-майор Юрий Плющевский-Плющик вызвали Врангеля в штаб и предложили ему сделать то, за что он так горячо ратует — возглавить Манычский фронт, дабы на деле доказать обоснованность собственного направления главного удара. На донцов надежды не было (к тому же часть их под командованием генерала Секретева ушла в рейд на соединение с восставшими верхнедонскими казаками), зато Романовский обещал усилить фронт кубанцами Покровского (кроме 1-й конной дивизии генерала Шатилова, которую изъяли из состава переброшенного в Донбасс 1-го конного корпуса для действий в Дагестане, фактически Покровский располагал одной кубанской и одной донской дивизиями).

Врангель же настаивал на переброске всего 1-го Кубанского корпуса и возвращении в его состав из Дагестана дивизии Шатилова. Последнее он подчеркивал особо — Врангель был дружен с генералом еще с академической скамьи.

Романовский посчитал, что Шатилову найдется дело и на Северном Кавказе, где предстояло добывать бродячие остатки 12-й армии красных, да и отрывать весь кубанский корпус от операций в Каменноугольном районе было бы опасным.

Врангель обиделся, отказался командовать «на таких условиях» и уехал в Ростов в штаб своей армии. Генерал Юзефович потом заметил, что «под влиянием перенесенной тяжелой болезни в душе командующего происходит реакция: он говорил, что «Бог карает (его) за честолюбие, которое руководило до тех пор его жизнью», и что после выздоровления он покинет службу и обратится к мирной работе «для своей семьи, для детей...»

Деникин не стал уговаривать «капризную звезду», отпустил его командовать Кавказской армией в Каменноугольном районе и пошел на беспрецедентный шаг — взял на СЕБЯ командование операцией на Маныче. Основная масса войск Манычской группы были кубанцы, во главе которых стоял генерал Деникин — почетный казак станицы Незамаевская Ейского отдела, которая первой подняла в 1918 году восстание против большевиков.

К 20 апреля перегруппировка «деникинской армии» была закончена: с левого фланга у Батайска сосредоточились кубанцы Покровского в составе 1-й Кубанской генерал-майора Владимира Крыжановского, 2-й Терской дивизии полковника Ивана Барагунова, части Донской армии; в центре у Торговой подтянулись разнородные подразделения генерала Кутепова, усиленные Кубанской дивизией генерала Шатилова и 1-й Кубанской бригадой генерала Сергея Говорущенко; на правом фланге к югу у Дивного располагался генерал Улагай со своим 2-м конным корпусом.

На следующий день началось наступление белых на Манычском фронте, и уже через 4 дня по всему течению реки 10-я армия оказалась отброшенной на ее правый берег, прекратив наступление. Главком бросил в обход с юга конницу Шатилова и Улагая, которые форсировали Маныч и вышли в тыл Егорову, потрепав несколько полков у Кормового и Приютного. После этого Деникин стал наращивать конный кулак в 5,5 дивизии к устью Егорлыка, для прорыва фронта юго-восточнее Великокняжеской. Учитывая численный и качественный перевес в коннице, предстоящая операция обещала сокрушительный успех.

Выполняя замысел главкома, на правом фланге генерал Улагай Царицынским шляхом зашел в тыл Великокняжеской и в нескольких сражениях у Приютного, Ремонтного, Граббевской камня на камень не оставил от Степной группы 10-й армии, взяв в плен шесть полков 32-й стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий. Егоров выложил свой главный козырь — единственную на тот момент мощную конницу — шесть полков «первой шашки Республики» отчаянного красного партизана Бориса Думенко. В жаркой конной сече у Граббевской 4 мая красные были наголову разгромлены, а сам Думенко и командарм Егоров с тяжелыми ранениями угодили на госпитальную койку. Остатки конницы поливала бомбами и осыпала железными штырями авиация белых.

Разработанная и проведенная лично генералом Деникиным Манычская операция была с блеском завершена. Деморализованная армия Егорова за две недели боев одними пленными потеряла более 15 тысяч человек и 55 орудий. Угроза с востока была ликвидирована.

Однако одно дело личным примером водить войска в атаку, другое — командовать всеми силами Юга России, занимаясь оперативными вопросами всего фронта. Отсутствие командующего могло негативно сказаться в штабе ВСЮР. Да и кубанцев Манычской группы имело смысл свести, к примеру, в «Кубанскую армию», создания которой по типу Донской давно уже добивалась Рада в Екатеринодаре. После долгих препирательств ее все же решили наречь Кавказской, ибо в составе конницы было достаточно терцев и горцев (Кавказской Добровольческой армии вернули прежнее название Добровольческая, поставив во главе Май-Маевского). Во главе армии надо ставить не главкома, а природного кавалериста, пользующегося авторитетом у казаков.

Поэтому было решено еще раз предложить царицынское направление Врангелю, тем более, что его приятель Шатилов уже успешно бился здесь с красной конницей.

Врангель, поколебавшись, согласился: «В то же время мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, с политикой, в значительной мере идущей вразрез с политикой главного командования, справедливо меня пугала». Его тут же Рада приняла в казачье сословие. Заканчивал Манычскую операцию уже Врангель.

В Донбассе ожесточенность боев была несколько снижена разливом рек и непролазной грязью, в которой утонула не только пехота, но и конница. В нее засосало всю 9-ю армию красных, которая никак не могла переправиться через Северский Донец. К тому же сыпной тиф, по признанию советского военного историка Николая Какурина, выкосил из боевых частей от 40 до 50% личного состава. Отдельные части, сумевшие переправиться, успешно вырубались донцами полковника Николая Калинина и генерала Эммануила Семилетова.

Деникин отмечал: *«Донское войско явно выздоравливало от того повального маразма, который охватил его в январе, вновь приобретало веру в себя, в свои силы, в возможность дальнейшей борьбы. Продолжались еще явления боевой неустойчивости и развала, требовавшие даже воздействия вооруженной силой, но масса очнулась. Донское командование использовало умело прочные части для маневра и деятельно вело реорганизацию армии, упраздняя не отвечавшее силам давление на «фронты», «армии», сводя в нормальные части многочисленные отряды — наследие партизанства, ополчения и развала».*

К тому же сковали действия командования красного Южного фронта Гиттиса восстание на Верхнем Дону и мятеж Григорьева, на подавление которого пришлось отправлять резервы фронта. Мятежника пристрелил, по некоторым данным, лично красный комбриг Нестор Махно, который после этого сам поднял мятеж против совдепов.

В начале мая ставший командующим Добрармией генерал Май-Маевский, которому на роду было написано стать великим именно в этом месяце, отразил очередное наступление красных и контрударом выбил Гиттиса из Юзовки и Мариуполя. Врангель писал о нем: *«Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и громадным носом-сливой, маленькими мышинными глазками на гладко выбритом без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы несомненно принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и несомненно не глупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление. Долгие месяцы ведя тяжелую борьбу в Каменноугольном бассейне, он не потерял бодрости духа».*

Маневренная война Май-Маевского, хотя и ценой огромных потерь (в Марковском полку осталось 200 штыков, в Дроздовском — 500, Корниловском — 400), позволила Добровольческой армии не только выиграть время и сохранить свои позиции в Каменноугольном районе, но и перегруппироваться, разбить Егорова на Маньче, Кожевникова в Донбассе, Махно в Гуляй-Поле, захватить важнейший (в том числе и для французов) промышленный район и завоевать себе мощный плацдарм для наступления.

По словам Деникина: «...на всем фронте от Донца (левый фланг Донской армии) до Азовского моря в стане большевиков наступил моральный перелом. Огромные потери, понесенные в боях и в большей еще степени от дезертирства, ослабили большевистские армии. Они разбились о сопротивление добровольцев и казаков, и в рядах их все более, все глубже нарастало паническое настроение. Появление впервые на этом фронте английских танков произвело на большевиков большое впечатление и еще более увеличило их нервность... Начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил юга. Фронт большевистский дрогнул, и все наши армии — от Каспийского моря до Донца и от Донца до Черного моря — были двинуты в решительное наступление».

РАЗОМКНУТЫЕ КЛЕЩИ

Победы на Маньче и в Донбассе и снабжение армии способными утюжить проволочные заграждения английскими танками побудили командование ВСЮР начать крупномасштабное наступление. Бронированные неуклюжие монстры, жестко привязанные к железным дорогам (платформам для их перевозки и подъемным кранам для погрузки) были поделены между Май-Маевским и Врангелем. В изобилии стали поступать артиллерия и боеприпасы. Войска приоделись в английское обмундирование (то, что не успели украсть в тылу), пополнились конным составом. Момент для наступления был выбран удачный — в красном тылу полыхали восстания и мятежи, Южный фронт пребывал в состоянии грогги.

Наступать решено было разомкнутыми клещами — на Царицын и Харьков. Первый нужен был позарез как своеобразный «волжский шлагбаум». Там располагались военные заводы, да

и лишь по Волге летом можно было достичь Астрахани — 400-верстная безводная степь могла погубить любое наступление. Опять же через реку легко подать руку уральскому казачеству. Через Царицын шла восточная дорога на Москву.

Второй необходим был как отпертые ворота Малороссии. Крупный промышленный центр, столица советской Украины, с его падением открывалась западная дорога на Белокаменную.

Вспомогательный удар в Крыму наносил 3-й армейский корпус Генерального штаба генерал-лейтенанта Сергея Добророльского, образованный из Крымско-Азовской добровольческой армии и зацепившийся за Ак-Монайские позиции на Керченском полуострове.

В Кавказскую армию Врангеля были сведены 2-й конный корпус генерала Улагая, 1-й генерала Покровского, 3-й генерала Шатилова, Сводный корпус полковника Александра Гревса (Горская и Атаманская дивизии), Астраханская отдельная бригада генерал-майора Виктора Савельева и отдельный Саратовский дивизион, сведенные в 6-ю пехотную дивизию генерал-майора Патрикеева.

Несмотря на то, что первым ударил именно Врангель, главные успехи летней кампании были именно у Май-Маевского. Ибо перед ним был уже не монолитный Украинский фронт, а сборище битых в предыдущих боях бегунов.

По утверждению Вацетиса, *«фронт к этому времени принял почти партизанский вид. Его регулярные части тонули и растворялись в гуще партизанских отрядов, облепивших их со всех сторон. В партизанской массе все время шли глухие процессы внутреннего разложения. Последнее являлось следствием многих причин, в том числе отсутствия твердого политического стержня во многих отрядах. Кулацкая стихия, переполнявшая ряды таких отрядов, стремилась к собственному политическому оформлению и выходу на арену борьбы в качестве самостоятельной силы».*

Сложно, конечно, представить себе «кулацкие» отряды в рядах Красной Армии, но в любом случае «рельсовая война» Мая и жесткие походы-погромы Шкуро сделали свое дело по разложению Украинского фронта, легко разгонявшего петлюровских сечевых стрелцов, но натолкнувшихся на железную стойкость корниловцев-дроздовцев-марковцев-алексеевцев. Май нащупал ахиллесову пяту Гиттиса и ударил точно по

ней. 1-й армейский корпус («цветной») генерал-майора Кутепова танковой кувалдой ухнул по бригаде Махно, которому красные перестали поставлять оружие и боеприпасы, опасаясь измены. Махновцы побежали, потянув за собой разложенные ими же полки 13-й армии Анатолия Геккера. При этом на станции Попасная тяжелый белый танк MkV «Риккардо» вступил в дуэль с красным бронепоездом. Подбив паровоз, он поселил настоящий ужас в рядах красноармейцев, никогда не видевших действий танка и убежавших от одного его появления.

В зияющую 100-км дыру хлынули «волки» 3-го Кубанского корпуса ставшего генерал-лейтенантом Андрея Шкуро, догнавшие Махно у Гуляй-Поля. «Загрызли» батьку так, что его бригада практически перестала существовать. Сам Махно, заявивший, что красные специально пропустили ненавистных ему «дроздов», чтобы уничтожить «1-ю повстанческую дивизию», фактически открыл фронт.

Геккер (со слов Всеволодова) докладывал: «Отступающую армию остановить нет сил: люди митингуют, арестовывают своих командиров, были случаи расстрелов, с поля сражения исчезают целые команды и батальоны... В 13-ю армию прибыл сам Троцкий. Вид его был ужасный. Начались аресты и массовые расстрелы...» При этом наркомвоенмор обещал тем, кто выжил в децимации, что «Харькова мы ни в коем случае не сдадим».

Словно услышав его, Кутепов отбросил за Северский Донец сразу две армии красных и, взяв Славянск, пошел на Харьков. 5-я пехотная дивизия генерал-майора Михаила Виноградова — на Мелитополь и Бердянск. Навстречу ему из Крыма выгнал противника и вышел в Таврию 3-й армейский корпус генерала Добrorольского.

Шкуро пошел по степям Таврии к Днепру, на Екатеринослав (приказа ему на это никто не давал, Шкуро был сам себе хозяин). В городе он освободил 500 арестованных офицеров, которых готовили к потоплению на барже. Кубанцы практически не заметили, как смяли на пути к Днепру собранную с бору по сосенке целую 14-ю армию под командованием наркома внутренних дел Украины Климента Ворошилова. Что в этот момент делал «первый красный офицер», непонятно. Его лоскутная армия разбежалась, едва собравшись, открыв прямую дорогу на Харьков.

Мстительный Троцкий помнил, что Ворошилов в компании приятелей Иосифа Сталина и Сергея Минина еще годом ранее в Царицыне всячески воспевали партизанщину и на дух не переносили лелеемых наркомвоенмором военспецов. Именно при этом триумвирате царские полковники и генералы объявлялись «контрой», отправлялись под арест на волжскую баржу, а то и в «штаб к Духонину». Под шумок баржа с арестованными была затоплена, приехавшая комиссия РВС успела спасти лишь единицы военспецов.

Настал час расплаты, и Ворошилова отдали под трибунал за сдачу Харькова. Однако ревтрибунал сам пришел в замешательство, столь феерическим непрофессионализмом поразил даже его командарм. Как заявил о Ворошилове член РВТ, военный комиссар Центрального управления по формированию Красной Армии Украинской ССР Моисей Рухимович: «Командовать может ротой, батальоном, с натяжкой — полком. Командармом быть не может — не умеет... Его нельзя было назначать командующим...» Рухимович оправдал его.

Как впоследствии писал о «первом красном офицере» Лев Троцкий, Ворошилов «оказался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора».

Кутепов утюгом прошел Донбасс и бросил в рейд на Харьков 1-ю Терскую казачью дивизию генерал-майора Сергея Топоркова. Терцы огненным смерчем прокатились 600 верст по красным тылам, охватив Харьков с севера и северо-запада и отрезав его от помощи извне.

10 июня Кутепов взял Белгород, 11-го вошел в Харьков. Счастливый Май на радостях подарил полку, первому ворвавшемуся в Харьков, эшелон с углем. Потом как-то нелепо оправдывался: «Виноват! Но такое радостное настроение охватило». Еще бы не охватить — его «цветная гвардия» по пути из Донбасса до Харькова разнесла 59 красных полков, 9 кавалерийских, 5 отдельных батальонов, 2 дружины и 5 бронепоездов.

Южный фронт трещал, как скорлупа ореха. Троцкий сокрушенно признавал, знакомясь с положением дел у Геккера: «Армия находится в состоянии полного упадка. Боеспособность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает...»

11 мая в наступление пошел Врангель. Танки и бронепоезда были бесполезны, ибо отступавшие красные во многих местах испортили единственную железнодорожную ветку Тихорецкая-Царицын. Зато как следует разошлась в степях многочисленная белая конница.

Кстати, именно Врангель был инициатором создания больших конных масс, способных лучше всяких танков прорывать, а еще лучше обходить проволочные заграждения и окопы противника. Как он сам писал: *«Еще в декабре 1918 года я представил Главнокомандующему доклад о желательности создания особой инспекции конницы и настоятельной необходимости срочно приступить к воссозданию старых кавалерийских полков. Однако вопрос этот так и не получил разрешения. В армии имелось большое количество кавалерийских офицеров, были некоторые полки, весь офицерский состав коих почти полностью находился в армии... С большим трудом удалось получить разрешение на сформирование полка 12-й кавалерийской дивизии; где-то на Кавказе формировались изюмцы; наконец, при моей помощи удалось развернуться собравшимся у меня на Кубани ингерманландцам. Некоторые части отдельными взводами или эскадронами действовали при пехотных дивизиях. Большое число кавалерийских офицеров находилось в тылу, служило в казачьих частях или в пехоте. По приезде моем в Ростов я поручил начальнику штаба подробно разработать вопрос об укомплектовании и развертывании отдельных кавалерийских эскадронов и сведении кавалерийских полков в высшее соединение. Собрав комиссию из имеющихся в армии старших представителей старых полков конницы, выяснив наличное число офицеров старых частей, я наметил сформирование двух-четырех полковых кавалерийских дивизий. Подробно разработал вопрос о снабжении их лошадьми, седлами и оружием. Составил для представления Главнокомандующему кандидатский список начальников».*

Контроль над всеми южными казачьими областями и конезаводами дал возможность для формирования ударных соединений, способных действовать в степных районах, где собственно и пролегал боевой путь Кавказской армии. В лесной зоне они были бесполезны, но на пути в Царицын оказались лучше всяких танков и бронепоездов.

Располагая лучшей в мире иррегулярной кавалерией, Белая Армия могла решать серьезные тактические задачи при несплошном фронте. К середине июня 1919 года в составе ВСЮР числились: 2 конных корпуса в составе Добровольческой армии (3-й конный генерала Шкуро и 5-й кавалерийский Юзефовича), 4 — в составе Кавказской (1-й и 2-й Кубанские Покровского и Улагая, 4-й конный Топоркова и Сводный Савельева), 4 — в Донской (генералов Алексеева, Секретева, Иванова и Мамантова). Итого 10 корпусов (не считая вспомогательных кавалерийских подразделений) общей численностью до 31 тысячи сабель.

Командарм Егоров признавал: «Наличие крупных конных частей у противника давало ему возможность успешно бороться с пространственностью театра, а при медлительности и слабой предприимчивости нашего Южного фронта белые, действуя по внутренним операционным линиям, сравнительно легко ликвидировали отдельные успехи красных армий».

Пользуясь превосходством в подвижности, Врангель не стал ждать починки дороги и мостов, бросив в обход конницу Покровского, Улагая и Бабиева. Шедшая вслед пехота «зачищала» от красных редкие хутора и станицы за Салом.

Сменивший во главе остатков 10-й красной армии раненого Егорова Леонид Ключев (царский подполковник) медленно откатывался к Волге, пытаясь оказать хоть сколько-нибудь серьезное сопротивление. 17 мая ему удалось поймать Врангеля на разрыве фронта и коротким контрударом вырубить почти всю 6-ю пехотную дивизию вместе с ее начальником генералом Патрикеевым. Лишь совместными усилиями конницы Бабиева и Улагая удалось отбить орудия и оттеснить красных за реку Есауловский Аксай.

Донская армия воспряла после соединения с повстанцами и быстро восстановила численность с 15 до 40 тысяч. Донцы Мамантова перерезали железную дорогу Поворино — Царицын и, разделившись, пошли вверх по реке Медведице и в тыл Царицыну. У Зимняцкой была окружена 23-я стрелковая дивизия Александра Голикова (первым начальником был его знаменитый земляк из Усть-Медведицкой Филипп Миронов), почти полностью уничтожены 199-й и 201-й полки.

После этого красный командарм-9 Генерального штаба полковник Николай Всеволодов, понимая, что его ожидает за разгром, на хуторе Сикачеве усадил всю семью в автомобиль и

переехал через Михайловку на сторону белых. Ему страшно повезло — обычно семьи военспецов красные держали в глубоком тылу в качестве заложников.

Вскоре это повлекло настоящую охоту на ведьм в красном тылу. Главком Вацетис в июле 1919 года был арестован по подозрению в измене и участии в военном заговоре. Крови требовали глава ВЧК Феликс Дзержинский, нарком финансов Николай Крестинский и зампредседателя РВСР Эфраим Склянский. Троцкий преданного ему лично Вацетиса (за успешное командование Восточным фронтом сам вручал ему чернильный прибор «Наполеон») отстоял, но на посту главкома заменил его Сергеем Каменевым (Генерального штаба полковник).

К концу июня донцы уже были там, где их застало зимой красновское разложение — на линии Балашов — Поворино — Лиски — Новый Оскол. Не на шутку перепугавшийся собственных успехов командующий Донской армией генерал Сидорин даже предлагал умерить пыл и сделать перегруппировку, пусть даже придется пожертвовать районом Харькова. Кто б его слушал, когда в ушах звучали колокола Ивана Великого.

Понимая ключевое значение «Красного Вердена», Троцкий, как в топку, бросал под Царицын полк за полком. Сюда пришли девять полков с Восточного фронта (8 тысяч штыков и 1,5 тысячи сабель конницы Дмитрия Жлобы), остатки 11-й армии и два миноносца из Астрахани. По данным белой разведки, у красных под Царицыном было 16 тысяч штыков, 5 тысяч сабель, 119 орудий, 6 бронепоездов. На Волге стояла речная флотилия из четырех дивизионов, катеров и понтонов и девяти канонерок и миноносцев.

К Врангелю из пополнений прибыла лишь изможденная тяжелым переездом из румынского Бугаза Одесская стрелковая бригада «железного Степаныча» Тимановского, из которой была сформирована под Купянском 7-я пехотная дивизия. Барон сразу швырнул ее в царицынское пекло, где она только за два дня боев потеряла в мясорубке до 300 солдат и офицеров. Всего в бесплодных атаках Кавказская армия положила две тысячи убитых, были убиты и ранены пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков. Был ранен в руку легендарный летчик командир Кубанского авиационного отряда полковник Вячеслав Ткачев, посадивший аэроплан одной рукой.

Врангель непозволительно опаздывал — на других фронтах наступление развивалось куда стремительнее. К тому же несколько панический тон его телеграмм в Ставку обескураживал Романовского, который заметил, что «генерал Врангель не просит, а требует, почти приказывает». Барону намекнули, что Деникин недоволен его продвижением. Как назло в безводных степях под Астраханью застрял наступавший Эрдели, англичане по требованию главкома все тянули с выдачей судов Каспийской флотилии, необходимой для блокады устья Волги.

Тем не менее пришлось все же ждать починки железной дороги, чтобы подтянуть к позициям броневой кулак. 16 июня барон предпринял новый штурм Царицына уже с танками и броневиками в авангарде. «Уиппеты» прорвали проволоку и проторили дорогу коннице и пехоте. Аэропланы зависли над красными позициями, осыпая их бомбами. Генерал Шатилов взял станцию Воропоново, Улагай — Бекетовку, Покровский под Котлубанью взял 5 тысяч пленных и 8 орудий.

Опасаясь окружения, красные начали отход из города, бросив громадные запасы имущества — бронепоезды «Ленин» и «Троцкий», 131 паровоз, около 10 тысяч вагонов, из них 165 классных и 2085 груженых артиллерийскими и интендантскими грузами. В городе оставались невзорванными орудийный и снарядный заводы.

Начальник штаба 3-й пехотной дивизии Генерального штаба полковник Борис Штейфон писал: «Нам удавались самые рискованные операции, все наши тактические расчеты и комбинации блестяще осуществлялись. Даже явные наши ошибки так оборачивались, что лишь увеличивали общий успех. Вместе с тем подобное военное счастье медленно, но верно развращал и войска, и начальников. Легкие успехи побуждали нас недооценивать возможности противной стороны и приучали к верхоглядству».

Однако теперь колокола, приветствуя Белую армию, благовестили на берегах Волги и Днепра. Главком торжествовал — его стратегический план РАБОТАЛ. Вопреки пессимизму Врангеля. За месяц наступления Деникин практически вдвое увеличил протяженность линии фронта. За год войны он знал только большие и малые победы. Армия входила в лесостепную зону, упираясь погонами в две великие реки, воды которых издревле несли суда к сердцу России. На Москву!

МОСКОВСКАЯ ДИРЕКТИВА

Вожделенный Донбасс упал к ногам Деникина. Украинский плацдарм в Харькове и Екатеринославе был завоеван. Красные медленно, но верно оттирались от Азовского, Черного и Каспийского морей.

В Ревеле ставший главкомом Северо-Западной армии генерал от инфантерии Николай Юденич готовил наступление на Петроград, оставляя Москву Деникину. В Архангельске Генерального штаба генерал-лейтенант Евгений Миллер сколачивал в тундре собственную армию для хотя бы отвлекающего удара с севера. Только адмирал Колчак с боями все дальше и дальше откатывался от Волги, упираясь кортиком в Уральские горы. Это на карте «Колчакия» выглядела необъятно, на самом деле отсутствие более-менее пригодных для передвижения дорог делало войска привязанными к «чугунке» и редким городам — бои там шли на очень узких участках.

Но для Деникина это уже было не суть важно — он был на пути к Москве. Стратегическая инициатива прочно перешла в руки главкома ВСЮР, и он не намерен был давать красным ни минуты передышки. Добровольческая, Донская и Кавказская армии в упоении побед рвались вперед без остановки. Огромные потери не смущали — боевой пыл был запредельным.

В конце концов, Колчак как раз стратегически при отступлении действовал лишь на руку Деникину. Умирая в таежных топях, иссыхая в туркестанских песках, блуждая в бескрайних сибирских лесах, его армия УВОДИЛА подальше от Москвы самую боеспособную почти 120-тысячную группировку красных с самыми лучшими военачальниками из бывших царских офицеров и генералов. На объявленный Троцким главным Восточный фронт посылались все резервы и вооружение, а Деникин после зимних побед красных на Дону и Украине считался второстепенным, малозначимым. Свою роль здесь, вероятно, сыграло и признание главкомом ВСЮР адмирала Верховным правителем, что явно дезориентировало красное командование, посчитавшее армию Колчака наиболее серьезной угрозой для себя. Деникин быстро разубедил Каменева в этом наивном заблуждении.

В штабе ВСЮР, в отличие от генерала Сидорина, понимали, что со своими силами, даже выросшими до 100 тысяч, садиться

в оборону невозможно — такую огромную территорию с населением в десяток миллионов жителей УЖЕ нельзя было прочно контролировать. Оборона стала бы гибелью армии, как стала она гибелью для Краснова минувшей зимой. Белая армия может жить и побеждать, только НАСТУПАЯ. Идя от победы к победе, деморализуя противника, лишая его веры в свои силы, подрывая авторитет большевиков и перетаскивая на свою сторону их же изуверившихся бойцов. Добровольия не имела собственной четко выстроенной идеологии, экономической программы, решенного земельного и рабочего вопроса. Пока она шла вперед и побеждала, это было не суть важно. Все острые и неоднозначные вопросы можно было бы решить, уже сидя в Кремле. Остановись она и займи оборону, внутренние черви сожрали бы ее без остатка. Левые, правые, анархисты, самостийники, «зеленые», националисты, исламисты, буддисты, сионисты, радикалы, толстосумы, спекулянты, урки растащили бы Добровольию в два счета, не оставив никакого «острова Крыма». Белогвардейский Голем мог быть страшен только нападающий, обороняющийся он сразу превращался в бумажного тигра, а внутренние противоречия его бы доконали.

Поэтому Деникин гнал и гнал армии вперед, пытаясь успеть вспрыгнуть на московский трамвай, пока Троцкий не встрепнулся и не начал перебрасывать армии с Восточного фронта на юг. А без столицы и с арестованной (и перевешанной) верхушкой Совнаркома не без оснований считалось, что Красная Армия попросту разбежится.

Однако najważнейшим вопросом было — КАК идти на Белокаменную. Врангель с Юзефовичем, подзабыв, что совсем недавно предлагали Деникину всю армию бросить на царицынское направление, в корне переменили свою позицию и уже советовали собрать под Харьковом большой конный кулак в 3–4 корпуса, перебросив из Кавказской армии три с половиной кавалерийских дивизии, и этим тараном долбить в кремлевские ворота по кратчайшему пути. Фланги же (Царицын и Екатеринославль) остановить, опасаясь растягивания фронта. Параллельно организовывать тыл, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить в тылу укрепленные узлы сопротивления.

Само собой в качестве командующего «тараном» барон скромно предлагал себя. Деникин понял, что на горизонте

появился еще один «спаситель России». Не удержался, съехидничал: «Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву».

Сам же главком, далекий от амбиций и мечтавший лишь о том, чтобы, подобно Цинциннату, сажать с семьей капусту, смотрел на стратегию более широко. Один лишь конный кулак мало что бы дал без поддержки пехоты и техники. Бросать в прорыв 20 тысяч одной конницы, не обеспечив при этом тыла, было глупостью. Сам Врангель мог бы это понять на примере Царицына, который и прекрасная кубанская кавалерия без танков и авиации взять не смогла. К тому же от Харькова рукой было подать до милого деникинскому сердцу Киева, где все еще проживали тысячи офицеров, служивших гетману и Петлюре. Пусть даже ценой растягивания фронта, но «мать городов русских» брать было необходимо, и как можно быстрее.

Нельзя так же было сбрасывать со счетов и такой неблагоприятный фактор, как чувство мести, коим пылали донцы после устроенной им кровавой бани. Как раз именно перед их фронтом находились те уезды и губернии, откуда на Дон пришли хмурые мужики с топорами, вырезавшие на казачьих ногах кровавые лампасы, на спинах ремни, а на плечах погоны. Можно было не сомневаться, что факела мести армии генерала Сидорина вполне хватило бы как минимум на поджог Центрального Черноземья. Вести их дальше было малореальным — донцы по-прежнему не хотели драться за пределами Донской области.

Да и самому Врангелю не помешало бы перестать слать в Ставку истеричные телеграммы, а показать пример другим в походе вдоль Волги на Белокаменную, пытаясь наладить связь с уральцами.

Иными словами, Деникин и Романовский решили с чистым сердцем наступить на колчаковские грабли — бить по московским воротам не кулаком, а враспорырку. 20 июня в Царицыне главком обнародовал свою знаменитую «московскую директиву».

Вооруженные Силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину — правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добrorольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжелникову (командующий войсками Черноморской области) и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжелникова и Добrorольского и блокировать порт Одессы.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями. — Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира — все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3-м корпусом — северная граница Таврической губернии — Александровск.

8. Железная дорога Царицын — Поворино — Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

9. О получении донести.

Царицын, 20 июня 1919 года. № 08878.

Генерал-лейтенант Деникин.

Начальник штаба генерал-лейтенант Романовский.

Деникин объяснял свою позицию: «Директива 20 июня, получившая в военных кругах наименование «Московской», потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях — курском и воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом — она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной — далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда».

Романовский в Ставке (из-за сложностей с обеспечением безопасности в людном Ростове она переехала в июле в Таганрог) подпрыгивал от нетерпения: «Хоть цепочкой, хоть цепочкой, но дотянуться бы до Москвы!»

Однако Врангель был в шоке: «Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву».

Барон лукавит, ибо каждый в Белой Армии знал, что лучшими подразделениями в ней являются именно добровольческие и «цветные» части, сведенные вместе у Май-Маевского. Они составляли главную ударную мощь, поэтому всякому было понятно: где «цветные», там и направление главного удара. Тем более, что Деникин здесь же в Царицыне распорядился отобрать у Врангеля 7-ю пехотную дивизию генерала Тимановского, 2-ю

Терскую пластунскую бригаду (небоееспособную, сведенную в батальон 200 штыков), Осетинский конный полк (60 сабель) и пластунские Осетинский батальон (еще не сформированный), отобрал и все шесть танков. Сам Врангель утверждал, что у него отобрали 2-ю Терскую казачью дивизию полковника Остроухова, Осетинский конный полк генерал-майора Разгонова и пластунские Терский и Осетинский батальоны. Взамен барону были посланы пять горских и инородческих полков (по версии Врангеля, 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада генерал-майора Геймана, 3300 штыков). Кто-то из генералов привирает или просто запамятовал.

Так что обвинять Деникина в отсутствии главного операционного направления по меньшей мере наивно, а укорять в нелюбви к Кавказской армии еще и глупо. И уж совсем подло со стороны Врангеля было бросать главкому совершенно абсурдный упрек в якобы «предательстве Колчака» из-за того, что Деникин не пустился вскачь за Волгу выручать цепляющегося за Уральские горы адмирала, а пошел прямо на столицу.

До поры до времени препирательства между Ставкой и Врангелем не выходили за рамки чисто деловых, хотя и жутко нервировали всех, в этом участвующих. Деникин писал: «Но если сношения с «Харьковым», «Новочеркасском» и «Пятигорском» имели характер обмена оперативными взглядами и не выходили из пределов дисциплины и подчиненности, иначе обстояло дело с «Царицыном». Не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций. Особенное нерасположение, почти чувство ненависти, он питал к генералу Романовскому и не скрывал этого.

Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество. В борьбу вовлекалось и английское представительство, как я узнал впоследствии. Интрига получала лишнюю благодарную тему, а политическая оппозиция — признанное орудие.

Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхо-

ждения и состава, находили благодатную почву вследствие утери преюбрежения Верховной власти и военной традиции и имели прямое отражение на периферии».

Пока армия побеждала и уверенно продвигалась вперед, на это тоже можно было не обращать внимания, но потом это непонимание вылилось в открытое противостояние, изнутри подточившее всю Добровольию.

Однако гладко было на бумаге. План Деникина, предусматривавший наступление на Москву, ограничивая фланги Днепром и Волгой, с ходу начал трещать по швам. Уже на следующий день после опубликования директивы Врангель прыгнули за Волгу — 3-я Кубанская казачья дивизия генерал-майора Николая Бабиева заняла село Средне-Ахтубинское, рассчитывая где-нибудь соединиться с уральцами. До этого с февраля Деникин посылал им деньги, орудия, ружья, патроны, броневики, обмундирование. Обнаружили казаки 3-го Кубанской дивизии генерал-майора Петра Мамонова (заменял раненного в голову Бабиева) первые разъезды сильно отступивших уральцев генерал-лейтенанта Владимира Акутина лишь 19 июля в районе озера Эльтон.

Май-Маевского вместо Курска и Орла потянуло на запад — на Полтаву и Кременчуг. Сидорин вообще топтался под Балашовым и Камышиным, больше обозначая наступление, чем реально наступая. 3-й армейский корпус генерал-лейтенанта Николая Шиллинга вышиб григорьевцев из Херсона и Николаева. При поддержке остатков Черноморского флота и английского крейсера «Каррадог» он занял Кинбурнскую косу и Очаков, укрепившись в низовьях Днепра. После чего устремился на Одессу, что, с одной стороны, удлиняло линию фронта уже до Днестра и румынской границы, с другой — оставляло в тылу опаснейшего Махно с его непонятно откуда набегавшей «1-й партизанской дивизией».

Деникин оправдывал это «распухание фронта» тем, что «мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно его сил. Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции

поступательного движения была наша сила. Истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надеждами армию, и только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания».

Логика в этом, безусловно, была. Армия начинала поход на Москву, имея под ружьем на фронте чуть более 70 тысяч пехоты и сабель (против 110–120 тысяч красных). Кубань перестала давать пополнение для далекого Царицына, почетный кубанский казак Врангель чуть ли не за грудки тряс войскового атамана генерала Александра Филимонова и походного атамана Генерального штаба генерал-майора Вячеслава Науменко (первоходника). Они клялись-божились, что делают для мобилизации все возможное, но Кубань больше дать не могла.

Зато как раз в наступлении армии начали расти за счет пленных красноармейцев и мобилизованных красными и подготовленных в качестве запасников крестьян. Май-Маевский начал поход, имея в Добрармии 9600 пехоты, через месяц под Харьковом имел уже 26 тысяч, к концу июля на рубеже Екатеринослав—Полтава — 40 тысяч. Вышедший из Крыма с 4 тысячами Шиллинг в Одессу входил уже с 16 тысячами. Врангель, по утверждению генерала Лукомского, требовал довольствия в июле на 80 тысяч бойцов, в августе — на 110 тысяч. Это при том, что лишь совсем недавно Кавказская армия вкупе с Донской совместно едва наскребали 40 тысяч. Или Врангель где-то открыл новый источник пополнений, или такова уж хитрая арифметика тыла.

Попутно барон скандалил с Сидориным за 1-й Донской отдельный корпус Генерального штаба генерал-майора Николая Алексеева. Врангель тянул его к себе под Камышин, Сидорин — к себе под Балашов (к 20 июля Донская армия насчитывала уже 45 тысяч пехоты и сабель). При этом оба жаловались друг на друга Деникину, утверждая, что без этого корпуса выполнить своих задач не могут.

Главкому вновь и вновь приходилось мирить своих генералов, в который раз играя роль буфера между амбициозностью и честолюбием.

Как он сам признавался: «Военные операции протекали не без серьезных внутренних трений. Малочисленность наших сил и наша вопиющая бедность в технике и снабжении создавали положение вечного недохвата их на всех наших фронтах, во

всех армиях. Выведение частей в резерв главнокомандующего наталкивалось поэтому на огромные трудности. Каждый командующий придавал преимущественное значение своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизию интересов, обиды и проволоочки. Когда с Северного Кавказа мы двигали на царицынский фронт прочные кубанские части, генерал Эрдели доносил, что это «вызовет восстание горских народов и полный распад всего Терского войска...» Генерал Врангель требовал подкреплений из состава Добровольческой армии, «которая, по его словам, почти не встречая сопротивления, идет к Москве», а генерал Май-Маевский не без основания утверждал, что в таком случае ему придется бросить Екатеринослав или обнажить фланговое полтавское направление...»

Надо было иметь в виду, что предыдущий год армия Деникина сражалась в казачьих областях, где ей практически гарантирована была поддержка местного населения. Но теперь она шла в «лапотную Россию» с ее крестьянским большинством, которое тихо ненавидело красную продрозверстку и чрезвычайку, но с надеждой ждало от белых решения главного для него — земельного вопроса. А вот его-то Деникин не смог решить даже для самого себя, понимая, сколь сложно ему будет лавировать между «республиканцами» и «монархистами» в своей среде. За него решали другие — возвращались старые помещики и насильственно отбирали землю, пороли и вешали крестьян, лишь увеличивая красные отряды.

К 15 июля Врангель взял Камышин, Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Бредов с 7-й пехотной дивизией — Полтаву.

Троцкий наконец понял, где таится погибель большевизму, и срочно начал собирать войска для противодействия новой угрозе. Добывать Колчака можно было и малыми силами, Южный фронт теперь был объявлен главным, а под лозунгом «Все на борьбу с Деникиным» с Урала перебрасывались шесть с половиной дивизий и три дивизии с Украины. 16 июля наркомвоенмор писал в приказе: *«Вся страна заботится теперь об Южном фронте. Нужно, чтобы командиры, комиссары, а вслед за ними красноармейцы поняли, что уже сейчас на Южном фронте мы сильнее Деникина. Воинские эшелоны и маршрутные поезда снабжения непрерывным потоком идут на юг. Теперь все это... нужно вдохновить идеей решительного наступления...»*

Характерная телеграмма Ленина тех дней: «...мобилизовать всех служащих советских учреждений мужского пола от 18 до 45 лет. Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля, или дезертизма или невыполнения данных заданий и т.д.».

К началу августа против окрепшего Деникина уже находились 180 тысяч штыков и сабель при 700 орудиях. Фронт возглавил Владимир Егорьев (Генерального штаба генерал-майор, бывший начальник штаба 1-й Гренадерской дивизии. Его тогдашний командир генерал-лейтенант Григорий Янушевский числился во ВСЮР). Против Врангеля была сосредоточена ударная Особая группа экс-полковника Василия Шорина (50 тысяч), сколоченная из остатков битых им по очереди 9-й и 10-й армий. Против Май-Маевского — группа Владимира Селивачева (Генерального штаба генерал-лейтенанта) из 8-й, 13-й и левобережной части 14-й армии (до 40 тысяч).

Выбор Селивачева можно объяснить лишь шагом отчаяния со стороны Троцкого. Генерал имел устойчивую репутацию корниловца, поддержал августовский мятеж 1917 года и лишь чудом не угодил в Быхов, откуда открывалась прямоезжая дорога в Ледяной поход. В Красную Армию он угодил лишь по призыву в декабре 1918 года, и не без оснований многими подозревался в сочувствии Белому движению. Гетман Павло Скоропадский давал ему блистательную характеристику и называл его «редко честный человек». Даже Ленин телеграфировал 16 сентября 1919 года в Военный совет Южного фронта, указывая на возможность измены Селивачева. По удивительному совпадению, генерал умер на следующий день после этой телеграммы. По официальной версии, от сыпного тифа, по неофициальной — был отравлен. Еще через две недели к белым перебежал его бывший подчиненный командарм-8 Андрей Ратайский (бывший генерал-майор) со своим начальником штаба Генерального штаба полковником Александром Нечволодовым. Весьма возможно, что перебежать они собирались все вместе.

Кроме того, Троцкий обратил серьезное внимание на необходимость создания красной конницы. Как раз в составе группы Шорина из остатков партизанской конницы раненого Думенко была сколочена внушительная кавалерийская бригада

вахмистра Семена Буденного, которой по силам уже было тягаться с кубанцами и терцами.

В начале августа Шорин всеми силами навалился на Врангеля, выдавив кубанцев из Камышина.

Тяжелейшие трехнедельные бои обескровили обе армии, и барону пришлось вернуть конницу Мамонова с левого берега Волги назад и даже начать эвакуацию Царицына. Давление Шорина ослабло, лишь когда во всю мощь развернулся рейд по красным тылам 4-го Донского корпуса генерала Мамантова. Рейд был разработан начальником штаба Донской армии генералом Келчевским, для чего личный состав корпуса в 3400 сабель был усилен до 6 тысяч сабель, 3 тысяч штыков, 103 пулеметов, 12 орудий и 3 броневиков (отбором донцов лично занимался Мамантов, отсеивая слабых и немощных душой).

Кельчевский рассчитал, чтобы превентивный удар донской конницы пришелся аккурат в стык изготовившихся к наступлению двух ударных группировок красных, дабы внести путаницу в командование 8-й и 9-й армиями. Из Урюпинской Мамантов переправился через Хопер в районе станции Добрянской у Новохоперска и, смятая копытами 40-ю дивизию и кавбригаду красных, устремился прямо на Тамбов, где находилась одна из баз Южного фронта. Утерявший связь с Селивачевым Шорин вынужден был предпринимать срочные меры для противодействия, но свободных резервов у него не было. Пришлось Селивачеву выделять из состава 8-й армии 31-ю дивизию, а Шорину из состава 9-й — 36-ю, дабы преградить путь донцам. Но куда там. Мамантов же, поставив вверх дном Тамбов, 15-тысячный гарнизон которого бесследно исчез, уже шел на Козлов, где располагался штаб фронта. Штаб мигом умчался в Орел.

Каменев вынужден был посылать резервные 56-ю, а затем и 21-ю стрелковые дивизии не Шорину для натиска на Царицын, а в погоню за неуловимым Мамантовым. Донец же, легко опрокидывая слабые заградотряды, огнем и мечом прошел через Козлов, Раненбург, Лебедянь, Елец, Грязи, Касторную. По ходу рейда донцы уничтожали гарнизоны, разрушали связь, сжигали приготовленные для армии пункты военного снабжения, распускали несколько десятков тысяч мобилизованных большевиками солдат по домам. Более того, из пленных красноармейцев и местных крестьян была создана 1-я Тульская добровольческая

пехотная дивизия (1790 штыков) под командованием полковника Федора Дьяконова.

Сидорин предполагал, что Мамантов поведет свой корпус сразу на Воронеж и Лиски, дабы отрезать лискинскую группировку красных, но тому не хотелось связывать себя изнурительными боями — древняя страсть к «походам за зипунами» была куда более по душе донцу. Здесь уже законы классического набега умножались стремлением отомстить «русским» за рассказывание. Грабили, как в чужой стране — бессмысленно и беспощадно. С каждым новым городом обоз корпуса рос, превращаясь в огромную отягощенную добычей змею (до 60 верст). Наступать с таким «хвостом» было совершенно невыносимо, и донцы потихоньку отправляли награбленное в родные станицы. Поскольку бесчисленные телеги надо было охранять, корпус очень быстро уменьшился с 9 до 2 тысяч штыков и сабель.

Справедливости ради стоит заметить, что грабили не только казаки — те просто не смогли бы увезти все трофеи. Генерал гулял по-крупному — склады красных были отданы на разграбление местному населению, которое восторженно приветствовало «военный коммунизм» по-мамантовски. Ленин был в ярости: «...Около 290 вагонов имущества вещевого склада остались в Козлове и разграблены казаками и населением». Вождю не о чем было волноваться, население строго выполняло его собственный наказ — «грабь награбленное».

Деникин писал: *«Мамонтов (в источниках генерал чаще фигурирует под более привычной русскому уху фамилией «Мамонтов». — Прим. автора) под предлогом дождей, вызвавших распутицу, приказания не исполнил и, пройдя с боем через фронт, пошел на север, совершая набег в глубокий тыл противника — набег, доставивший ему громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет».*

Врангель был гораздо жестче: *«Имя генерала Мамонтова было у всех на устах. Донской войсковой круг торжественно чествовал его, газеты были наполнены подробностями рейда. Я считал действия генерала Мамонтова не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения, но явно избегал боя, все время уклоняясь от столкновений. Полки генерала*

Мамонтова вернулись, обремененные огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамонтов передал по радио привет «родному Дону» и сообщил, что везет «Тихому Дону» и «родным и знакомым» «богатые подарки». Дальше шел перечень «подарков», включительно до церковной утвари и риз. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главкомандующего. Однако генерал Мамонтов не только не был отрешен от должности и предан суду, но ставка его явно выдвигала...»

Красный командарм Александр Егоров со своей колокольни считает несколько по-иному: «Своим движением на север, вместо района Лисок, Мамонтов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, в расчете, очевидно, на восстание крестьянства и городской буржуазии против советской власти. Это, конечно, авантюра, но Мамонтов, имея более сильные средства для достижения менее обширных задач, был здесь в меньшей степени авантюристом, чем сам Деникин. К тому же, в отличие от Деникина, сам осуществлял свои идеи и — надо быть откровенным — имел с первых же дней рейда много ярких доказательств правильности своих расчетов. Мамонтов не добился основного: крестьянство не восстало».

Не восстало оно еще и потому, что в рейде Мамантова оно увидело в первую очередь не освободителей, а мстителей. И пусть набег донцов, проходивший по губерниям Великороссии, не отмечался такими мрачными погромами и экзекуциями, как рейды Шкуро по еврейским местечкам Украины, но основания для хлеба-соли со стороны ничего, кроме грабежа, не получивших от белых землепашцев не было.

Борис Штейфон писал: «Мы двигались по России, это была ведь наша Родина, однако, выйдя из Донецкого бассейна, мы не могли отрешиться от странного чувства, будто мы входим в какую-то чужую страну. Сказывалась непримиримая разность мироозрений. В течение многих месяцев зимней борьбы мы как-то сжились с мыслью, что там, за красным фронтом, там не подлинная Россия».

Тыл Егорьева был совершенно дезорганизован, пришлось срочно формировать целый Внутренний фронт Михаила Лашевича из 23 тысяч штыков при поддержке бронепоездов.

Навстречу Мамантову по готовому атаковать Селивачеву в стык 13-й и 14-й армий ударил Кутепов, отбросив их соответственно к Курску и Ворожбе. На Воронеж с юга пошел корпус Шкуро, который и взял город вместо донца. Сам Мамантов, сбросив тяжкий груз телег с награбленным, только тогда все же захватил Лиски и соединился со Шкуро.

Снисходительный Деникин отмечает: *«Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами. Сам Бронштейн, находившийся тогда в районе набега и с необычайной поспешностью отбывший в Москву, писал по дороге: «Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение пределов Тамбовской губернии...» Взывал тоном растопчинских афиш: «На облаву, рабочие, крестьяне... Ату белых! Смерть живорезам!..» И в конце концов смилоствивился над «казаками, обманутыми Мамонтовым», приглашая их сдаться: «Вы в стальном кольце. Вас ждет бесславная гибель. Но в последнюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вам руку примирения...»*

Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что, несомненно, вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции».

Кавказская армия уже не наступала, а только сдерживала красных. Деникина это не особенно волновало — Колчак уже не отступал, а бежал. Смысла тратить силы на поход вдоль Волги уже не было. Поэтому все силы необходимо было сосредоточить на фронте наступления Май-Маевского, который уже просто гнал перед собой украинские армии красных.

5-й кавкорпус Юзефовича взял Гадяч, Конотоп и Бахмут, генерал Шиллинг высадил десант Сводно-драгунского полка в Одессе на поддержку офицерского восстания в городе, а 7-я дивизия Бредова вошла в Киев одновременно с наступавшими с юга сечевыми стрельцами Петлюры. К Петлюре Деникин доверия не питал, но на данный момент тратить на него лишних сил не хотелось — с галичанами были установлены временные «разграничительные линии».

7 сентября Кутепов с «цветными» был уже в Курске, 8-го в Щиграх. Под Курском в селе Софроновка его конный разъезд из 2-го Корниловского полка задержал знаменитую певицу и киноактрису Надежду Плевицкую, которую еще Николай II называл «курским соловьем». Знал бы Кутепов, что его корниловцы привезли в штаб его будущую убийцу.

Сидорин бросает Мамантова в новый рейд на Лиски и Таловую. На этот раз ловить его взялся сам Буденный, кавгруппа Блинова, 21-я стрелковая дивизия и 22-я железнодорожная бригада. Но генерал вновь сделал финт и ушел на Воронеж. Теперь уже сам Сидорин, поддерживая кавалерию, форсировал Дон и отбросил красных на линию устье реки Икорец — Кумылженская — Арчедин.

Шкуро продвинулся до Орла, Кутепов взял Кромы и Ливны, разъезды белых видели у Тулы. Юзефович взял Новгород-Северский. Пали Сумы, Обоянь, Старый Оскол, Фатеж, Рыльск. Штаб Южного фронта укатил еще дальше в Серпухов. Московское правительство серьезно готовилось к эвакуации в Вологду (как некогда Иван Грозный), а большевики — к уходу в подполье. Вывозили ценности, печатали фальшивые царские стурблевки. ЧК срочно пускала в расход заложников и арестованных «буржуев». Троцкий обещал: «Мы уйдем, но так хлопнем дверь, что мир содрогнется...»

Следует заметить, что огромный успех Добровольческой армии как раз связан со стратегической прозорливостью Деникина, сосредоточившего (хотя и со стоившим ему Москвы опозданием) все усилия на левом фланге наступления. Таким образом ему удалось обмануть своих коллег из Генерального штаба, работавших у Троцкого в РВСР и уверенных в том, что направление главного удара ВСЮР будет именно из Царицына. Как раз так, как кричал на всех углах Врангель. Этому подтверждением служит отрывок из воспоминаний красного командюжа Александра Егорова: *«Здесь небезынтересно отметить то обстоятельство, что главное командование по-прежнему продолжало оставаться на своей старой точке зрения относительно основного участка борьбы против Деникина... 1 октября главком высказался по этому поводу вполне определенно, указав Шорину, что центр тяжести операции против Деникина лежит на нем (т.е. на Юго-Восточном фронте), причем указывалось, что характер возложенных*

на 9-ю и 10-ю армии задач должен и на будущее оставаться неизменным».

Иными словами, Деникина ловили на Волге, а он пошел на Москву вдоль Днепра.

К началу октября Деникин достиг своего наивысшего могущества. Его армии контролировали 16–18 губерний и областей пространством в 810 тысяч квадратных верст с населением в 42 миллиона. Все это еще предстояло переварить и сохранить. Реальных сил для этого не было, оставалось лишь уповать на суворовские быстроту, глазомер и натиск.

Теперь уже пополнение армий за счет пленных было не благом, а проблемой Деникина.

В пиковый период могущества главкома ВСЮР к октябрю 1919 года в его составе числились около 150 тысяч штыков и сабель (более 40 тысяч конницы), из которых 20 тысяч были рассредоточены на Черноморском побережье (против Грузии) и в Терско-Дагестанской области (против горцев, Азербайджана и Астрахани). Пленные по неписаному закону считались «собственностью» того подразделения, которое их пленило. Отбирали наиболее сытых и хорошо одетых, остальных отправляли в тыл в распоряжение коменданта (когда доходили, но если лень было сопровождать, до ближайшего перелеска). К примеру, в Белозерском полку полковника Штейфона до 90% списочного состава были пленные красноармейцы из числа мобилизованных. Как правило, это были крестьяне эпохи Первой мировой войны, знакомые с оружием и воевавшие не за совесть, но за страх. Поскольку наладить создание и бесперебойную поставку на фронт запасных частей тыловики так и не смогли, включение в состав Белой Армии пленных и насильно мобилизованных летом 1919 года стало повсеместной практикой. Благо к этому времени обычная практика «пленных не брать» стала уходить на второй план из-за больших потерь в маршевых частях. Собственно, те, кто их «не брал», первопоходники, кадровые офицеры, ушедшие с Корниловым в Ледяной, с Поповым в Степной, с Покровским в Кубанский походы, уже исчислялись единицами. Добровольческий дух уже давно был «размыт» серой массой усталых и озлобленных на все на свете людей. По признанию Штейфона, через его Белозерский полк за семь месяцев прошли более 10 тысяч бойцов. Кто там из них выжил за два года безумной бойни?

При такой текучке говорить о какой-либо убежденности армии в идеях «единой и неделимой» не приходилось. Воевали преимущественно сами за себя, лишь бы выжить во всеобщей бойне. Если «цветные» полки как-то старались соблюдать традиции, высокий моральных дух и поддерживать культ вождей и героев Белого движения, то остальные части, даже получив громкие еще с царских времен названия гусар, драгун, гренадер, весьма далеки были от конечных целей Деникина.

Однако в условиях успешного наступления и этими факторами можно было бы пренебречь, пока полки останавливались не тогда, когда им преграждали путь, а когда сами уставали шагать. Скачками. Как писал Штейфон: «Войска наступали с таким подъемом, что в отдаваемых директивах постоянно приходилось подчеркивать, чтобы части не увлекались и не переходили указанных им границ наступления».

Для достижения конечной цели генералу Деникину оставалось каких-то 150–200 верст.

Член британской военной миссии лейтенант Робертс писал: «Заняв Орел, мы уже думали о том, на каких лошадях будем с триумфом въезжать в Москву».

ТРЕСК ПО ШВАМ

Белая Армия Деникина еще шла вперед. Но теперь уже скорее по инерции, а не из-за военного преимущества. Звон московских колоколов стоял в ушах Деникина и Романовского, заглушая голос здравого смысла и мешая понять, что армия **ВЫДЫХАЕТСЯ**. Проглатывая территорию, главноком ВСЮР попросту «объелся» и был не в состоянии уследить за всем, что делается на флангах, в тылу, в правительстве. Более того, он не хотел за этим следить, делегировав все властные полномочия Особому совещанию, а идеологию — ОСВАГУ, сконцентрировавшись только на военных вопросах.

Май-Маевский в редкие эпизоды выхода из превратившихся в хронические запоев (усиленно спаивал адъютант Макаров) умолял Деникина срочно приступить к разрешению аграрного и рабочего вопросов. Главком лишь отмахивался — «после, Владимир Зенонович, вот возьмем Москву и уж тогда». Кое-где в Донбассе и на Дону 8-часовой рабочий день установили, пособия обещали, по мере скорого наступления просто

не успевали за этим. Май не отставал и настаивал на том, что, наступая по неизжившей большевизм крестьянской территории, нельзя закрывать глаза на насущные потребности пахарей без риска остаться без обеспечения армии продуктами питания, а то и нарваться на крестьянские восстания в тылу. Армия может перестать ждать милости от крестьян и тыла, занявшись в открытую «самоснабжением». А это значит — просто настроиться против себя миллионы с вилами.

Деникин злился то на него, то на себя, понимая, что Май загоняет его в замкнутый круг проблем, не имеющих в данный момент разрешения, кроме хотя бы временного возвращения земли прежним хозяевам. Ибо так требует закон. Вы мне дайте Белокаменную, а потом уж и приставайте с вопросами. Но тогда не ко мне, упаси Боже, я тут же уеду сажать капусту. К Учредительному собранию, Собору, Временному правительству, Думе, кому угодно. Его, деникинская, миссия будет выполнена, лишь когда генеральский сапог коснется кремлевской брусчатки.

Не получившие хоть каких-либо гарантий по земле и разочарованные белыми крестьяне сами решили «бить красных, пока не побелеют, а белых, пока не покраснеют».

Воспрял Махно теперь уже в глубоком тылу Добрармии, затеяв рейд на Александровск по типу мамантовского, отрезав от Деникина Крым. Махновцы вырезали обозы белых, громили станции, склады, распускали пополнения, совершенно дезорганизовав подвоз продовольствия и боеприпасов.

Злился и Май, и пил еще больше, совершенно удаляясь от фронтовых дел.

Да и в Ставке просмотрели момент, когда инерция наступления просто иссякла. Май-Маевский вынужден был ослаблять свой московский таран, перебрасывая на поимку батьки бригаду Терской дивизии от Шкуро, два полка от Юзефовича, шесть полков от Кутепова под общим командованием начальника 4-й пехотной дивизии генерального штаба генерал-майора Якова Слащева. Комкор бился в истерике — с кем ему стучаться в Боровицкие ворота?

Слащев писал: *«Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы русским углем и нефтью. Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей*

Добровольческую армию, стали как бы попирались интересами крупного международного капитала.

Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создавались внутренние фронты. Я, конечно, не говорю про анархическое движение Махно, боровшегося со всякой властью.

Появился ряд грабителей, ставших во главе белых войск: они были удобны крупному чужеземному капиталу, так как без зазрения совести готовы были на все сделки... Как бы то ни было, но в Добровольческой армии начался развал: пролетариат и беднейшее крестьянство ясно были против нее, мелкая буржуазия сильно разочаровалась и стала отходить в сторону. В войсках началось дезертирство. Усилились грабежи, участниками которых были лица даже высшего командного состава. Движение потеряло всякую идейность, и все совершалось во имя личного благополучия или тщеславия. Армия дошла до Орла, откуда безудержно покатила к югу».

После ухода англичан из Баку, Тифлиса и Петровска, чтобы свято место пусто не было, туда мигом нагрянула Турция. Восстал Дагестан во главе с шейхом Аварии Узун-Хаджи Салтинским. Поддержанный турками, он объявил о создании Северо-Кавказского эмирата со столицей в чеченском ауле Ведено. При этом шариатским эмиром и имамом стал, естественно, сам Узун-Хаджи, но в качестве протектора склонил выю перед «Халифом, Его Величество Оттоманским императором Магомедом Вахитгом Дином Шестым». Интересно, что в качестве шариатских наивов у эмира были одесский большевик Николай Гикало и один из лидеров светской Горской республики Асланбек Шерипов.

У Деникина совершенно не было никаких свободных сил, чтобы отвлекать их на разгон армии Узун-Хаджи (60–70 тысяч). Тоже решено было оставить на «после Москвы».

В довершение чисто политических просчетов Деникин вообще отказался о чем-либо договариваться с Петлюрой, параллельно вошедшим в украинскую столицу. Или «единая и неделимая», или пошли вон из Киева. Генерал фон Бре-

дов (немец) заявил командиру галицийской ударной группы генерал-четару Антону Кравсу (немцу), что «Киев — мать городов русских и украинским городом не будет никогда», а ежели Петлюра желает бить большевиков дальше, то пусть он подчиняется Деникину или складывает оружие. Тем более, радостные галичане в припадке самостийной лихости сорвали со здания киевской думы и растоптали белогвардейский триколор. Командовавший 1-й гвардейской пехотной бригадой генерал-майор Максимилиан фон Штакельберг (остзейский немец) при поддержке командира 2-го Сводно-гвардейского пехотного полка полковника Александра Стесселя (немец, сын знаменитого коменданта Порт-Артура генерал-лейтенанта Анатолия Стесселя, позорно сдавшего крепость) бесцеремонно выставил из Киева весь 1-й корпус галичан полковника Осипа Мыкитки (украинца).

Петлюра обиделся, что его всерьез не воспринимают ни Антанта, ни большевики, ни поляки, ни белые, и объявил войну ВСЮР. Именно это и сподвигло «головного атамана» на соглашение с Махно, которого Слащев отрезал от Гуляй-Поля и Александровска, загнав аж до Умани. Батька вновь перекрасился и стал служить галичанам, пока сама Галицийская армия не перешла на службу к красным.

Деникин вышел из себя и поручил генералу Шиллингу (немец) разобраться с галичанами. Тот быстро вытеснил «жовто-блакитных» за Днепр, взял Житомирский железнодорожный узел и Тульчин, загнав в кольцо 3-ю Железную дивизию УГА.

Интересно, что Начальный комендант (главком) Галицийской армии генерал-четарь Мирон Тарнавский (капитан германского рейхсвера) по собственной инициативе прекратил войну и начал в ноябре переговоры с деникинцами о заключении военного союза против красных. Президент Западно-Украинской народной республики Евгений Петрушевич (австро-венгерский политик) отстранил его от командования УГА и предал суду. Однако суд признал действия Тарнавского оправданными и направленными во благо армии, и освободил генерала из-под ареста.

Только во время Гражданской войны можно было наблюдать, как за интересы России яростно бьются немцы с различными враждующих сторон.

Постоянные изнурительные, пусть и победные бои стоили Деникину огромных потерь. На направлении главного удара армия была до крайности истощена. К 1 декабря 1919 года в госпиталях и лазаретах Дона и Кубани на излечении находились 42,7 тысячи раненых и больных солдат и офицеров. Сил не хватало, чтобы вывезти раненых с фронта. Смерть от гангрены стала повсеместной, санитарные потери ужасали. Вовсю свирепствовал сыпной тиф, выкашивавший целые подразделения сначала красных, а по мере продвижения белых к Москве — и их. Медикаментов не хватало.

В послереволюционной России в период между 1917 и 1921 годами от сыпного тифа погибло около 3 млн человек. В Белой Армии сыпняк скошил генералов Сильвестра Станкевича, Николая Иванова, Константина Мамантова, Владимира Селивачева (не успел перебежать к Деникину), начальник Марковской пехотной дивизии полковника Александра Блейша, политика Владимира Пуришкевича, философа князя Евгения Трубецкого, идеолога Белого движения Федора Крюкова, кубанского войскового атамана Генерального штаба генерал-майора Николая Успенского (в ноябре 1919 года сменил Александра Филимонова и через месяц умер). Сам «железный Степаныч» генерал Николай Тимановский с 18 пулевыми и штыковыми ранами от двух войн слег с тифом. Он долго не хотел поддаваться болезни, категорически отказывался эвакуироваться в тыл. Лечение не признавал и лечился так, как сам понимал это слово — пил спирт и ел снег, когда температура у самого зашкаливала за 40 °С. На таких «лекарствах» долго не протянул.

К концу осени на самом фронте протяженностью 1150 км числились 48 400 штыков и 22 000 сабель (реально это количество было меньше, командиры умышленно увеличивали штаты, надеясь на дополнительное довольствие). В то же время в тылу, при штабах и в различных учреждениях находились свыше 60 тысяч здоровых и откормленных солдат и офицеров.

Казнокрадство и дезертирство приняли гомерические масштабы. Приговоры судов просто не работали по этим вопросам. На фронте некому было затыкать дыры в то время, как в тылу все рестораны, кабаки и публичные дома были забиты «господами офицерами». Деникин отмечал: *«Если много было «зеленых» в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собра-*

ния, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха. Я приказал одно время принять исключительные меры в пункте квартирования Ставки (Екатеринодар) и давать мне на конфирмацию все приговоры полевых судов, учреждаемых при главной квартире, о дезертирах. Прошло два-три месяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым неизменно я смягчал наказание; но, несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попало. Изворотливость, беспринципность вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся, служили им надежным щитом».

При общей дезорганизации тыла Белой Армии вполне вольготно чувствовало себя имевшее многолетний опыт большевистское подполье, с которым эффективно бороться не могла бессильная деникинская контрразведка.

Старая неприязнь армейских офицеров к царской жандармерии наложила свой отпечаток на наличие кадров столь необходимой во время «правильной» войны контрразведки. В свое время в среде военных офицеров не принято было подавать руки жандармам, приглашать их за стол и вообще они всячески презирались. Соответствующие парадоксальные в ходе Гражданской войны отношения сохранились и на Белом Юге. Как писал в июле 1919 года бывший начальник Петроградского охранного отделения и командир Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Константин Глобачев: «...мне было сказано, что главным не может согласиться на прием меня в Добрармию, так как этому мешает «совокупность прежней моей службы по политическому розыску», то есть при царском режиме и за последнее время в Киеве и Одессе». После долгих обиваний порогов опытный профессионал смог получить должность лишь в Главном управлении снабжения.

Бывшему директору Департамента полиции МВД генерал-лейтенанту Евгению Климовичу и подавно указали на дверь под предлогом того, что тот служил в Отдельном корпусе жандармов. Интересно, что и генерала Климовича и последнего

начальника Московского охранного отделения полковника Александра Мартынова в 1920 году с распростертыми объятиями принял к себе в Крым барон Врангель. Как «пострадавших» от Деникина.

Личное недоверие к профессионалам сыска Деникина сыграло потом с ним злую шутку, ибо контрразведка была полна людьми, далекими от этой работы и арестовывавших лишь на основании личных суждений. Проведенной осенью 1919 года проверкой Контрразведывательного отдела Добармии было выявлено, что в тюрьмах Харькова, Екатеринослава, Елисаветграда, Кременчуга и Полтавы лишь 13–15% содержащихся там арестованных были виновны в инкриминируемых деяниях. Остальные стали жертвами наветов, сведения личных счетов, ошибок, откровенной глупости, а то и явного вымогательства.

Как в сердцах признавался Врангель, «в контрразведке служило 80% мерзавцев».

Одни из таких «мерзавцев» в ростовской контрразведке, доказывая свою «необходимость и незаменимость», придумали некую группу террористов, которая приехала из Харькова в Таганрог, чтобы совершить покушение на главкома. Естественно, что задержанные пятеро членов «боевого отряда» в контрразведке во всем «сознались» и были казнены по приговору донского полевого суда. Однако вскоре выяснилось, что «боевики» были чистой провокацией и казнены невинные.

По словам Деникина: «За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское и терское правительства, наконец, даже... отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью».

Если уж сам белогвардейский генералитет так отзывался о службе, призванной охранять порядок и пресекать деятельность большевистского подполья, то можно себе представить, какой имидж у нее был среди обычных обывателей. Этот имидж бумерангом бил и по самому Деникину.

Мало реального толку было и от политических организаций с громкими названиями — «Правый центр», «Национальный центр», «Тактический центр», «Союз возрождения России».

Посланный генералом Алексеевым в Москву в 1918 году за помощью к местному купечеству генерал Казанович, потыкавшись среди купечества и некогда гремевших промышленных толстосумов, пришел к неутешительному выводу: «Все эти организации производили впечатление чего-то несерьезного: велись списки, распределялись роли на случай будущего восстановления, но не заметно было особого желания перейти от слов к делу...»

Сам Деникин вынужден был констатировать: «От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их совместной службы вред».

К тому же французы, сделавшие ставку на Польшу, совершенно прекратили реальную помощь Деникину, выставляя ему претензии на компенсации по поводу своей собственности в Кривом Роге и Донбассе. Тщетно бьющийся за поддержку Парижа член Русского политического совещания кадет Василий Маклаков телеграфировал, что французское правительство «вынуждено остановить отправку боевых припасов, что было бы особенно опасным для Юденича», если Деникин не примет «обязательство — поставить на соответствующую сумму пшеницу». При этом французы с огромным опозданием вернули России уведенные из Одессы весной 22 русских парохода.

Соколов писал, что мстительный Жорж Клемансо почему-то обвинял белых в «германофильстве» (!) и был обижен на Деникина, который много «лестных слов» о французах изложил в письме Колчаку, после их постыдной эвакуации из Одессы. Как письмо попало к самому Клемансо, можно только догадываться — через генерала Жанена.

Да и с самой почти родной главкому Польшей у Деникина контакта не получилось. Здесь вопроса самостоятельности перед ним не стояло, он его решил еще в юности при общении с поляками. «Мое признание независимости Польши было полным и безоговорочным, и я лично относился с полным сочувствием к возрождению Польского государства», — утверждал полуполяк Деникин.

Обновленная Польша нужна была Доброволии как еще один фронт против большевиков, но только при условии, что «начальник государства» Юзеф Пилсудский не будет «разезать рот на чужой каравай». Вот тут-то и таились главные разногласия — только восстановив долгожданную независимость, новая польская элита уже потребовала «справедливых границ». В частности, Пилсудский был уверен, что только путем реституции Украины поляки могут «обеспечить себя с Востока». А «обеспеченность» по-пилсудски — это Правобережная Украина с Киевом. В идеале вообще восстановление Речи Посполитой до ее трех разделов, в границах 1772 года — «от можа до можа». На этих условиях Пилсудский еще мог вести переговоры о совместных действиях с Деникиным против большевиков.

Понятно, что без французского подталкивания тут не обошлось, но аппетиты-то каковы.

В Таганроге в качестве постоянного представителя Варшавы при Ставке ВСЮР сидел граф Владимир Бем де Косбан (в свое время служил в 9-м Уланском полку). 13 сентября 1919 года сюда прибыла для переговоров о возможных совсестных действиях против большевиков польская миссия во главе с бывшим генерал-майором русской службы Александром Карницким.

Радостный главком пил за «кровный союз» России и Польши, намекал на то, что сильно на запад, на Киев вместо Москвы его армия отклонилась исключительно для соединения фронта с Пилсудским, и вот сейчас пришла пора общими усилиями взяться за «красную чуму». По крайней мере, Деникин надеялся, что хотя бы КАКАЯ-ТО активность польской армии на Западном фронте, хотя бы «демонстрация» не позволит красным удержать там серьезные силы и не перебросить их против Добрармии.

Однако бывший начальник Кавказской кавалерийской дивизии Карницкий был невозмутим — поляки готовы выступить против большевиков только в обмен на твердые гарантии в отношении передачи им Литвы, Белоруссии и Волыни. Изрядно отпивший цимлянского начальник штаба польской миссии генерал Вацлав Пшездецкий, подкручивая усики, чисто с польским гонором вещал:

«Большевиков мы не боимся. У нас теперь огромная армия. На фронте дерутся большие силы, и, кроме того, мы имеем еще большие силы в виде резервов. Общая цифра

значительно превышает 500 тысяч человек, и к весне мы ее более чем удвоим. Армия молодая, контингент, не тронутый большевизмом, патриотичен и находится в наших руках. Снабжение, вооружение и финансы — блестящи. Мы можем почти с уверенностью сказать, что более сильной армии уже ни у кого нет... Таким образом, нам незачем сговариваться из-за боязни большевиков. Для того чтобы не было большевизма, мы должны двигаться вперед и можем это делать вполне самостоятельно. Мы назад никуда уже не пойдем. Мы дошли до границы, где находились поляки, теперь подходим к пределам русской земли. И мы можем вам помочь, но мы желаем теперь заранее знать, что нам заплатят за нашу кровь, которую нам придется пролить за вас. Если у вас нет теперь органа, желающего с нами говорить по тем вопросам, которые нас так волнуют, под тем предлогом, что они не авторитетны для решения вопроса о территории, то нам здесь нечего делать. Итак, я не протестую официально против союза и содружества в войне, но я хочу знать, на каких условиях это будет. Ведь вы же, начиная войну с Францией и Англией, до ее начала сговорились же о взаимных уступках и гарантиях... Так и мы просим это еще раз сделать. Об этом я прошу Вас вновь довести до сведения — кого вы находите нужным. И мы готовы начать разговоры хоть сейчас с теми лицами, которых выберет ваше правительство».

Разочарованный в земляках Деникин раздраженно бросил: «Сожалею, что русское гостеприимство так превратно понято. Явно не политик и уж тем более не дипломат, Деникин так и не понял, что поляки НЕ СОБИРАЮТСЯ помогать Белой России. Более того, она им менее выгодна, чем красная, ибо только Ленин и Ко в тот момент, надеясь на «мировую революцию», могли сквозь пальцы смотреть на любые самостийности и нэзалэжности. До них еще дойдет черед «красного колеса». А пока готовы были перетерпеть и Пилсудского. Но Деникин с его «единой и неделимой» не только «от можа до можа», но и вопрос о Литве, Белоруссии и Волыни даже не рассматривал. В эйфории летнее-осенних побед Деникин даже заявлял по поводу переговоров с поляками и грузинами: «С этими господами я решил прекратить всякие переговоры, определенно заявив им, что ни клочка русской земли они не получают».

Во время встречи в Варшаве Пилсудский говорил Маннергейму: *«Что я могу сделать, если русские белые руководители не понимают: та Россия, которая возрождается на наших глазах, не будет той же в точности Россией, что была раньше. Польша, как и Финляндия, больше не могут быть частью этого государства! В сентябре я послал к генералу Деникину военную делегацию во главе с генералом Карником (имелась в виду миссия генерала Карницкого. — Прим. автора), дабы заявить, что мы готовы пожертвовать польской кровью для его движения. Но когда Карник поднял вопрос о независимости Польши, Деникин начал говорить о неделимости России, частью которой Польша якобы осталась до сих пор. Пока будет господствовать такая точка зрения, я считаю безнадежным делом вступить в переговоры с высшими лицами России».*

Англичане уже открыто демонстрировали свою индифферентность. Ллойд Джоржд заявлял: *«Я не могу решиться предложить Англии взвалить на свои плечи такую страшную тяжесть, какой является водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света, в стране, где проникавшие внутрь ее чужеземные армии всегда испытывали страшные неудачи... Я не жалею об оказанной нами помощи России, но мы не можем тратить огромные средства на участие в бесконечной гражданской войне... Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России...»*

Впрочем, среди англичан были впосле искренне поддерживающие белых люди, вроде глав военных миссий генералов Бриггса и Хольмана. Последний даже лично участвовал в боях в качестве авиатора.

«Две морали, две политики, две «руки» — дающая и отъемлющая, — сетовал Деникин. — И двойной след, оставленный в памяти русских людей: горечь при мысли о пропавших, неповторимых возможностях и благодарность сердечная тем, кто искренне нам помогал».

В таких условиях ожидать успеха от похода на Москву было утопией. Как утопией были и единичные инициативы того же Шкуро и Кутепова, предлагавших в разное время «бросить все» и своими корпусами идти прямо на Москву, до которой, каза-

лось, рукой подать. Лавры возможного «спасителя Отечества» не давали спать никому.

Вероятно, крушение надежд и невозможность дальнейшего наступления должны были понимать в Ставке. Почти одновременно со взятием Деникиным Орла и достижения наивысшей точки наступления в октябре захлебнулся натиск на Петроград Северо-Западной армии генерала Юденича. На Севере из Архангельска и Мурманска был эвакуирован английский воинский контингент, который худо-бедно помогал генералу Миллеру на бескрайних территориях в Коми сражаться с большевиками. Без британцев, которые тут же свернули поставки вооружений, Северная армия Миллера была обречена. У Колчака в Сибири дезертирство приняло массовый характер. Солдаты толпами валили в тайгу, присоединяясь к партизанам, объединялись в огромные армии и контролировали независимые от всех территории, сопоставимые со средней европейской страной. Деникин оставался один на всем Белом фронте. В Ставке не могли этого не понимать, но вряд ли хотели смириться с неизбежным крахом, ибо еще не отзвенел в ушах малиновый перезвон московских колоколен.

БЕЛАЯ АРМИЯ, ЧЕРНЫЙ БАРОН

Выделение значительных сил на подавление восстаний в тылу и погоню за Махно серьезно ослабило напор ударного тарана Деникина — Добровольческой армии. Но иначе было нельзя, ибо, бросив петлюровский фронт, Махно посадил свое воинство на собственное изобретение — тачанки с пулеметами и стремительным рывком в 600 верст за 11 дней от Умани вновь объявился в родном Гуляй-Поле. Как раз в тылу Добрармии. В Бердянске он рванул артиллерийские склады, оставив без боеприпасов наступавшего Кутепова. В Мелитополе, Мариуполе, Токмаке жег пакгаузы с белогвардейским имуществом (тем, которое нельзя было растащить), вырезал мелкие гарнизоны белых и с таким трудом сформированную местную власть.

Деникину вновь пришлось бросать на Махно корпус Слащева (приданный Шиллингу), усиленный Терской и Чеченской дивизиями, конной бригадой, тремя пехотными полками и тремя запасными батальонами. Дело нешуточное — у батьки в тачанках периодически сидели от 15 до 100 тысяч повстанцев

(кто там точно их считал). Плюс поддержка населения по всему огромному краю — крестьян защищал, мародерство пресекал, еврейских погромов не допускал. В Пятихатках (под Харьковом) махновцы ворвались на железнодорожный вокзал и из пулеметов через окна посекали всех, кто находился внутри. Без разбора — офицеры, раненые, сестры милосердия, чиновники, обыватели, просто пассажиры.

Месяц Слащев гонялся за Махно, пока не прижал его к Днепру и жестоко посекал конницей. Батя ускользнул, но и с ослабленными силами сумел взять Екатеринослав. Сам отчаянный партизан с «волчьим» опытом отряда Шкуро генерал Слащев не отцепился, тоже пересел на тачанки, настиг Махно в Екатеринославе и пошел в штыки. Разбитый наголову Махно ушел, но вскоре вновь всплыл в родных местах.

Кроме него, головную боль на Киевщине Деникину доставлял сельский учитель из малоросского Триполья эсер Даниил Терпило, больше известный, как «атаман Зеленый» (погиб в бою с белыми у Канева). На Черниговщине буйствовал отряд «Курень смерти» 22-летнего «батяки» Евгения Ангела (поручик царской армии, расстрелян красными).

У себя в уездах верховодили мелкие «батяки» Шуба, Волынец, Струх, Соколовский, Палий, Божко и пр. Украина полыхала. Слащев просто сбивался с ног, не успевая усмирять уезды плетью и петлей.

Причем все эти карательные действия достаточно крупного отряда Слащева происходили тогда, когда его конница более всего нужна была под Орлом и Воронежем. Останься она там, подопри Кутепова и Шкуро, кто знает, как бы повернулся «московский поход». Не исключено, что зимовали бы белые не на Нижнем Дону, а на Оке.

А пока ситуация напоминала пресловутый тришкин кафтан, когда сбившиеся с ног белые не знали, какую дыру в тылу и на фронте затыкать. Ситуация же принимала крайне угрожающий характер.

Троцкий сумел вовремя перебросить с Востока наиболее боеспособные свои дивизии, с Западного фронта из-за «политической» пассивности поляков были высвобождены свыше 43 тысяч красных бойцов. И к началу октября Южный и Юго-Восточный фронты могли выставить против Деникина соответственно 90 и 50 тысяч штыков и сабель при двух мощных группировках

у Орла и Воронежа. К началу наступления им удалось подтянуть еще пять пехотных и одну кавалерийскую дивизию (20 тысяч).

Против них, по данным Ставки ВСЮР, располагались:

- войска Киевской области (генерал Драгомиров), 9 тысяч — впереди Киева и по Десне у Чернигова (включительно);
- Добровольческая армия, 20,5 тысячи — от Чернигова к Орлу и до Дона (у Задонска);
- Донская армия, 50 тысяч — от Задонска до устья Иловли;
- Кавказская армия, 14,5 тысячи — в районе Царицына, имея часть сил против Астрахани, на обоих берегах Волги;
- отряд из состава войск Северного Кавказа (генерал Драценко), 3–5 тысяч — против Астрахани с юга и юго-запада.

Итого: против 98 тысяч истощенных летней победной кампанией белых находились до 160 тысяч переброшенных с востока после победной кампании красных. Не менее истощенных, но численно превосходящих.

По данным Егорова, у Деникина в строю было 112,6 тысячи штыков и сабель против 130 тысяч красных.

Стратегический замысел РВСР, в отличие от деникинской разведки, прекрасно осведомленного о положении дел на территории Добровольии, состоял в том, чтобы мощным ударом в стык Добровольческой и Донской армий рассечь ВСЮР, отделив не желающих уходить на север и бросать родные станицы донцов от «реакционного офицерства». Еще один удар должен наносить Шорин, отсекая донцов от кубанцев Врангеля. Таким образом, Май-Маевский, по выражению члена РВС Южного фронта Иосифа Сталина, оставляется «на съедение Махно», Врангель отбрасывается за Маньч, а казаки без деникинского кнута прекращают сопротивление.

Учитывая настроение казаков, вышедших на границы Донской области, желающих тут просто закрепиться, наплевав на Белокаменную, и искать возможность «замириться с Советами», логика в этом плане была. К тому же главный удар наносился на Донбасс, где население было уже достаточно услажено грабежами белых. Если бы это удалось, Южный фронт выходил бы к Азовскому морю, дробя ВСЮР на украинскую и кубанские части. А это уже стратегический успех, способный стать прологом к решающей победе.

Троцкий в своей книге «Как вооружалась революция» писал: «...была закончена подготовка для решительного контр-

удара. Образованы были две группы: одна — из резерва главкома и части 14-й армии к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую железную дорогу, вторая — к востоку от Воронежа, из конного корпуса Буденного, который должен был разбить противника под Воронежем и ударить в тыл орловской группе противника в направлении на Касторную».

В начале октября, обеспечив на главном 500-верстном участке фронта от Бахмача до Задонска трехкратное преимущество в живой силе, красные перешли в наступление.

Поредевшему корпусу Кутепова в правый фланг в районе Воронежа ударил 1-й конный корпус вахмистра Семена Буденного, сформированный из 4-й и 6-й кавдивизий, и пехотные части 8-й армии Григория Сокольников, который сменил бежавшего к белым командарма Ратайского со своим начштаба Нечволодовым. На левом фланге на Дмитриевск и Фатеж ударила большевистская «гвардия» — Латышская и Эстонская дивизии (по 10 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы в каждой).

Буденному противостояли распустившиеся, ослабевшие, но еще не уставшие от гулянок конные корпуса Мамантова и Шкуро (3,5 тысячи сабель против 12–15 тысяч). Хмельных конников поддержал от падения штыками лишь «цветной» Марковский полк. Лишь благодаря ему фланг не рухнул, и бои на этом направлении длились почти весь октябрь.

Однако выдвинутый вперед по фронту Орел пришлось сдать Эстонской дивизии, под Кромами же уперлись дроздовцы, бывшие поочередно 1-ю и 2-ю Латышские бригады, но обессилев в многодневных боях, они тоже вынуждены были отступить.

На западе главноначальствующий Киевской областью генерал Абрам Драгомиров, не ожидавший перемирия между красными и поляками, не углядел угрозы со стороны Житомира и после короткого боя сдал Киев. 12-я армия красных вытеснила добровольцев с левого берега Десны и отбила Чернигов. Поняв, что в данный момент на левом фланге Добрармии конницы нет (гонялась за Махно), бригада «червонных казаков» Виталия Примакова при поддержке двух кавполков ринулась в рейд по белым тылам, прорвав фронт южнее Кром на участке Фатеж-Поныри. Да не как-нибудь, а переодевшись в белогвардейскую форму и выдавая себя за «конницу Шкуро».

Май-Маевский дрогнул и скомандовал отход. Это спасло корпус Кутепова от окружения, но не выправило ситуации.

К концу октября стратегическая инициатива начала переходить на сторону красных.

В начале ноября Буденный, к двум своим получивший в усиление еще 11-ю кавдивизию, взял Воронеж и оттеснил Шкуро к Касторной. Захват этой важной станции вбивал клин между Добровольческой и Донской армиями. Теперь уже красные в полной мере разыгрывали «конную карту» при полном перевесе в численности кавалерии. С севера напирала 13-я армия, начальником штаба которой был старый знакомый Деникина генерал Зайончковский.

Правый фланг Мая также начал отход на юг. Были сданы Курск, Севск, Ливны. Деникину срочно требовалось что-то противопоставить мобильным подразделениям красных. Но конница Мая была по большей части задействована в преследовании Махно (и защите Ставки в Таганроге — батька, взяв Мариуполь, мог вполне прорваться в гости к Деникину), еще часть кавалерии была задействована в ликвидации «кубанского действия». Остальные находились в ведении Кавказского фронта. Врангель сам предлагал перебросить часть кубанцев на запад, образовав отдельную конную армию. Само собой, с бароном во главе. Но как всегда ставил непременно условие — убрать окончательно спившегося Май-Маевского. Сам он скромно вспоминал: *«Безобразная пьяная жизнь командующего Добровольческой армии, распущенность войск, разврат и самоуправство в тылу не были уже секретом ни для кого. Все ясно сознавали, что так дальше продолжаться не может, что мы быстрыми шагами идем к гибели. Многие из ближайших помощников Главнокомандующего и ряд общественных деятелей указывали генералу Деникину на необходимость замены генерала Май-Маевского другим лицом, с должным авторитетом в глазах армии и общества. Каждый хотел верить, что дело в твердых и умелых руках еще поправимо. В поисках преемника генерала Май-Маевского остановились на мне. Меня всячески выдвигали. В эти тревожные дни это было злостью дня. Стоило мне приехать в какое-либо учреждение, как сбегались все служащие, толпа собиралась вокруг моего автомобиля. На почтОВО-телеграфной станции, куда я приехал для переговоров по аппарату с Царицыном, чиновники и телеграфисты сделали мне целую овацию — кричали «ура» и аплодировали».*

С «героем Харькова» действительно надо было что-то решать. Май совершенно опустился и из-за рюмки уже света белого не видел. В пьяном виде ему море было по колено, он выпростал тучное тело из собственного автомобиля прямо под красные пули и, пошатываясь, в полный рост шел подбадривать залегшие цепи. Бодрый мат командующего поднимал в контратаку добровольцев, а Май спокойно шел за очередным графином.

Харьковский триумф и последовавшие за ним торжества, балы, попойки до утра совершенно выбили из колеи талантливого генерала, который пустился во все тяжкие, заведя себе в «Гранд-Отеле» официальную пассию — Анну Жмудскую.

Деникин писал: *«После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского, и мне два-три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но теперь только, после его отставки, открылось для меня многое: со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей, посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрый солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, но не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук вожжи управления. Рассказы, которые повергли меня в глубокое смущение и скорбь».*

Делать было нечего, популярного генерала пришлось отправлять в отставку. А тем временем в 1-м корпусе Кутепова после падения Орла и Курска оставалось 3–4 тысячи штыков. Его теснили со всех сторон, а конницы у Добармии так и не появилось.

Деникин понимал, что на поклон придется идти к своему главному критику барону Врангелю.

Здесь стоит остановиться на взаимоотношениях двух выдающихся деятелей Белого движения, ибо их влияние на политическую ситуацию в тылу Юга России равнялось, вероятно, «лишней» армии красных на фронте. Слишком много надежд было связано с каждым из них как в военных, так и в политических кругах. Оба сильные личности, достаточно популярные и авторитетные в Доброволии. Деникин был одним из отцов-основателей Белого дела, Врангель — вероятно, самым блистательным из «поздней когорты» белых генералов. Деникин — тихий, скромный, временами застенчивый и абсолютно неамбициозный, без усталости преследовавший только обще-

государственную цель в Белом движении. Врангель — громогласный, энергичный, не останавливавшийся перед жесткими решениями, граничившими с жестокостью, склонный к популизму и демонстративности, не стеснявшийся жаловаться, кляузничать, объясняя все это интересами дела. Они даже внешне были абсолютные антиподы — небольшого роста, лысый, склонный к полноте Деникин с профессорской бородкой; и высокий, стройный, худой до subtilности, длинноногий Врангель с усиками. Один — пехотинец, второй — кавалерист. Один — сын крепостного, второй — потомок древнего рыцарского рода. Один — сделавший себя сам и пробивший лбом косную стену царского местничества и бюрократизма на пути «наверх». Второй — представитель огромного сплоченного клана, блистательный столичный лейб-гвардеец. Один — потевший в юнкерах, тащивший офицерскую ляжку в войсках, корпевший над учебниками в жутком конкурсе в Академию и считавший копейки. Второй — лошивший столичные тротуары студент Горного института, ушедший скуки ради в лейб-гвардии Конный полк. Оба прекрасно проявили себя в войнах с Японией и Германией, собрали по горке орденов и золотому Георгиевскому оружию. 4-я Железная бригада Деникина гремела на Юго-Западном фронте, 1-й Нерчинский полк Врангеля яростно рубился в Галиции тоже на Юго-Западном. Оба отличились в Луцком прорыве и были на хорошем счету у командования. Оба пользовались огромным авторитетом у подчиненных, но первый — за профессиональные качества, твердость духа в сочетании с мягкостью характера, второй — за железную волю, отчаянную храбрость, непреклонность в сочетании с суровостью характера, вызывающей трепет в сердцах. Деникин не умел юлить, лавировать, играть в «комбинации», Врангель — часто шел на компромиссы, создавал «партии», играл в заговоры, когда надо было, готов был идти на открытую лесть. Деникин даже на высочайшем посту не желал никого обидеть, ущемить, обойти чинами, сместить, повысить голос, Врангель — причитал, требовал, жаловался, бил в колокола, взывал к «общественности», бросал, когда человек выполнил нужную ему функцию. Деникин до последнего дня держался за Романовского и защищал его, даже когда все вокруг вешали на того всех собак, обвиняли в «социализме», «масонстве», «измене», всех поражениях армии. Врангель — то обвинял Покровского в

разгуле и жестокостях, то возносил до небес и поручал те дела, на которые либо не был способен, либо боялся бросить на себя тень (разгон кубанской Рады); то жаловался главкому на Шкуро и требовал его отставки, то лично прибыл к нему, осыпая комплиментами и приглашая принять участие в заговоре против того же главкома; то давал блистательную аттестацию Мамантову, то настаивал на его аресте. Деникин старался закрыть глаза на все злоупотребления и безобразия тыла, мечтая лишь дойти до Москвы, а там разберемся. Врангель — не колеблясь вешал мародеров из числа офицеров, железной рукой наводил порядок в тылу, строго следил за дисциплиной.

Деникин и Врангель — лед и пламень «Белого дела», вражда которых это дело во многом и сгубила.

Именно Деникин выдвинул на 1-ю конную дивизию приехавшего из Киева и разочаровавшегося в гетмане Врангеля в 1918 году как популярного кавалерийского генерала. При том, что именно конных военачальников у главкома было много на Юге России, выбирать было из кого, но заслуги Великой войны, старая должность начдива Врангеля и стремление к воссозданию старых воинских традиций взяли свое. Тоже на свою голову.

Собственно, барон прекрасно справился со своими обязанностями и воевал на Северном Кавказе более чем успешно. Недаром ему за громкие победы присвоили чин генерал-лейтенанта. Терцы и кубанцы под его командованием не знали поражений и на руках носили своего далекого от русского казачества начдива.

Вполне объяснимы трогательная забота главкома о больном тифом Врангеле и его последующее назначение командующим Кавказской армией. До лета 1919 года отношения в дуэте Деникин-Врангель можно назвать если не теплыми, то уж точно вполне благожелательными. Недаром оба пишут друг о друге прекрасные впечатления от первого знакомства и начального этапа отношений.

Одна беда — в отличие от вознесенного стечением обстоятельств на военный Олимп неамбициозного Деникина, Врангель не привык находиться в чьей-либо тени и всегда стремился только к абсолютному лидерству. Вероятно, поэтому его неудержимо тянуло в столь популярные в то время «спасители России». Похоже, в мечтах барон на белом коне уже въезжал на Красную площадь и принимал парад как «князь Пожарский Белого дела».

Чутким профессиональным взором Врангель улавливал наиболее выгодное направление главного удара и без всякого стеснения предлагал себя в качестве командующего. И ведь велись на это и Деникин, и Романовский, хоть оба видели в бароне откровенный нарциссизм. Поклонник капусты Деникин лишь посмеивался, ставя интересы Белого дела выше личных мотивов, более тонкий Романовский опасался, понимая, что из барона выйдет такой диктатор, что никому мало не покажется.

С летней кампании 1919 года и начинают проявляться капризы и амбиции Врангеля. Сначала он настаивал на том, что всей армии с ним во главе просто необходимо идти на Волгу спасать Колчака. Когда ему, прекрасному тактику, но весьма посредственному стратегу объяснили необходимость поддерживать донцов, заткнуть брешь в Донбассе и встретить союзников «хорошо подготовленными» с армией и территорией, тот обиделся и стал требовать себе такое количество войск, которое считал достаточным для успеха царицынской операции. Ему опять терпеливо (можно не сомневаться, Деникин даже на самостийников лишь тихо скрипел зубами) объяснили, что кубанцы — не собственность семейства Врангелей, они нужны на Кавказе и в Черноморской области. Если обратиться к переписке между Ставкой и Кавказской армией, которую барон щедро приводит в своих воспоминаниях для «суда Истории», можно обратить внимание на то, что ее тональность сводится к сплошным упрекам со стороны КА в адрес Ставки, подчас переходившим грань приличия. Врангель шлет пространные письма, в которых постоянно сетует на невнимание к своей армии со стороны начальника штаба ВСЮР (Романовского, сразу раскусившего его, барон сразу возненавидел, как и генерал-квартирмейстера Ставки генерала Плющевского-Плющик), на посылку резервов не ему, в Добрармию, которая-де «не встречает сопротивления», в то время, как он истекает кровью. Уже не просит, а требует присылки под Царицын пехоты, конницы, техники, иначе вообще отказывается (!) наступать («Доколе не получу всего, что требуется, не двинусь вперед ни на один шаг, несмотря на все приказания...» — хорошая дисциплина у любителя «порядка» по-врангелевски).

Деникин скрупулезно отвечал не менее пространными письмами, в которых успокаивал нервного подчиненного и напоми-

нал ему, что в этой войне потери несет не один он, а заметные успехи как раз в данный момент не у Врангеля, а у Добрармии.

Когда стало заметно, что именно Май-Маевский играет первую скрипку добровольческого ансамбля, барон тут же забыл, что направление на Волгу им же считалось главнейшим, предложил создать конный кулак в 3,5 дивизии с собой в качестве командующего и бросить его на Москву. При наличии на этом участке фронта битых красных армий и отсутствия у них кавалерии успех обещал быть вполне реальным для Врангеля. Поэтому и требовал. Деникин писал: «В каждом слове письма и телеграмм были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы и без того нервной, ревнивой к боевым соседям и плохо разбирающейся в обстановке».

Барон традиционно обижался и переходил от писем к памфлетам, которые распространял по всей армии, доказывая свои выдающиеся заслуги в Белом движении, стратегическую мудрость и превосходство своих тактических взглядов над недомками в Ставке.

Врангель писал: *«Из писем из Екатеринодара и от приезжающих оттуда лиц я знал, что в ставке мною недовольны. Генерал Романовский громко обвинял меня в «оппозиции» главному командованию. Это служило камертоном и для прочих чинов штаба. Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и «информация вверх» пресловутого Освага. Чья-то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще в бытность мою в Ростове мне попала в руки одна из секретных информационных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное ко мне отношение местного населения, она упоминала вскользь, что «среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время Врангель явится преемником генерала Деникина». Я тогда же, показывая сводку генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а несомненно с задней мыслью вселить в Главнокомандующего предубеждение против ближайших помощников. Впоследствии я имел случай убедиться, что подозрения мои были вполне основательны и что чья-то злая воля удачно использовала слабые струны Главнокомандующего».*

Ох и византийствовал Врангель, спавший и видевший себя на белом коне во главе Белого движения. Почему-то в данной

ситуации куда больше верится именно «слухам среди обывателей», чем его откровениям задним числом. Ибо тут же начали циркулировать слухи «среди обывателей», что только барон может спасти ситуацию и своей железной рукой навести порядок в совершенно «разобранном» тылу и на фронте.

Сам барон в своих воспоминаниях на всякий случай оправдывается и ни в коем случае не желает быть заподозренным в негативном отношении к Ставке:

«Мы вышли от Главнокомандующего вместе с генералом Романовским. Неожиданно он обратился ко мне.

— Я хотел переговорить с вами, Петр Николаевич, я замечаю за последнее время с вашей стороны какое-то недоброжелательное отношение, вы, как будто, нас в чем-то упрекаете, между тем мы стараемся вам всячески помочь.

Я ответил, что никакого недоброжелательства с моей стороны нет, что если я подчас с излишней горячностью и высказываю свое мнение, то это исключительно оттого, что я не могу не делить радостей и горестей моих войск и оставаться безучастным к тяжелому положению армии.

— Я рад, что мы объяснились, — сказал генерал Романовский. Мы расцеловались».

Сцена, достойная иллюстрации к «иудиному поцелую». И тут же по армии летели очередные памфлеты, в разногласия начинали втягиваться иностранные миссии и кубанская верхушка, личные недоброжелатели главкома.

Деникин изо всех сил старался не переходить на личности и сохранять хотя бы чисто служебные отношения, но становилось ясно, что Врангель уже в открытую интригует, целя пока только в Романовского.

Следует добавить, что чуткая челядь тут же подхватила и сколь могла раздула конфликт между людьми, сделав его сначала конфликтом между штабами, а затем и между общественными силами различной ориентации. Можно себе представить, насколько это «пошло на пользу» «Белому делу».

«Московская директива» стала любимым баронским жупелом, который тот склонял на всех углах как апогей бесталанности и непрофессионализма Ставки.

Риторика Врангеля умиляла своей безапелляционностью: *«Моя армия освободила Северный Кавказ. На совещании в Минеральных Водах 6 января 1919 года я предложил Вам*

перебросить ее на царицынское направление, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге.

Мое предложение было отвергнуто, и армия стала перебрасываться в Донецкий бассейн, где до мая месяца вела борьбу под начальством генерала Юзефовича, заменившего меня во время болезни.

Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отход на Восток. Тщетно Кавказская армия пыталась подать помощь его войскам. Истомленная походом по безводной степи, обескровленная и слабо пополненная, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски их на фронт Добровольческой армии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве».

Деникина все это крайне задевало, ибо в памфлетах он явно усматривал серьезные, но совершенно беспочвенные обвинения себе лично в стратегическом непрофессионализме и неких странных «предпочтениях» и «затирианиях». Более того, в «предательстве» адмирала Колчака из-за выбора Украины в качестве направления главного удара.

«Я не считал возможным выносить на улицу эту прискорбную тяжбу подчиненного с начальником и ответил письмом «в собственные руки», приведя ряд фактов в опровержение заведомых наветов. В отношении последнего тяжелого обвинения в лицепрятии я мог бы сказать многое: я выдвинул барона Врангеля на высшую ступень военной иерархии; я уговорил его в минуты потери душевного равновесия остаться на посту командующего (март 1919 года); я предоставил ему, по его желанию, царицынский фронт, который он считал наиболее победным; наконец, я терпел без меры, без конца пререкания, создававшие вокруг Ставки смутную и тяжелую атмосферу и подрывавшие в корне дисциплину. В этом я вижу свою большую вину перед армиями и историей. На последний вопрос я ответил кратко: «Никто не вправе бросать мне обвинение в лицепрятии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят».

И Деникин, и Врангель отводят достаточно много места в своих мемуарах упрекам и обвинениям в адрес друг друга. Веро-

ятно, правды в них гораздо меньше, чем обид и разочарований, обманутых ожиданий и неудовлетворенных амбиций. Но хуже всего, что из-за генеральской свары страдало «Белое дело», оказавшееся между молотом Врангеля и наковальней Деникина.

Везло Деникину на Петров Николаевичей — то Краснов, теперь Врангель. И тем не менее придется отдать должное главному, несмотря на почти открытую вражду ценившему в оппоненте прежде всего деловые качества и не остановившемуся перед назначением его в наиболее ответственный момент на пост командующего Добровольческой армией после Мая-Маевского. Может, потому, что куда дороже собственных нервов Деникину была его главная цель в жизни — единая и неделимая Россия?

Лучше всего на это ответил человек, которого крайне трудно заподозрить в симпатиях к любой из спорящих сторон — командующий Южным фронтом красных Александр Егоров:

«Каковы бы ни были истинные причины этой склоки, представляется достаточно ясным, что среди них немалую роль играли мотивы личного честолюбия Врангеля: поход на власть, как называет это сам Деникин. Свое стремление столкнуть Деникина и встать самому на его место Врангель оформлял в письмах-памфлетах, распространяя их среди широких слоев генеральской клики Добровольцев. Эти письма имели одну цель — подорвать авторитет главного командования (Деникина и его начальника штаба Романовского), что при той обстановке напряженной политической борьбы, какая велась между Деникиным и донской и кубанской общественностью, имело большое значение... Подрывая авторитет Деникина как идеолога и выразителя чаяний контрреволюции Юга России внутри самой Добровольцев и за пределами ее, генерал Врангель подрывал также и боевую мощь армий белых».

Звучит как приговор, может история станет арбитром?

БОЛЬШОЙ БЕГ

Принимая командование Добрармией (Кавказской армией оставался командовать генерал Покровский), Врангель традиционно заявил в Ставке, что уже «ни за что не отвечает», потому как не были выполнены ранее предлагаемые им меры.

Он объяснял: «Фронт армии генерала Май-Маевского ежедневно откатывался на 20–30 верст. Бои шли у самого Харькова. Конница «товарища» Буденного, тесня конные части генерала Мамонтова, быстро продвигалась к югу, разрезая добровольческие и донские части. Предложенное мною месяц тому назад решение уже являлось запоздалым. Я ясно сознавал, что рассчитывать на успех при этих условиях нельзя, и задавал себе вопрос, вправе ли я принять на себя непосильную задачу, зная заранее, что разрешить ее и оправдать возложенные на меня надежды я не в силах...»

Проехав по фронтам, встретившись уже при сдаче Харькова с похмельным Май-Маевским и ознакомившись с положением вещей, Врангель выдал новый рапорт, в котором сообщил о своем наследстве («Пьянство и грабежи, повальные грабежи»), на всякий случай обвинил Ставку в «пренебрежении основными принципами военного искусства», в отличие от стратегической мысли штаба Кавказской армии (которая сумела из Царицына продвинуться за полгода лишь на 80 верст), и подытожил: «Армии, как боевой силы, нет!»

Очень странно, что Врангель, ни разу до этого штабной работой не занимавшийся и в теории стратегией не овладевший, постоянно обвиняет Деникина и Романовского, отдавших много лет и штабу, и строю, в стратегической слепоте.

Собственную стратегическую мысль барон проявил сразу, заявив, что Добрармию необходимо «оторвать» от Донской и направить в Крым. Деникин пришел в ужас, понимая, что это значило бы бросить как донцов, так и кубанцев в пасть «дракону рассказачивания», и ответил, что «не допускаю и мысли об отходе в Крым». Только на Ростов. Рассекать армию пополам — это же как раз то, чего так жаждал красный РВСР. *«Уход Добровольческой армии в Крым вызвал бы неминуемое и немедленное падение донского и всего казачьего фронта, что обрекало бы на страшные бедствия, быть может, на гибель десятки тысяч больных, раненых воинов и семейств военнослужащих (42 733 больных и раненых. — Прим. автора), в особенности добровольческих, рассеянных по территории Дона и Северного Кавказа. Никакие стратегические соображения не могли бы оправдать в глазах казачества этого шага, и казаки отнесли бы к нему как к предательству с нашей стороны».*

Здесь снова сказалось более тонкое знание людей Деникиным, который категорически не советовал Врангелю трогать Мамантова как крайне популярного среди донцов генерала. Тот, конечно же, не послушал, заменив его кубанским генералом Науменко. Как и следовало ожидать, герой августовского рейда обиделся и разослал телеграммы по всем донским полкам, в которых объявил себя оскорбленным таким отношением. Его сразу поддержали атаман Богаевский и генерал Сидорин, сообщившие, что после такого афронта весь 4-й корпус, не желающий служить под командованием кубанца, попросту разбежится с фронта, и собрать его сможет только один Мамантов. А кроме него некому противостоять набравшей силу коннице Буденного.

Командир формируемой конной группы генерал Улагай 8 декабря телеграфировал командарму, что донская конница «совершенно потеряла сердце, разлагается с каждым днем все больше и больше».

Слон в посудной лавке Врангель тут же затрубил «офбой», Мамантова восстановил, корпус вернул в состав Донской армии, из расформированных обозов вернули в строй сразу 4 тысячи казаков, и донцы тут же нанесли Буденному ряд чувствительных уколов. Со знанием психологии, как и стратегии, у барона явно было не все в порядке.

Из-за этого скандала не получилось вовремя собрать под Купянском крупную конную группу для контрудара по Буденному, что позволило красным вольготно чувствовать себя на стыке двух армий.

Сама Добрармия к моменту смены командующих насчитывала 51 тысячу штыков, 7 тысяч сабель и 205 орудий. Были очень серьезные проблемы с комплектацией. После падения Харькова 5-й конный корпус включал в себя всего тысячу сабель, группа войск из Терской бригады, Полтавского отряда и других частей, занимавших оборону Полтавы и отходивших в район Юзовки, под командованием Генерального штаба генерал-лейтенанта Михаила Кальницкого состояли 100 штыков и 220 сабель. Ряд особо пострадавших полков были сведены в батальоны; бившиеся с Буденным под Воронежем два Марковских полка, Алексеевская дивизия и Особая бригада совершенно обескровленные были отведены в глубокий тыл на переформирование.

Врангель рьяно взялся прежде всего за дело укрепления тыла — тут энергии у него было хоть отбавляй. Распорядился

вывозить забытых на станциях раненых, на узловых станциях для досмотра уходящих в тыл составов и поиска дезертиров организовал особые комендатуры во главе с генералами или штаб-офицерами, при которых состояли особые военно-полевые суды. Помогло это слабо, но зато украсило станции и полустанки гирляндами повешенных мародеров и дезертиров.

От Ставки до фронта Добрармии было ближе, чем до Царицына, поэтому теперь Врангель с Деникиным поневоле стали видеться чаще. Из этих встреч барон вынес суждение о том, что главком под влиянием военных неудач пал духом и разуверился в конечной победе.

Врангель представляет это дело так: *«Мне стало бесконечно жаль генерала Деникина; что должен был испытать этот человек, видя крушение того здания, которое с таким трудом он столько времени возводил и в прочность которого несомненно верил. Как одиноко должен был он чувствовать себя в эти тяжелые дни, когда, по мере того, как изменяло ему счастье, отворачивалось от него большинство тех, кто еще недавно кадил ему. В эти дни лишь твердость, решимость и спокойствие духа вождя могли спасти положение. Это спокойствие духа, эту твердость мог иметь лишь вождь, не потерявший веру в свои войска, убежденный в том, что и они ему верят. Нравственная поддержка Главнокомандующего его ближайшими сотрудниками должна была быть в эти дни, казалось мне, особенно ему необходима».*

Похвальная чуткость для человека, который предыдущие полгода посвятил дискредитации главнокомандующего, что, вероятно, тоже стало причиной такого внутреннего состояния Деникина.

Видимо, Врангель был в добром расположении духа, а может быть, даже что-то в генеральской совести проснулось вроде порядочности, а то и раскаяния. Он начертил главкому личное письмо:

Командующий Добровольческой армией
Генерал-лейтенант Барон П.Н. Врангель.
Декабря месяца, 10 дня, 1919 г.
Глубокоуважаемый Антон Иванович!

В настоящую грозную минуту, когда боевое счастье изменило нам и обрушившаяся на нас волна красной нечисти

готовится, быть может, поглотить тот корабль, который Вы, как кормчий, вели сквозь бури и невзгоды, я, как один из тех, кто шел за Вами почти сначала, на этом корабле, нравственно считаю себя обязанным сказать Вам, что сердцем и мыслями чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытание судьбы. Если Вам может быть хоть малым утешением сознание того, что те, кто пошел за Вами, с Вами вместе переживают и радости, и горести, то прошу Вас верить, что и сердцем, и мыслями я ныне с Вами и рад всеми силами помочь Вам.

П. Врангель.

Деникин был весьма растроган и даже подумал, что, может быть, прежние интриги ушли в прошлое, и теперь два популярнейших военачальника наконец-то начнут плодотворно работать вместе. «Я поверил этим словам, был тронут ими и ответил, что душевный порыв этот нашел во мне самый искренний отклик». Главком ответил не менее проникновенно:

Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России.

13 декабря 1919 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

Ваше письмо меня глубоко тронуло.

В таком содружестве и чувства, и работы — источник сил и надежд в тяжкое время перемены боевого счастья.

Но оно вернется, я в это глубоко верю.

А Ваш душевный порыв, поверьте, нашел самый искренний отклик.

От души желаю Вам счастья и успеха.

А. Деникин.

Многие Ваши пожелания частью проведены, частью проводятся в жизнь.

А. Д.

Отметим, между письмами прошло всего два дня. Их из Харьцызска (штаб армии) в Ставку в Таганрог привез один и тот же ординарец. Можно ли было предположить, что за это время может что-то измениться? Еще как. В интригах все способы, ведущие к цели, приемлемы. Видимо, теперь, барон был уже

совсем в ином расположении духа, когда 11 декабря (ординарец с его письмом только доскакал до Таганрога) в Ясиноватой он встречался с командующим Донской армией генералом Сидориним. По версии Деникина, во время рандеву барон «жестоко критикуя стратегию и политику Ставки, поднял вопрос о свержении главнокомандующего. Для решения этого и других сопряженных с ним вопросов генерал Врангель предполагал в один из ближайших дней созвать совещание трех командующих армиями (Врангель, Сидорин, Покровский) в Ростове. Действительно, это было сделано им в ближайшие дни телеграммой, в копии препровожденной в Ставку. Барон Врангель объяснял потом этот шаг «необходимостью выяснить целый ряд вопросов: мобилизация населения и коней в Таганрогском округе, разворачивание некоторых кубанских частей и так далее».

По версии Врангеля, «генерал Сидорин жестоко сетовал на Ставку, не ориентировавшую командующих армиями, совершенно выпустившую из рук управление и, видимо, не желавшую отдать себе отчет в сложившемся грозном положении... Все яснее становилось, что справиться с грозным положением ставка не сумеет. Я высказал мои опасения генералу Сидорину. Последний, весьма раздраженный на Ставку, сваливал всю вину на ближайших помощников Главнокомандующего, генералов Плющевского-Плющик и Романовского».

Интересно, что, по словам Деникина, ему об этом разговоре рассказал сам Сидорин. Что бы это значило? Еще один «иудин поцелуй» барона? Накануне написать главкому то, что без слез читать нельзя, а на следующий же день договариваться о его устранении. Да и детское переваливание в мемуарах ответственности за «критику» со своей головы на сидоринскую — это вполне в духе Врангеля. В интригах барон уж точно был непревзойденным гроссмейстером.

Деникин был глубоко оскорблен, запретил странное совещание без инициативы главкома и «указал командующим на недопустимость такого образа действий». Он не сомневался, что это был заговор. С Врангелем все понятно — противник, периодически старающийся маскироваться. Покровский — его протеже. Сидорин, «открывший глаза» главкому на план «совещания», вероятнее всего, сам колебался. Для чего на всякий случай и облегчил душу.

Врангель это интерпретирует по-своему: *«В тот же день, несколькими часами позже, я получил телеграмму, адресованную всем командующим армиями, где указывалось, что некоторые начальники позволяют себе предъявлять требования в недопустимой форме, грозя уходом, что подобные обращения недопустимы и Главнокомандующий требует от подчиненных беспрекословного повиновения».*

«Грозя уходом» — это как раз адресовано лично ему, ибо Врангель, забросав Ставку рапортами о катастрофическом положении на фронтах, вообще отказывался командовать Добрармией, предлагая ее свернуть в корпус. *«Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно. Идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг... Только не монархический...»*

Когда командующий так «лестно», пусть даже отчасти справедливо, отзывается о лучших частях армии и гордости Белой России, то понятно, что командовать ею всерьез он не намерен. Какой смысл возлагать надежду на человека, который не верит в то дело, которое ему поручили? К тому же Врангель сам давал благовидный предлог Деникину, чтобы убрать его подальше от фронта. Грех было не воспользоваться этим.

После переворота в Екатеринодаре кубанцы начали массовое дезертирство с фронта. Видя это, Врангель отправил кубанские части домой на переформирование с целью создать из трех корпусов кубанской конницы армию (конечно же, во главе с ним), которой по плечу будет наступать и громить превосходящую численностью красную пехоту и конницу. Тем более, что корпус Буденного к этому времени уже был реорганизован в конную армию (до 17 тысяч сабель, 28 орудий) на базе трех дивизий с приданием ему двух бригад пехоты, авиации (12 самолетов) и бронедивизиона (32 броневика).

Кубанцы обрадовались возвращению и подались в «зеленые». Они уже не верили ни Деникину, ни Врангелю, ни Покровскому. Формировать армию стало просто не из кого. Удаленный от фронта и приехавший объявлять «сполох» на Кубани и Тереке (по его расчетам, в течение 6 недель легко можно было собрать до 20 тысяч) барон застал там лишь запустение.

К середине декабря становилось понятно, что традиционно успешное зимнее наступление красных вновь, как и предыдущие

два года, окажется удачным. Генерал Шиллинг все дальше и дальше оттягивался вдоль Днепра к морю, на Одессу, Добровольческий корпус, который возглавил Кутепов, медленно пятился к Донбассу, Донская армия под напором Сводного кавкорпуса выздоровевшего после ранения Думенко переместилась южнее Хопра и Северского Донца. Дабы не оказаться отрезанным от Кавказской армии, Деникин приказал Покровскому оставить Царицын и отходить степями на Сал для прикрытия ставропольского и тихорецкого направлений.

Красные вбивали в оборону Деникина сразу два клина — конармией на Валуйки и 13-й армией на Юзово и Славянск.

Дабы второй клин не закупорил «бутылочное горло» Крыма, без боя сдав Екатеринослав, к перешейку был направлен 3-й армейский корпус генерала Слащева (3,5 тысячи штыков и сабель при 32 орудиях, 8 бронепоездах и 6 танках). Гвардеец решил с такими силами даже не пытаться защищать 400-верстный фронт Северной Таврии, а лишь преградить красным путь на полуостров.

Главком намеревался задержать наступавших красных между Миусом и Донцом, но инерция отступления постепенно превращала планомерный отход в панический Большой Бег. «Пальцы врасстыпырку» начинали обламываться один за другим.

Как известно, у победы много отцов, у поражения виновник всегда один. Главным виновником был сам Деникин, армия которого от Таганрога до Орла, обливаясь кровью, шла почти полгода, а от Орла до Таганрога добежала всего за полтора месяца. «Стрелочником» — начштаба Романовский, в широких кругах называемый «злым гением» Деникина. Когда армия шла от победы к победе, на «тандем» нарадоваться не могли, как только наступательный потенциал был исчерпан и она покадилась назад, на обоих повесили всех существующих и несуществующих собак.

Крайне любопытен эпизод из воспоминаний Врангеля, в котором описывается произошедшая 20 декабря беседа между ним и командованием Донской армии: «Генерал Сидорин возмущался действиями штаба Главнокомандующего, жестоко обвиняя и генерала Деникина, и генерала Романовского. По его словам, со стороны ставки всякое руководство отсутствовало. Подходившие со стороны Таганрога эшелоны совершенно

забили железнодорожный путь, и эвакуация Новочеркаска приостановилась. Весьма раздраженный, он выражался очень резко. Возмутился и генерал Кельчевский:

— Да что тут говорить. Достаточно посмотреть, до чего нас довели. Раз они с делом справиться не могут, то остается одно — потребовать, чтобы они уступили место другим.

— Сейчас ничего требовать нельзя, — возразил я, — если сегодня что-либо потребуете вы, то завтра всякий другой будет иметь право предъявить свои требования вам. Для меня, как и для вас, очевидно, что генерал Деникин не в силах остановить развал, справиться с положением; но я считаю, что насильственное устранение главы армии его подчиненными в те дни, когда на фронте борьба, было бы губительно. Спасти положение мог бы только сам генерал Деникин, если бы он осознал, что с делом справиться не в силах, и добровольно бы передал другому. Но об этом нет речи...»

Хитрюга барон передает этот диалог, вновь перекладывая «инициативу» пожеланий об отставке главкома недовольным донцам. Сам он всего лишь подчиненный, вроде как понимающий, что «спасти положение» можно, только заменив Деникина (на кого?), но ничего не поделаешь, у того-де не хватает сообразительности уйти самому.

Отметим, 20 декабря: Южный фронт Егорова бодро движется по Донецкому бассейну, Юго-Восточный Шорина взял Царицын и развивает наступление на Великокняжескую. Самое время менять некогда победоносных лошадей на переправе, не правда ли?

Когда Буденный перешел Северский Донец и устремился на Таганрог, главком понял, что дальше оборонять Донбасс не имеет стратегического смысла без риска отсечь Кутепова от отступающей на Кубань армии. Корпус Думенко при поддержке пехоты 8-й и 9-й армий форсировал верховья Дона и вышел к Миллерово, целясь на столицу донского казачества. Вырвавшуюся вперед красную конницу встретил наиболее боеспособный донской корпус генерала Коновалова, в зимней сече заставивший Думенко затормозить стремительный бег на целых 5 дней (на тот момент это дало возможность оттянуть добровольцев к Ростову).

Деникин готовился дать бой у стен Ростова и Новочеркаска, собрав тут всю наличную конницу и исправные танки. Здесь же был и его последний резерв — полторы конные дивизии,

пластунская бригада и две офицерские школы под командованием генерал-майора Сергея Топоркова. Оборону Ростова держали добровольцы, Новочеркаска — донцы. Удержать уже было невозможно — в ночь на Рождество оба города были сданы.

ТРИШКИН КАФТАН

К началу января 1920 года Вооруженные силы юга насчитывали в своих рядах 81 тысячу штыков и сабель при 522 орудиях. Из них на главном театре — по Дону и Салу — было сосредоточено 54 тысячи (Донская армия — 37 тысяч. Добровольческий корпус — 19 тысяч и Кавказская армия — 7 тысяч.) и 289 орудий. Приблизительно столько же, сколько против них выставил и Кавказский фронт (Юго-Западный повернул на Крым).

Попытка переправы на открытой местности, простреливаемой артиллерийским и пулеметным огнем, стоила Конармии огромных жертв (по некоторым данным, Конармия положила за несколько дней в степи перед Батайском и утопила в Дону до трети своего личного и конного состава). Перешедшая в контратаку конница генерала Топоркова при поддержке 4-го Донского корпуса сменившего умершего Мамантова генерал-майора Александра Павлова отбросила буденновцев за Дон, нанеся им тяжелое поражение.

Буденный с ума сходил от ярости. На прямом проводе с помощником начальника военных сообщений фронта по политчасти Иваном Мироновым, выслушав претензии того по поводу 120 вагонов конников, битком набитых награбленным добром и... женщинами, без обиняков ответил: «А пошлите РВС-8 к... также и комфронта — предателя революции и вас посылаю к... а если хотите, пристрелю».

Бушевать можно было сколько угодно, смысла не было — Деникин прочно зацепился за левый берег Дона, надеясь здесь отсидеться до весенней распутицы и набраться сил для нового похода на Москву. В него главком все еще верил.

Шорин был снят, на его место назначен Михаил Тухачевский, перебросивший остатки Конармии к Багаевской и далее на Маньч.

Ничего не удалось сделать и 8-й армии, которую от Азова до Батайска встречали в штыки «цветные» полки Кутепова. На этом участке фронт стабилизировался.

Однако тришкин кафтан начал трещать на правом фланге, где на Маныче Думенко стал теснить донцов, пытаясь зайти в тыл Сидорину. Тот собрал в кулак 6 конных дивизий и по частям разбил ударную группировку красных.

Новую дырку на кафтане обеспечил Деникину вездесущий Врангель. Посланный собирать в «сполох» кубанцев и терцев, он, как всегда, телеграфировал в Ставку в Тихорецкой, что «задача невыполнима» (с этого начиналось каждое поручаемое барону дело), а затем стал по «сполоху» собирать в Екатеринодаре сторонников для очередного заговора против главкома.

Интересно, что начал он со Шкуро, «крови» которого лишь недавно сам жаждал и о котором отзывался: «В военном отношении, как крупный начальник, он проявлял полную неподготовленность и отсутствие широких дарований, являясь лишь способным партизаном». Теперь же авторитетный у кубанцев Шкуро был барону позарез нужен для собственных «партизанских» действий, да и сам «волчатник» спал и видел себя кубанским атаманом.

Врангель с Шатиловым встретились с ним в кубанской столице и, не заморачиваясь особыми намеками для недалекого партизана, ему выдали, по утверждению Шкуро: *«По дороге я долго беседовал с генералом Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно извернулись в генерале Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие генерала Романовского на посту начальника штаба даже преступным, что необходимо заставить во что бы то ни стало генерала Деникина сдать командование другому лицу и что с этим вполне согласны и что он уже переговорил об этом лично с донским и кубанским атаманами, с председателями их правительств, а также с командующим Донской армией генералом Сидориным и его начальником штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской Рады и Донского Круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за терским атаманом, а тогда, в случае нашего согласия, мы должны предъявить генералу Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем».*

Это «не останавливаться ни перед чем» сильно напрягло «волчатника», который дал уклончивый ответ, сославшись на необходимость переговорить сначала с терским атаманом Герасимом Вдовенко. После того как Врангель и Шатилов попытались привлечь к заговору и терца, тот прямо заявил, что «Терек на это не пойдет», и тут же направил к Деникину председателя Круга Петра Губарева с предупреждением. Со своей стороны, быстро «просигналил» и Шкуро. Как говорится, вовремя предать — это не предать, а предусмотреть.

К тому же теперь уже приструненная Деникиным Рада и проденикинский атаман весьма подозрительно отнеслись к инициативам барона-карбонария. Его помощник по аппарату главноначальствующего Харьковской губернии Сергей Тверской собирал в Кисловодске кубанскую элиту, пытаясь получить ответ, сможет ли генерал Врангель в случае переворота рассчитывать на поддержку общественных и финансовых кругов. Элита хорошо помнила раскачивавшийся на ветру на Крепостной площади Екатеринодара труп Калабухова. Болтаться рядом никому не хотелось. Отказали.

К тому же Сушков и Скобцов в один голос заявили, что в случае переворота кубанцы «не пойдут в полки, так как генерал Врангель потерял свой престиж на Кубани». Потому и телеграфировал в Тихорецкую, что «задача невыполнима», и всячески тянул ВСЮ АРМИЮ в крестьянский Крым, ибо кубанцы не Белую Россию, а лично его, барона Врангеля, не поддержали в личном перевороте.

Свою политическую и стратегическую «дальновидность» барон доказал, пытаясь убедить обманутого всеми союзниками Деникина в том, что «по сведениям, полученным мною от генерала английской службы Киза, есть полные основания думать, что соглашение с поляками может быть достигнуто... Есть основания рассчитывать на помощь живой силой других славянских народов (болгары, сербы)». Уж сам главком знал, чего хотят поляки.

Врангель докладывал в Ставку: «...зная хорошо настроение казаков, считаю, что в настоящее время продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские силы. Рассчитывать на продолжение казаками борьбы и участие их в продвижении вторично в глубь России нельзя. Бороться под знаменем «Великая, Единая, Неделимая Рос-

сия» они больше не будут, и единственное знамя, которое, может быть, еще соберет их вокруг себя, может быть лишь борьба за «права и вольности казачества»; и эта борьба ограничится в лучшем случае очищением от врага казачьих земель. При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на запад, куда должны быть сосредоточены все наши главные силы».

Деникину следовало все же расставить точки над «i». Произошло еще одно тяжелое свидание в Тихорецкой между бароном, Деникиным и Романовским, во время которого сам главным, по утверждению Врангеля, упорно молчал.

Из слов Романовского было понятно, что Ставку известили о заговоре, и карта барона бита. Делать ему в армии больше было нечего. По крайней мере, пока у руля ВСЮР находился сам Деникин. Барона для вида послали на «укрепление Новороссийского района», подальше от Ставки и Кубани. Поближе к Крыму. Это была последняя встреча двух выдающихся деятелей Белого движения. В эмиграции они даже не пытались увидеться друг с другом.

Деникин уже не верил ничему и боялся поручать Врангелю любую должность, ожидая очередной серии интриг. Генерал-губернатором Черноморской области был назначен не барон, а ушедший в отставку с поста главы Особого совещания генерал Лукомский.

Но торчавший в Доброволии барон просто раздражал главнокомандующий, ему необходимо было того упрятать подальше. Врангель слонялся без дела в Новороссийске, жалуясь на Деникина и пытаясь отыскать сторонников среди толп беженцев и раненых. Как только стало известно бедственное положение под Одессой генерала Шиллинга, тут же последовала телеграмма:

705/об. Главнокомандующий согласен назначению генерала Врангеля помощником генерала Шиллинга, а также согласен на поездку генерала Врангеля для ознакомления с обстановкой с тем, что в случае согласия генерала Врангеля, он там остался.

Екатеринодар.

18 января 1920 года

Нр 001015

Романовский.

Однако Врангелю ехать в обреченную Одессу, которую Шиллинг намеревался сдать со дня на день, не улыбалось. Он стал проситься в более надежный Крым командовать обороной вместо Слащева, который, как на зло, своими малыми силами успешно бил 46-ю стрелковую и 8-ю кавдивизию красных под Перекопом. Притворным отходом с Турецкого вала он заманил красных в перешеек, вынудив ночевать в открытом поле при морозе минус 16. А затем утром 24 января, взяв их в клещи с Юшуньских позиций, фланговым огнем и штыковой атакой разгромил наголову. Когда к нему прибыл бледный адъютант генерала сотник Фрост с вопросом по прямому проводу от губернатора Татищева, мол, не пора ли господам тыловым грузиться на пароходы и удирать, довольный Слащев (прототип генерала Хлудова из культового советского фильма «Бег») небрежно бросил: «Передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов». Исполнительный сотник отстучал буква в букву, вызвав дикий скандал, но сделав Слащева знаменитым.

На следующий день Лукомский отбил Врангелю телеграмму:

25/1-20.

Многоуважаемый Петр Николаевич!

Сейчас был у меня г. Хольман и сказал, что получил телеграмму о том, что Главнокомандующий доволен делами в Крыму и Слащевым и поэтому не считает необходимым чтобы Вас направили в Крым, а не в Одессу. Будем надеяться, что в Одессе дела не так плохи и что Вам удастся их совсем исправить. Глубоко Вас уважающий и искренне преданный

А. Лукомский

Вконец обиженный барон совершенно пал духом: «При этих условиях, сознавая что мною воспользоваться не хотят и дела для меня ни в армии, ни в тылу не находится, не желая оставаться связанным службой и тяготясь той сетью лжи, которая беспрестанно плелась вокруг меня, я решил оставить армию».

Однако и тут неугомонный Врангель не желал смириться. Он выехал в Крым на фактически «приватизированном» пароходе «Александр Михайлович» (все это время жил на нем), где попытался организовать комплот с верным адептом Шатило-

вым, обиженным отставкой с поста главы Особого совещания Лукомским, допустившими развал тыла и офицерский мятеж капитана Николая Орлова адмиралами Дмитрием Ненюковым и Валентином Бубновым, духовенством с преосвященным епископом Вениамином и сенаторами во главе с Григорием Глинкой (будущий заведующий Государственными имуществами Крыма и управляющий земледелием в правительстве Врангеля). Попытался было привлечь и отставленного от армии и приехавшего в Крым своего «подельника» генерала Покровского, но тот, по выражению Врангеля, «соскочил с нареза» — пустился в пьянки и гулянки, ему было не до тайных сборищ. Слащев писал: «Врангель подтвердил сказанные им раньше слова, что если он будет главнокомандующим, то даже в случае неустойки на фронте он обеспечит спасение и устройство в будущем чинов своей армии. Видимо, ему страшно хотелось власти, и он мнил себя администратором и гражданским правителем, что очень трудно ожидать от военного, отдавшегося всецело своему делу»

Был еще позорно бежавший из Одессы от красной бригады Григория Котовского и числившийся главноначальствующим Новороссии Шиллинг, но тот вызывал всеобщую ненависть и презрение не только бездарным командованием и оставлением большевикам двух третей своей армии и всех беженцев, но и стяжательством (его помощник по гражданской части Брянский уверял Слащева, что тот «берет взятки, награбил в Одессе и теперь скупает бриллианты, которые прячет у себя в гостиной под паркетом»). Этот сам метался между Врангелем и Деникиным.

Не оценил барон лишь того, что это был комплот неудачников, проигравших все, что можно. Очередной его заговор был ликвидирован приказом Деникина коменданту Севастопольской крепости об увольнении со службы всей шестерки. Конкретно Врангелю было указано на то, что его пребывание на территории ВСЮР нежелательно. Тому ничего не оставалось, как в ранге «лидера оппозиции» уехать в Константинополь. Перед отъездом он написал главкому очередной памфлет, перечисляя его «вины» и свои заслуги, обрушив всю желчь и обиду на Ставку и лично Деникина. Само собой размножил его и распространил в войсках — письмо-то личное. Уже перед самой посадкой на пароход «Александр Михайлович» получил ответ:

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

Февраля месяца, 25 дня, 1920 г.

Милостивый Государь Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

А. Деникин.

Можно не сомневаться, что барон Врангель тоже любил Россию. Но, похоже, себя в России он любил все же чуточку больше.

Вроде бы залатав одну прореху тришкиного кафтана, Деникин получил очередную. Военные неудачи и смерть от тифа атамана Успенского позволили реанимировать притихших кубанских самостийников. Ни Покровского, ни Врангеля, ни побед у Белой Армии уже не было. Собравшийся в Екатеринодаре 5 января Верховный Круг Дона, Кубани и Терека (по 50 делегатов от каждого войска) так и не смог договориться о создании реальной Южнорусской власти. Можно было попытаться взять реванш и договориться с наступавшими большевиками. Тем более, что армия ВСЮР фактически была выбита с донской территории и ныне вновь находилась «в руках» кубанцев.

Деникин писал: *«Гораздо хуже обстояло дело на Кубани. С возвращением к власти в конце декабря самостийной группы процесс разложения области и кубанских войск пошел более быстрым темпом. И без того на фронте находилось ничтожное количество кубанских казаков — все остальные*

«формировались» или дезертировали. Но и оставшиеся выказывали признаки большого душевного разлада, вот-вот готового вылиться в полный развал».

Атаманом, исключительно в пику Деникину, был избран тот самый генерал Букретов, кого так позорно выставил за дверь при взятии Екатеринодара главком. Председателем Рады — эсер Иван Тимошенко. Именно эсеры в открытую требовали разрыва с добровольцами. Газеты вспомнили былую риторику. Начались поиски новых союзников. Антанта отказала сразу — пошли к Грузии, где князь Леван Магалов обещал денег и помощь в виде целого 20-тысячного корпуса грузинских добровольцев. Видя такой раздрай во власти, кубанцы на фронте фактически перестали воевать и разбегались массами. Боеспособность сохраняли только донцы и терцы, представители которых на Кругу яростно нападали на кубанцев за подстрекательство к дезертирству. Дошло до того, что линейцы поставили вопрос о выходе из состава Войска и присоединении линейных округов к Тереку.

Донской атаман Богаевский злился: *«Все, что происходит в Екатеринодаре, приводит меня к убеждению, что многие люди вовсе не понимают обстановки: всюду господствуют личные интересы и все ставят на карту ради них. К моему глубокому сожалению, и у донцов случайно есть господа, думающие и говорящие о мире с большевиками, но и они записывают свои семьи на отходящие за границу пароходы. Создается совершенно ненужный союз. Предатели затевают нечестную кампанию и ставят крест на нашем существовании. Дезертиры громят тех, кто им мешает, и, громя их, губят армию и все дело борьбы. Офицеры сознают, что им несдобровать, и, если будет разрыв, все уйдут — они понимают, что их выдадут первыми большевикам. Я первый откажусь от поста атамана».*

Терский атаман Вдовенко добавил: *«Течение у терцев всегда одно. Золотыми буквами у нас написано: «Единая и Великая Россия». У терцев нет и мысли разрывать с Добровольческой армией. Не будет ее, не станет и борьбы».*

Деникин понимал, что ему так и не удалось «кубанским действием» подавить бациллу сепаратизма. Понимал, что есть серьезная опасность, что черноморцы просто за его спиной найдут общий язык с большевиками, разменяв автономию

на самого Деникина. Понимал, что хочешь-не хочешь, с Радой придется считаться. Хотя бы чтобы дотянуть до весны, когда улучшится погода, взойдет травка, отъедятся лошадки и можно будет вновь говорить о наступлении. Тем более сейчас, когда истощенный Кавказский фронт красных завяз на Дону и Маныче, будучи бит на всех направлениях.

Забрезжила надежда, что при конструктивной позиции кубанцев можно еще повернуть военное счастье.

Но на Круге руку дружбы Деникина приняли за руку, протянутую за милостыней. Пошла гулять фраза, якобы сказанная генералом: «Если Круг предложит генералу Деникину уйти, он уйдет». Главком тут же телеграфировал Богаевскому: *«Ни в малейшей степени не считаюсь с желанием в этом отношении Круга. Веду борьбу за Россию на данном театре до тех пор, пока это возможно. А если идея общерусской государственности будет здесь поправа, вместе с Добровольческой армией перенесу борьбу на другой фронт...»*

Идеалист Деникин ни за что не позволял усомниться в твердости своего духа даже перед лицом суровой опасности. Напротив, он убеждал самостийников в том, что Добровольческий корпус и без кубанцев сможет пробиться к Новороссийску, погрузиться на суда союзников и уплыть в Крым. Но, во-первых, именно **ДЛЯ ЗАЩИТЫ КАЗАЧЕСТВА**, о чем сам Деникин никогда не забывал со времен Ледяного похода, армия повернула не в Крым, а к Ростову, во-вторых, на юге масса беженцев, семей офицеров, раненых, чиновников, студентов, инженеров, кадетов, всех, кто шел за «единой и неделимой» и вверил свою жизнь в руки Белой Армии. Ради них армия готова драться до конца.

Предстояло принять решение, как поступать дальше в сложившейся обстановке. Ему нужно было сделать то, что главным образом никогда делать не умел, — лавировать и идти на компромисс. Предстояло жертвовать «мягкой диктатурой» и делиться полномочиями с казаками, право голоса которых в нынешних условиях было неоспоримым.

«Вопрос для меня был ясен, — писал Деникин, — никакие жертвы в области ограничения гражданской власти не велики, если благодаря им могло быть достигнуто оздоровление казачества и разгром большевиков. С другой стороны, основы соглашения совершенно безразличны, если будет уте-

ряна казачья территория, и в последнем случае важно лишь то, что ведет к возможно безболезненному исходу.

Эти мотивы легли в основу всех дальнейших моих отношений с Верховным Кругом и казачеством, приведших к ряду компромиссов, которые вызывали во многих российских кругах осуждение. Я брал на свою голову, с полным сознанием своего долга, весь одиум «соглашательства» — ради победы или ради спасения тех, кто был связан с добровольчеством».

Жертвой компромисса и стал генерал Лукомский, замененный во главе правительства природным казаком Африканом Богаевским. Наконец, из оставшихся неразбежавшимися казачьих частей была создана и Кубанская армия под командованием заслужившего прощение доказанного в ходе раскрытия заговора Врангеля генерала Шкуро.

В итоге компромисс вылился в принятие Положения между командованием армии и Круга:

«1. Южно-русская власть устанавливается на основах соглашения между главным командованием Вооруженными силами на Юге России и Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека, впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

2. Первым главой Южно-русской власти, по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, с одной стороны, и главного командования Вооруженными силами на Юге России, с другой стороны, признается генерал-лейтенант Деникин.

3. Закон о преемстве власти главы государства вырабатывается Законодательной палатой на общем основании.

4. Законодательная власть на Юге России осуществляется Законодательной палатой.

Примечание: Проведение выборного закона в спешном порядке, а равно текущее законодательство, возлагается на Законодательную комиссию, созываемую по соглашению с главным командованием из представителей казачьих войск и местностей, находящихся под управлением главнокомандующего.

5. Функции исполнительной власти, кроме возглавляющего Южно-русскую власть, отправляет Совет министров, ответственный перед Законодательной палатой, кроме министров военно-морского и путей сообщения.

Примечание: Военное снабжение сосредоточивается в Военном министерстве. Министр продовольствия исполняет требования военного ведомства по снабжению армии.

6. Председатель Совета министров назначается лицом, возглавляющим Южно-русскую власть, а члены Совета министров утверждаются им же по представлению председателя Совета министров.

7. Лицу, возглавляющему Южно-русскую власть, принадлежит право роспуска Законодательной палаты и право относительного «вето». Причем к вторичному рассмотрению отклоненного закона палата может приступить не ранее чем через четыре месяца после его отклонения, и закон воспримлет силу лишь по принятии его большинством двух третей состава палаты».

Кубанцы настаивали на пяти портфелях в будущем кабинете, причем сам Тимошенко метил на пост министра иностранных дел. Председателем по требованию донцов и терцев стал протеже Богаевского бывший председатель Донского правительства Николай Мельников.

Председатель Совета министров — Н.М. Мельников; министры: военно-морской — генерал-лейтенант А.К. Кельчевский, иностранных дел — генерал от кавалерии Н.Н. Баратов, внутренних дел — В.Ф. Зеелер, юстиции — В.М. Краснов, земледелия — П.М. Агеев, финансов — М.В. Бернацкий, путей сообщения — Л.В. Зверев, торговли и промышленности — Ф.С. Леонтович, народного просвещения — Ф.С. Сушков, здравоохранения — Н.С. Долгополов, пропаганды — Н.В. Чайковский.

Правительство было, толку от него уже не было. Административные функции у него были только на бумаге. Шкуро так и не сумел наладить мобилизацию, был заменен на генерала Улагая. Букретов растерял авторитет жестокими расправами над «зелеными», так и не сумев его как следует завоевать. У всех на устах было только одно слово — эвакуация. Чиновники боялись опоздать на пароход, правдами-неправдами выбивая для себя и своих семей отпуска «по болезни» — до новороссийской катастрофы сумело уехать порядка 40 тысяч. Это парализовало и без того никудышнюю работу тыла. Снабжение армии как таковое вообще отсутствовало.

В Раде вообще никто никому не верил. Черноморцы уверяли, что «большевики уже не те и казачьего добра не тронут». Искать общий язык уже никто не пытался.

Из-за сокращения линии фронтов концентрация сил на участках Азов—Батайск—Верхне—Курмоярская—Ставрополь—

Святой Крест была достаточно высока, и при устойчивом боевом духе белогвардейцев и истощении наступательного пыла и больших потерях красных оборона могла быть достаточно успешной. Вот с духом как раз и были проблемы, что прекрасно понимал и Тухачевский, перенося основной удар не в лоб на стойких добровольцев под Батайском, а на левый фланг наступления — на тающих на глазах кубанцев. Конармия и корпус Думенко попытались обходным маневром отрезать кубанцев от донцов. Но Сидорин склеил 2-й (4-я Донская конная дивизия и 15-я конная бригада) и 4-й (9-я и 10-я конные казачьи дивизии) корпуса под командованием генерал-лейтенанта Александра Павлова (неказака), под хутором Веселым разгромил сначала Думенко, а затем ударил по Буденному, который потерял до 3 тысяч конников и 40 орудий. Красная конница в панике отступила за Дон. Как заметил главком, «если бы донская конница не приостановила преследование, мог бы наступить перелом во всей операции».

26 января на волне успехов Деникин отдал приказ об общем наступлении. Сидорин придал удачливому неказаку еще и 3-й корпус генерала Адриана Гусельщикова, круто развернул корпуса и приказал выйти на Средний Егорлык, чтобы таким мощным кулаком в 12 тысяч сабель ударить под дых Буденному у станции Торговая. Красные без конницы — уже пол победы.

Упрямый Павлов не стал слушать донцов, предлагавших ему идти по правому населенному берегу Маньчга, двинул их по левому безлюдному, рассчитывая на фактор неожиданности. Она и произошла. Распушили красные 2-ю кавдивизию имени Михаила Блинова и 1-ю Кавказскую «дикую» кавдивизию Гайка Гая, 28-ю стрелковую уничтожили полностью во главе с легендарным начдивом Владимиром Азиным (первым из начдивов, кто получил орден Красного Знамени за победы над Колчаком). Заметим, те самые победоносные дивизии, бывшие лучшие войска адмирала Колчака, переброшенные с Восточного фронта.

Ударили 25-градусные морозы с сильным ветром. Всадники стыли в седлах, коченели в сугробах, проваливались в глубокий снег. Несколько суток ночевали в голой степи в лютую стужу и метель, утром пробуждалась едва половина. К Торговой подошел уже не мощный кулак, а несколько тысяч обмороженных скелетов. В руках не держались ни сабли, ни винтовки,

пулеметы не стреляли. Деревянные ноги не передвигались. В седлах еле живых коней качались вмерзшие оковеневшие глыбы льда. Доходило до того, что Павлов ставил обмороженных казаков в колонны позади атакующих войск и те кричали (а скорее хрипели) «ура» во время атаки для поддержания боевого духа. Ничто не помогло. Обозы, раненые, артиллерия остались в степи. Выжившие, уже ничего не соображая, лезли к хатам в тепло. С красными дрались не за «единую и неделимую», а за место у печки, лишнее одеяло, попону. Буденновцы, видя такое дело, даже особых сил не прикладывали, патронов не тратили — просто пинками выгоняли «отморозков» из куреней. В чистом поле жгли скирды сена, пытались согреться. И становились отличной мишенью для артиллерии. От ветра спускались в овраги, где и замерзали, вжавшись плотной кучкой. Уже потом Буденный рассказывал, что это было самое страшное, что он «видел в жизни: насмерть замерзшие кони со всадниками. Стояли в степи заледенелые трупы». У художника Митрофана Грекова есть жуткая картина «Замерзшие казаки генерала Павлова» — степь, усеянная павшими животными и людьми, от этих животных уже мало чем отличающихся.

6 февраля совершенно павший духом Павлов увел все, что осталось от «кулака», в село Лежанка под Егорлыкской, трижды принимавшее белогвардейцев. Посчитались — 5 тысяч осталось в ледяной степи. Тем не менее после этого «сверхледяного похода» донская конница как боевая сила фактически перестала существовать.

Главком с грустью признавался: *«Наша конная масса, временами раза в два превосходящая противника (на главном тихорецком направлении), висела на фланге его и до некоторой степени стесняла его продвижение. Но пораженная тяжким душевным недугом, лишенная воли, дерзания, не верящая в свои силы, она избегала уже серьезного боя и слилась в конце концов с общей человеческой волной во образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев, стихийно стремившихся на запад».*

Как раз в это время на левом фланге обороны генерал Деникин одерживал свои последние военные победы. Как всегда имея перед собой подавляющее численное преимущество красных — перед фронтом Добровольческого корпуса (7 тысяч штыков и сабель) правый берег Дона защищала битая 8-я армия

(19,5 тысячи штыков и сабель), превосходившая белых почти втрое в живой силе и впятеро — по технике и артиллерии.

Пока Павлов в буране гонялся по голым степям за Буденным, «цветные» 7 февраля стремительным броском по льду через Дон раскололи всю оборону 8-й армии от Хопров до Аксайской. Генерал Гусельщиков захватил в Аксайской 15 орудий, 20 пулеметов, 2 тысячи пленных, включая двух начдивов, штаб 13-й дивизии, полевой штаб 8-й армии. Кутепов в последний раз в Гражданской войне взял Ростов и Нахичевань. 1-й Донской корпус генерал-лейтенанта Терентия Старикова теснил на Маныче конницу Думенко и Жлобы. Но крушение корпусов Павлова создало фланговую угрозу добровольцам, и Кутепов вынужден был оттянуть «цветных» от Ростова.

Тухачевский резко развернул Конармию на север от Белой Глины на Егорлыкскую, где корпус Павлова отбросил 11-ю кавдивизию и занял Средний Егорлык. Здесь же находились главные силы Деникина со всей его конницей (10–13 тысяч сабель при 3,5 тысячи корниловской пехоты), сюда же выходила почти вся конница Тухачевского (10,5 тысячи сабель и 3,7 тысячи штыков).

Именно под Егорлыкской 12–14 февраля разыгралось самое крупное за всю Гражданскую войну встречное конное сражение (одновременно бились до 25 тысяч всадников). В ночь накануне сражения бригада белых калмыков (600 шашек) ночью пробралась на хутор в 7 верстах от Егорлыкской, сняла караулы и без выстрела вырезала целую бригаду красных. На рассвете калмыки возвращались из набега, как орда Чингисхана: всадники с бубнами размахивали трофейными флагами, на бамбуковых пиках восторженно везли отрезанные головы. Пиками же толкали перед собой толпу раздетых пленных. Впереди на белом коне важно гарцевал лама. За ним, привязанный к лошади, трусил красный комбриг.

Само сражение под Егорлыкской было редким по упорству и накалу. Рубились — как в былинах: от рассвета до заката, перемежая рубку артиллерийской дуэлью и штыковыми атаками. В 15.00 повел свою 4-ю дивизию в атаку решивший отомстить землякам за ночную резню красный калмык Ока Городовиков. Ему в лицо брызнули шрапнелью сразу 5 белых батарей, снеся огненным шквалом конную лаву. На левом фланге началась стальная метель между казаками Павлова и 6-й дивизией Семена

Тимошенко, самого начдива пикой сбросили с коня, едва уцелел. На правом фланге Сводная дивизия генерала Барбовича при поддержке огня бронепоездов сбила кавдивизии Гая и Блинова. Перегруппировавшийся Городовиков опять пытается атаковать, но «залпы тысячи орудий вновь сливаются в один протяжный вой». К тому же ему во фланг бьет подошедший на рысях из Иловайского посада Кавказский корпус генерала Юзефовича.

Тимошенко не выдержал напора и побежал, но преследовавшие его павловцы сами попадают под губительный огонь конармейской артиллерии. В сумерках ожесточение боя лишь раскалилось, ибо дрались уже не за инициативу, а за теплые куреня, не желая повторять «подвиг» корпуса Павлова. Ночевали по соседству в станице Атаман-Егорлыкской, на разных окраинах.

Фактически последнее конное сражение мировой истории закончилось вничью, истощив и обескровив обе стороны. Однако, воспользовавшись уходом корниловцев от Батайска, перешли в наступление 8-я и 9-я армии. Деникину пришлось отдать приказ на отступление, которое медленно, но уверенно превращалось в Большой Бег.

Деморализованные казаки Сидорина даже не попытались зацепиться за последний донской естественный рубеж — речку Кагальник. Из-за этого начали откатываться из-под Ставрополя и Святого Креста терцы Эрдели и Бабиева.

У Деникина, переведшего Ставку из Тихорецкой в Екатеринодар, оставалась надежда на кубанцев, которые, по его мысли, должны были ударить «сполох», но те совершенно бросили сражаться и просто откатывались перед еле волочившими ноги по весенней грязи красными. Их политическое руководство искало путей сепаратного мира с большевиками.

3 марта главком сделал последнюю попытку переломить ситуацию (сколько раз это ему уже удавалось), телеграфировав командующим армиями: «Политическая и стратегическая обстановка требуют выигрыша времени и отстаивания поэтому занимаемых рубежей. В случае вынужденного отхода за Кубань линия рек Кубань — Лаба, в крайности Белая, является последним оплотом, за которым легко, возможно, и необходимо оказать упорнейшее сопротивление, могущее совершенно изменить в нашу пользу ход операции».

Но надломленные поражениями командующие уже слышать не хотели ни о каких «переломах», боевой дух едва дер-

жался в добровольцах Кутепова, остальные уже «упали сердцем». Донцы самочинно устроили военный совет и постановили снять казака генерала Павлова, заменив его на казака генерала Секретева (не успел вступить в должность). Сидорин молча вынужден был признать их выбор. Фактически легализовав митинговщину в Белой Армии.

Теперь уже глухое недовольство обозначалось не только между донцами и кубанцами, но и между добровольцами и казаками вообще. Кутеповцы всех подряд считали «самостийниками» и виновниками поражений. Масла в огонь добавили слухи о том, что, желая сохранить самые верные кадры для будущих батальев, Ставка решила отвести в тыл добровольцев. Донцы возмутились и посчитали себя брошенными.

Если часть Белой Армии охватила паника (дружно проклинали Деникина, но особенно его «злого гения» Романовского, против которого уже организовывались серьезные заговоры с целью убийства), то куда большая ее часть была подвержена апатии. Как-то вяло встретили весть о падении Ставрополя — бог с ним. Десятки тысяч солдат и офицеров вместе с 80 тысячами беженцев бездумно и безголосо катились к Новороссийску. Словно зазомбированные мыслью о том, что или их посадят там на корабли, или утопят в море. И то, и другое для людей, потерявших в этой мясорубке дома, семьи, родину, будущее было безразлично. Латать тришкин кафтан уже стало некому.

ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ

Безначальная толпа вяло перекатилась через Кубань и двигалась к морю. В арьергарде оставался только «цветной» Дроздовский полк полковника Антона Туркула. В Екатеринодарском соборе они забрали гробы с телами своих любимых начальников — генерала Михаила Дроздовского и полковника-артиллериста Вячеслава Туцевича, погибшего под станцией Лозовая (обоих потом похоронили в Крыму, где-то на Малаховом кургане).

Со всех сторон клевали банды «зеленых», грабивших безропотных беженцев и не стеснявшихся нападать на мелкие воинские части. Кубанцы разбрелись по домам или полками уходили к «зеленым», красная конница чувствовала свою полную

безнаказанность. Им уже не было смысла разбивать белых, они их ДОБИВАЛИ.

Сам никогда не отчаивавшийся Туркул, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери».

Показательными в этой связи являются строки Деникина: *«7 марта я отдал последнюю свою директиву на Кавказском театре: Кубанской армии, бросившей уже рубеж реки Белой, удерживаться на реке Курге; Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию реки Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка.*

Ни одна из армий директивы не выполнила».

То есть ни одна из армий не сделало того, что диктовала нормальная стратегическая необходимость — занять и удерживать хотя бы некоторое время полуостров, который удобен для обороны, а тем временем спокойно переправлять в Крым всех беженцев и солдат. Это несложно было сделать даже с минимальными силами, ибо сильно пересеченная местность, изобилующая озерами и лиманами, делала невозможной деятельность вражеской кавалерии, а отсутствие железных дорог лишало красных участия в боях бронепоездов. Зато армия сама тогда оставалась бы под защитой орудий флота. Однако и это последнее не было выполнено, потому что в армии уже не было порядка, царили анархия, тотальное озлобление и опустошение.

Фронта уже не было. Был хаос, хуже того — паника. Куда-то стреляли орудия, куда-то скакали обезумевшие от пальбы брошенные лошади донцов и кубанцев, где-то пыхтели бронепоезда, не в состоянии преодолеть заторы из тысяч вагонов развалившейся армии, превратившейся за короткий срок из относительно организованной и вооруженной идейной силы в бессильную толпу отчаявшихся, деморализованных, потерявших все отщепенцев. У всех на устах было только одно слово — «Новороссийск».

Деникин писал: *«Новороссийск тех дней, в значительной мере уже разгруженный от беженского элемента, представлял из себя военный лагерь и тыловой вертеп. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами-дезертирами. Они бесчинствовали, устраивали митинги,*

напоминавшие первые месяцы революции, с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо «товарищей солдат» были офицеры. Прикрываясь высокими побуждениями, они приступили к организации «военных обществ», скрытой целью которых был захват в случае надобности судов... И в то же время официальный «эвакуационный бюллетень» с удовлетворением констатировал: «Привлеченные к погрузке артиллерийских грузов офицеры с правом потом по погрузке самим ехать на пароходах проявляют полное напряжение и вместо установленной погрузочной нормы 100 пудов грузят в двойном и более размерах, сознавая важность своей работы...»

Положение осложнялось тем, что хоть эвакуация началась еще в феврале, подавляющее большинство беженцев надеялось на лучшее и ждало чуда на кубанском берегу. Судов не хватало, заявленные объемы тоннажа оказались намного меньше того, на что рассчитывал Деникин, размышляя об эвакуации и договариваясь о помощи с генералом Хольманом.

Английские военные моряки адмирала Сеймура делали что могли, хоть и брезгливо отводили от себя руки беженцев, подозревая в каждом сыпнотифозного. Интересно, что в Новороссийске к Деникину прибыл один из членов британской военной миссии генерал Бридж, предлагая посредничество Англии для заключения перемирия с большевиками. На это главком ВСЮР ответил по-военному кратко: никогда!

Часть беженцев уже уходила на Геленджик и Туапсе, попадая прямо в руки «зеленых», контролировавших перевалы. Некогда стройные воинские части сдавались после первого же выстрела.

Деникин: «Между тем Новороссийск, переполненный свыше всякой меры, ставший буквально непроезжим, залитый человеческими волнами, гудел, как разоренный улей. Шла борьба за «место на пароходе» — борьба за спасение... Много человеческих драм разыгралось на стогнах города в эти страшные дни. Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом».

Из 150 тысяч военных и гражданских в Крым сумели эвакуироваться 35–40 тысяч бойцов со 100 орудиями и до 500 пулемет-

тами. Кубанская армия почти полностью капитулировала перед большевиками — атаман Букретов постарался договориться, после чего бежал в Грузию.

Новороссийская катастрофа — безусловно, самая черная страница биографии генерала Деникина.. Рухнуло все, чем он жил, на что надеялся и о чем мечтал. Миноносец «Капитан Сакен» уносил его в Крым. Его единая и неделимая Россия оставалась на новороссийском берегу.

«...Сердцу бесконечно больно: брошены громадные запасы, вся артиллерия, весь конский состав. Армия обескровлена...»

Да и могло ли быть иначе? Удивительная стратегическая близорукость генералов-стратегов и их непоколебимая вера в «московский фактор» сыграла злую шутку с Деникиным и Романовским. Никто из них даже не смог ответить на вопрос: а удержит ли армия Белокаменную, доберись она до нее «хотя бы цепочкою»? Огромный мегаполис с его десятками тысяч вооруженных пролетариев был способен просто «проглотить» белых и растворить их в своем бездонном чреве. Плюс красные отряды с Поволжья, Урала, Украины.

Да и регулярная Красная Армия Троцкого образца 1919 года была уже не чета партизанской Красной гвардии Ленина образца 1918 года. Ставка на то, что красные развалятся под ударами наступающих, а население поголовно будет записываться в ряды Деникина, не сработала — крестьянская страна так и не поняла, что несет ей Доброволия, кнут или пряник. Тем более, что из-за отсутствия четко выраженной идеологии кнута оказалось гораздо больше.

Весьма вероятно, что «Москва» для генерала Деникина стала бы тем же, чем и «Екатеринодар» для генерала Корнилова — огромным братским кладбищем Белой Армии.

По той же причине не смогла бы и сработать стратегия Врангеля — концентрированный удар на Москву одним конным кулаком без поддержки пехоты, техники и тылового обеспечения. Этот план мог бы провалиться еще раньше. Огромные расстояния растворили бы в себе конницу, да и как сама кавалерия может упереться в даже не особо серьезные инженерные сооружения, показал всем Врангель под Царицыном.

Деникину ставят в виду отсутствие четкой политической программы, но был ли иной выход, как не пытаться использовать любые здоровые силы общества для достижения главной цели?

Деникин вспоминал: «Мы не предрешали будущих форм государственного устройства России (монархия или республика), и это обстоятельство вызывало у многих обвинение в лукавстве и скрытом монархизме. Мы противились своекорыстным посягательствам иностранных держав на русское достояние и вмешательству их во внутренние наши дела, и это считалось русскими интернационалистами справа ошибочной политикой, ослабляющей приток иностранной помощи. Мы не могли санкционировать отторжение от России ее окраин, и это обстоятельство вызывало со стороны русских интернационалистов слева обвинение в шовинизме и империализме и лишало нас активной помощи новообразований».

Другое дело, что большевики были куда последовательней своих противников в достижении поставленных задач. Если большевистская диктатура своей беспощадностью, решительностью и беспринципностью смогла заставить массы пойти за собой силой штыка и сытостью пайка, то мягкая диктатура Деникина так и не смогла продемонстрировать Доброволии ни кнута, ни пряника. Лишь озлобила своей половинчатостью и мягкотелостью.

В Феодосии оставались лишь формальности — признать свое поражение официально и отречься от власти. Тесть Деникина и отчим Аси Чиж генерал-майор Аркадий Иванов уже зондировал почву для организации последнего военного совета.

В Крыму интриги вспыхнули с новой силой. «Мертвого льва» Деникина не пинал только ленивый. «Южно-русское правительство» Мельникова, осев в кипящем страстями Севастополе, игнорировало главкома и обвиняло его во всех смертных грехах. Когда тот из-за изменившейся ситуации упразднил Совет министров, поручив Бернацкому организовать «сокращенное численно деловое учреждение, ведающее делами общегосударственными и руководством местных органов», Деникина тут же обвинили в «государственном перевороте».

Из Константинополя продолжал рассылать «памфлеты» Врангель, в самом Крыму генерал Слащев агитировал в свою пользу, сколачивая оппозицию из генералов Боровского, Сидорина, Покровского и Юзефовича. Епископ Вениамин сколачивал группировку из крайне правых: «Все равно с властью Деникина покончено, его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу. Последний давно уже жаждет

«хозяина земли русской», и мешать этому теперь уже вполне созревшему порыву не следует. Нужно всячески этому содействовать — это будет и Богу угодное дело. Все готово: готовы к этому и генерал Врангель, и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с генералом Врангелем. Причем генерал Врангель — тот Божией милостию диктатор, из рук которого и получит власть и царство помазанник...»

«Диктатор Божией милостию» — это явно ноу-хау владыки, такого в мировой истории еще не было.

Деникин говорил жене: *«...Душа моя скорбит. Вокруг идет борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжелым, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала как раба к тачке с непосильной кладью... Тяжко. Жду, когда все устроится на местах, чтобы сделать то, о чем говорил тебе...»*

Генерал Сидорин повсюду вещал о «предательстве Дона», хотя о каком предательстве могла идти речь, если Деникин при желании мог «предать» его полугодом раньше и повести Добрармию не на Дон, а сразу в Крым. Его казаки, выгесненные с Дона, не желали воевать. Основной боеспособной силой были добровольцы, их и надо было эвакуировать в первую очередь. Для будущих сражений. Увы, за счет брошенных казаков. Генерал Улагай утверждал, что с ним и Шкуро на Туапсе ушли до 40 тысяч кубанцев и до 20 тысяч донцов генерала Старикова.

Генерала Романовского пришлось отправить в отставку ради его же благополучия — угрозы о покушениях на начальника штаба поступали ежедневно.

Деникин остался ОДИН, кроме семьи рядом не было никого.

Сменивший Романовского Генерального штаба генерал-лейтенант Петр Махров вспоминал: «Вид (у Деникина) был измученный, усталый. Он вручил мне для рассылки приказ о выборе нового Главнокомандующего и нашу короткую беседу закончил словами: *«Мое решение бесповоротно. Я все взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально; армия потеряла веру в вожда, я — в армию».*

Военный совет был назначен на 21 марта в Севастополе под председательством старшего по чину генерала от кавалерии Абрама Драгомирова. Ему Деникин написал лично:

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин».

Подавляющее большинство военачальников оставалось на его стороне, на предварительном совещании у начальника Дроздовской дивизии генерала Витковского было единодушно решено «просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином главнокомандующем».

На совете добровольцы и что самое удивительное — кубанцы категорически высказались за то, чтобы главнокомандующим остался на своем посту. Донцы и Слащев под различными предложениями увильнули от своего видения преемника. Только флотские однозначно высказались за Врангеля. Дабы пресечь всякие споры, главнокомандующий ответил телеграммой: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти».

Таким образом имя преемника было озвучено, примчавшийся из Константинополя барон мог торжествовать.

«1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

2. Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон.

Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин».

22 марта Деникин с Романовским коротко попрощались с конвоем и отбыли на английском миноносце «*Emperor of India*» в Константинополь, том самом, который привез в Крым Врангеля. Спросили, почему он не попрощался с войсками. Деникин устало махнул рукой: «Какое же тогда могло быть прощание? Человеку с истерзанной душой в такие тяжкие дни его жизни

посильна ли была пытка объездов, смотров, речей... Я пережил одно прощание — с охранной офицерской ротой из старых добровольцев... И это было безмерно мучительно...»

Слащев писал: «Деникина я так и не видел, и это, пожалуй, к лучшему: я его помню заблуждающимся, но честным и энергичным человеком; видеть же нравственно павшего человека, не способного признать своих ошибок и предавшего в своем бегстве доверившихся ему людей, не стоило. Так гибла вера и в правильность идеи, за которую боролись, а в данном случае и в руководителя движения, в его честность и энергию».

В Константинополе судьбе было угодно преподнести Деникину еще одну трагедию. Когда они с Романовским поехали в российское посольство, где уже две недели жила Ася Чиж с дочерью Мариной, на бывшего начальника штаба было совершено давно обещанное покушение. Вот как это описывает русский представитель в Константинополе генерал Агапеев: «Около 5 часов дня 23 марта, через несколько минут после своего приезда в посольство, генерал Романовский вышел во двор перед зданием посольства, желая, по-видимому, отдать распоряжение по поводу оставленной им на катере папки с важными бумагами и имея в виду сделать это через шофера. В тот момент, когда генерал Романовский, возвращаясь в квартиру посла, вышел из вестибюля в бильярдную комнату, неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени, с золотыми погонами, быстро подошел сзади к генералу Романовскому, повернувшемуся к убийце, по-видимому, на звук шагов последнего, и произвел из револьвера системы «кольт» три выстрела почти в упор. Генерал Романовский упал и через две минуты, не приходя в сознание, скончался».

Когда бледный полковник Борис Энгельгардт сообщил Деникину об убийстве, тот едва не лишился чувств. «Этот удар доконал меня. Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни... меня ничто уже не могло волновать. Душа омертвела».

Убийцей был поручик Мстислав Харузин, служивший одно время в информационном отделении отдела пропаганды при русском посольстве в Константинополе. Его судьба тоже сложилась трагически. По одним данным, его утопили в Босфоре, чтобы скрыть следы преступления, по другим, он был убит с целью ограбления во время поездки в Анкару.

Оставаться в Турции было не просто опасно, но еще и непереносимо тяжело.

На следующее утро после похорон семья Деникиных погрузилась на дредноут «*Marlborough*» и отбыла в Англию. Бывший главнокомандующий своей «единой и неделимой», которая на всю оставшуюся жизнь оставалась теперь у него далеко за бортом.

След в истории

Кисин Сергей

Деникин. Единая и неделимая

Ответственный редактор Кузнецов В. П.
Технический редактор Логвинова Г. А.

Подписано в печать 11.02.2012.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура *Georgia*.
Тираж 2500. Заказ 83.

ООО «Феникс»
344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80
E-mail: an11221@yandex.ru
тел. 8 (863) 261-89-50

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга».
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ПРЕДЛАГАЕТ:

- Около 100 новых книг каждый месяц
- Более 6000 наименований книжной продукции собственного производства
- Более 2500 наименований обменной книжной продукции от лучших издательств России

ОСУЩЕСТВЛЯЕМ:

- Оптовую и розничную торговлю книжной продукцией

ГАРАНТИРУЕМ:

- Своевременную доставку книг в любую точку страны, ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА, автотранспортом и ж.-д. контейнерами
- МНОГОУРОВНЕВУЮ систему скидок
- РЕАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ
- Надежный ДОХОД от реализации книг нашего издательства

*Вы можете получить книги издательства «Феникс»
по почте, сделав заказ:*

**344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский 80,
издательство «Феникс», «Книга — почтой»,
Лоза Игорю Викторовичу, тел. 8-909-4406421,
e-mail: tvoyakniga@mail.ru; www.shop50.ru**

НАШ АДРЕС:

**344082, Ростов-на-Дону,
пер. Халтуринский, 80**

Издательство

Феникс

Приглашаем к сотрудничеству
АВТОРОВ для издания:

- учебников для ПТУ, ссузов и вузов;
- научной и научно-популярной литературы по МЕДИЦИНЕ и ВЕТЕРИНАРИИ, ЮРИСПРУДЕНЦИИ и ЭКОНОМИКЕ, СОЦИАЛЬНЫМ и ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ;
- литературы по ПРОГРАММИРОВАНИЮ и ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКЕ;
- ПРИКЛАДНОЙ и ТЕХНИЧЕСКОЙ литературы;
- литературы по СПОРТУ и БОЕВЫМ ИСКУССТВАМ;
- ДЕТСКОЙ и ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ литературы;
- литературы по КУЛИНАРИИ и РУКОДЕЛИЮ.

ВЫСОКИЕ ГОНОРАРЫ !!!

ВСЕ финансовые ЗАТРАТЫ БЕРЕМ НА СЕБЯ

при принятии рукописи в производство!

ВЫПЛАЧИВАЕМ гонорар на 10 %

ВЫШЕ ЛЮБОГО РОССИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА!!!

Рукописи не рецензируются и не возвращаются!

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

ПРИЕМНАЯ

тел. 8 (863) 261-89-50;

e-mail: fenix@fiber.ru, fenix_office@mail.ru

Руководитель редакционно-издательского отдела

Кузнецов Владимир Петрович

тел. 8 (863) 261-89-78; e-mail: lknet@rambler.ru

|| СЛЕД в ИСТОРИИ ||

Деникин

Единая
и неделимая

ISBN 978-5-222-19531-4

9 785222 195314